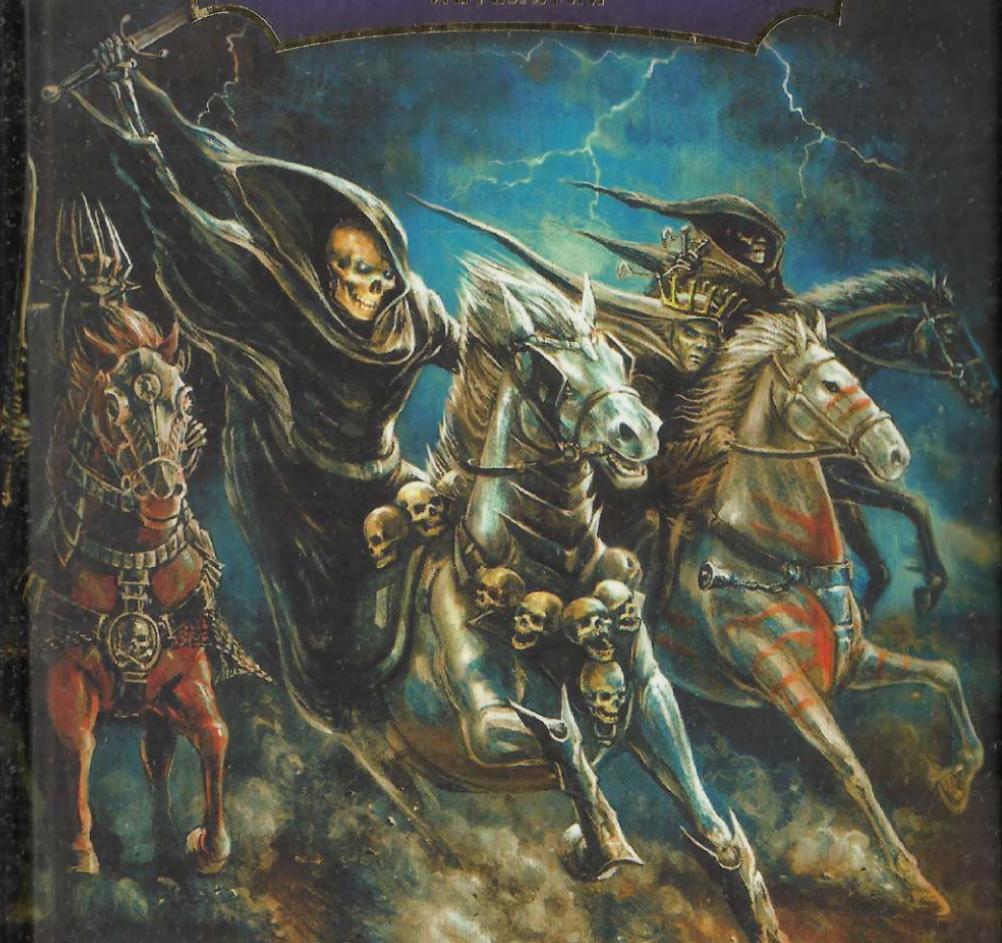

ПОСЛЕ АПОКАЛИПСИСА

•АНТОЛОГИЯ•

Вячеслав РЫБАКОВ, Мария ГАЛИНА, Олег ДИВОВ,
Кирилл БЕНЕДИКТОВ, Леонид КАГАНОВ и другие

FANOTeka

ПОСЛЕ АПОКАЛИПСИСА

•АНТОЛОГИЯ•

Вячеслав РЫБАКОВ, Мария ГАЛИНА, Олег ДИВОВ,
Кирилл БЕНЕДИКТОВ, Леонид КАГАНОВ и другие

Санкт-Петербург
Изательский Дом «Азбука-классика»
2009

УДК 882

ББК я43

П 62

Оформление Антоника Калласа

Иллюстрация на обложке Энн Стоукс

П 62 **После Апокалипсиса: Антология.** — СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2009. — 416 с.

ISBN 978-5-395-00340-9

Как выжить после глобальной катастрофы? На земле, опаленной огнем ядерной войны, затонувшей, покрытой коркой льда? Как уцелеть самому, спасти своих родных и близких, поднять из пепла цивилизацию? Какие стратегии выживания применить? Об этом на страницах антологии «После Апокалипсиса» размышляют ведущие российские фантасты Олег Дивов, Вячеслав Рыбаков, Кирилл Бенедиктов, Леонид Каганов и многие другие.

© В. Аренев, Н. Батхен, К. Бенедиктов, Шимун Врочек, М. Галина, Э. Геворкян, О. Дивов, Л. Каганов, А. Куламеса, А. Первушин, Вяч. Рыбаков, О. Силаева, С. Токарев, А. Щеголев, 2009

© В. Владимирский, А. Первушин, статьи, 2009

© В. Владимирский, состав, 2009

© Издательский Дом «Азбука-классика», 2009

ISBN 978-5-395-00340-9

ПРИКАЗАНО ВЫЖИТЬ

Что такое «постапокалиптическая фантастика»? Прежде всего это история выживания — в мире, перепаханном ядерной войной, замерзшем, погрузившемся в пучину вод, захваченном злобными инопланетянами или агрессивными соседями, и так далее и тому подобное. Человеческое воображение за столетия породило множество самых разных версий Конца Света, одна ужаснее другой: не зря каждый год предсказатели и астрологи предрекают нам то заход Пятого Солнца, то неминуемое падение метеорита, то Рагнарёк, то разрушительные последствия «ошибки 2000»... Однако сама по себе катастрофа в литературе скорее фон, на котором ярко проявляются как лучшие, так и худшие качества представителей рода *homo sapiens*. Как уцелеть, спасти своих близких, поднять цивилизацию из пепла, когда вокруг царят хаос, анархия и смерть? Вот в чем вопрос.

Отечественная фантастика имеет богатый опыт по части моделирования такого рода экстремальных ситуаций. И среди авторов «четвертой волны», и среди восходящих звезд НФ хватает специалистов по описанию «мира после катастрофы». Собственно, в литературе представлено лишь два верных пути, ведущих к спасению. Можно уподобиться кровожадному зверю, стать самым свирепым, самым опасным хищником в изувеченном катастрофой мире и выживать за счет более слабых и незащищенных. Предельный индивидуализм, постоянная борьба за еду, воду, топливо, патроны, палец, будто приросший к спусковому крючку... Классический пример такого рода отношений показан в рассказе Вячеслава Рыбакова «Носитель

Василий Владимирский

культуры», давно вошедшем в золотой фонд нашей фантастики. А можно выбрать путь миссионера, собирателя земель, несущего надежду и утешение людям, все потерявшим в пламени катастрофы. Этим занимаются, в частности, герои романа Эдуарда Геворкяна «Времена негодяев» и примыкающей к нему повести «2032 год: Путешествие к Северному пределу».

На страницах нашего сборника вы сможете познакомиться со всем спектром промежуточных вариантов «стратегии выживания». Причем далеко не всегда герои делают правильный выбор: зачастую безумное, ослепляющее желание уцелеть заводит их в глухой тупик, как в повести Кирилла Бенедиктова «Точка Лагранжа». Но не зря говорится: «Предупрежден — значит, вооружен». Надеюсь, если случится худшее и Апокалипсис разразится, вы, дорогие читатели, выберете правильный путь и не повторите этих ошибок.

Впрочем, тьфу-тьфу-тьфу, сплюнем через левое плечо: может, еще и обойдется...

*Составитель
Василий Владимирский*

ПОСЛЕ АПОКАЛИПСИСА

Вячеслав Рыбаков
НОСИТЕЛЬ КУЛЬТУРЫ

Тугой режущий ветер бил из темноты, волоча длинные струи песка и пыли. От его неживого постоянства можно было сойти с ума; на зубах скрипел песок, от которого не спасали ни самодельные респираторы, ни плотно стиснутые губы. С вершин барханов срывались мерцающие в лунном свете шлейфы и ровными потоками летели в ветре.

Дом уцелел каким-то чудом. Его захлестывала пустыня; в черные, казалось, бездонные проломы окон свободно втекали склоны барханов, затканные дымной пеленой поземки. Видно было, как у стен плещутся, вскидываясь и тут же опадая, маленькие смерчи.

На пятом этаже в трех окнах подряд сохранились стекла.

— Это может быть ловушкой, — проговорил инженер.

Крысиных следов не видно, подумал музыкант, и сейчас же шофер сказал:

— Крысиных следов не видно.

— Ты шутишь? — качнул головой инженер. — На таком грунте, при ветре? Они продержатся полчаса.

Долгая реплика не прошла инженеру даром — теперь ему пришлось отвернуться от ветра, наклониться и, отогнув край марлевого респиратора, несколько раз плюнуть. Плевать было трудно, нечем.

— Войдем в тень, — предложил пилот, почти не размыкая губ. — Мы как мишень. Там обсудим.

— Что? — пробормотал шофер. — Обсуждать что? Глянь на луну.

Мутная луна, разметавшаяся по бурому небу, касалась накренившегося остова какой-то металлической конструкции, торчащей из дальнего бархана.

— Садится, — сказал друг музыканта. Он очень хотел, чтобы уже объявили привал. Ремни натягли ему плечо до крови.

— Именно, — подтвердил шофер. — Скоро рассвет. Все одно, день-то переждать надо.

— Приметный дом, — проговорил пилот задумчиво.

— Пять дней их не встречали, — ответил шофер.

— Отобьемся, — сказал друг музыканта. — Вам ведь доводилось уже.

Пилот только покосился на него, усмехаясь полуприкрытыми марлей глазами.

— Устали мы очень, — сообщила мать пилоту, и тот, помедлив, решился:

— Оружие на изготовку. Первыми — мы с шофером, в десяти метрах парни, затем вы с дочерью. Инженер замыкает. Вперед.

Музыкант попытался сбросить автомат с плеча так же четко, как и все остальные, но магазин зацепился за металлическую застежку вещмешка, и оружие едва не вырвалось из рук. Музыкант только плотнее стиснул зубы и ребром ладони перекинул рычажок предохранителя. Пилот и шофер уже удалились на заданную дистанцию; из-под ног их, вспарывая поземку изнутри, взлетали темные полосы песка. Увязая выше щиколотки, наклоняясь навстречу ветру, музыкант двинулся за первой двойкой, стараясь ставить ноги в следы пилота. Рядом он чувствовал надежную близость друга, сзади тяжело дышала мать. С автоматом в руке музыкант казался себе удивительно ислепым, игрушечным — какой-то несмешной пародией на «зеленые береты». Никогда он не готовил своих рук к этому военному железу, но вот чужой автомат повесили ему на плечо, и теперь палец трепетал на спусковом крючке. Идти было очень трудно.

Они вошли в окно и в комнате сомкнулись. Пилот отстегнул с пояса фонарик.

— Дверь, — коротко приказал он, левой рукой держа на изготовку автомат.

Инженер и шофер прикладами пробили дверь, намертво завязшую в намеченном песке. Сквозь неровную

пробоину пилот направил луч света в открывшуюся комнату и сказал:

— Вперед.

Музыкант, а затем его друг вошли в пробоину, на встречу своим тусклым, раздутым теням, колышущимся на стене.

— Все нормально, — сообщил музыкант, еще водя дулом автомата из стороны в сторону.

Здесь было тише, и песка на полу почти не оказалось. В комнату втиснулись остальные.

— На лестницу, — сказал пилот. — Порядок движения прежний.

Они вышли на лестницу. Напряжение стало спадать: отдых неожиданно оказался совсем близким.

— Крысиных следов не видно, — проговорил шофер.

Тонкий слой песка покрывал ступени, смягчая звук шагов. В выбитых окнах завывал ветер, где-то билась неизвестно как уцелевшая форточка.

— Интересно все-таки, мутанты это или пришельцы? — спросил друг музыканта, обращаясь к инженеру. — Что по этому поводу говорит наука? — Автомат он нес в левой руке, держа за ремень, а правую ладонь, оберегая плечо, подложил под лямку вещмешка.

— Разговорчики, — не оборачиваясь, бросил шедший на полпролета выше пилот.

— Как он мне надоел, — шепнул, наклонившись к уху музыканта, его друг. — Буонапарт...

— А ты представь, как мы ему надоели, — так же шепотом ответил музыкант. — Едим как мужчины, а проку меньше, чем от женщин...

— Прок, прок... Какой теперь вообще может быть прок? Протянуть подольше в этом аду?

Музыкант молча пожал плечами.

— А зачем?

— Чтобы спокойно было на душе, — помолчав, ответил музыкант. Он задыхался на долгом подъеме, сердце уже не выдерживало.

— Чтобы спокойно было на душе, надо оставаться собой. И когда берешь, и когда даешь. Не насиливать ни

других, ни себя. Не обманывать принесением большего или меньшего количества пользы... проку, как ты говоришь... чем естественно. Оставаться собой — максимум, что человек вообще может.

— И максимум, и минимум, — вставил все слышавший инженер. — Смотря по человеку.

— «Не измени себе, — ответил друг музыканта, — тогда ты и другим вовеки не изменишь...» Старик Шекспир в этих делах разбирался лучше нас всех, вместе взятых.

— Разговорчики, — повторил пилот. — Наш этаж. Налево.

Они влетели в квартиру, готовясь встретить засаду, ощетинясь стволами автоматов. В окна, прикрытые грязными стеклами, жутко заглядывала раздувшаяся, словно утопленник, луна. Мебель вполне сохранилась, на большом рояле в узкой хрустальной вазе стоял иссохший, запыленный букет.

— Крысиных следов не видно, — опять сказал шофер.

— Отдых, — произнес пилот долгожданное слово и первым содрал респиратор с лица и хлестнул грязной марлей по колену. На брюках остался рыжий след, облачко пыли взвилось в черный, спокойный воздух.

— Хорошо без ветра, — сказала мать, — будто домой пришли. — Она вздохнула. — Как хочется дом-то иметь!

— Потерпите еще несколько дней, — мягко проговорил пилот и ободряюще тронул женщину за локоть.

— Ты нам сыграешь? — спросила дочь.

— Если этот «Стейнвей» сохранился так хорошо, как кажется... — ответил музыкант, стараясь говорить спокойно. Он взгляда не мог отвести от рояля. Сердце его отчаянно билось в радостном ожидании.

— Можно будет сыграть в четыре руки, — предложил друг музыканта.

— Потом, потом, — сказал пилот. — Сначала еда. Отдых.

Они все очень хотели есть. А еще больше — пить. На зубах скрипел песок.

— Правда, что они не трогают носителей культуры? — спросил друг музыканта, жуя ломоть консервированного мяса.

— Теперь все носители культуры, — пробормотал музыкант и тут же почувствовал щекой испытывающий взгляд пилота.

— Да, конечно, — согласился друг музыканта спешно, — но я имею в виду... действительно... ну, вот хотя бы такого, как он. — Он указал на музыканта.

— Не знаю, — ответил пилот угрюмо.

— Кажется, правда, — с набитым ртом сообщил инженер, слизывая с пальцев маленькие крошки мяса. — Они вообще ведут себя очень, очень странно. Та группа... погибшая... мне рассказывали. — Он наконец сделал глоток, и речь его стала внятной. — Сам я не знаю, я в них только стрелял. И не без успеха.

— Мы в курсе, — уронил пилот.

— Опять хвастаться начал? — Губы инженера растянулись в добродушной широкой улыбке, тусклый жирный блеск прокатился по ним. Инженер коснулся губ языком, потом вытер ладонью. — И не заметил даже... Я хотел только сказать, — ладонь он вытер о рукав другой руки, — что та группа с ними много встречалась в первые дни.

— Г-гадость!.. — вырвалось у шофера.

— Погодите, — прервала мать, внимательно слушавшая инженера, — дайте ему рассказать.

— Да что тут рассказывать, — ответил тот, отвинчивая колпачок помятой фляги. — Так... легенды. Говорили, будто они телепаты. Говорили, будто они и устроили все это... Много говорили. Удивительно быстро плодятся легенды, когда вокруг бардак.

— А я еще ни одной крысы не видел, — сказал музыкант.

— И не дай тебе Бог, парень, — ответил пилот.

Инженер, отпив, бросил ему флягу, и пилот ловко поймал ее. Внутри фляги булькнуло.

— Я своими глазами видел, — проговорил инженер, — в той последней стычке, когда только я, наверное, и ухитрился уйти... я рассказывал, да? Один мужик им сдался. Спятил, наверное. Остальных-то они вроде перебили всех, а этого куда-то повели... А детей они, кажется, кра-

дут. Троє дитин в групі були — ми і ахнуть не успіли, никто не предполагал. — Пілот отдал ему флягу, он отпил еще один маленький глоток и аккуратно завернул колпачок. — Где мой мальчик... где мой мальчик, только что играл здесь... — Его передернуло.

— Хватит, — сказал пилот угрюмо.

Инженер опять улыбнулся и кивнул.

Пілот извлек из планшета сложенную карту, расстелил ее, отодвинув стул. Они уже отвыкли пользоваться мебелью — на полу казалось безопаснее.

— А может, они их сохраняют? — опасливо косясь на пилота, вполголоса спросила мать.

— Кого? — не понял инженер.

— Ну... носителей этих.

— Зачем?

— Для культуры! — вдруг захохотал шофер.

Пілот, не обращая на них внимания, вглядывался в карту, обеими руками упираясь в пол.

Инженер перестал улыбаться, глаза его свирепо сузились.

— Знаешь, друже, — проговорил он, помедлив. — Те, для кого сохраняют культуру другие, чрезвычайно быстро ее трансформируют. По своему образу и подобию. — Он опять вытер губы ладонью. — Шутом при них быть? Я им Платонова, они: ха-ха-ха!..

— Ну, это-то уж... — непонятно сказала мать. — Уж об этом-то не нам...

Наступило молчание. Инженер, невесело посвистывая, подождал немного, потом перекатился по полу поближе к пилоту и тоже уставился на карту. Мать пытливо, оценивающе глядела на музыканта. Музыкант делал вид, что не замечает этого взгляда, потому что не понимал его, и смотрел на мужчин, водящих по карте пальцами и перешептывающихся о чем-то, очевидно, не слишком радостном; в руке пилота появился курвиметр. Мать встала, а следом за нею и дочь; одна за другой они молча вышли из комнаты. Шофер, рассеянно глядя им вслед, громко высасывал из зубов застрявшие кусочки мяса.

Светало. Стекла стонали от ветра.

Музыкант поднялся — никто не обернулся на его движение. Подошел к роялю, отложил прислоненный к врашающемуся табурету автомат — сел, бережно стер пыль с крышки и поднял ее указательными пальцами. Ну и пальцы, подумал он с болью. Он стыдился своих загрубевших рук, они темнели чужеродно на фоне стройного ряда клавиш. Это напоминало надругательство — садиться сюда с такими руками. Но других рук у него не было.

— Еще километров сто двадцать, — тихо проговорил пилот.

Инженер что-то невнятно пробормотал, ероша волосы. Шофер нерешительно начал:

— Женщины...

— Женщины — наше будущее, — резко сказал пилот. — Женщины должны дойти.

— А если там то же самое, что здесь? — спросил, вставая, друг музыканта.

Ему долго никто не отвечал.

— Там река, — произнес инженер наконец.

— Там была река, — стоя вполоборота к ним, ответил друг музыканта.

— Тогда пойдем дальше, — сказал пилот. — За рекой предгорья и никаких городов. Долины должны были уцелеть. — Он сдерживался и лишь мял, тискал курвиметр в скользких от нервного пота пальцах. — И люди тоже. Люди тоже. А крысы базируются на города, значит, там их меньше или совсем нет.

Друг музыканта кривовато усмехнулся — странно и в то же время очень соответственно времени было видеть на молодом, еще не вполне оформленном лице усмешку желчного, изверившегося старика.

— Уступи, — попросил он, подходя к роялю, и музыкант послушно встал.

— Ну и пальцы, — сказал его друг, присев на краешек табурета.

— Ага, — обрадованно закивал музыкант, — я тоже об этом думал. Жуть, правда?..

— И раньше-то не слушались...

— Практики мало. Когда мне бывало плохо, я только этим и лечился.— Он осторожно, как бы боясь нарушить сон рояля, погладил клавиши.— И все равно — все время страх, как бы не сфальшивить...

— А я не хочу бояться! Не хочу лечиться этим, приправливать творчество к таблеткам, к клизмам!.. Творчество — это свобода. То, что я делаю, должно получаться сразу. Как взрыв, как вспышка! А если не получается — лучше совсем ничего...

Он умолк, и тогда они услышали приглушенный голос инженера:

— Я посчитал. Конечно, у меня никаких приборов, все на глаз. Но ты видишь, как она выросла. Судя по удлинению видимого диаметра, она упадет месяца через четыре.

— То есть наши поиски земли обетованной вообще лишены смысла? — вдруг охрипнув, спросил пилот.

— Н-ну, — помялся инженер, — не совсем... Все же лучшие быть там. Во-первых, вероятность того, что луна грохнет прямо нам на головы, сравнительно невелика, а во-вторых, лучше залезть в горы, чтоб не захлестнуло потопом, когда океан пойдет враздрай... Хотя, конечно... — Он помолчал. — Тектонически эти горы очень пассивны, что тоже нам на руку.

Шофер длинно и замысловато выругался.

— Да, ты меня сильно обрадовал, — проговорил пилот. — Четыре месяца... Успеем.

— Бульдозер... — пробормотал друг музыканта. — Дорвался до власти. Теперь будет нас гнать, пока не загонит до смерти, а зачем? Дал бы уж спокойно сдохнуть... Сыграем в четыре руки?

— Потом, — сказал музыкант, чуть улыбаясь. — Наверное, женщины уже спят.

— Пора и нам, — сказал пилот, услышав его слова, и стал неторопливо складывать карту, начавшую уже протираться на сгибах. За окном разгоралось белое мертвое зарево, словно из-за горизонта натекал расплавленный металл. — Чья очередь дежурить первый час?

— Моя, — сказал шофер. Пилот с сомнением посмотрел на него, потом на друга музыканта. — Моя, моя.

— Занавесить бы чем-нибудь окна, — опустив глаза, пробормотал друг музыканта.

Шофер хохотнул и добавил:

— Горячую ванну и духи от этого... от Диора.

— Вам не понять, — вступился музыкант, — он очень чутко спит. Я и сам такой, а вы — нет.

— Спать, спать, — сказал пилот.

— Еще не хочется, — смущенно сказал музыкант. — Как-то... все дрожит. Давайте я подежурю, а?

Инженер, ухмыляясь, развалился на полу, широко раздвинув длинные ноги и подложив под голову венчиком.

— Пойди лучше погуляй перед сном, — пошутил он. — Соловья послушай в ближайшей роще... цветочки собери...

Музыкант улыбнулся и, сам не зная зачем, послушно вышел из комнаты.

Сразу в коридоре, в электросварочном свете сумасшедшего утра он увидел стоящую откинувшись на стену дочь.

— Что ты тут? — испуганно спросил он.

— Слушаю, что вы говорите, — ответила она без тени смущения. — Не могу спать так сразу. Слишком устала.

— Ах, ты... — Он осторожно провел ладонью по ее склеившимся от пота и грязи волосам.

Она испуганно отпрянула:

— Нет, нет, я противная, пыльная... не надо.

— Что ты говоришь такое...

— Нет-нет, — она вытянула руки вперед, защищаясь, словно он нападал, — правда... Мы дойдем до реки, — мечтательно произнесла она, — до чистой прохладной реки, и сами станем чистыми и прохладными, вот тогда... Господи, как я устала. Если бы все на меня не оглядывались, я бы уже умерла.

— Я теперь буду идти затылком вперед, хочешь? — серьезно предложил он, и она наконец улыбнулась — едва заметно, но все же улыбнулась. Он взял ее за руку.

— Я слышала, что пилот говорит о нас, — тихо произнесла она, глядя в пол, и пальцы ее задрожали в руке музыканта. — Мы ваше будущее, да?

— Как всегда.

— Он ведь очень хороший человек, правда?

— Правда. Теперь нет плохих. Это слишком большая роскошь — быть плохим.

— Ты странно говоришь. Думаешь, чем нам хуже, тем мы лучшие? А вот мама говорит, все хорошие да добрые, покуда делить нечего.

— А ты сама как думаешь?

— Мама права, наверное... Только я думаю, люди вообще не меняются — уж какой есть, такой и будет, что с ним ни делай.

— Люди меняются, — ласково, убеждающе проговорил он. — В людях очень много намешано, самого разного, и это разное все время друг с другом взаимодействует, а наружу то одно выскочит, то другое...

— Так сладко тебя слушать, — прервала она и, вдруг подняв лицо, завороженно уставилась ему в глаза. — Будто ты все знаешь и все можешь. Хочу ребенка от тебя.

У него перехватило дыхание. Он осторожно потянул ее к себе, и она со вздохом прислонилась щекой к его груди. Сердце его отчаянно билось в радостном ожидании. Точно он сел к роялю. Она была такая маленькая... Совсем беззащитная, как ребенок. Ребенок. Он попытался представить ребенка у себя на руках, но не смог. Скрипку мог. Автомат теперь тоже мог. Мы все тоскуем по детству, подумал он, всю жизнь стремимся вернуться в детство... Но сделать это можно лишь одним способом. Буду очень любить их, понял он. Только бы дойти до чистой реки, туда, где не понадобится дрожать за него ежесекундно и видеть в кошмарных снах, что его утащили крысы.

— Нравлюсь? — спросила она. Руки ее бессильно висели, ничего не желая.

— Да!.. — выдохнул он.

— Я очень хочу нравиться. А то совсем не будет сил идти. Вы нас не бросите, правда?

— Ты с ума сошла... — Он обнял ее за плечи и прижал к себе.

— А мама боится, что бросите. Она говорит, мужчины не любят бесполезного груза. Ты злай — я не бесполезная.

Он стиснул ее голову в ладонях. Она прятала лицо.

- Дай поцеловать тебя.
- Нет-нет, я грязная...
- Какая глупость! Дай, — он задыхался, — пожалуйста!.. Ты сразу все поймешь!

Она выскользнула из его рук, медленно отступила, пятясь, к двери в комнату, где ее ждала мать. Поправила волосы.

- Нет, потом... все — потом. Только не бросайте...

Какое теперь может быть «потом», подумал он, но не произнес вслух, боясь уговаривать, потому что уговаривать — все равно что насиливать. Сказал:

- Спасибо за «потом».
- Ты странный. Я могла бы умереть за тебя, правда. — И она скользнула в проем, и дверь плотно закрылась за ней.

...Не спалось. Комнату заливал раскаленный белый свет, нечем было дышать; в густом мертвом воздухе плясала пыль. Пот жег мозоли и ссадины, ныли натруженные мышцы. Мужчины ворочались, расстегивали пуговицы, наконец пилот сел и обхватил колени руками, пустым взглядом уставясь в пустое окно. И тогда музыкант спросил:

- Хотите, я сыграю?

Молчание длилось минуту. Прямоугольник слепящего окна отражался в неподвижных глазах пилота.

- Сыграй, — сказал пилот.

За роялем музыканту стало страшно. Это казалось кощунством — играть здесь. Здесь можно было только стрелять, и есть, и брести через барханы — до конца дней. Сейчас, подождите, взмолился он. Я не знал, что это так трудно — сделать первое движение... На него смотрели. Он вдруг увидел, что в дверях стоят и мать и дочь и тоже ждут. Он вспомнил ее завороженный взгляд и почувствовал, что сможет все. Еще час назад она была для него лишь насмерть уставшей, почти незнакомой молчаливой девочкой, и вдруг оказалось, она настолько нуждается в нем, что любит его. Он опустил пальцы на клавиши. Ему показалось, будто он опустил пальцы на ее хрупкие плечи. Рояль всколыхнулся; по комнате проплыл широкий,

медлительный звук. Такой нездешний... Он словно прорвался из прежней жизни, которая теперь казалась приснившейся в неправдоподобно сладком сне. Он доказал, что она не приснилась, что она была, что она может быть. Он мягко огладил задубевшие лица; он вкрадчиво протек в уши и заколебался там, затрепетал, зашевелился, как ребенок в материнском чреве, готовясь к жизни и пробуя силы... И существование вновь получило смысл; впервые за последние недели музыкант понял, что действительно остался жив. И останется жить дальше. Чистая река и светозарные вершины гор были совсем рядом. А если кипящий океан все же доберется до нас, я поставлю ее у себя за спиной, думал музыкант, и первый удар приму на себя...

Когда он перестал играть, все долго молчали. Он испуганно озирался, ему сразу снова показалось, что он некстати вылез со своей игрой... Полгода назад мне за такой класс голову бы оторвали, смятенно подумал он и вдруг увидел слезы на глазах пилота.

— Этот мальчик стал бы музыкантом, — проговорил инженер и снова лег, заложив руки за голову. — Э-э!..

Музыкант покраснел. Его друг поднялся, подошел к нему и хлопнул по спине.

— Нормально, — сказал он как профессионал профессионалу. — Нормально, хотя раньше ты играл чище.

Но никто не плакал, слушая, как я играю чище, подумал музыкант. Он был потрясен. Он все смотрел на пилота. Вслух он сказал:

— Еще бы. Почти месяц уже не работал.

— Да, пальчики того...

— Жаль, дальше идти надо, — вздохнула мать. — Так славно было бы тут остаться... жили бы себе...

— Спасибо, парень, — сказал пилот, зачем-то застегивая пуговицу на воротнике рубашки. — Это было неплохо. Ладно. Всем спать.

— Тс-с! — вдруг прошипел шофер, сидевший ближе всех к окну.

Все замерли. Стало совсем тихо, лишь ветер гудел снаружи.

— Что? — шепотом спросил пилот потом.

— Показалось?.. — еще тише пробормотал шофер. — Вроде как мотор...

Все уже стояли, пилот схватился за автомат. Пригибаясь, шофер мягко подбежал к окну.

— Ничего, — сказал он чуть спокойнее и распрямился, заглядывая ниже. Было видно, как он вздрогнул, как исказилось его лицо.

— Следы!! — свистящим шепотом выкрикнул он.

— Боже милостивый!.. — простонала мать, прижимая к себе дочь.

Все приинкли к окну. След гусениц был отчетлив, видимо, машина только что прошла. На глазах ветер зализывал его струйчатыми потоками поземки.

— Спокойно, — сказал пилот. — Парни — к окнам! Ты здесь, ты в кухню. Вести наблюдение, стрелять без команды. Боеприпасы экономить! Женщины — в столовую, она от лестницы дальше всего. У вас один автомат, будете в резерве. Мы с инженером выглянем. Шофер — у двери, при необходимости прикроешь. По местам! Может, ничего страшного. Может, они ехали мимо! Сними с предохранителя, не забудь, — совсем спокойно сказал он музыканту.

— Не забуду, — ответил тот. Его колотило.

— Вперед.

Мужчины вышли. Музыкант двинулся было за ними из комнаты и вдруг налетел на завороженный взгляд дочери. Глаза ее были огромными и темными, и дрожали ее губы, которых он так и не поцеловал.

— Ты обещал... — выдохнула она. — Помнишь? Ты обещал!

— В столовую! — крикнул он, срываюсь. У него подкашивались ноги, в висках гулко била кровь.

Он с трудом открыл дверь на кухню. В лицо ему хлестко, опаляюще ударил колющий воздух дня, не прикрытого ни стеклом, ни респиратором. Осторожно, стараясь двигаться мягко, как шофер, музыкант подобрался к окну.

Прямо под ним, в десятке метров от стены дома, стоял, чуть накренившись на склоне бархана, бронегран-

спортер грязно-зеленого цвета, на корпусе которого коробились застарелые, покрытые пылью камуфляжные пятна. Из кузова слаженно, по три в ряд выпрыгивали громадные крысы в мундирах, таких же грязно-зеленых, как и присвоенный ими человеческий механизм.

На несколько секунд музыкант забыл, зачем он здесь. Все было так реально и нелепо, что казалось театром. Приоткрыв чуть улыбающийся рот, музыкант наблюдал высадку. С автоматами наперевес крысы сомкнутым строем двинулись к дому. Только тогда музыкант с изумлением вспомнил, что крыс необходимо убивать. Это тоже было нелепо и тоже напоминало дешевый спектакль. Но и это надо было сыграть хоропю, по максимуму.

— Все сюда!! — крикнул музыкант, обернувшись внутрь квартиры. — Они тут, подо мной!!

Зажав автомат под мышкой, он лихорадочно, путаясь дрожащими пальцами, отстегнул с пояса гранату и, едва не забыв выдернуть чеку, аккуратно спустил ее на строй крыс.

Взрыв ударили по ушам, утробно встряхнул землю и дом; взлетели песок и мелькающие в его облаке клочья тел.

— Сюда! — крикнул музыкант снова.

В кухню влетел шофер, на ходу отстегивая гранату.

— Вот!.. — выкрикнул музыкант и успел увидеть, как что-то блеснуло в смотровой щели транспортера. — Осторожно! — крикнул он, отшатываясь от окна.

Шофер, пластаваясь над подоконником, метнул гранату, и в этот миг по потолку тяжело хлестнула пулеметная очередь. Посыпалась штукатурка, дом снова встряхнулся в трохоте, музыкант присел и не сразу понял, что случилось, — накрепко притиснув к лицу обе ладони, шофер сделал несколько неверных пятящихся шагов и повалился на спину, вразнобой дергая ногами и как бы всхлипывая. Из-под его судорожно сжатых, иссиня-белых пальцев вдруг стало сочиться красное. Пророкотала еще одна очередь, от деревянной рамы брызнули в разные стороны щепки. Музыкант растерянно сидел на корточках, втянув голову в плечи, и смотрел, как кровь заливает руки шо-

фера и пол вокруг его головы. Ноги шофера бессильно вытянулись и замерли.

— Эй... — позвал музыкант.

И только тогда до него дошло.

Едва сумев распрямиться, на ватных ногах музыкант двинулся вперед, выставив прямо перед собой трясущийся ствол автомата, но пулемет снова зарокотал, воздух у окна снова наполнился невидимым, но ощущимым, горячим железом. Сухой треск автоматных очередей вдруг послышался и совсем с другой стороны — с лестницы. Тогда, вдруг очнувшись, музыкант рванулся в ванную — там тоже было маленькое оконце, почти под потолком, — встал на борт ванны и высунулся наружу. На песке валялись трупы и куски трупов, а из транспортера, уже не так браво, лезли еще крысы. Поймав ряд треугольных усатых голов в прорезь планки, музыкант нажал на спуск. Да чем же все это кончится, вдруг пришло ему в голову. Задергавшийся автомат обдал его пороховым духом, проколотила по ушам короткая очередь, а когда грохот прервался, стало слышно, как с сухим звоном скатываются в ванную и катаются там, постепенно замирая, выброшенные в сторону гильзы. Ряд кренившихся по ветру фонтанчиков пыли стремительно пробежал мимо ряда крыс, текущих от транспортера, пересек его, пересек снова, глухо вскрикнула от случайного попадания броня, и долгий улетающий визг рикошета напомнил звук лопнувшей струны. Первой же очередью удалось свалить трех крыс, и они бессмысленно задергались на песке, в струях поземки, раскидывая лапки и молотя хвостами. Остальные опрометью бросились в мертвую зону, к дому. Музыкант едва успел нырнуть внутрь — пулемет хлестнул по оконцу ванной. Не переставая воинить что-то несусветно победное, музыкант метнулся к лестнице, но опоздал — пилот, волоча неподвижные ноги, за которыми оставался кровавый след, вполз в прихожую и стал, стискивая зубы, поворачиваться головой к дверям. «Остальные?! — прохрипел он. — Женщины?!» Музыкант наклонился было к нему, но пилот рявкнул: «Держи дверь!» Музыкант кивнул, стремительно высунулся на лестницу, не глядя полоснул вниз

долгой очередью и, уже стреляя, увидел, как, перепрыгивая через неподвижное тело инженера, проворно бегут снизу несколько крыс, неловко стискивая лапками непропорционально большие автоматы. Им, наверное, с нашим оружием очень неудобно, сочувственно подумал музыкант. Пронзительно пища, крысы шарахнулись в стороны, прячась за изгибом стены, а одна рухнула и покатилась вниз, подскакивая, словно тугой мешок, на ступенях и лязгая железом автомата при каждом обороте. Музыкант опять завопил и дал еще очередь, не позволяя крысам высовываться; возле самого его лица пропел и тяжко впала в потолок посланный откуда-то снизу ответ. Музыкант отшатнулся. Он испытывал скорее удивление, чем страх, и все не мог понять, чем это кончится и как же они теперь ухитряются перебить крыс и дойти до реки. А почему я один? Что там, в квартире? Он снова нажал на спуск; автомат, дернувшись, вышибнул пулю и захлебнулся, и как-то сразу музыкант понял, что магазин опустел. Он захлопнул лестничную дверь и потащил к ней гардероб, стоявший у стены прихожей.

— Рожок!! — крикнул он, надрываясь; в глазах темнело от усилий. — Кто-нибудь, скорее, рожок!!

Снаружи, дырявя дверь, полоснула очередь, другая, — музыканта спас гардероб. Да неужто никого уже не осталось?! Как же она? Разве ее тоже могли убить?

— Кто-нибудь!! — прорычал он, задыхаясь; сердце колотилось и в горле, и в мозгу, и в коленях.

— Не могу! — донесся сквозь гул крови захлебывающийся тонкий голос. — Мама не разрешает!

Музыкант оттолкнулся от гардероба, склонился над пилотом. Пилот не шевелился, окостеневшие пальцы сжимали цевье. Музыкант отомкнул рожок с его автомата — там тоже было пусто.

Как во сне, медленно, гардероб словно бы сам собой поехал назад, навстречу музыканту, вглубь квартиры. В полной растерянности музыкант стоял посреди коридора, судорожно вцепившись обеими руками в бессмысленный автомат. В открывшийся проем хлынули крысы. Да чем же все это кончится, в последний раз подумал музыкант, пы-

таясь принять вырвавшуюся вперед крысу на штык. Удар отбили. Музыкант увидел, что к нему неспешно подсыпало длинное, тусклое трехгранное лезвие, прикоснулось, замерло на какую-то долю секунды и погрузилось. Его собственные руки, по-прежнему наполненные автоматом, болтались где-то ужасающе далеко. С изумлением он успел почувствовать в себе невыносимо чужеродный предмет, от которого резкой вспышкой расплеснулась во все стороны горячая боль, успел наконец-то испугаться и понять, чем все кончилось, — и все кончилось.

Его друг к этому моменту еще не сделал ни одного выстрела. Он был один — наедине с полузаиненным следом транспортера и роялем, на котором играли пять минут назад. Он слышал стрельбу, крики, топот, взрывы, чувствовал заполнившую квартиру пороховую гарь. Потом совсем рядом, в прихожей, чей-то незнакомый голос страшно прокричал: «Рожок! Кто-нибудь, скорее, рожок!» Друг музыканта не шевельнулся, руки его стискивали готовый к бою автомат. Он оцепенел. Когда в дверях мелькнули нелепые фигуры затянутых в зелено-серые униформы крыс, в душе у него что-то лопнуло. Он отшвырнул автомат как можно дальше от себя и закричал:

— Нет!!! Не надо!!! — И вдруг в спасительном наитии полетел навстречу влетевшей в комнату крысе в черном с серебряными нашивками мундире, широко разведя руки и выкрикивая: — Носитель культуры! Носитель культуры!

Топорща усы, крыса в черном резко, отрывисто прошищала какие-то команды и опустила автомат.

— Оставайтесь на вашем месте, — приказала она. — Вам ничто не грозит.

Друг музыканта послушно остановился посреди комнаты. Крыс виднелось не больше десятка. Могли бы отиться, вдруг мелькнуло в голове, но друг музыканта прогнал эту мысль, боязливо покосившись на того, в черном, — вдруг и впрямь телепаты...

Ввели женщин. Первой шла дочь, завороженно уставившаяся куда-то в сторону лестничной двери; ее легонько подталкивала в спину мать, приговаривая:

— Не смотри, маленькая, не смотри... Что уж тут поделаешь. Не судьба...

— Вы носитель? — строго пропищала главная крыса.

— Да, — сипло выговорил друг музыканта. — Я музыкант.

— Это хорошо. — Командир крыс перекинул автомат за спину, и у друга музыканта подкосились ноги от пережитого напряжения. Не помня себя, он опустился на пол. Командир внимательно смотрел на него сверху маленькими красноватыми глазками.

— Вы предаетесь нам? — спросил он.

Не в состоянии сказать хоть слово, друг музыканта лишь разлепил онемевшие губы, а потом кивнул.

— Это хорошо, — повторил командир и поклонил голову набок. — Вы будете пока жить здесь, этот апартамент. Воду мы пустим через половину часа через водопровод. Ни о чем не надо беспокоить себя.

Мать облегченно вздохнула.

— Во-от и слава Богу, — сказала она. — Наконец-то заживем как люди.

— Трупы мы уберем сами. — Командир подошел к роялю.

Друг музыканта вскочил — едва не задел длинный, волочащийся по полу розовый хвост. Он почувствовал болезненное, нестерпимое желание наступить ногой на этот хвост, поросший редкими белыми волосками, и поспешно отступил подальше.

— Покидать апартамент можно лишь в сопровождении сопровождающий. Мы выделим сопровождающий через несколько часов. Пока вы будете здесь под этот конвой.

— Да мы уж нагулялись, не беспокойтесь, — сказала мать. — Калачом наружу не выманишь.

— Выходить иногда придется, чтобы оказать посильную помощь при обнаружении другие люди, — ответил командир. — Например, чтобы довести до них нашу гуманность и желание сотрудничать... трудничать. — Он перевел взгляд на друга музыканта. — Это хороший инструмент?

— Очень хороший.

— Поиграйте.

— С удовольствием, — сказал друг музыканта.

В дверях толпились крысы.

— Прискорбно жаль, — проговорил командир задумчиво, — что так много людей не понимают относительность моральных и духовных ценностей в этот быстро меняющийся мир. За иллюзия собственного достоинства готовы убивать не только нас, но и себя. Дорогостоящая иллюзия! Теперь, когда так тяжело, особенно. Мы поможем вам избавляться от этого вековечного груза.

— Вы ведь и покушать нам небось принесете, правда? — спросила мать. — Вот и слава Богу... А там, глядишь, и детишки пойдут... — Как добрая бабушка, хранительница очага, она сложила руки на животе, оценивая оглядывая друга музыканта, и того затошило. Эта потная, перепуганная шлюшка, из-за которой он уже начал было завидовать другу, теперь казалась ему отвратительной. И однако выхода не было, спать придется с ней.

Дочь судорожно согнулась, сунула кулак в рот и страшно, гортанно застонала без слез. Из коридора вскнулись автоматные стволы, а потом нехотя, вразнобой опали.

— Что ты, маленькая? Не надо... — сказала мать. Но дочь уже выпрямилась. Из прокущенной кожи на кулачке сочилась кровь.

— Нет, мама, уже все, все... — выдохнула она. — Уже все, правда, все ведь... правда... что же тут поделаешь...

— Дети подлежат немедленной регистрации и передаче в фонд сохранения, — сказал командир, тактично дождавшись, когда она успокоится. — Впрочем, хорошо зарекомен... дававшие себя перед администрацией люди будут допускаться в воспитание. Прошу к рояль.

Первый звук показался другу музыканта удивительно фальшивым. Он вздрогнул, искательно глянул в сторону командира и, словно извиняясь, пробормотал, чувствуя почти непереносимое отвращение к себе:

— Загрубели руки...

Какое падение, подумал он с тоской. Ну что ж, падать так падать. Что мне еще остается. И он добавил самым заискивающим тоном, на какой был способен:

— Вы уж не взыщите...

Крыса в черном смотрела на его руки спокойно и внимательно. Только бы не сбиться, думал друг музыканта, беря аккорд за аккордом. Он играл ту же вещь, что звучала здесь только что. Все равно вчетвером или даже втроем мы не дошли бы до реки, думал он. А если бы дошли, там оказалась бы та же пустыня. И если б там даже были кисельные берега, что бы стали мы делать? Как жить? Да если б даже и сумели что-то наладить, скоро упадет луна, и этому-то уж мы ничего противопоставить не сможем. Остается надеяться лишь на крыс, они-то придумают выход. Вначале казалось, будто пилот знает, что делает, но он был всего лишь честолюбивым и беспомощным маньяком, не сумевшим даже спасти нас из этой западни... Интересно, о чем думал тот, когда играл? У него было такое лицо, будто он на что-то надеется. А на что надеяться в этом аду, в этом дерыме? На пилота? На крыс? Господи, а ведь я, быть может, последний музыкант-человек. Самый лучший музыкант на планете... Самый лучший! Только бы не наврать, не сфальшивить! Ну? Ведь получается, черт бы вас всех побрал. Нравится вам, а? Нравится?! Ведь получается! Ну что ты стоишь, тварь, что молчишь, я кончил...

— То, как вы играете, пока не хорошо, — сказал командир и наставительно поднял короткую лапку, выставив указательный коготок прямо перед носом друга музыканта. — Вам следует чаще тренировать ваши пальцы.

Когда бурая луна перестала распухать от ночи к ночи и стало очевидно, что орбита ее каким-то чудом стабилизировалась; когда приметный дом, одиноко рассекший льющийся над пустыней и руинами ветер, постепенно заполнился изможденными, иссохшими, подчас полубезумными людьми, друг музыканта репетировал уже по девять-десять часов в сутки. С автоматом на груди он сидел на вращающемся табурете, ревниво озирался на теснившимся поодаль новых и, как расплещенный честолюбивый

вой матерью семилетний вундеркинд, долбил одни и те же гаммы. И мечтал. Мечтал о том, что вечером или завтра, а может, хотя бы послезавтра, слегка усталый после очередной операции, но, как всегда, безукоризненно умытый и затянутый в чернь и серебро, без пятнышка крови на сапогах, придет его властный друг -- возможно, вместе с другими офицерами, -- взгляdom раздвинет подобострастную толпу и, то задумчиво, то нервно подрагивая розовым хвостом, будет слушать Рахманинова или Шопена. Дочь, не щадя ни себя, ни будущего ребенка, который начинал уже нежно разминаться и потягиваться в ее набухшем, как луна, чреве, ночи напролет проводила в окрестных развалинах, едва ли не до кипения прокаленных свирепым дневным полыханием, и рылась в металлической рухляди, в человеческих останках, разыскивая для мужа, опасавшегося хоть на миг отойти от рояля, недострелянные обоймы. Ближе чем на пять шагов друг музыканта никого не подпускал к инструменту; даже случайные посягательства на невидимую границу он ощущал физически, как неожиданное влажное прикосновение в темноте, -- и его тренированные пальцы в панике падали с белоснежных клавиш «Стейнвей» на спусковой крючок «инграма». По людям он стрелял без колебаний.

*Февраль 1981,
Ленинград*

Кирилл Бенедиктов

ТОЧКА ЛАГРАНЖА

1

Продольный разрез — самый легкий. Лезвие скальпеля почти без сопротивления погружается в подрагивающую плоть, рассекая кожу и мышцы. Глубоко резать не нужно, достаточно, чтобы в рассеченные ткани входила первая фаланга указательного пальца.

Мишутка тонко постанывает, уткнувшись лицом в нас kvозь пропитанную слезами подушечку. Рот у него заклеен скотчем, поэтому кричать он не может — только стонет и плачет. Мишутке одиннадцать, он уже почти взрослый, и Стас не испытывает к нему особой жалости. В одиннадцать лет пора уметь держать себя в руках.

Разрез начинает сильно кровить. Стас матерится сквозь зубы и пытается поставить дренаж. Получается не слишком хорошо — никакого медицинского образования у Стаса нет, если не считать таковым наблюдения за действиями Доктора, и весь его небольшой опыт приобретен главным образом методом проб и ошибок. Истечь кровью Мишутке все равно не грозит, но кровь мешает Стасу точно определить длину и ширину разреза, а это очень важно. Во всяком случае, так говорил Доктор.

Звонит телефон. От неожиданности Стас едва не роняет скальпель — он уверен, что выдернул провод из розетки, готовясь к операции. Оказывается, нет. Ладно, кто бы это ни был, брать трубку Стас не собирается.

Мишутка мычит что-то осмысленное. Что-то отдаленно похожее на «мама, мама». Возможно, он думает, что это звонит его мама, и хочет, чтобы Стас с ней поговорил. Ага, разбежался!

Стас со злостью сплевывает на пол и, нехорошо прищурившись, приступает к поперечному разрезу. Плоть разворачивается мясистыми лепестками. Четыре лепестка, обрамляющих кровавый тугой бутон. Тело Мишутки выгибается дугой. Тыфу ты, какие мы нежные! Одиннадцать лет! Позорище...

Телефон продолжает звонить. Кто же это такой настырный?

— Ммм! Ооо! Ммм! — стонет Мишутка.

— Будешь дергаться, отрежу руку, — рычит на него Стас. — Или ногу, мне без разницы!

Все равно, конечно, дергается. Ну, может, не так сильно, как раньше, но дергается. Хуже девчонки, честное слово! Черт бы побрал Ленку! Где только она находит таких уродов? Одиннадцать лет — почти стопроцентный непроходняк, шанс на удачное вживление — минимальный. Настолько минимальный, что и высчитывать его не хочется. Стас кромсает парнишку с тягостной уверенностью в том, что все это — боль, кровь, стоны «мама» — зря. Ничего хорошего из этого не выйдет. И дай-то Бог, чтобы не вышло чего-нибудь плохого...

Еще пять минут уходит на вырезание креста под правой лопаткой. Теперь худая Мишуткина спина напоминает тушку освежеванного барана. Мальчик уже не стоны, не дергается — наверное, потерял сознание от боли.

Чего проще, думает Стас зло, сунуть пацану под нос тряпку с эфиром или просто дать по башке кувалдой, обмотанной ватином... Нет, нельзя. Доктор строго-настрого запретил использовать анестезию. Любую. Вот если сам вырубится — тогда ладно. Это вроде как не считается. Почему? Спросить бы у Доктора... Только вот Доктор уже никому ничего не расскажет...

Дренаж. Еще дренаж. Крест под левой лопаткой неожиданно перестает кровить, и Стас, не веря своему везению, быстро открывает контейнер с Пакостью. Личинки тихо дышат в своих гнездах, ворсистые бока едва заметно поднимаются и опадают. Стас хватает хромированные щипчики, осторожно вытаскивает крайнюю личинку и помещает ее в разрез. Белые ворсинки мгновенно налива-

ются бафровым. Личинка жадно пьет Минуткину кровь, раздувается, как пузырь, заполняя собой всю рану. Ворсинки распрямляются, впиваясь в рассеченную ткань, прорастают сквозь плоть, становятся ею... Смотреть на это неприятно. Стас аккуратно прикрывает имплантированную Пакость полуотрезанными «лепестками» Мишуткиной кожи. Зашивать ничего не нужно, личинка сама по себе и иголка с ниткой, и антисептик.

С разрезом под правой лопаткой приходится повозиться подольше, но в конце концов вторую личинку тоже удается пристроить. Стас кидает скальпель в таз, стягивает перчатки и в первый раз за всю операцию позволяет себе взглянуть на часы. Двенадцать минут, удовлетворенно думает он, на семь минут быстрее, чем в прошлый раз. Сам Доктор, наверное, похвалил бы меня за это...

И тут он понимает, что телефон звонит по-прежнему.

Двенадцать минут? Ну, хорошо, даже если десять... Кому же он так понадобился?

Секунду Стас размышляет, стоит ли брать трубку. По правилам, Мишутку нужно сейчас обтереть гигиеническими салфетками, накрыть чем-нибудь теплым и отвезти в инкубатор. Там, в тишине и темноте, он будет спать — может быть, несколько часов, а может, несколько дней. А пока он спит, личинки Пакости будут потихоньку изменять его метаболизм, превращая Мишутку в Нового Человека. Homo Novus, как выражался Доктор. Процесс запущен, и теперь его уже не остановить, так что не имеет значения, попадет Мишутка в инкубатор немедленно или тремя минутами позже...

— Слушаю, — говорит Стас, поднося трубку к уху. — Говорите, ну!

На том конце провода, видно, отчаялись до него дозвониться, потому что отвечают не сразу. Но в конце концов отвечают.

Ленка. Только она умеет так пронзительно визжать в телефонную трубку.

— Стас! Стас! А-а-а! Стас! Беги! Они уже, наверное, у тебя! Они полчаса назад ушли! Они убьют тебя, Стас!

Стас непроизвольно отглядывается. В операционной он, разумеется, по-прежнему один — если не считать прикрученного к столу и не подающего признаков жизни Homo Novus'a.

— Ленка, — говорит он спокойно, — хватит орать, говори спокойно. Сколько их?

Ленка послушно перестает визжать.

— Человек десять... Джемал со своими ублюдками... У них цепи, Стас, заточки...

— Пушки? — интересуется он на всякий случай. Хочется откуда ей знать?

— М-м-м, — мычит Ленка, и Стас отчетливо представляет, как она трясет своей белокурой головкой. — Может быть... Стас, беги, пожалуйста! Ты... ты операцию сделал?

— Сделал, — отвечает он и бросает трубку.

Полчаса — действительно много. До бункера не так просто добраться, но Джемал хорошо знает этот район. С детства...

Он начинает действовать — так же собранно и четко, как во время операции, только гораздо быстрее. Наскоро обтирает Мишутку, осторожно отлепляет скотч, отвязывает жгуты, переносит легкого, словно соломенное чучелько, паренъка на каталку и вывозит из операционной. Инкубатор расположен в подвале, по коридору до поворота, потом направо и еще раз направо. Пол коридора все время идет под уклон, так что каталка постоянно набирает скорость, нужно следить, чтобы ее не занесло и не шваркнуло об стену. На двадцать секунд притормозить перед металлическими дверями инкубатора, повернуть ключ в тугом замке, открыть двери...

В инкубаторе всегда пахнет — да что там пахнет, пахнует! — чем-то похожим на гниющую органику. Как будто под одной из массивных чугунных ванн, выстроенных в ряд, некоторое время назад сдохла крыса. Конечно, это невозможно — в бункере вообще нет крыс. Еще при Докторе всех крыс вытравили специальной пlesenью, похожей на ту, что используется для выращивания Пакости, но с другими свойствами. Откуда же тогда этот мерзкий запах?

Стас с Мишуткой на руках пробирается между ванн, ударяется ногой о чугунные края, шипит от боли. Ванн в инкубаторе тридцать штук — у Доктора были грандиозные планы. Разбившиеся о рифы жестокой действительности. И о медные лбы Защитников.

— Ну, вот так, — успокаивающе шепчет Стас, добравшись до самой дальней ванны. Она почти до краев забита какой-то мягкой рухлядью, ветошью, старыми тряпками — Мишутка погружается в них, как в пуховую перину. — Все, дальше сам...

Джемал и его ублюдки в бункер не пойдут. Все Защитники панически боятся подхватить здесь какую-нибудь заразу. Стас знает, что такое невозможно чисто физически — Пакость не передается ни воздушно-капельным, ни бытовым, ни, в конце концов, даже половым путем, единственный способ ее подхватить — это имплантировать созревшие личинки в открытую рану. Но объяснять это Джемалу он не собирается. Боится — и слава Богу. По крайней мере, Мишутке Защитники ничего не сделают...

Сам он выбирается из бункера через окно кладовки. Окно выходит на задний двор. Конечно, Джемал не настолько глуп, чтобы не выставить здесь пост — просто так, на всякий случай. Он же не знает, что Ленка предупредила Стаса. Джемал наверняка ожидает, что Стас выйдет из бункера как обычно, то есть через главный вход. Но на всякий случай он посыпает на задний двор четверых своих парней. И это очень, очень плохо. Четверо — слишком много даже для Стаса, хотя ему уже почти девятнадцать, а бойцам Джемала от силы шестнадцать.

Они идут к нему ленивым, обманчиво валким шагом, на смуглых лицах — ухмылки, руки, высирающие из рукавов ослепительно-белых футболок, бугрятся мускулами. У одного из могучего кулака действительно струится вниз блестящая новенькая цепь, слегка побрякивая тяжелыми звеньями. Но только у одного. Остальные вроде бы не вооружены. Или, по крайней мере, не демонстрируют оружия.

Стас заискивающе улыбается им, поднимает руки вверх, показывая, что не хочет драки. На указательном пальце правой руки — кольцо брелка с ключами. Два ключа, один от гаража, где стоит раздолбанный Стасов «Памир», другой от квартиры, где деньги лежат. Или лежали. В любом случае никто из Защитников в эту квартиру не зайдет — для них она страшнее бункера. В этой квартире жил и умер Доктор.

— Иди, иди, девочка, — ухмыляется тот, что с цепью. — Сейчас мы тебя будем любить, все вместе...

Улыбка Стаса неуверенно гаснет. Он как бы по инерции делает еще несколько шагов по направлению к бойцам, а потом резко взмахивает правой рукой.

Ключи, коротко звякнув, летят в лицо богатырю с цепью. Тот рефлекторно пытается предотвратить столкновение, грозящее ему в худшем случае царапиной, — и цепь бесполково взмывает в воздух. Стас хирургически точным движением перехватывает ее левой рукой и дергает на себя. Богатырь, которому только что удалось отбить смертельно опасную атаку Летающих Ключей, самым позорным образом теряет равновесие и рушится на Стаса. Стас отпрыгивает, налетает на другого бойца, бьет его кулаком в горло и, не дожидаясь, пока в драку включатся остальные, со всех ног несется к узкому проходу между стеной бункера и оградой госпиталя. Драться с четырьмя Защитниками — малоприятное занятие с неизвестным исходом. Если есть возможность убежать, надо убегать. В конце концов, Стас не герой. Он хирург. Так говорил Доктор.

А Доктор всегда говорил правду.

2

Доктор говорил так:

— Человечество умерло. Его больше не существует. Все, что осталось, — разобщенные группы искалеченных, несчастных ублюдков, жалкие остатки восьми миллиардов, владевших этой планетой. Генетический мусор, спло-

собный воспроизводить только такой же мусор. Или еще худший мусор. Отбросы. Грязь под ногтями Бога. Первые люди были глиной, последние стали дерьямом. Еще сто лет, и на Земле не останется даже воспоминания о Homo Sapiens.

Стас поначалу смеялся:

— Да ладно вам врать-то! У нас на районе — нормальные здоровые пацаны. И девчонки — вы видели, какие у нас девчонки? Видели Ленку-белую? Таких, как она, даже в Крепости нет — к ней один хрен оттуда подкатывал, в семью свою звал, только Ленка его послала... У нее дети наверняка здоровые будут, особенно если в нормальную семью попадет...

— Вот именно, — осаживал его Доктор. — Если попадет. А где эти нормальные семьи? Ты хоть одну знаешь?

Стас задумывался. В семьях, которые он знал, уродов было немного, можно сказать, почти что и не было. Но «почти» ведь не считается. По обычаю, девушка, приходящая в семью, становится законной женой всех взрослых мужчин семьи. И кто из них сделает ей ребенка, зависит только от случая...

— Стерилизация, — кипятился Доктор, — только стерилизация пятидесяти процентов взрослых! Вот единственное средство остановить расползающуюся заразу! Но никто не пойдет на это в условиях, когда все население планеты может уместиться в границах одного-единственного мегаполиса!

Удивительно еще, как спокойно он произносил это слово. За одни только разговоры о стерилизации можно было загреметь года на три исправительных работ.

— Что же делать? — спрашивал Стас, боязливо оглядываясь.

Доктор хмыкал и раскрывал свой металлический чехоланчик.

— Преодолевать качественный порог, — непонятно отвечал он. — Эпидемии тридцатых косили род людской, как траву, и многим казалось, что еще пара лет — и наступит конец света. Однако потом колесницы неожиданно остановились...

— Какие колесницы?
— Джаггернаута, — отвечал Доктор еще более непонятно. — И система даже пришла в некое подобие равновесия. Эпидемии сошли на нет, но зато начались мутации. Понимаешь, мальчик, это как если бы кто-то спустил всю воду из моря и оставил только самую чуточку на дне. Представляешь, что бы там осталось? Ил, грязь, гниющая биомасса...

— Что же делать? — снова спрашивал Стас, косясь на чемоданчик. В чемоданчике лежали пузырьки из толстого стекла, в которых плескались разноцветные жидкости. Было там и еще кое-что, но совсем уж непонятное, похожее на большие, затянутые бурой паутиной соты. — Вы знаете, что делать, Доктор?

— Перед тем как эпидемии набрали силу, — говорил Доктор, — в Центре, где я работал, придумали одну штуку. Нам не хватило каких-то десяти лет — если бы ее довели до ума, метавирусы были бы нам не страшны. Это было что-то вроде очень мощного биологического антиоружия.

Стас смотрел на него, не понимая.

— Антиоружия? Как это?

— Долго объяснять, — отмахивался Доктор. — Просто представь, что человеку, получившему дозу этого средства, были не страшны ни вирусные аэрозоли, ни зараженная вода, ни токсин-энзимы... А ведь оно еще и продолжительность жизни увеличивало...

— Так в чем же дело? Почему сейчас нельзя его использовать?

— Работы не были завершены, — объяснял Доктор. — Это средство действует, но избирательно и каждый раз по-разному. Точнее, функция защиты у него сохраняется всегда, а вот побочные эффекты...

— Что за побочные эффекты?

Доктор кривился, как будто учуяв запах тухлятины.

— Разные. Невозможно предсказать. И еще одно — мы научились вводить его... ее... это средство... только детям. Не старше двенадцати. Тебе, например, уже поздно, мой мальчик. Сколько тебе лет?

— Пятьнадцать.

— Тебя она просто убьет, — сокрушенно качал головой Доктор. — Но я мог бы научить тебя работать с ней, и, когда я доведу свои исследования до конца, мы смогли бы вместе прививать детей... Мне нужны помощники, один я не справлюсь... Здесь, у вас, довольно много здоровых детей, с которыми можно работать...

У Стаса загорались глаза, и он снова наклонялся над чемоданчиком.

— Это она, да? — спрашивал он и тут же спохватывался. — А почему вы все время говорите про средство «она»? Она — это такая вакцина, да?

И тогда Доктор покачал головой.

— Нет, мальчик. Это не вакцина. Это вообще не похоже на все, о чем ты слышал до того. А «она»... знаешь, в Центре, где я работал, мы дали ей кодовое имя. Мы назвали ее Пакость.

3

Стас добирается до Убежища уже в темноте. Петляет по вымершим улочкам Желтого Квартала, получившего свое название от странной болезни, погубившей его жителей, — кожа у них становилась желтой и хрупкой, как осенние листья, отслаивалась тонкими сухими пленками, а новая почему-то не нарастала... Сейчас Желтый Квартал — самое безопасное место в городе. Вирус, вызвавший болезнь, мутировал и поражает теперь только собак и кошек. Но известно об этом опять-таки немногим, так что шансы встретить здесь кого-то из Защитников равны нулю.

Убежище расположено в глубине запущенного сада, обнесенного двумя рядами колючей проволоки. Когда-то в саду находился фильтрационный пункт: коллеги Доктора отделяли здесь зерна от плевел, то есть тех, кто был уже безнадежен, от тех, кому еще можно было чем-то помочь. Потом безнадежные убили коллег Доктора и насадили их головы на шипы ограждения. Самому Доктору повезло — он в тот день находился далеко от фильтра-

ционного пункта, в своем исследовательском центре. А когда вернулся, в живых не было уже никого — ни убийц, ни убитых...

Стас обходит защищенный колючкой сад по большой дуге. Забирается на крышу полуразвалившегося кирпичного сарая, оттуда на дерево, чьи могучие ветви протянулись к ограде бывшего фильтрационного лагеря, словно покрытые коростой руки больных «червивой горячкой». К одной из ветвей привязана тарзанка — шнур из гибкого материала с небольшой перекладиной на конце. В свободном состоянии тарзанка совсем маленькая, снизу, с земли, ее не видно. Но стоит Стасу, вцепившись в перекладину, оттолкнуться ногами от развалики, шнур начинает вытягиваться. Стаса проносит чуть выше ощетинившегося пипами ограждения — он инстинктивно поджимает ноги, чтобы не зацепиться кроссовками за проволоку. Отпускает перекладину и мягко падает в огромную кучу осенней листвы, заботливо собранную здесь Младшими. Тарзанка с тихим чмоканьем сокращается до своей обычной длины и исчезает в ветвях дерева. Младшие обожают эту игру, да и сам Стас любил ее, когда был поменьше. Сейчас он предпочитает возвращаться в Убежище как все взрослые люди — через ворота. Но если Джемал и остальные Защитники взялись за него всерьез, у ворот, скорее всего, ждет засада...

Первым его замечает Скворец. Он, как обычно, бродит по ночному саду, навострив ушки и вглядываясь в непроглядную тьму. Впрочем, это для Стаса тьма непроглядная, а Скворушка видит в темноте не хуже спецназовца, оснащенного прибором ночного видения. А может, и лучше. Больше никак Пакость на нем не отразилась. Скворец по-прежнему часто простужается, вечно ходит с соплями под носом, не умеет передвигать предметы взглядом, обеззараживать воду усилием воли — он всего лишь пре-восходно видит в темноте. И на том спасибо...

— Стас, — доносится откуда-то из темноты его свистящий шепот, — ты сбежал?

— Не сбежал, а ушел, — в тон ему шипит Стас. — Навалял там кой-кому и ушел... А почему шепотом-то?

Невидимый Скворец тихо смеется.

— Да не знаю, — говорит он уже нормальным голосом. — Чтоб тебя не напугать... Давай, Стас, там тебя уже заждались все... Белая прям с ума сходит... Совсем свихнулась девка...

— Ты мне порассуждай тут, — ворчит Стас. — Ладно, гуляй дальше, Вождь Белое Перо...

Он продолжает свой путь по невидимой дорожке, ориентируясь на мерцающие мягким золотистым светом окна Убежища. Полгода назад Ленка приволокла откуда-то целый рулон полупрозрачной, медового цвета материи и сшила занавески на все окна старого дома. С тех самых пор Стас заметил, что полюбил возвращаться в Убежище по вечерам...

Ленка с визгом бросается ему на шею, как только он переступает порог. Не стеснясь Младших, целует его в губы, в нос, лоб, уши. Щаркает ему шею своими длинными ногтями. И что-то говорит, говорит, говорит...

— ...они сначала сюда пришли, сказали, что к тебе, по делу... я говорю: «Он занят!», а Джемал мне — молчи, су... ой, в общем, нехорошее слово сказал... молчи, значит, нам твой пацан нужен. Это он так про тебя, Стас, ты понял? Потом Андрей к ним вышел, они поговорили, довольно мирно так... а потом Андрея вдруг ударили, и он упал...

— Что? — Стас не верит своим ушам. — Как это — ударили?

Защитники боятся тех, кому были имплантированы личинки Пакости. Виной тому — все те же суеверия о том, что Пакость заразна. За четыре года работы с личинками Стас слышал о двух случаях, когда ребят, получивших прививку, пытались убить с большого расстояния — в одного стреляли из винтовки, на второго скинули с пятого этажа мешок с цеметом. В обоих случаях ребята остались живы и здоровы. Но чтобы кто-то из Защитников пытался ударить привитого — такого на его памяти не было никогда.

— Цепью, — шмыгает носом Ленка. — Старой такой, ржавой цепью, они там же ее и кинули... Крикнули, чтобы мы готовились к смерти, и ушли...

— Что с Андреем? — Стас осторожно отстраняет Ленку от себя и обводит взглядом зал. Младшие смотрят на них во все глаза — как же, когда еще выпадет случай поглядеть на милующихся взрослых. Андрея среди них не видно.

— Он у себя в комнате, спит. С ним все нормально, ссадина затянулась уже, просто перенервничал очень. Сказал, что они приходили, чтобы убить...

Стас скрипит зубами. Ну конечно, никого более подходящего для переговоров с противником в Убежище не нашлось. Обязательно нужно было вылезти Андрею, в котором Пакость необычайно обострила способность к эмпатии — считыванию эмоций собеседника...

— Если бы пришли убивать, убили бы, — жестко говорит он. — Пугали...

— Они хотели убить тебя! А потом уже разобратся с остальными... Они еще придут, вот увидишь... Как ты от них убежал? И что с Мишуткой?

Стас улыбается — широко, неискренне. Улыбка предназначена не Ленке, а Младшим.

— С Мишуткой все хорошо, — громко объявляет он. — Сейчас он спит, как сурок. Когда проснется, вернется к нам и снова станет с нами играть.

— Ура! — вопит очкарик Назар. — Стас, а он сможет шарики в воздухе держать?

У Назара редкая способность — он умеет левитировать небольшие предметы. Например, шарики для пинг-понга. Каждый раз, когда Стас возвращается после очередной операции, он пристает к нему с одними и теми же вопросами — так хочется ему поиграть в шарики с кем-нибудь, обладающим таким же даром...

Стас разводит руками — мол, не знаю. Младшие всегда с радостным нетерпением ожидают возвращения привитых: наверное, раньше дети так же ждали Нового года, чтобы посмотреть, какие подарки лежат под елкой. Стасу приходится делать вид, что ему тоже не терпится; на самом деле он очень боится. Доктор говорил, что для детей младше одиннадцати Пакость не представляет никакой опасности, и, как обычно, говорил правду. Но два года

назад восьмилетний Давидик вернулся из инкубатора, на-деленный странной и страшной способностью проникать в чужие сны. Первые несколько дней все шло как обычно, а потом Младших стали изводить кошмары. Стас и Ленка сидели с ними, пили седативными коктейлями, оставляли в спальнях включенные ночники — ничего не помогало. А однажды кошмар приснился самому Стасу.

Он до сих пор вспоминает об этом со странной смесью ужаса и отвращения. Никаких деталей того сна Стас, к счастью для себя, не помнит — помнит только ощущение ничтожности и заброшенности, как будто он — крохотная пылинка — вращается в абсолютно пустом, холодном и равнодушном пространстве, а откуда-то сверху, с немыслимых высот, наблюдают за ним чьи-то огромные, невыразимо чужие глаза. На следующий день он случайно наткнулся на взгляд восьмилетнего Давидика и вздрогнул — он узнал эти глаза...

— Стас! Стас! — верещат Младшие, подбегая к нему. По-своему они очень тактичны — пока Стас разговаривал с Ленкой, никто им не мешал. Но теперь, когда Стас отстранил Ленку и обратился ко всем, собравшимся в зале, самое время выразить свой восторг по поводу чудесного спасения любимого вождя. Младшие виснут у него на плечах, на локтях, щекочут шею и живот, пытаются повалить на диван. Стас честно возится с ними до одиннадцати, хотя сил у него уже совсем не осталось — операция, бегство от бойцов Джемала и долгая дорога домой вымотали его до предела. В одиннадцать Ленка, чудесным образом превратившаяся из Ленки Зареванной Дурочки в Ленку Строгую Воспитательницу, загоняет Младших в спальню. Младшие спят по двое в комнате — это тоже недоброе наследство Давидика. Когда-то, еще при Докторе, и привитые, и непривитые дети спали вместе в одном большом дортуаре. Но Давидику легче было входить в сны тех, кто спал с ним рядом, и дети очень скоро это поняли. «Элои, — непонятно говорил Доктор. — Смешно требовать от элоев, чтобы они засыпали рядом с морлоком». Потом за Давидиком приехали люди из Крепости и увезли его с собой. Стас слышал, как Доктор объяснял

им что-то про «идеального гипнократа», а они кивали и с опаской посматривали на маленького Давидика. Давидик уехал, но тени снов, в которых он успел похозяйничать, прочно угнездились в темных углах дортуара...

Полночь. Стас сидит у камина, в котором потрескивают смолистые поленья, лениво наблюдает за алыми переливами углей, медленно погружается в дрему. Сзади неслышно подходит Ленка, обвивает его шею тонкими руками, приникает губами к самому уху, шепчет:

— Стасенька... Стасенька мой... как хорошо, что ты вернулся...

Стас бурчит что-то неразборчивое. Почему-то вспоминается мычание Мишутки. Интересно, лениво думает он, долго ли проспит Мишутка? И каким он вернется?

— Стасенька, — продолжает нашептывать ему на ухо Ленка, — а давай отсюда уедем. Ну давай, правда... Эти уроды Защитники нам все равно жизни не дадут... сколько ж можно от них бегать, а, Стаська? А в Крепости тебя сразу примут, знаешь, как они хотят, чтобы у них свой Доктор был?

Стас делает резкое движение головой, освобождаясь от ее нежного захвата.

— Я не Доктор, — говорит он. — И никогда не был Доктором. А теперь уже никогда и не буду.

Это правда. Если бы Доктор поучил его еще года два-три, возможно, из него и выпел бы толк. А так он просто Стас, хирург-самоучка. И если даже предположить, что хирург-самоучка кому-то понадобился в Крепости, то что он будет там делать без своих Младших? Без госпиталя, без инкубатора? Особенно без инкубатора?

Если бы инкубатор можно было оборудовать где угодно, его давно уже перетащили бы в Крепость. Но Доктор говорил, что для инкубатора подходит только одно место в городе. Стас много раз спрашивал его, почему это так, и Доктор каждый раз отвечал, но всегда непонятно. «Фэн-шуй», говорил Доктор, и «геомантия», и «тэллурические течения». Когда Доктор заболел и почувствовал, что дело плохо, он сам завел со Стасом разговор об инкубаторе.

— Никуда не пытайся его переносить... Накость нельзя выращивать где попало... она питается не только аминокислотами, понимаешь? Нет, вижу, не понимаешь... ну тогда просто запомни: инкубатор должен всегда быть в подвале госпиталя... и оперировать ты всегда будешь только там... и никогда не давай детям наркоз, Накость должна чувствовать страдания, это очень сильный стимул...

Потом он начинал бредить, и Стас окончательно переставал понимать, о чем идет речь.

— Что внизу, то и наверху, — бормотал Доктор, и крупный, неприятно пахнущий пот выступал на его пористой коже. — Гермес Трисмегист, Трижды Величайший... Задача трех тел, точки Лагранжа... Все, что происходит, происходит потому, что мы разгневали Землю... Болезни имеют волновую природу... ядро планеты испускает смертельные колебания, вирусы мутируют, небеса отвечают огнем... Инкубатор — точка Лагранжа, гнев ядра гасится гневом небес, личинки растут в зараженной плоти и пожирают ее, превращая в броню и металл... Homo Novus восстанет из грязи и тлена, он придет, сверкающий, как тысячи солнц, он поднимет руку и дотронется до свода небес... И у него будут крылья, у него обязательно будут большие, красивые крылья...

А потом Доктор умер, и Стас лишился единственного человека, которому можно было задавать вопросы.

— Нет, — повторяет он, но уже не так резко. — В Крепости нам делать нечего. Наше место здесь, с Младшими.

— Мы их обманываем, — тихонько говорит Ленка. — Мы рассказываем им сказки, они думают, что все это игра. А потом ты уводишь их в госпиталь, и они ложатся под нож... а возвращаются совсем другими...

Неправда, хочет возразить Стас, они остаются такими же! Но ничего не произносит, понимая, что Ленка права. Младшие действительно меняются. Они продолжают играть, они остаются все теми же забавными мальчишками и девчонками, но где-то глубоко внутри у них растет чужеродная органика, плесень, вырабатываемая личинками, превращает их в Homo Novus'ов, в суперменов, которые не знают, что такое болезни, владеют телекинезом и уме-

ют проникать в чужие сны... Мы их боимся, неожиданно понимает Стас, и Ленка, и я — мы их просто боимся...

— Давай лучше спать, — шепчет он Ленке. — Завтра будет тяжелый день...

Они ложатся здесь же, в зале, на большом диване, на котором так любят прыгать Младшие. Уютно мерцают огоньки в камине. Ленка прижимается к Стасу, он обнимает ее, зарывается лицом в ее белокурые, горьковато пахнущие волосы... и неожиданно засыпает, проваливаясь в сон, словно в разверзшуюся под ногами пропасть.

Среди ночи Стас просыпается — то ли от холода, то ли от какого-то странного звука. Огонь в камине погас, Ленка сопит, завернувшись в теплый шерстяной плед. Стас нашаривает упавшее на пол грубое верблюжье одеяло, натягивает на себя и некоторое время лежит, прислушиваясь к поглотившей Убежище тишине. Он никак не может избавиться от тягостного, словно изжога, ощущения — в окружающем его мире что-то изменилось.

Потом он засыпает снова, но сон его неглубок и тревожен.

Ему снится Доктор, погружающий в его распоротый живот белые комочки личинок.

4

Зашитники приходят утром, и на этот раз их уже не десять и не двадцать.

Их целая армия.

На экране монитора видно, что часть из них приехала на байках. Байкеры затянуты в черную клепаную кожу, на ногах у них остроносые, подкованные металлом сапоги. Похоже, что это отряд из другого города — во всяком случае, раньше Стас их на улицах не встречал.

В центре полуокольца огромных хромированных чопперов — навороченный джип Джемала. Сам Джемал стоит перед воротами, сжимая в руках обычную бейсбольную биту, и лупит ею по стальным листам обшивки. Грохот такой, что с голых ветвей деревьев в саду Убежища

ссылаются черные, как кляксы, галки и стаями кружат в прозрачном осеннем небе.

— Здравствуй, Джемал, — говорит Стас, подходя к воротам. — Чего стучишь-то?

— А, это ты, Стас! — с веселой злостью кричит Джемал. — Выходи, дорогой, поговорим как мужчина с мужчиной...

— Твои люди вчера ударили моего пацана, — говорит Стас. — Кто ты после этого, Джемал? Ты — мужчина? Я в этом сомневаюсь...

Удар дерева о металл.

— Ты — паршивый ублюдок! — рычит Джемал. — Ты разносишь по нашему городу заразу! Я предупреждал тебя, Стас, я говорил тебе, чтобы ты остановился, но ты не слушал меня! Ты украл малого из семьи моего племянника Арсена, и ты за него ответишь кровью, понял?

— Ну, зайди сюда, Джемал, раз ты такой смелый! — спокойно предлагает Стас. — Зайди, и мы все обсудим...

Он действительно почти не играет сейчас. Джемал и его Защитники уже не впервые появляются перед воротами Убежища, но у них еще ни разу не хватило духу войти внутрь. Между тем что-то подсказывает Стасу, что сегодня события могут пойти по другому сценарию.

— Приглашаешь, значит? — нехорошо усмехается Джемал. — Ну, принимай гостей, Стасик...

Стас не отрываясь глядит на экран монитора. Джемал оборачивается к своей армии, машет рукой. Чопперы нехотя расползаются в стороны, и на площадь выезжает небольшой грузовичок. Спереди у грузовика — устраивающего вида «кенгурятник», рама из сваренных хромированных труб. Грузовик разгоняется, ревет двигатель, выбрасывая из выхлопной трубы клочья сизого дыма... Стас разворачивается и со всех ног мчится к Убежищу. На крыльце дома — Ленка и Младшие. Все они смотрят на него, в их глазах — недоумение. Они на своей территории, что может им здесь угрожать?

За спиной Стаса раздается тяжелый глухой удар, металлический лязг. Ворота, судя по всему, вынесены напрочь. Младшие нестройно визжат. Стас уже совсем рядом

с крыльцом, он кричит детям, чтобы они скорее прятались в доме, но они, конечно же, толпятся на пороге, пытаясь как следует разглядеть, что творится около ворот.

Стас врезается в группу Младших, сносит кого-то на пол, но не задерживается, чтобы помочь, а сразу устремляется в дом. Огромными прыжками взлетает на второй этаж, распахивает дверь своей комнаты, вытаскивает из-под кровати чехол с винтовкой.

Из окна ему видно, как во двор через смесенные грузовиком ворота не торопясь заезжают байкеры. Между ними вразвалочку шагает Джемал, помахивая своей битой. За Джемалом медленно катится его джип, битком набитый бойцами. И это только авангард, передовая группа. А ведь есть еще та безмолвная толпа, которую Джемал вывел на площадь...

Гулко хлопает внизу дверь. Ленка, слава Богу, сообразила убрать Младших от греха подальше. Черт возьми, с бессильной злостью думает Стас, как же они осмелились?..

— Стас, — кричит Джемал, поднимая свою биту. — Если выйдешь, мы твоих ублюдков не тронем, обещаю! Даю тебе три минуты, потом пеняй на себя. Девку твою я лично оприходую, понял?

Стас поднимает винтовку, досыпает патрон в патронник, прижимает приклад к плечу... Делает шаг к окну, несколько секунд прицеливается, мягко нажимает спусковой крючок.

Пуля выбивает бейсбольную биту из руки Джемала. Отдача заставляет Стаса сморщиться от боли в плече.

— Ах ты, тварь позорная! — орет Джемал, пятясь назад. Видно, что он не ожидал от Стаса такой выходки. — Не хочешь по-хорошему, да? Ладно, будет тебе по-плохому!

Он поворачивается и машет рукой байкерам. Как по мановению волшебной палочки, у каждого из них оказывается в руках бутылка с каким-то темным составом. Байкеры синхронно размахиваются, швыряют бутылки в стену Убсжица. Звон разбитого стекла, истошные крики Младших. Откуда-то снизу начинает валить жирный черный дым.

— Ленка! — кричит Стас, отступая от окна. — Звони в Крепость, быстро! Они сейчас тут все спалят!

Его начинает бить озноб. Он впервые понимает, что Защитники действительно пришли убивать. И дело тут не в Миппутке, которого он якобы украл из семьи Джемалова племянника, — Стас никогда не крадет детей, они приходят в Убежище сами, ведь с Младшими так интересно играть... Дело в том, что чаша терпения тех, кто столпился перед воротами, переполнена. Когда-то это должно было случиться. Сегодняшний день ничем не хуже других дней...

Стас впервые смотрит на осаждающих Убежище Защитников другими глазами. Он видит людей, пришедших защищать свой привычный мир. Для этих людей он, Стас, ничем не лучше тех ученых, что двадцать лет назад выпустили из секретных лабораторий смертельные штаммы вирусов. Только вирусы, убившие шесть миллиардов человек из восьми, нельзя было увидеть невооруженным глазом, а чума, которая расползается из Убежища, видна всем и каждому.

За окнами ревет пламя — Стас еще не видит его, только слышит, но хорошо представляет, как страшно должно быть сейчас Младшим. Надо их уводить, думает он, вот только куда? Через забор никто из них не перелезет, разве вот только Назар сумеет кого-нибудь левитировать, да и то вряд ли — он никогда не поднимал взглядом ничего тяжелее шарика для линг-понга...

— Сжечь заразу! — торжествующе орут Защитники. — Сжечь заразу! Сжечь заразу!

Стас колеблется. Нужно отстреливаться, но теперь, когда атакующие подожгли дом, палить поверх голов бессмысленно. Это никого не напугает, а значит, нужно стрелять на поражение. Стас совсем не уверен, что ему удастся выстрелить в человека, пусть даже человек этот желает его смерти...

Снизу раздается душераздирающий вопль Ленки. Стас высекивает на лестницу, держа перед собой винтовку, и останавливается, будто споткнувшись о невидимую стену. В каминном зале полно народу. Чёрные бай-

керы, бритые бойцы Джемала — всего человек двадцать. Дверь вырвана с мясом — валяется во дворе, привязанная металлическим тросом к «кенгуруятнику» грузовика. Младшие жмутся к стенам, в ужасе глядя на загораживающего дверной проем Джемала, за спиной которого бушует пламя. В правой руке Джемал держит огромный нож, в левой — белокурые пряди Ленкиных волос. Ленка стоит перед ним на коленях, Джемал слегка поглаживает ее шею острием своего ножа.

— Бросай винтовку, Стас, — предлагает он, — и с твоей телкой ничего не случится.

— Я тебе не верю, — говорит Стас, удивляясь, почему его голос совсем не дрожит. — Я тебе не верю, Джемал. Ты боишься, ты до смерти перепуган. Ты вошел туда, куда нельзя входить тебе и таким, как ты. Поэтому я тебе не верю. Отпусти ее, и тогда мы поговорим.

— Ага, — говорит Джемал, глядя на него взглядом человека, который только что придумал классную шутку. — Значит, ты хочешь диктовать мне условия? Петр!

Он кивает одному из своих — высокому, тощему, как жердь, парню, и тот, мгновенно выбросив вперед длинную руку, выхватывает из группы Младших Скворушку — тот стоит ближе всех и не успевает отшатнуться. Заламывает ему руку, заставляет опуститься на колени, а потом вытаскивает из-за пояса такой же нож, как у Джемала. Ну, может, чуть-чуть поменьше.

— Нас здесь много, Стас, — ухмыляется Джемал. — А ты один. Ты же не хочешь, чтобы мы перерезали твоих ублюдков, как поросят?

Стас аккуратно прислоняет винтовку к стене и отряхивает руки. Что ж, героя из него действительно не получилось.

— Спускайся, Стасик, — одобрительно говорит Джемал. — Поговорим...

Как только Стас оказывается внизу, к нему подскакивает давешний богатырь с цепью (сегодня она обмотана у него вокруг пояса) и изо всех сил бьет его ногой в пах. Стас падает на пол, пытается кричать, но крик застревает у него в горле.

Джемал наклоняется над ним, заглядывает в полные боли глаза.

— Я хотел убить тебя сам, — с сожалением говорит он. — Но здесь слишком много парней, которые на тебя злы. Мне придется отдать тебя им. Молись, чтобы тебе повезло умереть быстро, мясник...

— Я не мясник, — шепчет Стас, прориаясь сквозь невыносимую боль, — я доктор...

Он впервые осмеливается назвать себя доктором. Что ж, другого шанса ему все равно не представится...

Его окружают, начинают пинать ногами. Бьют поначалу не очень сильно, но потом постепенно распаляются, входят в раж, топчут подкованными сапогами... Где-то далеко-далеко ревут перепуганные Младшие.

Потом все вдруг затихает, и Стас с удивлением осознает, что больше не чувствует боли. Столпившиеся вокруг него Защитники отступают, словно потеряв к нему всякий интерес. Стас, кряхтя, пытается подняться на локтях — это получается у него не сразу, но, поднявшись, он встречается глазами со смертельно побледневшим Андреем и отчетливо понимает, что произошло: эмпат просто забрал его боль себе. Идиот, хочет крикнуть Стас, идиот, что ж ты делаешь, тебе всего тринадцать, ты же убьешь себя! Но сил на крик у него уже не остается.

— Здравствуй, Миша, — говорит вдруг Джемал. — Вот ты и вернулся. Арсен, смотри, вот он, живой-здоровый...

На Стаса никто уже не смотрит, все глядят на появившегося в дверях Мишутку. Стас с огромным усилием поворачивает голову. Мишутка входит в зал, непонимающе оглядывается, видит усмехающихся байкеров, видит Джемала, поглаживающего лезвием ножа беззащитную шею Ленки, видит распростертого на полу Стаса...

— Что случилось? — говорит он ломким, чужим голосом. — Стас, что здесь происходит?

Стас не знает, что ему ответить. А если бы даже и знал, вряд ли смог бы — эти уроды, кажется, сломали ему челюсть.

— Стас?

— Твой Стас — дермо, — громко произносит Джемал. — И все твои друзья, которых заразили этой дрянью, тоже дермо. Хорошо, что они не успели заразить ею тебя. Когда все закончится, дядя Арсен отведет тебя домой...

— Ты ошибаешься, — перебивает его Мишутка. — Они успели. Я заражен, дядя Джемал.

Голос его звучит теперь совсем по-другому — сильно, уверенно. Стас закрывает глаза, чтобы не видеть того, что произойдет дальше.

— Убейте их! — вопит Джемал, уязвленный до глубины души. — Убейте их всех!

Закрытые глаза спасают Стаса. Посреди зала вспыхивает маленькое злое солнце.

Он придет, вспоминает Стас последние слова Доктора, сверкающий ярче тысячи солнц, он поднимет руку и дотронется до свода небес... И у него будут крылья, у него обязательно будут крылья...

Огонь, опаливший Стасу ресницы, гаснет, и он осторожно открывает глаза.

Мишутка стоит в центре круга, образованного неподвижными — скорее всего, мертвыми — телами Зашитников, и за спиной у него трепещут огромные, переливающиеся всеми цветами радуги крылья.

— Не бойтесь, — произносит Мишутка совсем взрослым, полным оттенков голосом. — Самое страшное уже позади. Теперь все будет хорошо.

Он перешагивает через трупы и идет к Младшим. Крылья медленно гаснут, превращаясь в едва заметную вуаль, потом — в ничто.

— Миша... — хрипит Стас, — Миша...

Мишутка оборачивается и смотрит на него бесконечно долгим, пронзительным, как укол шпаги, взглядом.

— Стас, — говорит он наконец. — Стас! Помнишь, вчера ты резал меня ножом, Стас?

Стас кивает — или, точнее, просто роняет голову на грудь. Мишутка понимающе улыбается.

— Я пытался сказать тебе... Пытался сказать, что, если выживу, непременно убью тебя. Ты обманул меня. Вы

все обманывали меня. Вы сказали, что это игра, веселая игра. Позвали к себе в дом, к другим детям. А потом привязали к столу и стали резать ножом...

Стас шипит от боли. Видимо, у Андрея кончились силы.

— Но я передумал, — весело говорит Мишутка. — Я не стану тебя убивать, Стас. Ты умрешь сам. И тетя Лена тоже.

Он подмигивает Стасу и поворачивается к Младшим.

— Ну, а с вами мы поиграем, — объявляет он. — Кто хочет поиграть со мной, признавайтесь?

Минуту Младшие молчат. Потом голос Назара неуверенно спрашивает:

— А ты умеешь играть в шарики, Мишутка?

— Конечно, умею! — отвечает Мишутка. — Ты не поверишь, как здорово я играю в шарики!

Он произносит что-то еще — слова звучат непривычно, будто Мишутка говорит на чужом, неизвестном Стасу языке, — и в комнате на мгновение становится очень холодно. Воздух застывает, как студень. Где-то высоко-высоко, в гулкой пустоте небес, замирают огромные шары планет.

Это длится всего лишь миг — но Стас с внезапной ясностью слышит тот же звук, что разбудил его вчера, — тонкий звон рвушихся струн, соединяющих небо и землю. Равновесие, думает он, глядя на худенькую спину Мишутки. Сквозь тонкую ткань рубахи багровеют два набухших кровью креста. Равновесие, зависящее от одной-единственной точки. Достаточно слабого, почти непощупимого толчка...

Мишутка, словно почувствовав спиной его взгляд, начинает медленно поворачиваться к Стасу.

И тогда Стас снова зажмуривает глаза — крепко-крепко.

Олег Дивов
СТОЯНИЕ НА РЕКЕ МОСКВЕ

На расвете танки русских подошли к Москве.

В головной машине открылся башенный люк. Высунулась рука с мегафоном. За ней — лейтенант Иванов.

— Сдавайтесь, чурки! — заорал Иванов в мегафон. — Сдавайтесь, а то хуже будет! Русские пришли!

Из-за баррикады, перекрывающей въезд под Московскую кольцевую дорогу, выглянул бригадный генерал Хухуев.

— Я твоя мама имел, морда жидовская! — крикнул он. — Моджахеды не сдаются!

Показал лейтенанту Иванову «фак» и на всякий случай тут же спрятался.

К танку подошел тяжелым командирским шагом подполковник Криворучко.

— Лейтенант! — рявкнул он. — Что за самодеятельность?! Мегафон сюда. А сам убрал хлебало нерусское в люк, быстро. А то противник хрен знает что о нас подумает.

Иванов отдал мегафон и сказал обиженно:

— Сами понабрали в армию хрен знает кого, а теперь ругаетесь.

После чего, как и было приказано, убрал нерусское хлебало в люк.

Подполковник Криворучко поднял мегафон и крикнул:

— Сдавайтесь, чурки! А то хуже будет!

— Я твоя мама имел, русская свинья! — отозвался бригадный генерал Хухуев.

Из люка снова высунулся Иванов.

— Охреньте конструктивная беседа, — заметил он.

— Ну и вали в свой Израиль, если такой умный, — надулся подполковник. — Как я должен с чурками говорить, по-твоему?

— Сейчас нам объяснят, — сказал Иванов. — Вон пиндос нарисовался.

К переговорщикам короткими перебежками, то выскакивая из-за танков, то скрываясь за ними, двигался военный советник капитан Моргенштерн.

— Дурак дураком, а чурок боится, — прокомментировал Криворучко. — Умный, значит. Или все-таки дурак?

— Вы бы сами ушли за броню, — посоветовал Иванов.

— Я стою на своей земле, — веско сказал подполковник. Подбежал Моргенштерн, присел за кормой танка.

— Ну? — спросил он на ломаном русском.

— Чего? — не понял Криворучко.

— What the hell is going on?

— Слушай, говори по-нашему, пиндос несчастный, а? — взъярился подполковник. — Чему тебя в твоем драном Вест-Пойнте учили?

— Я буду жаловаться, — четко выговорил Моргенштерн.

— Ara! — обрадовался Криворучко. — Слыши голос не мальчика, но мужа.

Моргенштерн достал из кармана переводчик и принялся нажимать кнопки.

— Покиньте открытое пространство! — железным голосом потребовала электронная машинка.

— Понял. — Криворучко кивнул и поднял мегафон.

— Покиньте открытое пространство! — крикнул он в сторону баррикады.

— Сам ты покинь открытое пространство! Я твоя мама имел! — раздалось в ответ.

Иванов грустно поглядел на командира и сказал:

— Вы бедного пиндоса доведете рано или поздно. Он свихнется, и у нас будут неприятности.

— А не хрена тут! — гордо ответил Криворучко.

Моргенштерн продолжал давить на кнопки.

— Сообщите противнику, что вы действуете согласно мандату НАТО! — сказал переводчик.

— Манда ты! — крикнул Криворучко в мегафон.

- Сам дурак!
- За дурака ответишь, козел!
- А ты за козла ответишь!
- Детский сад, — резюмировал Иванов и закурил.

Моргенштерн высунул из-за танка руку и дернул подполковника за штанину.

— Кто?! Фамилия?! — удивился подполковник. — А, это ты...

— Сообщите противнику, что, согласно Вашингтонскому договору две тысячи тринадцатого года, занимаемая им территория должна быть возвращена под юрисдикцию Республики Москва!

Криворучко почесал в затылке.

— Вам перевести, товарищ подполковник? — спросил Иванов.

Криворучко показал ему кулак. Поднял мегафон.

— Значит, так, чурки! — крикнул он. — С вами говорит командующий танковых войск Республики Москва подполковник Криворучко! Тут советник от пиндосов уверяет, что вы обязаны убраться с моей земли добровольно. А вы об этом знаете?!

— Скажи пиндосу — я его мама имел! — попросили из-за баррикады.

— Лейтенант! Переведи!

— Answer is negative.

— Сдается мне, ты не все перевел, — заметил Криворучко.

— Answer is negative and fuck you, — поправился лейтенант.

— Так-то лучше, — согласился подполковник.

Моргенштерн, сидя на корточках, хлопал глазами и качал головой. Потом склонился над переводчиком.

— Сообщите противнику, что, согласно Вашингтонскому договору две тысячи тринадцатого года, в случае отказа освободить незаконно удерживаемую территорию войска НАТО оставляют за собой право расценить отказ как недружественное действие.

— Наконец-то. — Криворучко удовлетворенно крякнул и проорал: — Ну, теперь вешайтесь, чурки!

— Хорош врать! Чего пиндос говорит? — раздалось из-за баррикады.

— Вот это самое и говорит!

— Не может быть!

— Очень даже может! Всем чуркам вешаться согласно Вашингтонского договора две тысячи тринадцатого года!

— Пиндосские свиньи! — взвизгнул бригадный генерал Хухуев.

— Моджахеды не сдаются! — подсказал ему Криворучко.

— Сам дурак!

— Повторяется. — Криворучко улыбнулся. — Занервничал, чучмек.

Иванов скрылся в люке, потом выбрался обратно с пластиковым стаканчиком. Перегнулся вниз, протянул стаканчик подполковнику.

— Кофе.

— А мне? — железным голосом спросил переводчик. Криворучко от неожиданности подпрыгнул.

— Тыфу, черт, — сказал он, принимая стаканчик. — Сделай пиндосу тоже. Только послабее.

Моргенштерн отстегнул от пояса рацию и что-то в нее забормотал.

— Жалуется, падла, что ему первому кофе не дают, — объяснил Криворучко лейтенанту.

— Может, ему еще туалетной бумаги отмотать? — бросил Иванов презрительно.

— Даже не вздумай.

— И в мыслях не было, товарищ подполковник.

Криворучко допил кофе, вернул стаканчик лейтенанту, дождался, когда снова нальют, и передал мутную жидкость Моргенштерну.

— Ну, что делать-то будем? — спросил он советника. — А? Чего молчишь, пиндосина? Давай, жри наш русский кофеек. Авось подавишься и сдохнешь.

Моргенштерн подавился, облил себя кофе и принял мучительно кашлять. Подполковник зашел за танк и от души треснул советника кулаком по спине.

— Не сдох, — констатировал он, возвращаясь на открытые место.

Из-за баррикады показалась бритая голова.

— Русские! Скажите пиндосу — договор неправильный!

— Какая разница?! Нам по хрену ваши договоры с пиндосами! Вешайтесь, чурки!

— Вы же войска НАТО!

— А нам по хрену!

— Вы же русские...

— И поэтому нам по хрену!!!

Голова исчезла. Иванов снова курил, разглядывая баррикаду.

— А то стрельнуть разок? — спросил он. — Для острактики.

— Тогда пиндос точно сдохнет. В Вашингтонском договоре про стрельбу ни слова. Там написано, что, как только приходят войска НАТО, все негодяи сами разбегаются.

Моргенштерн за танком чихал и плевался. Иванов курил. Криворучко ждал.

— Эй, русские! — позвали из-за баррикады. — Слушай, ехали бы вы домой, а?

Иванов выматерился и полез в башню.

— Лейтенант! — прикрикнул Криворучко.

Иванов высунулся обратно.

— Ты мне брось эти еврейские штучки, — посоветовал Криворучко миролюбиво.

— Вы бы потом сказали, что я случайно задел спуск.

— Ага, самогом... Отставить, лейтенант. Спокойнее.

Моргенштерн снова бубнил в радио.

— Теперь жалуется, что я его ударил, — предположил Криворучко. — Чмо.

Из хвоста колонны прибежал вестовой.

— Товарищ подполковник, идите завтракать.

— Принеси сюда. Мне и лейтенанту.

— Есть.

Моргенштерн закончил общение с радией и взялся за переводчик.

- Сообщили ли вы противнику, что войска НАТО оставляют за собой право...
- Уже два раза, — перебил Криворучко.
- Twice, — перевел лейтенант.
- And fuck you, — добавил подполковник. — Ой, блин. Само вырвалось. Я этого не говорил.

Моргенштерн впал в задумчивость.

Пришли бойцы в поварских халатах и шапочках. Через пару минут посреди дороги красовался стол, накрытый белоснежной скатертью и уставленный посудой. Принесли два стула. Иванов слез с брони.

— Что у нас сегодня? — спросил Криворучко, усаживаясь. — Опять яичница? Ладно, ладно. Лейтенант, присоединяйся.

— Русские! — крикнули из-за баррикады. — Водки хотите?

— Точно нервничает чурка. — Подполковник усмехнулся. — Ишь, заигрывает.

Некоторое время ничего не происходило. Офицеры завтракали, Моргенштерн тупо глядел на свой переводчик.

— Русские! А русские!

— Чего надо? — невнятно спросил Криворучко, жуя.

— Вы сколько тут еще будете?

— А у тебя что, намаз? Иди, мажься! Мы тут надолго.

Навсегда.

— Вот же свиньи... — раздалось из-за баррикады.

Подполковник запил яичницу огромной кружкой кофе, откинулся на спинку стула и задумчиво оглядел свой живот.

— Кончится война, — сказал он, — займусь спортом. Бегать буду. Каждое утро. Ну, не каждое, но по выходным точно. По воскресеньям.

Моргенштерн вышел из прострации и снова взялся за радиопереговоры.

— А я в деревню уеду, — сообщил Иванов, доставая сигареты.

— Уволишься, что ли? Брось. Между нами, тебе следующая звездочка вот-вот капнёт.

— Спасибо, конечно, но... Надоело пиндосам служить. Заведу лучше пасеку, медовуху буду гнать. Вы в гости приедете.

— Ты не пиндосам, а Родине служишь! — заявил подполковник твердо. — Как говаривал товарищ Сталин, гитлеры приходят и уходят, а русские остаются.

— М-да... — сказал Иванов. И больше ничего не сказал.

Стояло ясное утро. Солнце все выше поднималось над Москвой. Иванов курил, пуская дым в небо. Криворучко неодобрительно шурился на торчащую из-за Кольцевой дороги бетонную иглу Останкинского минарета.

Моргейштерн издал неясный звук, пытаясь привлечь внимание.

— Что тебе? — спросил Криворучко. — Жратъ охота? Увы, совсем ничего не осталось.

— В связи со сложившейся кризисной ситуацией командование дает приказ отступить для проведения консультаций и перегруппировки сил! — объявил переводчик.

— Ну и отступай, — добродушно согласился Криворучко.

Советник прицепил на пояс радио, убрал переводчик в карман и короткими перебежками ускакал в хвост колонны, к своему «хаммеру».

— Пиндос, — совершенно без выражения сказал подполковник.

Подумал и добавил:

— Вот ведь послал нам Бог дурака. Уж и кормить его перестали, вторую неделю сухпаем давится, а все никак не поумнеет.

Подошли бойцы, начали собирать со стола.

— Слушай приказ, — сообщил подполковник, ни на кого не глядя. — С этой минуты пиндосу кофе ни грамма. Довести всему личному составу.

— Есть.

Бойцы забрали посуду, подхватили стол и удалились.

— Эй! — крикнул подполковник вдогонку. — А узнаю, что кто-то дал пиндосу туалетной бумаги, — разжалую и посажу!

Иванов встал, потянулся, забрался на танк и сказал в люк:

— Завтракать идите.

Из машины полезли заспанные танкисты.

Иванов оглянулся на Москву, посмотрел на Криворучко.

— Ну так что? — спросил он. — Развернем лагерь прямо здесь?

Криворучко закинул ногу на ногу, почесал серую щетину на подбородке и произнес:

— ...И назовут это позже «Стояние на реке Москве». Ты готов войти в историю, лейтенант?

— Вляпаться в историю не готов, — быстро ответил Иванов. — А войти — всегда пожалуйста.

Подполковник встал и принялся расхаживать туда-сюда поперек шоссе.

— Русские! — позвали из-за баррикады. — Ну чего вы тут застряли? Почему не отступаете?

Криворучко покосился на лейтенанта.

— Пиндос настучал, — сказал тот. — Зуб даю.

Подполковник заложил руки за спину и хмуро уставился на баррикаду.

— Водки подарим ялцик! — крикнули оттуда. — На посошок!

Подполковник щелкнул пальцами. Лейтенант быстро протянул ему мегафон.

— Ну два ящика! — надрывались за баррикадой. — Больше нету, мамой клянусь!

Криворучко задумчиво покачивал мегафоном.

— Два с половиной ящика! Больше точно нету! Только уезжайте уже, Христа ради!

Иванов на башне обидно захохотал.

— Чего-то не нравится мне «Стояние на реке Москве», — сказал подполковник. — Не звучит. И скучно будет смотреться в учебниках. Детям неинтересно такое читать.

— Московская битва? — предположил Иванов.

Криворучко поднял мегафон, направил раструб к баррикаде и рявкнул:

- Эй, чурка! Фамилия!!!
- Два с половиной ящика!.. Бригадный генерал Хуев!

Криворучко опустил мегафон.

- Спасибо, чурка, — сказал он тихонько. Вернул мегафон Иванову и в ответ на его недоуменный взгляд объяснил:

— Не бывает таких исторических сражений, чтобы полководец не знал имени своего врага.

Иванов согласно кивнул и сунул мегафон в башенный люк.

Подбежал вестовой.

— Товарищ подполковник! Там пиндос волнуется. Спрашивает, когда поедем.

— Не поедем, — отрезал Криворучко. — Иди скажи начальнику штаба, что после завтрака я назначил войну с чурками. Пусть готовит приказ. Да, особо отметить — пиндосу об этом знать необязательно.

— Есть! — Вестовой просиял лицом и убежал с такой скоростью, что над асфальтом поднялась пыль.

— Гляди, лейтенант, — сказал Криворучко, — как солдат войне радуется. А ты увольняться хочешь.

Иванов опять закурил, смял в кулаке пустую сигаретную пачку и швырнул ее на обочину.

— Может, я передумал.

Из-за баррикады кто-то махал белой тряпкой.

— Московская битва... — мечтательно протянул лейтенант.

— Водки! Два с половиной ящика! — орали за баррикадой. — И бабу! Хотите бабу, русские?! Баба хорошая, не пожалеете!

Криворучко недобро рассмеялся:

— Нет, лейтенант, не битва.

Иванов ждал продолжения. И подполковник сказал:

— Московское побоище.

Солнце поднималось все выше в безоблачное небо над древним русским городом.

Ника Батхен
ЖИЛ ДА БЫЛ БРАДОБРЕЙ

Начала войны Мосес Артурович не запомнил. Неудачное обострение язвы загнало его на больничную койку. Когда сбросили бомбы на Москву, Минск и Новосибирск, он лежал под ножом. Пока ракеты жгли Одессу, Киев и Львов, он жарко бредил и санитарки связывали беднягу простынями, чтобы не навредил себе. По счастью, начальник госпиталя распорядился перевести людей в подпольное бомбоубежище еще при первой тревоге, поэтому у больных был куда больший шанс выжить, чем у здоровых. И Мосес Артурович свои шансы использовал во всей полноте... Смерть любимой Марточки заставила его пожалеть о крепости здоровья, но оставались сын Георгий и дочка Натуся. Сын был следователь, во время неразберихи, оставшейся в хрониках как Смоленская резня, он железнной рукой наводил порядок и в итоге оказался в команде военной администрации города. Дочка же всегда была хрупкой, болезненной, а ужас первого дня войны лишил ее речи и уложил в постель — она перестала вставать и почти не ела. Только плакала, когда начали выпадать волосы — роскошные, черные как смоль кудри. Мосес Артурович сам обстриг свою девочку, пообещав, что все отрастет. И ошибся. Волосы выпадали у молодых, старых, здоровых, больных... Кто-то брался наголо, кто-то повадился торговать париками, собранными из загодя срезанной «красоты». В любом случае Мосес Артурович остался без работы. Он был парикмахер. И отец его был парикмахер, и дед, и прадед... Много-много поколений узкоплечих, низкорослых, длинноносых армян с ножницами, бритвами, щетками и секретами — чем освежать ко-

жу, как пускать и останавливать кровь, удалять мозоли, завивать локоны «чипцами», замешивать хну и басму, на чем настаивать репейное масло. А после войны людям были нужны жизнь, тепло, хлеб, оружие и лекарства, тем паче что стричь теперь стало нечего.

По-немецки основательная Марточка оставила семье запасы пищи месяца на четыре. Крупы, чай, сахар, варенье, консервы и сухофрукты. Кое-что можно было попробовать выменять на старинное блюдо и ложки из почерневшего серебра. Сын не ел и почти что не появлялся дома — власть в городе надо было держать, как взбесившуюся собаку — за горло. Мародеры, рейсеры, бандиты, заезжие гастролеры... Ходили слухи, что в Смоленске запасов еды и бензина лет на пять с небольшим. Удивительно даже, с какой скоростью дичали люди, лишившиеся правительства и хотя бы видимости закона. Не прошло и недели после конца войны, как ходить по ночам стало опасно, впрочем, стреляли мало, экономя патроны. Телевидение не работало, радио сходило с ума от радиации, мобильная связь умерла. А вот электричество, воду и канализацию удалось сохранить. Очень много было больных — обожженных, пострадавших от облучения. Тотчас пошел первый виток лучевых болезней, через месяц началась эпидемия собачьей чумы — болезнь мутировала и перешла на людей. В городе перестреляли почти всех собак, но было поздно.

Первое время Мосес Артурович варил кашки на электроплитке, кормил, умывал и носил на горшок Натусю, читал раз за разом одну и ту же «Голову профессора Доуэля», огорчаясь судьбе несчастной Брике, экономно курил сигареты по три в день в три приема и залечивал плохо заросший живот. Когда шрам затянулся толстой розовой кожей, парикмахер договорился с пожилой соседкой, что она будет днем присматривать за Натусей, и отправился в госпиталь вкалывать санитаром. При больнице — значит при еде, при витаминах, при лекарствах и относительно безопасно, так говорил фронтовик, дед Мосеса, который со своим медсанбатом дошел до Берлина. Риск подцепить заразу, конечно, присутствовал, но риск умереть от голода или отсутствия анти-

биотиков был, несомненно, выше. В свои сорок четыре Мосес Артурович был вполне крепок, труда и крови он не боялся, а сочувствие к людям не растерял. Поэтому в госпитале его ценили. В свободную минутку он всегда соглашался срезать мозоли, побрить тех, у кого еще росли бороды, и постричь ногти лежачим больным — за сущие копейки, а иногда и бесплатно. Врачи любили распоротного санитара, медсестры смотрели сочувственно вслед доброму, трезвому, работающему вдовцу, но куры никто особо не строил — знали, что у мужчин не все ладно, да и лысых голов стеснялись. Больше года в Смоленске почти не рождались дети, а из тех, кто родился, большинству лучше было бы не быть зачатыми. Но со временем малышей стало больше, часть из них выживала и даже обзаводилась нежными, кучерявыми младенческими шевелюрами. Спустя три года Мосес Артурович тихонько пустил слезу, собираясь стричь в первый раз прелестного белокурого мальчика, руки чуть-чуть дрожали — от волнения и от счастья.

Немая Натуся со временем встала на ноги, начала потихоньку прибираться в доме, обстирывать себя и отца, готовить немудрящий обед... Как же славно, что вокруг Смоленска уцелели поля и фермы. Первый урожай сожгли, потом привыкли — все вокруг было если не «горячим», то «тепленьким». У коров и овец тоже были проблемы с отелом, зато овощи-фрукты на удивление дали в рост, на картошке с капустой можно было вполне сносно выжить, да и хлебушек был. Электричество стало дорого, вода дорога, бензин и вовсе на вес золота. Заводы по производству сельхозинвентаря, чулочная фабрика и «Аналитприбор», на котором наладили выпуск дозиметров, как-то жили и давали хлеб рабочим, госпиталь тоже держался. Алмазный завод обнесли дочиста в первую же зиму... Господи, кому сейчас нужны алмазы? У Георгия в С. ЧК каждый месяц кого-то расстреливали за грабежи и разбой. «Когда приходит голод, уходит стыд», — повторял дедову поговорку Мосес Артурович и качал головой. Он завел себе мягкую шляпу и не снимал ее круглый год, только в госпитале меняя на аккуратную белую шапочку.

Через четыре года после войны сын женился на дочери смоленского предводителя. Была славная свадьба, с водкой, мясом, сотней гостей, и даже приглашенный оркестр наигрывал танцы. Георгий звал их обоих, но Натуся наотрез отказалась появляться на людях, да и Мосес Артурович засиживаться сверх вежливого не стал. От первых лиц города пахло кровью, а этого запаха парикмахер нанюхался в госпитале. Через пять лет и один месяц невестка родила сына, Артура, и мальчишка получился почти здоров. Еще через год неожиданно вышла замуж Натуся — проклятие «никому не желанной старой девы» миновало ее. Санитарка из госпиталя сосватала своего двоюродного брата. Правда, парень был тоже немой, но зато работающий — столяр, печник и на все руки мастер. А вот причесать единственную дочь на свадьбу не вышло, пришлось покупать парик — и об этом отец жалел куда больше, чем о бедном столе и тихом веселье.

Праздник кончился, начались будни. В маленькой двухкомнатной квартирке стало тесно, молодые общались друг с другом молча, замечали только друг друга, и это слегка обижало старика. Детей у Натуси не получалось — к худу или к добру, но она не беременела. Муж кормил ее досыта, хозяйство совсем поправилось, тяжкий труд Мосеса Артуровича перестал быть настолько нужен. Да и, будем честны, добросердечной, сочувственной всякой боли натуре парикмахера тяжело давалась работа в госпитале, в окружении мук и смерти — а умирали многие... Осторожный Мосес Артурович начал с малого — новозился на кухоньке, вспоминая советы деда и рецепты покойной жены, побродил по оврагам и склонам, благо пустые кварталы застраивали с невероятной скоростью. Четыре месяца каждый вечер он обкладывал Натуськину голову теплым полотенцем, вымоченным в репейном масле, на лицо шла другая маска из распаренных трав. И случилась чудо — худосочная дочка стала розовощекой, кожа засияла, ушли морщинки из уголков рта и глаз, а самое главное — начали отрастать волосы. Не такие кудрявые и густые, очень медленно... но дочь была счастлива. И отец тоже — светлая мысль наконец-то сложилась в его голове.

Парикмахерская работа делает людей красивее — и молодых и старых, и дурных и хороших. Даже древней старухе хочется выглядеть женщиной. Сразу после войны людям было не до волос — болезни, голод, пограничные стычки. А теперь стало легче, сытнее, порядок какой-то установился в городе. Появилась лишняя крошка, случайная монетка, которую не жаль отдать мастеру, чтобы выглядеть лучше. Мосес Артурович всегда считал, что у счастливых женщин добрые мужья и веселые дети. А любая капелька счастья, любая улыбка помогает выздороветь от войны.

Неизвестно откуда он добыл своего Бурана — в городе почти не осталось собак, тем более таких крупных. Но добыл, подкормил и даже научил возить маленькую тележку с инструментом, снаряжением и прочей поклажей. Золингеновские опасные бритвы остались еще от деда, ножницы были свои, вместо крема для бритья подопшел мыльный корень, вместо красок для париков — настои луковой кожуры, ромашки, ревеня и скорлупы грецких орехов. От чирьев, зуда и лучевых язв — цоронюк из зверобоя с шалфеем и подорожником, мазь календулы на нутряном сале, от мозолей, трещин и воспалений — кора дуба, для лучшего укрепления здоровья — облепиховый сок. И конечно, не обошлось без репейного масла — напоследок из госпиталя Мосес Артурович вместо денег взял целый ящик пустых пузырьков от лекарств. Добрый зять смастерили два складных стула и легкий тент. Парикмахер дождался весны — десятой весны после первой бомбардировки, — и работа пошла.

Он со своей тележкой беспрепятственно разъезжал по городу, таскал ее по единственному мосту через Днепр, в солнечные дни, случалось, устраивался у старинной кремлевской стены — от кирпичей фонило, но мощь красноватых, поросших мхом стен казалась успокоительной. «Стрижка-бритье-косметика!!! Ррррепейное масло для ррроста волос!» Куда бы Мосес Артурович ни пришел со своей переносной цирюльней, очень быстро к тележке вставала очередь. Желающие побриться подставляли щетинистые щеки под блестящее лезвие с золотыми готи-

ческими буквницами, женщины раскупали краску для пакриков, решенное масло и другие снадобья. Редкие счастливицы заказывали «мне модельную стрижку, пожалуйста» и мли под взглядами завистниц, пока мастер сооружал из жиidenьких, мягких волос умопомрачительные прически. Уличных воришек и мелкую шушеру отпугивал внушительный вид Бурана — всклокоченная черно-рыжая шерсть и желтые клыки придавали свирепости в общем добродушному псу. Рейсера посеребреней его тоже не трогали — мало кому хотелось связываться с отцом Георгия Сарояна, третьего человека в городе... Сын пробовал говорить с ним, убеждал оставить промысел — мол, позорище имя семьи. Кроткий Мосес Артурович просто сказал, что по его, отцовскому, мнению, кровавый хлеб позорит имя семьи, а честным парикмахерским делом зарабатывали деды и прадеды. И он, Мосес, пока что отец и старший мужчина в роду. Он не учит Георгия, как управлять людьми, так пусть и сын не сует нос в его ножницы, много воли взял. Слепому нет дела, что свечи подорожали. Сын подергал щекою, но промолчал. После этого разговора отца с дочерью перестали приглашать в дом к молодым Сароянам.

Вскоре Натуся освоила нехитрое искусство варки масла и мазей, сбора, сушки и растирания трав. Лавку сделали тут же, в первом этаже дома. Зять помог обустроить помещение, собрал из осколков стекла два окошка, приколотил над входом вывеску и засел с женой вместе торговать немудрящим товаром. Предпримчивая Натуся было хотела обзавестись «черными» лекарствами через связи мужниных родичей, но тут Мосес был непреклонен — ворованным в его роду торговать никто никогда не будет. Сам он по прежнему колесил по Смоленску, а следующим летом, как подсохли дороги, начал выбираться к окрестным селам и городкам. На старости лег в нем проснулась тяга к бродяжничеству, перемене мест. Он убеждал родных (да и себя тоже), что основной целью его путешествий были лекарственные травы, коренья и «чистые» продукты, которые удавалось выменивать у сельчан, но куда важней ему было засыпать под

открытым небом, видеть аистов, слушатьочных соловьев и трескотливых кузнечиков. Ему нравилось подогревать над огнем куски хлеба, насыженные на ветку, гладить по мягкой шерсти верного пса, смотреть в небо и думать о бренности всего сущего. Женщины в деревнях были проще, выглядели здоровей, чем измученные всевозможными хворями смолянки, их визит парикмахера особенно радовал — сидя под ножницами всякая норовила порасспросить о делах в столичном городе и рассказать о своих, сельских новостях. Случалось, и письма просили передавать в город, родственникам. Глядя, как хорошеют, оттаивают усталые женские лица, Мосес Артурович тихо радовался и, случалось, в задумчивости мурлыкал под нос любимую песенку:

...Жил да был брадобрей,
На земле не найти добрей...

Узнав о его хождениях, сын убедил старика обзавестись винтовкой на случай встречи с волками или шальным медведем и сам преподнес отцу охотничий карабин с выпреленным разрешением. Мосес Артурович поворчал, но подарок принял. Он знал, что на человека у него рука не поднимется, а вот защитить себя и Бурана от волков или одурелого от жары кабана, может, и вправду придется. Да и выглядел карабин роскошно, было чем похвалиться перед соседями — уважает сын старика отца, любит.

Гладкоствольная «Сайга» с полированным темным прикладом, она чуть не стоила жизни мирному парикмахеру. Дело было в июле, аккурат под летнее солнцестояние. Они с Бураном заночевали в березняке, не доходя сельца Верхнее, — уж больно славный выдался вечерок, теплый, светлый, пронизанный птичьим пением. Умиленный Мосес Артуровичглядел в лесу мать-лосиху с тупомордым детенышем и, пока не заснул, все вздыхал. Он скучал по внуку, старые руки ждали мальчат и девчушек — обнимать, тискать, доставать из карманов принесенные сладости, неторопливо рассказывать прадедовские армянские сказки и укладывать спать, подтыкать одеяло под теплые спинки...

Разбудил парикмахера лай собаки. В серых утренних сумерках он увидел, как к костровищу подошел вооруженный мужчина, за ним еще несколько — большинство в камуфляже, все с автоматами. Буран попробовал броситься, защищая хозяина и имущество, его срезали одной пулей в раскрытую пасть. Мосес Артурович понял, что к волоску его жизни поднесли бритву. Прикрыв глаза, он стал беззвучно читать «Отче наш», потом попросил у бога защиты и благополучия для детей. Рейсеры тем временем распотрошили тележку, запахло речным маслом и травами. Двое заспорили из-за оружия, третий прервал их: «Атаману подарок будет». Потом парикмахера взяли за грудки и рывком заставили сесть. Одутловатый, какой-то бугристый мужик с татуированными руками и помладенчески беззубым ртом посмотрел Мосесу Артуровичу в глаза:

— Жид?!

Мосес Артурович мотнул головой:

— Армянин.

— А я говорю, жид пархатый, — рявкнул рейсер.

— Армянин я.

— Мусульман?

— Православный. Крещеный. — Дрожащими пальцами Мосес нащарил под рубахой старицкий серебряный крест. Бандит сильным рывком сорвал украшение с шеи старика:

— Подходяще. Ну, молись, армянин, перед смертью, раз ты крещеный. Батюшки исповедовать, уж прости, нету.

Он поставил старика на ноги, толкнул в сторону берез и достал из подсумка нож. Мосес глухо вздохнул:

— Покурить бы на дорожку отсыпал, прежде чем убивать.

Чуть помедлив, беззубый достал портсигар и бросил в траву самокрутку. Наклониться поднять ее, а затем встать, не показывая, что колени трясутся, было делом нелегким. Но как же сладок был крепкий табачный дым... Один из рейсеров, шрамолицый и злой на вид, подошел к беззубому показать добычу. Золингеновские бритвы и ножницы вызвали интерес.

— Дед, а зачем ты с собой эти штуки таскаешь? Кто ты вообще такой, почему в лесу спиши? — лениво спросил беззубый.

— Я мирный старик, парикмахер, — хриплым шепотом выдавил Мосес. — Хожу по деревням, людей стригу, масло для волос продаю. Чем я вам помешал, товарищи военные?

— Уважает... — хохотнул беззубый. — Товарищи! Военные! И не соврал, дед, мы служилые люди Божьего Атамана Ильи-Пророка. Военные. Скоро край будет наш, пусть тогда кто попробует слово вякнуть. Парикмахер, говоришь... Баб стрижешь?

— Был мужским парикмахером. Причесываю, стригу, брею, крашу, педикюр могу сделать, мозоли срезать, кровь пустить, чирей вскрыть, банки поставить или пиявок. (Тут Мосес врал — пиявок он никогда в жизни даже в руках не держал.)

Беззубый поскреб в затылке.

— Мозоли, говоришь... А за бородою умеешь ухаживать?

— Все умею, — твердо сказал Мосес Артурович, он почувствовал, что пахнет жизнью.

Две недели он волокся вслед за отрядом. Угнаться за здоровенными мужиками лет на двадцать его моложе было тяжко. Помогало только ясное понимание: отстает — убьют. По дороге собирали дань с двух сел и пожгли отдаленный хутор. У Мосеса сердце кровью обливалось от предсмертных воплей скотины и криков детей, но сделять он ничего не мог. Наконец ввечеру пятнадцатого дня пути они добрались до места.

Деревня Спас-Углы была огорожена мощным сосновым тыном с воротами. На башенке стоял часовой, за забором надрывались собаки. Вернувшихся рейсеров встретили радостным шумом, навстречу выбежали женщины, дети, за ними степенно вышли взрослые мужики. Часть отряда осталась у ворот разгружать добычу и отвечать на приветствия. Беззубый потащил пленника дальше, к трехэтажной, разукрашенной искусствой резьбой хоромине. На крыльце уже ждал гостей батюшка Атаман. Мосес Арту-

рович обомлел — он забыл, что на свете бывают такие волосы. Рыжая грива Божьего Атамана Ильи-Пророка свисала до того места, где у женщин бывает талия, роскошная борода прикрывала живот. Подойдя к ступенькам, беззубый склонил голову:

— Благослови, батюшка, твоими молитвами живы вернулись.

Атаман хлопнул ручищай по плечу беззубого:

— Благословляю! Докладывай... хотя нет, погоди. Это что за жидок с тобою?

— Не жид, батюшка Атаман. Армянин крещеный. Парикиахер.

— Борода моя тебе, босорылому, спать не дает?! Сгубить решил божью благодать?! Христопродаец!!! — наливвшись кровью, вдруг заорал Атаман.

Беззубый пал на колени.

— Упаси боже, батюшка! Этот, — он ткнул в Мосеса Артуровича, — за волосами ухаживать умеет по-всякому, чесать как надо, маслом мазать, чтобы росли лучше... Мозоли срезает!

— Мозоли? — Атаман утих так же быстро, как и взъярился. — Мозоли — это хорошо... Эй ты, жидок, звать тебя как?

— Мосес Артурович. Я армянин, — парикмахер задумался на мгновение, — ваше превосходительство!

Атаман хохотнул:

— Ишь, ловок... Превосходительство, хорошо сказал. Мосес... Мойша, что ли? А говоришь, что не жид. Ладно, пойдешь в дом, к бабам, возьмешь, что тебе нужно. И чтоб через час у меня на пятках ни одной мозоли не было. А порежешь или сбежать задумаешь — пристрелю. Пошел!

Атаман наградил парикмахера тычком в спину и повернулся к беззубому:

— Докладывай, Ангел!..

По счастью, в хоромах нашелся тазик, на кухне подхоящий маленький нож и горсть соды, горячей воды тоже было не занимать. Осмелевший парикмахер вышел во двор, напинал подорожника, листьев березы, ромашек...

И минут через сорок Мосес Артурович чутко сидел рядом с пышущим паром тазом, в который Илья-Пророк соизволил поставить свои вонючие ноги — похоже, батюшка-атаман с рождения их не мыл. Клиент остался доволен. Осмелев, Мосес Артурович робко попросился на волю, за что получил по морде хозяйствской дланью. «Служить будешь, человека из тебя, Мойша, сделаем! — повелел Атаман. — Хату ему, бабу в жены и за ворота не выпускать!» Гогочущие рейсеры тут же притащили одноглазую, тошную, как береза, немолодую вдову. Божий Атаман Илья-Пророк торжественно обвенчал ее с новым мужем и велел до утра не показываться ему на глаза.

Неожиданную жену звали Аграфеной, у нее была довольно большая, но совершенно разваленная халупа на южном краю села, подле тына, курятник с пятком плеших кур, огородик и пятеро деток. Тринадцатилетняя красавица Любава, две подлеточки, веснушчатые близняшки Лелька и Лялька, десятилетний дурачок Юра и только начавший ходить Пашка. Когда потешный кривоногий пацаненок приковылял поздороваться с новым дядей и, поломавшись для виду, согласился пойти «на ручки», Мосес Артурович в первый раз за две недели перестал жалеть о своем приключении. Он подхватил теплого, чумазого малыша, неловко тронул губами макушку в младенческом белесом пуху и отвернулся лицо, пряча подступившие слезы. «Ишь, ирод... детишек любит», — умилилась хмурая Аграфена.

Брака как такового у них не вышло — то ли стар был Мосес Артурович, то ли «лучевка» сделала свое дело, то ли дети во сне ворочались, то ли сама вислогрудая, высохшая супруга не прельстила — бог весть. В остальном же, на удивление, они сладились, поутру новобрачная встала первой, чтобы подать мужу завтрак — жалкую маленькую яичницу (половину Мосес все равно скормил Пашке). Заев угощение черствым хлебом, Мосес Артурович прошелся по хате, высматривая, что тут можно отладить, но взяться за молоток не успел — примчался парнишка от Атамана, мол, парикмахера требуют, расчесать драгоценную бороду перед утренней службой. При-

казали так приказали. Покорный Мосес Артурович подровнял, подмаслил и уложил роскошную бороду Ильи Пророка, попробовал взяться за гриву и отступил — мол, после бани бы, с маслом репейным да частым гребнем, и то заботы часа на два. Атаман легко согласился — на днях свадьба, перед ней банька, тогда и расчешешь. А пока ступай молиться со всеми честными хрестьянами.

Служба прошла на площади, перед хороминой. Жители Спас-Углов собрались приложиться к иконе Спаса, обменяться с соседями братскими поцелуями и послушать короткую, но весьма энергичную проповедь Ильи Пророка. Атаман пообещал скорое процветание и наступление Божьего Царства, красочно описал, что именно сотворит небесное воинство с врагами и нехристиами, не признающими последнего из пророков, скромно похвалил Беззубого Ангела за успешный рейд, приказал выпороть за нерадивость пастуха Якова и повелел начинать хоровой гимн во славу Христа, Богородицы и Пророка. Все сельчане истово повторяли за Атаманом слова кощунственной молитвы. Мосес Артурович удивился — похоже, люди и вправду сочли святым этого вшивого, неопрятного рыжего жулика. Когда народ разошелся — кто на работы, кто за добычей, кто охранять границы, — его снова позвали в хорому. Четырем женам Пророка тоже нужен был парикмахер — посоветовать кремы и маски для лица и волос, срезать мозоли и поухаживать за ногтями. Три жены были веселы, щебетали и наперебой выхваляли мастера, четвертая уныло сидела в углу, обхватив руками живот. «Выгонят ее завтрева, — радостно сообщила Мессесу Артуровичу самая молодая. — У ней в пузе детки не держатся, троих скинула».

Так и вышло — на следующий день перед службой несчастную бабу со всеми пожигками спихнули со ступенек хоромины с наущением возвращаться к родне. Днем парикмахер причесал на девичник молодую невесту — пышнотелую тихоню лет шестнадцати с жиденькими, но длинными русыми волосами. Вечером собственноручно вымыл голову атаману, намазал репейным маслом, вычесал гребнем вшей, выстриг несколько колтунов и посове-

товал впредь собирать кудри в косы хотя бы на ночь. За что и был наказан — Илья-Пророк тут же повелел Мойше впредь каждый вечер заплетать ему волосы, а заодно чесать пятки перед сном. После бани начался мальчишник во всей красе — Атаман с приближенными гуляли, пили чистый, как слеза, самогон и хвастали подвигами. Вскоре Мосеса Артуровича затошило — не от выпитого, от баек. Он терпеть не мог запаха крови и полагал жизнь человеческую самым ценным из божьих даров. К тому же с молоком матери впитал уважение к женщине, к чуду зачатия и рождения. Очень сильно хотелось уйти, но пришлось дожидаться, пока Пророк налакается как свинья и отправится спать. Под присмотром бдительного охранника он заплел атаману волосы на ночь и убедился, что прическа не помешает пьяному. Можно было отправляться домой. У ворот парикмахера остановила кухарка, вручив солидный кусок свинины и бутыль самогона — за труд.

Довольная Аграфена покормила мужа теплой картошкой, вознамерилась налить рюмочку, но Мосес Артурович отказался. Вместо этого он велел бабе выйти с ним до курятника и там, подальше от чужих ушей, стал расспрашивать — кто таков Божий Атаман, откуда взялся и почему мужики его слушают. Оказалось, его превосходительство объявился в деревне через месяц после войны во главе небольшого, но хорошо вооруженного отряда. Захватить власть в селе, где половина людей еле таскала ноги, было несложно. Но держать под дулами автоматов толпу сельчан Илье показалось делом неблагодарным. Он заявил, что избран богом, небесные ангелы хранят его от радиации и нашептывают пророчества о конце света и скором пришествии Христа. В доказательство он предъявлял безупречную шевелюру, железное здоровье и, казалось, неиссякаемую мужскую силу — а ведь в деревне первый год после войны почти никто из мужиков не мог.

Ей, Аграфене, тоже выпало попробовать благодати — только сыночек родился глупый. А у других и здоровенькие рождались, да и до сих пор рождаются — половина деток в селе Ильичи. Пашка, он от второго мужа;

первый умер в Смоленске, он свекровь навестить поехал, там и остался. А со вторым, Шуркой-пришлым, ее Атаман у колодца венчал. Хорошо жили, только Шурка крут был — и ногами бивал, и кулаком проходился по пузу. Один разок недосмотрела — дурачок в суп чихнул, — так Шурка его порешить хотел, еле-еле собой прикрыла, он по лицу ботинком вдарил, с тех пор глаз высох. Застрелили его у Гагарина, когда Пророк в дальний набег ходил. Вернулся б — и Пашку не доносила б. А так отгородиком пробавлялись, грибами, Любавка с семи лет помогала везде, раньше и козочка-кормилица блеяла, так о прошлом где сломала ногу — пришлось зарезать... Да, а Илья-Пророк правду чуял: где что творится, откуда враги придут, какая погода будет. Больных, случалось, руками лечил, кому помогало. Когда собаки из лесу поперли — загодя велел изгородь ставить, тын уже потом выстроили. И никто село не жет, не грабил, живность не уводил. Наоборот, вся округа Спас-Углы почтает столицею, Пророку кланяется, дань шлет. У них даже два рабочих трактора есть и армейская бронированная машина, бензин Ангел выменивает в Покровке, на мясо. А пушки чугунные местный умелец отливть в яме придумал. Одна взорвалась, остальные стреляют — редко, но метко, отбиться пока хватает. Так что дай бог Божьему Атаману Илье-Пророку долгой жизни...

На следующий день была свадьба. Рейсеры гуляли шумно, мужики держались скромнее. Невеста счастливой не выглядела. Почему — Мосес Артурович понял, увидев ее наутро после брачной ночи — заплаканную, избитую, с вырванными волосами. Похоже, мужу супруга не угодила. Илья-Пророк повадился бить ее каждый день, а после первого выкидыша выгнал вон и взял новую женку, из плениных. Той повезло больше — она забеременела тотчас и через несколько месяцев уже гордо носила острое пузико. Жизнь в селе шла своим чередом. Пару раз случались пограничные стычки, взбунтовалась деревня Грязищи, и рейсеры выжгли ее дотла. Кто-то рождался, кто-то умирал, кого-то пригоняли вместе с коровами и лошадьми из других областей. Пророк читал

свои проповеди, пару раз в месяц и вправду впадая в припадки то ли ясновидения, то ли безумия. Однажды во время приступа он разоблачил заговор, троих мужиков и бабу вытащили из толпы и тут же, на глазах у всех расстреляли. Унылый Мосес Артурович каждый вечер заплетал атаману волосы, умащал драгоценную бороду и по отдельному повелению чесал пятки, пока повелитель не соизволит заснуть. С атаманскими женами было проще — у трех старших закучерявились отрастающие шевелюры, мягкие и красивые, — за одно это они готовы были носить чудо-мастера на руках.

С Аграфеной все было ладно, пару раз она попробовала прикрикнуть на мужа, но быстро увяла — ссориться парикмахер терпеть не мог, но и от своего мужского гла-венства в семье отказываться не собирался. Дом отстроился, печь обмазали глиной, щели в бревнах заткнули, крыльцо подновили и разбухшие рамы подрезали. Дети отчима полюбили, малыши Пашка вскоре стал называть папой, дочерям он велел говорить «дядя Мосес». Стало сытие, под Рождество Атаман от щедрот подарил молочного поросенка и пожилую, но вполне еще лойную козочку. Единственным горем в семье стала смерть дурочка Юры — девчонки недосмотрели, он наелся снега в мороз, начал маяться горлом и в неделю сгорел от лихорадки. Мосес Артурович чувствовал, что здоровье начинает сдавать, пару раз у него приливалась к голове кровь, иногда по утрам не сразу получалось встать из-за тяжелой одышки, но он надеялся успеть поставить Пашку на ноги и выдать дочерей замуж. Незаметно Аграфенины дети стали ему родными.

В конце августа новая жена Пророка собралась наконец рожать, мучилась больше суток. Когда Атаману показали, что появилось на свет, он велел закопать живьем и роженицу, и младенца. По счастью, дитя не прожило и часа, а мать Ангел осторожно прирезал, прежде чем засыпать землей. На утренней службе Пророк возвестил, что уродливые младенцы — плод совокупления женщины с дьяволом. Двое мужей после этого пристрелили своих несчастных отпрысков, а один до смерти забил жену, вынуж-

дая сознаться в измене. Божий Атаман тем временем уже присмотрел новую невесту. «Тестем мне станешь, Мойша, Любаву вашу жсной возьму, подросла девка. Кто б мне раньше сказал — в родичах жидок будет». «Я армянин», — в тысячный раз повторил Мосес Артурович. И в тысячный раз получил по затылку хозяйствкой суповой дланью. Любава, узнав о сватовстве, той же ночью попробовала повеситься, мать, выйдя во двор по нужде, едва успела вытащить ее из петли. До утра девочка плакала, закатываясь в истерике, как младенец. Отец сидел подле нее, гладил по вздрагивающим плечам и думал. Если семья бежит, их догонят. Если бежит одна Любава — далеко она не уйдет, а мать с сестрами, скорей всего, расстреляют. Уходить имело смысл поутру, с пастухами, — мало ли за каким делом бабы в лес собирались на заре. Главное, не брать с собой слишком много вещей. Дети, дай бог, еще живы, вряд ли Георгий сделает для новой родни слишком много, но ради отца поможет. А не он, так Натуся — по крайней мере приютит и поможет встать на ноги. Девочки вскоре начнут зарабатывать сами. Выживут... Ах, я старый дурак, надо было их ремеслу учить!!!

Любаве он велел наряжаться в меру, быть с Атаманом приветливой, благодарить за честь, но от матери не отходить ни на шаг. Аграфене — обменять козу на хоть какую берданку, а поросенка на пса — мол, муж сбрендил на старости лет, на охоту ему, дураку, приспичило. И чтоб выла погромче! Для верности он поставил жене синяк, небольшой, но заметный, а потом долго просил прощения. Из еды велел заготовить сала, муки, щепоть соли, туесок меда — все легкое, сытное. В сентябре в лесу с голоду не пропадешь. Лельке с Лялькой по девичьему легкомыслию не было сказано ничего — разболтают. Пашке тем паче ничего объяснять не стали, он даже радовался — отец стал с ним больше играть, чаще брать на руки и учить: мол, ты, сынок, старший мужчина в доме. К свадьбе готовились десять дней. Накануне для Любавы собрали славный девичник. Атаман же, по старой своей привычке, вымылся в баньке, созвал дружков и напился до полного свинства. Пока мужики гуляли, Мосес Артурович перемолвился

словом с молодым пареньком из сельчан. Тот давно сох по Любаве, глаз с нее не сводил и, по слухам, сам хотел прислать сватов в конце октября — да вот не успел. К тому же, по счастью, парень был сиротой... Мосес Артурович объяснил ему просто: хочешь девочку нашу спасти, а может, и в жены ее взять — уходи. В Смоленск. Там защита и власть. На рассвете постучишь к Аграфене, уговоритесь, где найдете друг друга в лесу, и веди ее с детьми в стольный город. Только по тракту не ходи — если искать начнут, так по Смоленской дороге. Ты хороший солдат, сынок, ты справишься. А погони за вами дня два точно не будет — это я тебе обещаю как парикмахер.

Когда налитого самогоном по самое горлышко Атамана втащили в спальню, Мосес Артурович последовал за ним — заплести его превосходительству драгоценные волосы и почесать пятки. Охранник закрыл двери опочивальни снаружи и минут через десять, судя по звукам, сам захрапел, словно боров. Осталась сущая мелочь — связать пьяного скота так, чтобы тот не смог и пошевелиться. Веревочные прочные петли на руки, на ноги, руки к ногам, кляп в зубы и еще прикрутить к кровати, чтобы не рыпался. Когда парикмахер попробовал вставить кляп, Атаман проснулся и даже укусил врага за палец, но закричать не успел. Новую петлю Мосес Артурович набросил на шею и слегка затянул, объясняя, что будет, если Пророк начнет дергаться. Острый ножик был заточен заранее. Такой случай — избавить больную землю от отвратительной, грязной, кровавой, развратной свиньи. Мосес Артурович медленно провел острым лезвием по бывшей шее атамана, с наслаждением наблюдая, как мсняется непавистное лицо, как страх искажает черты. Потом достал ножницы. Щелк! Щелк! Щелк! Рыжие с редкой седою нитью волосы падали на кровать и на пол. Обнажалась шишковатая голова с темно-красным родимым пятном на макушке, беспомощный маленький подбородок, тонкие губы, обвислые щеки... Не ограничившись стрижкой, старый парикмахер начисто выбрил Пророка. Волосы, чуть подумав, собрал в наволочку, скатал и засунул в сумку с инструментом. А потом взял заранее припасенную сажу, развел своей же

мочой, обжег на свече иголку и наколол на лбу атамана бранное слово. Он помнил, как делали татуировки «крутые» пацаны в драчливом ереванском дворе. Напоследок Мосес Артурович плонул врагу в глаза, затем уложил на бок, старательно прикрыл одеялом и задул свечку — если кто глянет, решит, мол, спит батюшка. Проснувшемуся было охраннику он сказал то же самое: почивает наш благодетель, велел не беспокоить, пока сам не встанет.

Чтобы не вызывать подозрений, он вернулся домой. Дети спали. Аграфена, тихонько плача, собирала вещи. Надо было сжечь волосы — осторожно, чтобы запах не разбудил никого и не привлек внимание. Написать письмо было не на чем да и нечем, поэтому Мосес Артурович еще раз убедился: Аграфена точно помнит улицу, дом, квартиры и фамилии тех, к кому стоит обратиться за помощью. Он дернул жену к себе на скамью — посидеть рядом на дорожку. Похоже, прав был Илья-Пророк — слюбился, хотя и не так, как с покойной Марточкой, да и брак остался фиктивным. Но эта некрасивая, сухопарая, старая женщина стала ему дорога. С первыми петухами Аграфена подняла детей. Выдала каждому по корзинке, подвязала себе под кофту мешок с едой, велела посыпнее поесть и потсплес одеться. Сонный Пашка сперва расплакался, но Мосес его успокоил, пообещав, что в лесу обязательно встретится настоящая белочка, лисичка, а то и лосенок. Как только стало светлеть за окнами, в дверь постучался давешний паренек. Парикмахер велел жене выдать парню винтовку, встретиться за околицей и слушаться так, как слушалась бы меня, Мосеса. Увидев враз засиявшее лицо старшей дочери, парикмахер понял, что сделал правильный выбор. Лишь бы дошли. Парень канул в светляющих сумерках, Мосес Артурович последний раз расцеловался с семьей. Скрипнула дверь, звякнула цепь конуры, сонно взбрехнул Барбос. Вздохнула калитка... Все.

Он вышел за ограду спустя пару часов после своих. Сказал, что отправился в Патрушево, там охотник взял в капкан барсука, а для мази нет лучше барсучьего жира. Пошел по тракту, за мостом свернул в лес и дал петлю, выходя в сторону большой Смоленской дороги. Прогно-

зов, чем конкретно кончится дело, он дать не мог. С вероятностью Ангел, увидев опозоренного вождя, попытается перехватить власть. Выдумает брехню, мол, подменили дьяволы нашего Пророка на какого-то мерзостного уродца, лысого, как все мужики, да еще и со срамным словом на роже. Тогда погони, скорее всего, не будет. Пророк придумает повод, как оказаться больным и хотя бы до зимы не показываться на глаза людям при свете. Тогда погони тоже не будет — по крайней мере, сразу. Единственный опасный вариант — что Илью найдут связанным часика через три, и найдут охранники, а не старший помощник. И тогда единственным выходом для Атамана будет отыскать подлеца парикмахера и прилюдно казнить самой страшной казнью, какая только взбредет в его полуумную голову. Ненавидеть его Пророк сейчас должен люто, примерно так же, как Мосес Артурович ненавидел его весь этот год. И искать будет в первую очередь его, а не сбежавшую невесту. Остался сущий пустяк — оставить след, чтобы семья успела уйти.

Прохладный, пряный, припахивающий далеким дымком сентябрьский воздух бодрил старого парикмахера. Красные ягоды придорожной рябины выглядели до невозможности аппетитно. Мосес Артурович вспомнил, что еды он с собою почти не взял. Зато ножницы с бритвами не забыл — значит, будет чем заработать... Вдалеке раздались стук копыт, мерный скрип колес и сдавленный визг поросенка. И вправду — какой-то полузнакомый селянин из Елина ехал к теще в Зозулевку отвезти подарок на день рождения. Он охотно согласился подбросить старого парикмахера до развилки и не захотел брать платы. Нет так нет. Мосес Артурович забрался в телегу и устроился поудобней на сене. Добросердечный крестьянин угостил попутчика яблочком, похвалившись, что урожаем с яблонь нынче можно хоть овраги засыпать. Парикмахер поддакивал и кивал, но вскоре провалился в теплую дрему — так уютно было свернуться в сене, нюхать, как пахнут травы, и вспоминать сквозь сонные волны любимую песенку:

...Жил да был брадобрей...

Александр Щеголев

КАТАСТРОФА

И не одно сокровище, быть может,
Минуя внуков, к правнукам уйдет,
И снова скальд чужую песню сложит
И как свою ее произнесет.

O. Мандельштам

1. Страшно. Мне очень страшно. Мне еще никогда не было так страшно. Это не краткая вспышка животного ужаса — это осознание полной безвыходности. Вокруг только мрак, бетон, неясные тени искореженных приборов, сводящая с ума тишина. И одиночество. Боже мой, я один, совсем один! Что делать? Дай мне силы... Дай мне силы повеситься.

2. Была ночь. Мы вдвоем дежурили за пультом, Стас и я. В бункере, кроме нас, никого, смена должна явиться в восемь. Мы травили анекдоты, трепались, обсуждали альманах современной прозы. Поливали молодых авторов сочными помоями... И тут — началось. Стрелки — все до единой — запрыгали, позашкаливали, сирена вякнула и заткнулась, мы даже «ой!» не успели сказать, как свет медленно погас и сверху ворвался этот жуткий вихрь. Меня швырнуло из кресла на щит. Я увидел, что рушится потолок, и закрыл глаза... Проклятые воспоминания, что же вы со мной делаете?

3. Да, бывают минуты, когда хочется повеситься. К счастью, в такие минуты опускаются руки. Очень плохо мне было, когда я очнулся. Ситуация представлялась яснее ясного: меня завалило. Я в склепе, в бетонном чреве. Оставалось только лежать пластом и скучить, неумолимо покрываясь трулыми пятнами. Ни сил, ни мыслей, а в голове прокручивалось одно бесконечное кино: ворвавшийся с неба вихрь беснуется, безнаказанно крушит родной бункер — всыхивает проводка, лопается оборудование, сверху падают мощные глыбы. Кошмар... Я бы точно умер, надежно и быстро, если бы не это чудо. В от-

крытые глаза мне светила какая-то звезда! Долго, позорно долго ее живительный лучик пробивал пелену моего отчаяния, но — свершилось. Вернулся разум. Звезда светила, специально для меня светила, поэтому я и не умер. Оказывается, пока видишь звезду, можно жить.

4. Мне ведь всего двадцать три года. Я не женат и, к счастью, даже не влюблен. У меня пытливый ум и богатая творческая натура. Вполне серьезно! Для своих лет я достаточно развит интеллектуально и духовно. Что из всего этого следует? Простейший вывод. Куда уж проще — не быть идиотом.

5. Странный, скажу вам, мирок! Стены бункера остались целы, однако начиная с середины зала (как раз там, где был установлен пульт) вздымается груда камней и обломков всякого электронного хлама. Потолка нет, зато в недоступной вышине зияет таинственным образом появившийся пролом. А бункер, между прочим, находился на глубине семьдесят метров. Груда обломков стеной поднимается до самого пролома, так что я угодил на дно чудовищного колодца. Наверху темнеет кропечный участок ночного неба, в котором сияет одна-единственная звезда, спасшая мне жизнь. Кроме нее, ничего больше не видно. Причем звезда настолько яркая, что свет ее, рассеиваясь по разоренному бункеру, дает зрению кое-какой шанс. Во всяком случае, можно ходить, не боясь расшибить себе лоб. И я обошел свои владения. Уцелели почти все подсобные помещения, примыкающие к центральному залу, в них я сумел обнаружить несколько жемчужин. Работающий карманный фонарик — раз. Теплый спальный мешок — два. И самое главное — склад продуктов! Там было столько консервов и брикетов, что я их, наверное, за всю жизнь не съем. Из крана в туалете шла вода — вероятно, осталась в стояке. Короче, повезло мне просто неописуемо. А вот Стас пропал бесследно. Боже мой, как жаль беднягу! Лежит где-нибудь под завалом, превращенный в кровавый кусок мяса. Слорили мы с ним, читали друг другу свои стихи, дуэтом мечтали о славе, ругали классиков и современников, бегали вместе по девочкам. И теперь он вот так... Впрочем, а я-то сам? Да, пока

еще жив. Но кто подскажет, дар это или проклятие!.. Ладно, с самим собой ни к чему кокетничать. Конечно, меня скоро найдут, не могут не найти. Кинут веревочную лестницу, спустятся, возьмут на руки, вытащат наверх... Надо подождать, надо только потерпеть. И все будет в порядке. Люди меня спасут.

6. Тут творится какая-то глупость. Я никак не могу взять в толк, что происходит. Не знаю, сколько часов я ждал — ел, пил, воздевал глаза к чертовой дырке над головой, — но вокруг ничего не менялось. Никаких признаков ведения спасательно-восстановительных работ. И вообще — абсолютная, одуряющая тишина. Как я кричал! Соорудил из рваных кусков жести предмет, напоминающий рупор, орал в него до хрипоты, надеясь, что наверху меня услышат. Ноль реакции. Никому я не нужен. Меня там что, уже похоронили? А самое странное, что в проломе не светлеет. Все то же темное небо, наполненное сиянием моей звездочки-спасительницы. Наручные часы разбились при ударе о щит, поэтому не представляется возможным узнать, сколько времени прошло с момента катастрофы. Нескончаемая ночь. Мистика, время будто остановилось. Как же отсюда выбраться?

7. Конца-краю не видно заточению. Страх теперь мучит беспрерывно, потому что ничего, ну ровным счетом ничего не происходит! Страх и тоска. Через определенные промежутки времени мне начинает хотелось спать, и я сплю, потом просыпаюсь, думаю о своей пропавшей жизни, уничтожаю консервы, мерю шагами этот призрачный замкнувшийся мирок и снова сплю. Очевидно, организм продолжает отсчитывать прежние мои сутки. А здесь время не движется. Сутки мне теперь заменяют периоды бодрствования — другого способа ориентироваться во времени нет. Много бодрствований подряд я лихорадочно искал выход. Пытался взобраться по стенам колодца, несколько раз срывался, а когда грохнулся с четырехметровой высоты, понял наконец — это бессмысленно. Альпинисту со снаряжением, наверное, удался бы подобный трюк, но я — рядовой обыватель!.. Была надежда на шахту лифта — она оказалась заваленной. В принципе, бункер

имел два лифта: один здесь, второй — с другой стороны зала, однако путь туда закрыт горой обломков. Окончательность сложившегося положения приводила меня то в отчаяние, то в ярость. Случилось со мной несколько дурацких припадков, когда я совершенно терял чувство реальности: метался из комнаты в комнату, строил глупейшие проскты создания лестницы в семьдесят метров, пытался закинуть в пролом камни, бросался на стены и просил их меня отпустить, короче — сходил с ума. Ситуация-то бредовая! Своими глазами вижу над головой вожделенный выход, который абсолютно недосягаем. Но теперь я успокоился и четко осознаю ужасающую своей простотой истину. С содроганием глядя наверх, в черноту пролома, спрашиваю себя: что же делать? Звезда светит, значит, жить пока можно. Но пора уже что-то придумать. Надо как-то спасаться.

8. Существуют две гипотезы, причем обе они одинаково безнадежны для меня. Я не ученый, разумеется, но должен же я был объяснить себе всю эту чертовщину! Произошла глобальная катастрофа, что-нибудь в астрономических масштабах. Например, взрыв на Солнце, или встреча с суперкометой, или еще что-то в таком духе. И наша планета перестала вращаться. При этом погибло большинство жителей на поверхности. А то и все поголовно. Объект наш особой важности, расположенный к тому же в черте города с миллионным населением, — неужели никому не пришло бы в голову наведаться сюда, сохранившись хоть какая-то государственность? Кошмарная гипотеза, я гнал ее от себя, прятался в другой гипотезе. Что, если катастрофа носила местный характер, обрушилась непосредственно на бункер? Я никогда не любил читать всякие глупости, паразитирующие на модных словечках насчет гиперпространств, параллельных пространств, замкнутых пространств и прочее, и прочее. Но вдруг в самом деле «пространство», извините за пошлость, «свернулось» в моем бункере? В общем, взрыв это был или космическая дрянь заявилась в гости, мне уж не понять теперь, но вполне могло случиться нечто такое, именно из нелюбимых мной фантастических книжек. Я не физик, я опер-

тор — сформулировать толком не могу... Не могу, не могу, не могу... Не могу больше, ребята. Мне очень страшно. Неужели придется всю жизнь гнить в этом колодце?

9. Нужно смотреть правде в глаза — надеяться мне не на кого. Обе гипотезы позволяют сделать одинаковый вывод: для меня человечества больше не существует. В моем нынешнем мире нет более одинокого человека, чем я. Пугающая перспектива вечной старости, начавшейся в двадцать три года. У меня ничего нет. Без друга, без женщины, без дела, без будущего. Нет даже времени — остановилось оно. И покончить с собой не могу. Потому что трус. Наверное, скоро сойду с ума.

10. Я был не прав! Однажды, съев брикет и запив его водой из крана, я в тысячный раз посмотрел наверх. И вдруг понял — у меня есть звезда. Она касается моего лица живительным светом, дарит силы, указывает путь к свободе, который я, возможно, когда-нибудь пройду. Еще у меня есть голова, а это, согласитесь, тоже немало. Теперь дело за пустяком — найти цель. Нет, не так, не так! Найти Цель... Поставить перед собой Цель, к ней автоматически приложатся средства, тогда вернется и время. То есть будущее. Я сам себя спасу. Сам!

11. План такой. Прежде всего нужно осознать, что, в каком бы мире ты ни очутился, ты остаешься человеком. Ты несешь в себе человеческое. А что есть «человеческое» в отличие от животного? Это культура. Не знаю, существует ли в мире еще кто-нибудь, кроме меня. Вполне может статься, что нет, такой вариант, увы, реален. Тогда я один и несу в себе эту культуру. Тяжкое бремя! И одновременно — главная миссия уцелевшего. Нужно сохранить культуру, если уж не сохранились люди. Для кого? Вопрос! Для себя, для тех, кто придет после нас. Возможна и другая ситуация. Предположим, я в ином пространстве, где изначально нет людей, но есть какие-нибудь расы со своей культурой. Тогда нужно дать им напиться из нашего родника. Если же действительно произошла глобальная катастрофа и я — в нашем пространстве, то занятие, которое я себе придумал, может оказаться бессмысленным. Да, но может и нет! Откуда я

знаю, что на поверхности? Жалкие остатки цивилизации или одна лишь голая пустыня? При любом варианте следует исходить из худшего, то есть из того, что культура утрачена. Иначе потом придется горько жалеть об ушедшем бесплодно времени. Дело мое будет святым — реставрация главного нашего богатства. По крохам, по кирпичикам. И нет здесь ничего смешного! Сейчас мне не выбраться из плена, но пройдут мои года, и обязательно должна появиться возможность выхода. С чем я явлюсь тогда?.. Кстати, микроскопическая надежда на спасение есть и теперь. Забудем наконец про эту дурацкую дырку наверху, которая только отвлекает от поисков реального выхода. По ту сторону завала остался второй лифт — данный факт просто жжет мне мозг. Вдруг его шахта уцелела? Можно попробовать разобрать в труде камней лаз, пролезть туда и проверить. Потребуется много времени, но не в моем положении жалеть его, к тому же я молод... А насчет реставрации культуры — это грандиозная идея. Так и сделаем. Вперед, к будущему!

12. Я займусь литературой. Во-первых, остальные сферы культуры в подобных условиях невосстановимы. Во-вторых, к этому виду творческой деятельности я имею здоровую самоуверенную тягу: сам потихоньку пописываю. В-третьих, ничего, кроме этого, и не знаю — музыка, живопись, науки, все прочее так же далеко от меня, как пролом над моей головой. Я умею лишь правильно выставлять ползунки на пульте да грамотно водить по бумаге шариковой ручкой. Сочинять я еще в школе начал, а после того как со Стасом познакомился, окончательно решил: литературное творчество — это всерьез и надолго. У него, между прочим, уже публикации были, у бедолаги... И наконец, в-четвертых. Я твердо убежден: литература является основополагающим фактором человеческой культуры, тем фундаментом, который держит все ее массивное здание. Так что выбор сделан. В бункере темновато, но ведь я нашел карманный фонарик! Бумаги на складах полно, тонны чистых бланков. А в кармане моего пиджака лежит трехцветная ручка. На первое время хватит, а потом что-нибудь придумаю. И проход в стенах обяза-

тельно буду пытаться пробить, это пока единственный путь к спасению. В общем, троекратное «Виват!». Есть Дело плюс Надежда, и я жив — спасибо тебе, звездочка Спасительница!

13. Решил пока восстанавливать только ярко выраженные сюжетные вещи. Боюсь, многоуровневые философские произведения мне не осилить. Вот наработаю опыт, тогда может быть. А начать следует, конечно же, с «Робинзона Крузо». Это книжка моего детства, я прекрасно ее помню и, надеюсь, реализую достаточно профессионально.

14. Оказывается, писать не так уж сложно, когда до скончальна знаешь сюжет, придуманный кем-то за тебя, и, кроме того, не слишком размышляешь о слоге и стиле. Исписал кипу бумаги. Раньше у меня было не так: я помню, как страдал над каждой фразой, как мучительно продумывал каждый из сюжетных ходов. За двадцать три года я успел сделать всего один полноценный рассказ. А тут — большую повесть написал за несколько периодов бодрствования! Чудеса.

15. Хочется петь от радости. Прочитал «Робинзона». Вероятно, во многом он не совпадает с оригиналом, однако читается гладко, интересно. Впрочем, вся соль тут в теме, в главной мысли — нельзя падать духом в самых безнадежных условиях. Так же как это делаю я в собственной ситуации. Надеюсь, в моей повести идея отражена достаточно четко. Гениальный сюжет!

16. Не забываю про второй лифт. Нашел несколько подходящих железяк, соорудил из них какое-то подобие инструментов, исступленно работал все бодрствование. Практически не продвинулся ни на шаг. Тяжелая предстоит работа, каторжная. И невообразимо долгая. Ну да ладно, больше успею написать. Ворошая обломки, думал над следующими произведениями. Решил вспомнить классические сказки — маленькие шедевры, концентрирующие в себе правду обо всех нас, наглядно показывающие простоту истинной мудрости.

17. Со сказками также не было затруднений. В них ведь литературные красоты не обязательны — голая сю-

жетная схема, не более того. Замечательные получились вещички! Красная Шапочка и Золушка, Бременские музыканты и Конек-Горбунок — родные, с детства знакомые персонажи. «Сказка о рыбаке и рыбке», «Голый король» и так далее, и так далее — записал все, что сумел вспомнить. Получился шикарный сборник. Озабоченно ждал: вот-вот кончится синяя паста в ручке, я начну писать красной, потом зеленою, а потом придется заниматься изобретательством. Ничего подобного. Паста не кончается, до сих пор я пишу тем же баллончиком. И фонарик горит все так же ярко — батарейки, по-видимому, не собираются садиться. Устал я от чудес. Нет, не устал, скорее привык, перестал обращать внимание. На то, что вода исправно течет из крана, на то, что канализация сохранилась, функционирует. Дождя ни разу не было! И воздух холоднее не становится, хотя я ожидал наступления зимы, морально готовился к холодам. Чепуха это, мелочи. Пусть ничего не меняется — и слава звезде Спасительнице. Главное — работать не покладая рук: творить и пробиваться к выходу, творить и снова пробиваться к выходу. Кстати, я организовал строгий распорядок, чтобы умственная работа рационально сочеталась с физической. Отсчет времени теперь веду совсем по-другому — по количеству написанных страниц, а после окончания очередной вещи оставляю на стене зарубку своим самодельным ломом. Освоился я, кажется. Освободился от бессмысленной суетной тоски.

18. Ох и намучился с этим Фаустом! Просто возненавидел его. Вроде бы хрестоматийная история, а как начал копаться, так и утонул. Весь-то непростая. Но является этапной в нашей культуре, значит, непременно нужно попытаться восстановить. Самое паршивое, что сюжет помню не в деталях. Ну, продал он душу Мефистофелю в обмен на вечную молодость, ну, не выполнил поставленных условий, ну, превратился обратно в старика — и все, что ли? Не может быть. Есть там известная фраза: «Остановись, мгновение, ты прекрасно!» Как она связана с остальными событиями, никак не вспомнить! И еще вертится в голове другая фраза: «Люди гибнут за металл» —

мешает работать. Пришлось домысливать сюжет самому. Написал так, будто бы после заключения с Мефистофе-лем договора любое желание Фауста исполнялось, и он с готовностью принялся делать свою жизнь все приятнее и приятнее, но вот беда — процесс этот он не имел права останавливать. Как только Фауст понял бы, что владеет всем желаемым, что желать-то ему больше нечего, так и аннулировался бы договор. Таким образом я привязал фразу о прекрасном мгновении. Не помню, что там было на самом деле, да и безразлично мне. Прочитал повесть — очень понравилось. Умею я писать! Жаль, пропадает мой талант в этом затхлом «свернутом пространстве», или как там его правильно обозвать. А может быть, наоборот, приносит максимальную пользу человечеству?

19. Начало поламывать поясницу. Иногда побаливает сердце. Интересно, сколько по старому счету прошло времени? Бесполезно гадать. Зеркала нет, на себя невозможно посмотреть. Так и живу: создаю шедевры один за другим, потом оставляю на стене зарубки. Много сил потратил на «Гулливера» — по той же самой причине, что и с «Фаустом»: мелкие сюжетные ходы придумывал сам. Описал только два путешествия Гулливера — в Лилипутию и Великанию, приключения в остальных странах очень плохо помнил. Отмстин на стене уже двадцать три, ровно столько же, сколько лет мне было тогда, в проплой жизни... Проклятый вихры.. Проход углубился метра на полтора — а какого пота это мне стоило! Боюсь думать о втором лифте. Наверняка он тоже завален. Сгину тут, червяк разумный.

20. Отвратительно. Это отвратительно — разгребать чужие идеи. Я же отличный писатель! В каждой фразе, в каждом знаке препинания. Занимаюсь каким-то маразмом, — давно меня грызет эта мысль. Пора уж сочинять и собственные произведения, пора взроснуть. Хватит, я хорошо поработал на благо человечества. Только кто оценит мой подвиг, где оно, благодарное человечество? Хватит. Смотрю на зарубки и каждым пейроном чувствую — деградирую. Вновь — распад, гниение, трупные пятна... Ничего, справлюсь, не в первый раз. Звезда моя,

Спасительница, одна Ты меня понимаешь. Дай прилягу, отдохну, растворюсь в Тебе, моей светлой.

21. Окончательно решил сочинять свое. Мне есть что сказать тем, кто примет меня, когда я выберусь отсюда! Ручка пишет, фонарик горит, бумага манит. Спасительница одобрительно взирает сверху. Надо только собраться, продумать все до мелочей, спокойно, без спешки. Я создам НЕЧТО. Я верю, что смогу. Конечно, смогу.

22. Очень долго искал тему будущей работы — махал ломом, выносил куски камня из туннеля, питался, восстанавливая силы, а сам напряженно размышлял. Хотелось чего-нибудь этакого, поднять настоящий глубинный пласт. Тема пришла сама собой, совершенно неожиданно. Что ж, таковы законы диалектики. Однажды в полудреме я зряко представил себе человека, которого предали самые близкие люди, предали даже не его самого, а то, что было для него наиболее свято. В доме этого человека властвуют ненавистные твари, друзья умерщвлены, и он начинает мстить, хотя считает мщение недостойным себя. Я содрогнулся, увидев это, и понял: вот моя тема. Я создам настоящую трагедию, я закручу такую интригу — ты ахнешь, Спасительница моя!

23. Ай да я! Ай да сукин сын! Написал. Пригвоздил к бумаге. Без ложной скромности — вещь получилась гениальная. Кто прочитает, поймет. Всего себя вложил в нее. Терзал разум поисками наиболее точных слов, сюжет разрабатывал до болезненного мельтешения в голове, до навязчивых картинок, разрушающих сон, а с героями вообще разговаривал вслух, незаметно пересекая черту между мысленным монологом и самым натуральным бредом. В результате — написал!.. Молодой парень после окончания университета вернулся домой, а там творится что-то дикое. Отец, генеральный директор крупного объединения, умер вроде бы своей смертью, но призрак, явившийся главному герою, сообщает: отца убила мать, чтобы главой объединения сделать любовника, одного из членов правления. Невесту главного героя, которую он очень любил, заставили выйти замуж за другого. Погиб лучший друг. В общем, зверская атмосфера. Парень — умнейший

человек, он не хочет мстить, но обстоятельства вынуждают его, и начинается кровавая кутерьма. Сам не понимаю, как мне удалось выдумать такую историю! Вероятно, помог стержневой парадокс, выбранный мной для трагедии: что произойдет, если основным врагом в жизни человека станет его мать? Отсюда и вытекают сюжетные хитрости сплетения. Удалась мне эта вещь, налюбоваться не могу! Особенno нравится монолог главного героя о смысле бытия, где он задает миру вечные вопросы. Даже не ожидал от себя таких высот. Ради одной этой повести стоило просидеть в каменном колодце, честное слово!

24. Я окончательно уверился в своем призвании. Следующее мое произведение получилось на таком же высоком профессиональном уровне, что и предыдущее. Судите сами. Поначалу действие развивается нарочито тривиально: человек пугешествует из города в город и совершаet повсюду массу благородных, а иногда даже героических поступков. Например, он сумел уничтожить страшного инопланетного робота, захватившего власть в одном из селений, коварству противопоставив свои ум и отвагу, — здесь я внес элемент сказочной фантастики. Путешественник щутливо называет себя «солдатом, исполненным грусти», хотя на самом деле никакой он не солдат, просто удивительно хороший человек, который мечтает установить везде царство справедливости и самоотверженно борется за это. Все вроде бы идет к счастливой развязке — его выбирают мэром, но вот тут-то ситуация и становится с ног на голову. Оказывается, каждое доброе дело, совершенное главным героем, было бессмысленным до глупости, никому не нужным. Оказывается, люди над ним везде потешались. Оказывается, мэром-то его выбрали специально ради злого смеха. И сражался он отнюдь не с инопланетным роботом, а с обыкновенной электростанцией, использующей силу ветра. Больным и старым «солдат, исполненный грусти» возвратился домой. Повесть эта о том, что благородство должно иметь хоть какие-нибудь мозги. Здорово придумано, верно? Хорошо, что я решил работать самостоятельно. Мое творчество гармонично вольется в общечеловеческую культуру, это очевидно. Спа-

сительница моя, да сбудется мечта, да не прервется надежда, да приблизится свет Твой, о Спасительница моя...

25. Много работаю. Пишу, как дышу, и все ведь только свое, собственное, выстраданное! Зарубки регулярно прибавляются, с гордостью поглаживаю их и думаю о том дне, когда выйду отсюда. Мне есть с чем выйти, я не зря прожил жизнь. Недавно сочинил несколько развлекательных рассказов — так, для собственного удовольствия, по забавил себя немного. Один, например, о том, как четверо друзей-смельчаков спасли честь некой королевы, сумев за неделю доставить ей драгоценности, которые та опрометчиво подарила высокопоставленному любовнику из соседней страны. Или другой рассказик: про несчастную безнадежную любовь совсем юных созданий из двух богатых семейных кланов на фоне ужасающей кровной вражды. Что-то меня потянуло к средневековой тематике. Но это, конечно, не больше чем игрушки, воспоминание об умершем во мне мальчишке. Если же говорить о серьезном, то я задумал большой роман и даже знаю примерно, о чем он будет. О любви, верности и долге.

26. Чувствую себя неважно. Совсем замучился с этим проходом, он меня доконает. Махать инструментом подолгу уже не могу, начинается одышка, да и писать слегка подустал. Сдаю я, дряхлею. Не рано ли? Ладно, нечего ныть — отосплюсь, отъемся и стану свежим, как огурчик. Огурчика бы. С хлебушком. Чайку, молочка. О-ох! Пирожного... Обрыдла мне консервно-брикетная жратва. К тому же у воды появился запах — затхлый, болотный. Есть все-таки хоть какие-то изменения в этом пустом черном мире. Тишина здорово действует на нервы, она и раньше изводила меня, но я с ней успешно боролся работой, а теперь долбить не могу, и тишина вновь начинает строить свои козни. То одно послышится, то другое. Впрочем, я привычен, ушам давно не верю. Только глазам, руке и голове. И Ей, которая наверху. Все так же преданно светит мне, моя ненаглядная.

27. Кто-нибудь, поздравьте меня, я взялся за роман. Молчите? Прекрасно, сам себя поздравлю. Роман посвящен трагедии женщины, которая разрывается между лю-

бовью и материнским долгом. Она была замужем за человеком много старше ее, у них рос ребенок, земля под ее ногами казалась прочной, незыблевой, но вот — в скучную жизнь ворвалась Любовь. Полюбила она молодого, красивого, и поехало-покатилось. Бросив мужа, осталась без ребенка. Жила с любимым, а тот ее предал. Всем она портила жизнь, свою же вовсе сгубила. Страшная, нравственно неразрешимая история. Как-то сразу мне явилось имя этой несчастной женщины, оно жестко соединилось с ее обликом. Анна. Женщину зовут Анна. Я вынесу имя в заглавие, и пусть роман станет моей вершиной, моим главным словом.

28. Разбирал тут архив и обнаружил одну повсстушку под названием «Робинзон». Кажется, это был мой первый литературный опыт. Перечитал ее, испытав настоящее потрясение. Боже, как я в молодости писал! Но каким образом мне удалось в раннем произведении достичь таких философских глубин, причем в сочетании с невероятным по своей простоте и увлекательности сюжетом? Чудеса. Плюс к тому абсолютная достоверность психологии главного героя, плюс к тому отточенный слог. Да, я был талантлив крупно и, надеюсь, таковым остался. Вещь эта явно автобиографична — о твердости моего духа, о несгибаемости моего характера, только главный герой в конце концов выбирается из заточения, а мне вот никак не удастся... Без сомнения — лучшая вещь. Лишь название не очень удачно, слишком конкретное. Подумав, я зачеркнул «Робинзона» и заменил его на «Остров». Так будет аллегоричнее.

29. Что со мной? Слуховые галлюцинации просто житья не дают! Опи приняли нелепые, мучительные формы — чудится, будто кто-то методично бьет железом по камню. Прекращает и снова бьет, прекращает — и снова... От этого звука никуда не деться. Затыкаю уши и все равно слышу. Пытка. Кряхтя, я покинул вконец истрепанный спальник, забрался в пробитый мною туннель и приложил ладонь к стенке. Поверхность вздрагивала при каждом звуке удара. Это была не галлюцинация! Боже мой... Спасатели! Прорываются ко мне! Обезумев от ра-

дости, я выскошил, схватил лом, вернулся и замолотил им в бетонную преграду изо всех сил. Колкие крошки брызнули в лицо. С другой стороны меня явно услышали — опущимо увеличили темп. Я работал так бешено, как никогда прежде, откуда только силы взялись! Сколько прошло времени, не знаю, одышка была беспощадной, я ваялся, приходил в себя, снова вставал и бил, бил, бил, с трепетом чувствуя: тает, подается отделяющая меня от спасения перегородка. И она пала! Не помню, как я добывал последние камни. Человек с той стороны помогал мне. Когда проход был выдолблен окончательно, я взял фонарик и вполз обратно к себе, давая спасателям дорогу. Вслед за мной показался седой старик, в одной руке держащий свечу, в другой — толстый железный прут. Что-то неуловимо знакомое было в его лице. Мы долго молчали, глядя друг на друга. Наконец я все понял. «Стас! — крикнул я. — Стас, Стас, Стас!» — и упал в его объятия.

30. Увы, спасение поманило и растаяло во мраке. Сначала нас душили приступы хохота, потом слез, мы держались за руки, словно влюбленные, боясь разжать пальцы даже на мгновение, мы пытались говорить, но слова вязли в горле, потому что ужасающая ясность вошла в наше жилище без слов. Выхода отсюда не оказалось. Не оказалось... Просто в момент катастрофы его отшвырнуло в противоположный конец зала, поэтому он и остался жив. А затем все это время существовал в условиях, очень похожих на мои. В той половине бункера так же сохранились склады с запасами на случай войны, так же текла вода из крана, только фонарей там не нашлось. Зато в изобилии имелись свечи — самый верный источник света. Лифт его был завален, и он пробивался сюда в надежде, что шахта моего лифта уцелела. Одна у нас была надежда, одна на двоих. Где она теперь, наша надежда?.. «Как же ты выдержал?» — спросил я Стаса. Он объяснил с горечью, что беспрерывно творил. Творчество его спасло, потому что именно оно является главным занятием человека — истинное творчество, создание Нового. Он сказал, что писал стихи и прозу. Нас вдохновляла звезда, указавшая путь, подарившая цель, осветившая жизнь,

только мой коллега называл ее по-иному — Светочем... Почитай что-нибудь, попросил я. И он продекламировал, наслаждаясь каждым звуком: «Я помню чудное мгновение, передо мной явилась ты, как мимолетное виденье, как гений чистой красоты». «Это мое лучшее стихотворение», — добавил Стас смущенно. Действительно, стихи были восхитительны, но, к сожалению, на что-то смутно похожи. Вероятно, слишком традиционны. А впрочем, какая разница! Мы еще поплакали вместе, потом я решил похвастаться своей лучшей повестью. Он загорелся дать в ответ что-нибудь собственное из прозы, сползл к себе, вернулся с кипой бумажных листов. Мы обменялись и начали читать. Я дал ему «Остров». Увы, роман был еще не завершен.

31. Его вещь называлась «Одиночество». В ней рассказывалось о человеке, который в результате кораблекрушения очутился на необитаемом острове и прожил там два десятка лет. Я читал, и у меня глаза лезли на лоб. Как? Каким образом Стас смог почти дословно воспроизвести мое лучшее творение? У него что, был лаз сюда, о котором я не знал? Бред собачий. Но ведь таких совпадений не бывает! Почему, разделенные глухой стеной, мы создали произведения похожие, как двойняшки? Кто из нас вообще сочинил их?.. Повесть была написана бездарно. Совершенно бездарно. Я презрительно выщедил: «Тебе не стыдно?» Стас оторвался от «Острова», нетвердым шагом подошел, дико сверкнул глазами и вдруг с размаху ударил меня по лицу.

32. Люди, он меня ударил! За что? За что?! Мерзкая тварь... «Moe!» — визгнул Стас. Ты вор, сказал я ему, сдерживая гнев. Ты хуже вора, сказал я ему, а он продолжал бредить: «Это же мое... Бездарь... Это мое... Ничтожество...» Он просто безумен, успокаивал я себя, он явно болен, но его чудовищные оскорблении хлестали меня по щекам, и я не сдержался, крикнул: «Заткнись!» — а он долбил и долбил одно и то же, какой-то вздор насчет plagiat, творчества и светоча. Его слова многоократным эхом отражались от стен, и тогда, не в силах унять поток

гадостей, несущихся со всех сторон, я мысленно возвзвал к Спасительнице. Молю Тебя! Молю Тебя, помоги! Открой ему правду! Открой им всем правду обо мне — всем, кто остался и кто явится сюда, — ведь я гений? Ведь да?.. Наверное, я непроизвольно говорил вслух, потому что голоса неожиданно смолкли. «Не трожь звезду! — осмысленно произнес Стас и хрюкло расхохотался. — Ну ты и грязь. Я раскусил тебя, ты ничего не сделал сам, ты все это украл. — Его дрожащий палец указывал на мой архив. — У меня украл». «Убирайся вон!!!» — приказал я, поднял с пола ворованную повесть и швырнул ее к лазу. Бросок был на редкость удачен: пачка бумаги попала точно в стоявшую на камне свечу, опрокинула ее и погасила. Глаза у Стаса остекленели. Он изо всех сил хрястнул ногой по фонарику, а я, раззява, не успел предотвратить это бессмыслицое варварство. В бункере стало темно. Драться оказалось трудно, врага было не видно, но мы все же сцепились, завозились яростно, разбрасывая по полу рукописи, втаптыгвая в пыль итог всей моей жизни. «З-з-зря! — злорадно шипел негодяй. — Понял? Все уже написано! Мной, понял?» Я молча тыкал одной рукой во что-то мягкое, другой лихорадочно нашаривал лом, и я бы наверняка убил этого грязного старика, если бы не ужасная мысль, вонзившаяся мне в мозг.

33. Мы одновременно прекратили возню, осознав, что нас окружает кромешный мрак. Я с трепетом поднял голову. В проломе слабо мерцало темное ночное небо: Спасительницы не было. Она погасла, ушла, бросила меня! И тогда я бессильно опустился на колени, спрятал морщинистое лицо в ладонях, жутко завыл, а где-то рядом меня отчаянно проклинал чужой пенавистный голос.

Владимир Аренев
ХИЖИНА ДЯДЮШКИ СЭМА

Я старался делать все, что мог,
Не просил судьбу ни разу: «Высвободи!»
И скажу на самой смертной исповеди,
Если есть на свете детский бог:
«Все я, боже, получил сполна,
Где, в которой расписаться ведомости?
Об одном прошу: спаси от ненависти.
Мне не причитается она».

А. Галич. Кадыши

ГЛАВА ПЕРВАЯ
Сантаклаусы

— Бэтмены уже побывали здесь, — заявил Гарри Шалун. — И выковыряли всех, кого смогли. Нечего ловить.

Он презрительно сплюнул себе под ноги и поправил ритуальную бороду из ваты. Борода была новая, от прежней она выгодно отличалась и белизной, и пышностью. Старая, честно говоря, давно уже напоминала косу Плешивого Бога, так что многие сантаклаусы начали перешептываться и посмеиваться над Шалуном, а Тугодум Лью даже вякнул что-то насчет переизбрания президента. Конечно, Тугодуму кто-то подсказал, сам он до такого не дорулит бы. Но тенденция, как говорит Миль-Раб, заставляла задуматься.

Короче, новая борода, которую они нашли во время последней ходки в Л'Анж, была как нельзя кстати. Тогда же сантаклаусы набрали много других полезных вещей, так что племя оказалось обеспечено и едой, и оружием на несколько месяцев вперед. Но вот рабов не хватало, поэтому Шалун решил вести сантаклаусов в новый набег. Заодно, думал он, покажу им, кто здесь президент, всем этим Тайсонам и Джексонам. Будут знать!

И вот на тебе: льдосейф, где уже успели поживиться бэтмены! Не иначе, кто-то из соперников наложил на Гарри проклятие Великого Облома. Надо будет по возвращении в Ньюарк сходить к Шаманке, чтобы сняла. А пока...

— Нечего ловить, — повторил Гарри, глядя на раскуроченные двери, разбросанные по коридору, словно гигантские карты. «И — ни одного туз, порази Фэбэр проклятых бэтменов!»

— Гониво, — процедил Чирь Безносый. — Гляньте, вон проходы нетронутые.

— Так с пустышками, наверно. Потому и не тронутые, — вздохнул Тугодум, но чай-то острый локоть припечатал его от души. — Хотя, конечно... — протянул Лью. — Оно по-всякому может быть.

— Ну че, поглядим, — как бы неохотно протянул Джексон. — Но ежли кто не хочет или лень кому, так пусть тут подождет, верно, ребя?

«Надо было сразу догадаться, чья это затея», — рассердился на себя Шалун. Джексон Приблуда давно уже подкладывал бомбы под власть Гарри, но тому пока удавалось обезвреживать их. Жаль, не прогнал Приблуду сразу, когда он еще не сколотил себе команду из таких, как Чирь.

А теперь ведь запросто и не выгонишь.

— Пойдем пошарим, — как бы безразлично пожал плечами Шалун. — Какая-никакая, а забава.

Он первым свернул в один из проходов, где несколько дверей по-прежнему были заперты. Зеркальные металлические поверхности поблескивали, чуть тронутые инеем, хотя кое-где уже начали подтаивать; влажные струйки стекали вниз, и казалось, будто двери плачут. Гарри пропустил парочку дверей для тех, кто шел следом, наконец остановился напротив одной, с табличкой «g-p 45870». Направил на дверные петли огнеплюй и до упора вдавил спусковой крючок.

Работенка предстояла жаркая и, скорее всего, *пустая*. У бэтменов, говорят, есть раб, который умеет читать предсмертные письмена. Вот эти подонки нашли, наверное, где-то список здешних замороженных и узнали, кого имеет смысл выковыривать, а кому жить пару часов или кто немощный настолько, что лучше не тратиться. «Пустышки» они оставили, а ты теперь раскурочивай их, жги батареи огнеплюев!..

С оглушительным грохотом дверь «g-p 45870» рухнула наружу. Гарри вошел в узкую камеру и нажал нужные кнопки, чтобы тело, лежавшее здесь в ванной, начало оттаивать. Слышно было, как падают в коридоре другие двери, кто-то уже ругался, увидев, что нашел либо слишком увечного, либо слишком старого раба. Шалун вроде попался крепкий. Он разглядывал бородатое морщинистое лицо, пока магия Хники возвращала раба к жизни.

— Что у тебя? — заглянул в проем Тревор Колеснутый.

— Неясно еще.

— А у меня — старье, я даже разморозку не запускал. И у многих такая ж беда. А Джексону вон подфартило: жилистый дядька попался, видно сразу, что из выносливых. Этот долго протянет.

Гарри только сплюнул себе под ноги. Что тут говорить! Надо было гнать Приблуду, надо было!..

— Гля, твой вроде оживает.

Шалун хмыкнул и потянулся за хлыстом:

— Ожива-ает. Ща мы...

Отмороженный раб начал, как обычно, с глаз в сливу величиной и дурацкого лепета.

— Кто вы такие? Где я? Где врачи? Меня нужно срочно оперировать, разве вам не сказали?

— Ты раб, — процедил Гарри. — Это главное, что тебе нужно запомнить. А теперь — чё ты там про операцию мямлил?

— Я лег в криованны, потому что в мое время не было технологий... Понимаете, я болен, врачи сказали, что в будущем наверняка изобретут, нужно только время... потом — изобретут... то есть, что я говорю, уже, а не потом! Раз вы меня разморозили...

— А если не изобретут? Долго протянешь?

— Как «не изобретут»? — Кадык у бородатого забегал туда-сюда суетливой мышью. — Но мне обещали... мне же жить не недели даже, дни!

— Тухляк, — сочувственно, но в то же время со скрытым удовольствием подытожил Тревор. — И тебе тухляк понадался.

Озlobясь, Гарри чиркнул хлыстом по бормотавшему несуразицу отморозку.

И еще.

И еще!

— Не расстраивайся так, Шалун. С кем не бывает, — почти искренне посетовал Джексон. За спиной у него два раба пристраивали новенького на носилки и пихали в рот живительные пилюли. — Давай, я тебе своего подарю. Мне повезло — всего-то. А раб хороший, пригодится. Я скажу, мои тебе отволокут его.

Гарри раздумывал, как же ответить, чтоб покруче и поежстче, а Джексон, падлюга, уже ушел.

— Вызови ты его на Игрища, а? — предложил Тревор Колеснутый.

— Там видно будет, — буркнул Гарри, поправляя ритуальную бороду. — Тебя как зовут, раб?

— Он без сознания, — сказал Донал-Раб. — Такое случается...

— Сам знаю, что случается! — замахнулся на него хлыстом Шалун. — Отнеси и передай его Миль-Рабу, вели, чтоб доставил в мой белдом. А мы еще тут пошарим, а, Тревор?

— Нет здесь больше ничего. — Джексон, оказывается, никуда не уходил, а просто стоял по ту сторону дверного проема, в коридоре. — Ребята все разгребли — сплошь пустышки или тухляки. Пора возвращаться.

— Возвращаемся! — громко, чтобы все слышали, скомандовал Гарри. Хотя, конечно, кое-кто слышал и то, что первым про возвращение заговорил Джексон. — А этот, — указал он на раба, — будет Безум-Рабом. Раз он без сознания...

И Шалун захочат над собственной шуткой — пусть и было ему, Фэбээр свидетель, совсем не до смеха.

Рабы

Ночь — время рабов. Когда небо отвечивает тусклым багрянцем, когда кусни-беспредельники шныряют по улицам, спинаясь друг с другом в яростных схватках за обла-

дание самкой, когда твой хозяин спит, нажравшись просроченных консервов и напившись протухшей колой,— тогда твой час, раб.

Миль потянулся и через прутья достал откатившуюся к клеткам крышечку. «Поздравляем! Вы выиграли поездку в...» Часть надписи расплылась бурым пятном — не прочитать.

Миль отложил свою добычу в дальний закуток загона, где под отошедшей кафельной плиткой хранил разный хлам. Скорее всего, не понадобится, но вдруг?..

— Приходит в себя, — шепнула Джесси.

Он подошел к лежавшему на ворохе одеял новичку и заглянул в испуганные глаза.

— Добро пожаловать в наше светлое будущее.

— Где я? Я умер, да? — Хриплый смешок. Голос звучит немного невнятно, как обычно и случается у «свежедобытых». — Всегда представлял себе ад по-другому.

— Ну, уж какой есть, приятель, — развел руками Миль. — Только насчет «умер» ошибаешься. Ты живой, а теперь еще и размороженный. И ты — раб, как и все мы.

— Какой раб?

— Обыкновенный.

— Чей?!

— Вон, видишь.

Новичок проследил за его рукой.

— Но это же дети. Подростки, вырядившиеся в Санта-Клаусов!

— Схватываешь саму суть, — ухмыльнулся Миль. — Они так себя и зовут: племя сантаклаусов. А есть еще бэтмены, джедаи, рекламмы, хаксры, попкорны, микки-маусы...

— Что за бред? Вы шутите, да? Это сон? Я лег в криованну, чтобы... увидеть, как будут жить мои внуки...

— А я здесь — от института, в качестве эксперимента... Как в тюрьме, ей-богу! «А ты за что сидишь?» — Миль обвел рукой все пространство: уходящие в полумрак ряды клеток, в проходах между ними спящих мальчишек. — Только это не бред — это ад. Мы все взороптали на судьбу, которая у нас была, и решили переспать

со временем. А нас, считайте, наказали за это. Те, кто неизлечимо заболел, но мог прожить еще год, два, десять лет, однако решил вместо этого отправиться в будущее, — они теперь умирают сразу при пробуждении или немного позже, от издевательств, побоев, в клешнях беспредельников. И уж тем более получили по заслугам мы — те, кто хотел попасть в будущее из любопытства или жадности. Вот оно, наше будущее. Нравится?

— Нет. — Новичок закаплялся и польгался привстать. С помпой Джесси Миль усадил его и велел: — Пытайся заново научиться управлять телом. Если не сумеешь за два-три дня — тебе крышка. Если сможешь — проживешь чуть дольше. И благодаря Бога или в кого ты там веришь, что попал именно к сантаклаусам. Эти не самые жестокие. Бэтмены, например, сбрасывают негодных рабов с небоскребов.

— Но... что случилось? Когда я ложился в ванну, в мире... нет, спокойно-то не было, но и ничего подобного... никто и помыслить не мог! Что с правительством? А полиция?

— Забудь о правительстве. О полиции тоже забудь. Джесси тебе сейчас даст бульону, пить будешь медленно, глотками. Катай его во рту, чтоб слюна выделилась побольнее и в желудке заурчало. Потом глотай.

...А что случилось — никто не знает. Ясно только, что взрослые после этого «чего-то» не уцелели, одни пацаны и девчонки, не старше десяти—двенадцати лет. Нас-то они уже потом догадались из ванн вытаскивать.

— А почему вы — рабы?

— *Мы* — рабы, — поправил новичка Миль. — Так уж нам подвезло. Ребяташки играют по своим правилам. Знаешь, откуда они взялись, по их же представлениям? Одних сотворил могучий Бэтмен, других — Хакер, третьих — Попкорн. И так далее. Культ тотемов на новый лад, вот что мы имеем. А есть еще великий грозный бог Фэбэр и прочие такие же непостижимые небожители. Вот один из них, которого, кстати, Дицина зовут (ничего не напоминает?) — он взял да создал для малых сих рабов. В подмогу, так сказать. Устроил целые, понимаешь,

хранилища тел — только размораживай да пользуйся! Вот они размораживают и пользуются.

— Но вы же взрослые люди! Вы умнее, образованнее. Сильнее!

— А ты — сильнее? — хмыкнул Миль. — Когда человека вытягивают из ванны, с ним можно делать что угодно! И даже потом — слишком ли ты подоказываешь этим ребятишкам свою правоту под прицелом огнеплюя? Я уже не говорю о том, что в льдосейфы ложились отнюдь не боксеры со спецназовцами, а совсем наоборот.

— Хорошо, сразу после ванны не стоит. Ну а как-то сговориться между собой...

— Бунт устроить, да? Пытались, и не раз. Думаешь, нам в радость подчиняться каким-то соллякам, агрессивным, безжалостным и попросту тупым?

— Ты не прав, Миль, — сказала Джесси.

— Я прав. — Каждый раз они играли с ней этот диалог, и каждый раз Миль искренне начинал верить в то, о чем говорил. — Ты же сама видела, что Гарри учинил с тем человеком!

— И что насчет бунта? — напомнил новичок. Похоже, он немного очухался. То ли сработали пилюли, которыми обычно пичкают размороженных, то ли просто крепкий парень попался. «Хотя, — поправил себя Миль, — этому лет под сорок будет — не тянет на „парня“». Как-то уж так получилось, что все мы, проснувшиеся в этом аду, староваты для таких приключений».

— Насчет бунта? — переспросил он. — А ты браслетики видел? Ошейник? — Миль показал те, что были у него на руках и на шее, потом коснулся запястий новичка. — Может, ты не чувствуешь еще, но у тебя — такие же.

— Пластмасса?

— Сверху. А внутри — металлический корпус, начиненный электроникой. Пока мы там у себя спали, они здесь изобрели новый вид развлечений. Вместо виртуальных шлемов и перчаток эти вот штуковины. Мы здесь ограничены в передвижениях, но кое-что удалось выяснить. Раньше браслеты и ошейники использовали во вре-

мя киносеансов и тому подобных развлекательных мероприятий. Там был целый комплект таких висюлок, но наши «хозяева» решили, что хватит и этих. С несложного пульта на носителя транслируются ощущения разной силы и в самом широком диапазоне: от экстаза до невыносимой боли. Принцип кнута и пряника в усовершенствованном варианте. Можешь поверить, ребятки применяют и то и другое без всяких угрызений совести.

— Что, на каждого свой пульт?

— В принципе да, но есть возможность несколько ошейников подключить к одному транслятору. Так что старайся не злить хозяина, а то достанется всем нам.

Джесси посмотрела на него с укоризной:

— Перестань. Дай человеку прийти в себя.

— А что я, по-твоему, делаю?

Этот разговор повторялся всякий раз, когда им приходилось выхаживать очередного размороженного. Они играли свои роли, раз за разом играли роли, которые им до смерти осточертели! Но по-другому нельзя. Во-первых, нет времени скормливать новичку информацию по капле, как бульон. Во-вторых, от обилия новостей и их беспробудности многие впадают в тупую апатию. А это — верная смерть. Не сегодня завтра Шалун захочет проверить, на что годится его новый раб.

Вот и приходится таким способом заставлять новичка приходить в себя.

— Переверни-ка его, — велел Миль Джесси. — Мы тебе, любезный, массажик сейчас сделаем, чтобы мышцы почувствовал и кровь хоть немного разогрелась. В этих ваннах, конечно, во время разморозки в человека автоматически впрыскивается прорва разных веществ — иначе при оживлении ты бы не то что говорить, — вёками бы двинуть не мог. А все равно, когда первая волна откатывается, люди в кисель превращаются. И мы им еще тут добавляем «последними новостями». Учи, здесь не лазарет, времени на восстановление дают всего ничего. Не оправдаешь надежд — в расход; мальчики у нас суровые. Это девицы из Ньюарка, говорят, помилосерднее. Но они к себе только женщин берут, и то не всех, так что это

Джесси есть на что надеяться, а нам с тобой,уважаемый, фортуна таких карт не сдаст. Да и до Ньюрка далековато.

— Они же не из одной только жестокости, — покачала головой Джесси.

— Не из одной, — согласился Миль. — Можно даже сказать, из самой что ни на есть жизненной необходимости. Как справедливо заметила моя коллега, они же дети. Таскать огнеплюю им еще удается, а вот остальные вещи — нет. Для того в основном мы и нужны. Тут ведь, любезный, жизнь далеко не сахар.

— Это я уже понял.

— Ни хрена ты не понял, — почти ласково сообщил ему Миль. — Думаешь, попал в дурацкую версию какой-нибудь SF-книжонки про постыднее будущее, где только-то и разницы, что ребятня захватила власть? Не надейся, все во много раз круче. Пацаны ведут себя так, потому что хотят выжить. Только не подумай, что я их оправдываю. Но когда через город проходит миграция саблезубых крыс или когда с небес падает инфляция...

— Что падает?

— Инфляция. Типа манны небесной, только если манну жрать можно было, то эта погань сама жрет любую органику, которая ей попадется. Вообще все, до чего дотронется; хорошо хоть, ползать она не умеет. А как сожрет, вздуваться начинает. Надуется — лопнет, споры разбрызгает. Те подсохнут, подожрут остатки матушки — и давай в небо подыматься. Ветер поймают, полетят в другие места харч добывать.

— Как же вы спасаетесь?

— По-разному. Огнем и мечом, как говорится. Племена кочуют, устраивают разборки между собой, сражаются с тварями, добывают пропитание и рабов. А рабы стараются выжить — те, само собой, кому удается стать рабом. Джесси, помассируй-ка ему ягодицы, не стесняйся, ему сейчас не до того. Давай-давай, скоро ночи птиц настанет, а Гарри вчера очень зол был. Лучше бы нам подготовиться и ждать... разного.

— Кажется, заснул, — шепнула Джесси.

— Ну и ладушки. Здоровый крепкий сон — как раз то, что ему сейчас нужно. Не столько даже телу, как мозгам, чтоб крыша набекрень не съехала от переизбытка впечатлений... Думаешь, выживет?

— Увидим, — отозвалась Джесси, пожимая плечами. Ей было не привыкать к смертям вроде бы уже оживших и восстановивших силы рабов, Фэбээр свидетель!

К тому же с некоторых пор она не сомневалась: им, умершим, там лучше, чем здесь, — где бы это «там» ни было.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Сантаклаусы

— Пора сваливать, — сказал Чирь Безносый. — Вчера Джордж Плешь видел следы зубов на телеграфном столбе. А сегодня с утра ушел в тот район за консервами — и до сих пор не вернулся. Бородой чую...

— Где ж она, твоя борода? — прервал его Гарри.

После похода к льдосейфам прошло два дня — и каждый из них был также предыдущего. В племени что-то намечалось, что-то очень и очень паскудное. Подлянка в том, что Гарри не мог точно засечь, в чем дело. Ну, вроде шепотки какие-то за спиной, которые смолкают, когда он входит в комнату; взгляды чё-то чересчур уж наглые; приказы исполняются с этакой вызывающей ленцой... Тут еще и Плешь, безмозглая его башка, запропал! А ведь он из тех, кто всегда поддерживал Шалуна.

Теперь вот Чирь вдобавок воздух портит...

— Все твои предчувствия — с твою же бороду, — подытожил Гарри, и ребята захохотали.

Обошлось вроде, перетасовал расклад в свою пользу. Это сегодня — а завтра что?

И насчет Плеши, если задуматься, Чирь прав. Джордж говорил вчера про те следы зубов — очень, уверял, похожи на отметины самцов саблезубок, которые они оставляют, когда территорию метят. Коли так, делать надо ноги из этих краев, и как можно резвее. Потому что эти

самцы — разведчики, они меты ставят для тех, кто за них придет, для всей стаи.

...Но уж больно шикарное место попалось в этот раз сантаклаусам — когда еще такое надыбаешь? Миль-Раб его интернатом называет, говорит, здесь раньше учились. А в клетках, мол, зверей держали, для потехи.

Что потеха — точно! Долго бы он саблезубку в такой клетке продержал, а? Хотя складно врет, слушать его кайфово, если припадок нудягу не хватит; когда начинает совсем завираться и беситься, тогда сразу на пультике кнопку жми да приказывай другим рабам, чтоб обратно в клетку ташили.

Миль-Раб не саблезубка, ему такие прутья не по зубам; проверено.

...Сегодня они какие-то притихшие, рабы. Может, тоже чуют опасность?

Переглядываются, пальцами в воздухе стригут (думают, Гарри не видит! — а Гарри все видит!). Один вон, который Джексону принадлежит, вообще в угол клетки забился, глазами вращает испуганно.

И сантаклаусам их настроение вроде передалось. Да-же когда Гарри Чиря обломал, смеялись они как-то не-весело, словно сами себя обдурить этим смехом пытались. А закончилось трепалово — разбрелись кто куда, из окна выглядывают во двор, огнеплюи чистят, трое в картишки перекинуться наладились, да чё-то вяло, без азарту. Режутся, как рабы, что повинность отбывают.

Эхма, скучно сегодня! Надо б поразвлечься и санта-клаусов развеселить. Заодно бы неплохо нового раба, Приблудой подаренного, проверить на пригодность. Два дня вылеживался — хватит. Если окажется хилым, Гарри только порадуется. Скажет при всех Джексону, мол, хороший у тебя подарочек был, только, жаль, из тухляков.

— Ну-ка, — сказал он, — Безум-Раб — на выход!

И клетку открыл, одной рукой на всякий случай огнеплюй придерживая. Старые-то рабы умные, а новые иногда норовят хозяину в глотку вцепиться или там пультик от ошейников отобрать. Конечно, когда вокруг столько сантаклаусов, ничего бы у Безум-Раба и не вышло, но

Шалуну только не хватает еще, чтоб его какой-нибудь топыгая (*Джексоном подаренный!*) с ног сбил.

Хотя стоило Гарри заглянуть в глаза Безум-Рабу, и стало ясно, что новенький кидаться не станет. В курсе уже про пультик и про то, чего в таких случаях бывает.

А все же с огнеплюем спокойней как-то.

— Выходи, выходи! Эй, ребя, в гонки разомнемся?

Они вяло зашевелились, заоглядывались. «Да можно...» — протянул кто-то, вздыхая.

— На третьей скорости, — небрежно проронил Гарри. — Доставайте колеса, ребя. Миль-Раб, — повернулся он к клетке, — объясни новью, в чем прикол.

Те зацептались, а сантаклаусы уже потянулись на площадку. Здесь же, во дворе «рабятника», как раз была подходящая: ровная, в меру большая.

Гарри проверил свою гоночную машинку: включил, прислушался к жужжанию моторчика... Нет, кажется, батарейки еще не сдохли, это хорошо. По нынешним временам новые фиг достанешь, а без колес — какая развлечуха? У дюраселей же выменивать — себе дороже станет.

— Ну, объяснил?

Миль-Раб кивнул. Безум-Раб несмело оглянулся на него, потом вышел на середину площадки — сутулый, подслеповато моргающий. Гарри с легкой досадой подумал, что особо-то позабавляться и не выйдет: этот доляга недолго продержится. Если один долл добудет — и то хорошо.

Машинки уже выстроились с двух сторон площадки; нетерпеливый Тугодум Лью заранее включил мотор и просаживает батарейки, остальные ждут сигнала.

Гарри поправил бороду и махнул рукой: мол, давай! Сам он тоже поставил свою гоночку вместе со всеми и долл подцепил на шестке, вроде флагжка. Теперь задачка Безум-Раба — надергать как можно больше «зеленых», а машинки-то на месте стоять не будут. А сантаклаусам — им не только уворачиваться (но и атаковать! иначе трусом прослышишь!) надо, каждый норовит опрокинуть машинку своего противника. Вон Приблуда, гляди, так и целится в гоночку Шалуна!..

Некоторое время над площадкой раздавалось грозное, надсадное гудение моторов. Безум-Раб, как Гарри и ожидал, оказался тем еще растяпой. Он вообще не пытался сорвать доллы с шестков, а все больше уворачивался от машинок! Одно слово — Безум!

Гарри, в свою очередь, был целиком увлечен ведением машинки — в самой гуще «тучи», но так, чтобы не получить удар в бок от Джексона или его дружков. Забава выходила та еще, сантаклаусы вмиг позабыли о своих дурных предчувствиях и кислом настроении. А когда Безум-Раб неожиданно ловким движением сорвал доллы с машинки Шалуна...

В общем, неудивительно, что скоро даже дозорные сбежались поглазеть на гонки. Если б не Миль-Раб...

Гарри услышал крик: «Саблезубки!» — но принял за чье-то ругательство. Какие, блин, саблезубки, если ребята стоят на страже?!

А вот такие: голодные, яростные, прыгающие отовсюду! Спасайся, кто может!

— Отнеплюи хватай!

Ага, только где они? А эти твари уже туточки, да крупные какие, некоторые Шалуну по пояс! Чешуя на них переливается, махонькие глазки злобно блестят, по клыкам уже стекает чья-то кровь. Так всегда бывает, это их обычный маневр: прыгать, кусать, отскакивать и снова кусать. И так до тех пор, пока жертва не обессилеет от боли и потери крови.

Топча машинки, Гарри побежал к своему огнеплюю, который оставил прислоненным у стены. Знал, что почти наверняка не успеет, а все-таки побежал.

Он уже был в двух шагах от огнеплюя, когда одна саблезубка прыгнула навстречу. Шалун машинально щвырнул в нее первое, что попалось под руку, и только потом сообразил, что это был пультик управления оплейниками! Чтоб тя террористы подорвали, вот же обжался!

Саблезубка на пультик и внимания не обратила, только головой мотнула, уворачиваясь. Пластиковый корпус заскользил по полу и ткнулся прямо в ноги Брюс-Рабу.

Все! Кранты! Этот — крепкий орешек, его не запугать. Если еще догадается, как снять ошейники...

— Освобождай! — завопил позади Безум-Раб. — Давай, освобождай нас, чего ждешь!

Ну погоди, тухляк, дай только уцелеть! Я тебе покажу «освобождай»!

Саблезубка наконец прыгнула. Но еще в воздухе в нее врезался Брюс-Раб, повалил, вцепился в чешуйчатое горло голыми руками. Они катались по полу, она — истошно визжа, он — молча, только выступали под грубой кожей напрягшиеся мышцы.

Гарри спешил подобрал пультик и подхватил огнеплюй. Огляделся: кое-кто из сантаклаусов тоже успел подбежать к оружию и теперь вовсю поливал пламенем мерзких тварей. Жаль, некоторым не так повезло, но о них Шалун подумает потом, а сейчас...

— Устроим им пустынную бурю! — завопил он, направляя струю огня в Брюс-Раба и саблезубку. — Давай, ребя!

Потеха вышла что надо — лучше, чем с гонками! Святой Дисней был бы доволен!

Рабы

— Не шевелись. Полежи спокойно.

Детский голос хнычет:

— ...болит!

— Потерпи. Скоро пройдет. А станешь вертеться — еще хуже будет.

— ...больно!

— Тише,тише. Давай-ка, я расскажу тебе сказку.

— А что такое «сказка»?

Рабы лежат чуть поодаль: в бывшем зале ожидания места хватает для всех. Непонятно, как он уцелел, и неизвестно, почему другие «племена» не устроили здесь свое убжище — с белдомом президента, с загонами для рабов и прочим. Может, потому, что слишком уж велик зал, слова здесь разносятся далеко, звучат гулко, как в старом доме, из которого все съехали.

— Они не знают, что такое «сказка», — прошептал Безум. — Господи!..

— Лежи, не дергайся. — Миль мягко опустил руку ему на плечо и кивнул Джесси, мол, продолжай. Несколько видела ли она его кивок в полумраке, но это и не важно. Джесси знает, что делает.

— Сказка — это такая история. Которой взаправду не было, но которая...

— Глупо. Если не было — тогда зачем врать? — спросил Норм. Голос его казался тусклым, мертвым.

Миль очень надеялся, что мальчика удастся выходить, хотя после укусов саблезубок выживает один из десяти. Хорошо хоть, дети позволили рабам ухаживать за Нормом, а Джесси на позапрошлом переходе наткнулась на аптеку, в которой и обнаружила нужные лекарства. Джесси — она легла в криованну позже, чем прочие, и к тому же была когда-то врачом-педиатром. Только сама вот детей иметь не могла. Потому и отправилась в «заморозку» — надеялась дождаться отмены закона о клонировании.

Дождалась.

— «Зачем»? Так интереснее. Ну, слушай. Давным-давно в одной далекой стране жил-был маленький мальчик. Родителей у него не было, только старая бабушка.

— Эй! Что такое «родители»? И что такое «бабушка»?

— Как они могут не помнить *этого*? — изумленно прошептал Безум. Сейчас он позабыл и про собственную боль, и про то, что вытворял с ним утром Гарри Шалун. — Как они могут не помнить?!

— Могут, — скupo проронил Миль.

Безум замолчал. Думал? Или заново переживал сегодняшнее утро?

...Со дня нападения саблезубок прошла неделя, в течение которой сантаклаусы находились в непрестанном движении. Саблезубки следовали за племенем по пятам и лишь выжидали подходящего момента. Это у них обычна тактика: жертвы после атаки, как правило, не долго протягивают, обессилевают, и вот тогда твари берут свое.

Сантаклаусы за неделю лишились двоих, погибших от ран... Вполне возможно, что Норми станет третьим.

А Безум — четвертым.

...Гарри, разумеется, не забыл его выкрика «Освобождай!» Просто не торопился с местью — да и некогда было, всю неделю племя уносило ноги от саблезубок: рабы волокли кладь и раненых, сантаклаусы — огнеплюи, готовые в любой момент отразить очередное нападение. Правда, твари так и не атаковали; убедившись, что с племенем легко не разделаться, они ушли. Вовремя — еще сутки, и сантаклаусов можно было бы перерезать, как слепых котят: все выдохлись настолько, что попросту не оказали бы сопротивления.

И вот тогда Шалун припомнил Безуму все.

Кое-кто (Миль — в числе прочих) удивлялся потом, что Безум выжил и не сошел с ума. Гарри умеет вытворять с помощью пультика многое, очень многое — и сегодня он был в ударе. Одни его «розгалики» чего стоили!..

Впрочем, Шалун не убил Безума сознательно: сейчас, когда племя в таком тяжелом положении, это невыгодно, да и жизнь иногда мучительнее, чем смерть, что Гарри уже усвоил. Безум тоже усвоил наверняка.

Глядя на его блестящие во тьме глаза, Миль попытался понять, что же удерживает новичка от смерти или от сумасшествия. Неужели одна только ненависть?

И о чем он размышляет, глядя в потолок? Вспоминает то, что увидел за эту неделю, — новый, «дивный» мир? Пожалуй, ничего нового: стереофильмы, посвященные возможным катастрофам будущего, не раз демонстрировали подобное. Да и не так уж все разорено, как могло быть. Более того, в двадцати случаях из ста разорения причинены стихией, в остальных — детьми, во время игр или сражений за территорию, за продуктовый склад, за криованны...

Миль не стал рассказывать об этом Безуму, новичка и так сильно впечатлило то, что он узнал о новых временах.

— Значит, они забывают.

— Что?

— Говорю, они постепенно забывают о детстве, — пропеллал Безум из темноты. — Про родителей, про сказки... Но ведь не все они из сиротских приютов, так?

— Так, — нехотя признал Миль. Хотя рано или поздно новичок все равно догадался бы.

— Сколько им лет, Миль?

— Не знаю.

— Перестань! Может, ты не знаешь возраста каждого, но ты понял, о чём я спрашиваю, верно?

— Да, — сказал он после долгой паузы. — Ты прав. Они живут намного дольше, чем должны были бы. И они... не взрослеют. Ни здесь, — Миль постучал себя по лбу, — ни физически. Ни один не достиг половой зрелости. Они — дети. Вечные дети. Адамы и Евы до грехопадения, если хочешь. Они не вкушали от дерева Добра и Зла.

— А вот от дерева Бечной Жизни, похоже, вкусили.

— Да, и это меня пугает. У них не было своего Змея, который бы проклял их временем и старением. Иногда я думаю, все началось именно с нас. — с тех, кто лег в криованны. Именно тогда что-то сдвинулось в мире. — Казалось, Миль говорит не для Безума — для самого себя. — Что-то очень важное надломилось, выгнило из середины. Наша страна не успела стать для этих детишек Змеем. И в результате, как видишь, мы оказались в рабских опейниках... в полуразвалившейся хижине дядюшки Сэма!

— Они не дети, Миль!

— Что, прости?

— Они не дети! Посмотри правде в глаза, вы все — посмотрите! Это совершенно другие существа, в них не осталось ничего от детей, даже от людей почти ничего не осталось.

— Ты ошибаешься. Просто ты привык к другим детям, а я вырос в бедной семье и помню своих приятелей по улице. Не слишком-то они отличались от нынешних; разве только жили не так долго.

— Хочешь стать для этих Змеев-искусителем? Или искупителем-мессией: на крест, но все чужие грехи унести

с собой? — Безум усмехнулся, прорезав темноту кривой улыбкой. — Боюсь, ни черта у тебя не получится.

— Посмотрим... А чего бы хотел ты?

— Справедливости, — прошептал Безум уголком окровавленного рта. Едва подсохшая рана вновь открылась, но он не замечал этого, рассеянно вытер рукой черную струйку и повторил: — Справедливости! И — начать все с начала. Но без этих... чудовищ.

Безум закрыл глаза. Он представлял себе, как восстановит правильный порядок, как вернет все на свои места.

О да, этот их Святой Дисней будет доволен, вполне!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ Сантаклаусы

Ньярк с последнего раза ничуть не изменился. Разве что исчезли некоторые небоскребы — наверное, бенладды постарались. Эти твари, насколько знал Гарри (сам-то он ни одного не видел), обычно приходили откуда-то из-под земли и за неделю-другую превращали в пыль даже бетон; особенно же охочи были до стекла. Их амерзонки так и ловят, на стекло. Сантаклаусы, пока шли по Ньярку, уже несколько раз видели эти ловушки, но все оказались пустыми...

И еще, конечно, в городе было слишком много других племен. Шалуну доводилось навсдываться сюда не только во время Лимбийских Игриц — в такие дни Ньярк казался мирным и уютным местечком... Нынче же он напоминал логовище растревоженных вампиров. Оно, конечно, распоследний дурень знает, что в Ньярке, тем паче во время Игриц, применять оружие запрещено, да и вообще в открытую наездить на другие племена нельзя. Но тот же таки распоследний дурень в курсе, что кроме прямых наездов существует много способов испортить жизнь своим будущим конкурентам.

Конечно, амерзонки строго следят за порядком и соблюдением Демституции. Весь Ньярк — ихняя территория, и хоть амерзонок меньше, чем всех племен, вместе

взятых, в этом-то и загвоздка. Племена никогда не будут «вместе» — и поэтому амерзонки управляются с Ньярком и диктуют свои условия.

По правде сказать, Шалуна, как и многих других президентов, такой расклад вполне устраивал. Ньярк — слишком уж большая территория; конечно, богатая, но и опасная. Его удерживать — то еще сверболово. Опять же, кому доверить судейство Игрищ? Своим таким же? Вдруг смухлюют?! А амерзонкам смысла мухлевать нет: они в Игрищах не участвуют, за Приз не борются. Им главное, чтоб порядок был. К каждому племени приставляют по три-четыре мобилизованные девчонки, причем Гарри так и не удалось разузнать, как именно они между собой мобилятся (тем более на этакие-то расстояния!). Миль-Раб бормотал про «тилипатию» какую-то, но толком ничего не разъяснил, а амерzonки, ясное дело, помалкивают..

Они и теперь идут молча, две рядом с Гарри, две — позади сантаклаусов. Патрулируют. Наблюдают. Если вдруг что — сразу доложат своей предводительнице. И меры примут — мало не покажется!

«Ну и пусть», — думает Шалун. Нарушать Демституцию он не собирается и сантаклаусам велел, чтоб вели себя как полагается. Потом, если выпадет случай, партуройку веселостей кой-кому из конкурентов они устроят, но сперва...

Сперва — навестить Шаманку. Снять заклятье Великого Облома, спросить о будущем, посоветоваться.

Улица выводит их на лысый взгорок, свободный от домов. Отсюда виден залив, весь в белых пятнах от чаек; из воды по-прежнему выглядывают венец Рогатой Богини и ее рука с порцией мороженого. Если верить легендам, только Президент всей Земли сможет заполучить это мороженое; Гарри, конечно, на такие байки не ведется. Мороженое-то не настоящее, а из бетона или камня, а если б даже превратилось в настоящее, сколько ж дней надо будет его есть?!

До дворца Шаманки отсюда рукой подать. Позади недовольно ворчит Приблуда. На всем пути к Ньярку он

вел себятише воды, ниже травы — то ли выжидал подходящего случая, то ли в самом деле подзаял. Дорога на Игрица была долгой — и потрудней, чем в прошлые разы: с одной стороны, хватало стычек с опасными тварями, с другой — случилось несколько «горячих» встреч с чужими племенами. От бэтменов вообще едва сбежали, хорошо хоть, оказались в пределах территории амерзонок, где «вечный мир» и «конфликты запрещены», — тем и спаслись.

Теперь, когда стало поспокойней, Приблуда снова принялся подкладывать под Гарри бомбы. Поселили их по решению амерзонок в «Х'тоне» — Приблуда бухтит, мол, несправедливо! Других, мол, на лучших этажах или поближе к месту Игриц, а тут!.. Пошли к Шаманке — опять недоволен: на кой, мол, таскаться к этой рабыне?! Разве она чего толкового скажет?!

Само собой, шепчет он это украдкой, чтоб не услышали амерзонки, но свои-то, конечно, разбирают его треп. И по неволе задумываются: может, Приблуда в чем-то прав?

Ну, насчет «Х'тона», конечно, никогда не угадаешь. В нем амерзонки селят почти все главные племена; это уж которых поплоше — в других местах. А этажи — ну что этажи? Кого-то выше, кого-то ниже — совсем еще ни о чем это не говорит!

Шаманка... Здесь другое. Кто видел — понимает, кто не видел... увидят.

Потому как пришли уже.

...Дворец Шаманки был громадным и чудным, с каменными зверюгами вдоль лестницы, массивными дверьми и гулкими коридорами. Стены блестели небитым стеклом, что заставляло Гарри всякий раз вертеть головой по сторонам и сожалеть об отнеплюях, оставленных у входа по требованию амерзонок. В конце концов, ему не очень-то хотелось столкнуться нос к носу с бандой голодных бенладдов, и даже мысль о том, что дворец простоял целехоньким не один сезон, слабо утешала. По правде-то сказать, не утешала вовсе!

Так вот, о стеклах вдоль стен. За блестящей, отражающей фигуры сантаклаусов поверхностью хранилось мно-

жество разновсяких штуковин. Некоторые казались никчемушными и бессмысленными, некоторые напоминали огнеплюи или другие вполне толковые вещицы, а некоторые... Ох, воля б Шалуна — прошелся бы он по ним пламенной струей! Было в них что-то такое, что заставляло Гарри содрогаться, пробирало до костей, вызывало в памяти какие-то образы, слова, лица... За несколько своих походов к Шаманке Гарри уже накрепко запомнил, где именно лежат те вещи, и теперь, проходя мимо них, ускорял шаг и старался смотреть прямо перед собой.

Помогало, по правде сказать, не очень. Память, как желудок, когда съешь чего-нибудь несвежего, сама начинала урчать и бурлить, голова наливалась тяжестью... Если бы не необходимость посоветоваться с Шаманкой...

«Нет, — подумал вдруг Гарри. — Эти штуковины... они зовут меня, притягивают».

Он бросил взгляд направо, где по ту сторону стекла обычно сидел неуклюжий плюшевый медвежонок. Чем-то он был похож на саблезубок, но не из-за этого сердце Гарри колотилось как бешено всякий раз, когда он смотрел на медвежонка.

Сегодня за стеклом было пусто.

Шалун вздрогнул, моргнул, но не остановился ни на миг: не мог он себе такое позволить. Медвежонок и медвежонок; ну, был, ну — пропал. Не до того сейчас.

...Шаманка ждала их в огромном зале, где гулкое эхо на множество голосов повторяло любой, самый тихий звук. Зал был круглый, огороженный невысокими барьерчиками, за которыми царили, отделенные друг от друга стенами, дикий лес, морской берег и какой-то невзаправдашний кусок города. И лес, и берег, и город были поддельные, Гарри понял это еще со второго или третьего посещения Шаманки; но казались они живыми, и даже твари или люди, их населявшие, выглядели очень натуральнецко. Некоторые еще и страшно.

Шаманка сидела на высоком троне посреди зала, спиной к городу и лицом к берегу и лесу. Время от времени каждый из трех пейзажей освещался чуть более ярко («всходило солнце»), и тогда оттуда раздавались звуки

волн, или крики диких тварей, или шум металла и вопли отчаек. Потом все смолкало и гасло, и уже другой фрагмент залыней стены ожидал — и так постоянно.

Сейчас бушевало море, и тени метались по залу, как встревоженные выдрили. Шаманка, окруженная почетной гвардией amerzonok, восседала над этим беспорядком и ни капельки не обращала на него внимания. Наверное, уже привыкла.

Она даже ухитрилась расслышать сквозь громыхание прибоя шаги сантаклаусов. Повернув к вошедшим свою темнокожую, совершенно лысую голову, Шаманка прогонила:

— Ты привел все племя, Гарри.

— Да, — подтвердил он, торопливо поправляя ритуальную бороду. Другие ничего не заметили за черными стеклами ее очков, а сам Шалун давно знал, что Шаманка слепая, но уже не удивлялся ее способностям.

Несколько ударов сердца он смотрел в эти темные стекла и видел там свое искривленное отражение. Потом не выдержал и отвел глаза.

— Я пришел за советом... — громко и по возможности с достоинством произнес Шалун.

И хотя Шаманка, судя по размерам и голосу, была рабыней, тихо добавил:

— ...госпожа.

Рабы

— Кто она такая? — шепотом спросил Безум.

Рабы стояли позади сантаклаусов, возле диорамы, изображавшей тропический лес. Некоторые из них внимательно прислушивались к тихому разговору Шалуна и Шаманки, но большинство переговаривались между собой или изумленно глазели по сторонам. Многие оказались здесь впервые и не могли поверить, что посреди всеобщего хаоса и безумия этот музей уцелел и даже подключен к какой-то — тоже уцелевшей! — электростанции.

— Объясни ему, Миль, — попросила Джесси.

— В ваши времена еще не существовало Острова Женщин? — спросил он у Безума.

— Прости, о чём ты?

— То есть не существовало. А ведь он оказался вполне логичным следствием всеобщей феминизации. Едва ли не впервые за сотни веков женщины снова создали общество, которое было ориентировано в первую очередь на их интересы, устроено так, как хотелось им.

— Матриархат?

— Не совсем в том смысле, который мы привыкли вкладывать в это слово. Хотя формально — да, именно он. В ваше время, насколько я понимаю, организации феминисток существовали как всего лишь одни из общественных групп, они еще не пытались захватить власть в некоторых странах, не закупали оружие, чтобы диктовать свои условия сильным мира сего... Потом одна из таких богатеньких «королев» купила себе небольшой островок в Тихом океане и устроила там свое государство, более того, заставила другие страны официально признать его.

— Это и есть Шаманка?

— Ну что ты, дружище! Нет, конечно. Та давным-давно умерла, а вот ее Остров Женщин оказался поживучей... К ним относились по-разному: кто-то считал очередной блажью богатеньких сумасбродок, кто-то — вызовом замшелой морали, кто-то — единственным спасением западной цивилизации... Но вот когда сторонницы Острова захватили власть в одном из наших южных штатов... о да, многие тотчас пересмотрели свое к ним отношение! И мало кто в те годы понимал, что мир изменился слишком кардинально и к прошлому возврата нет.

— Ты говоришь о страшных вещах!

— Большинство мужчин, живших в те времена, заявили бы, что я почти ничего толком не рассказал! Да что там, многие запаниковали, когда убедились в серьезности намерений «островитянок». Но так или иначе, общее решение, которое бы хоть немного устраивало обе стороны, нашли. Его даже начали претворять в жизнь, когда я отправился в свою криованию. Поэтому-то я не слишком боялся, что проснусь в мире амазонок.

— Но все-таки, кто она?

— Она одна из потомков и последовательниц «островитянок». Мы не очень-то много о ней знаем. Ее, как и всех нас, разморозили, но ей повезло, ее разморозило племя девочек, которых она быстро взяла в оборот. Скажу тебе вот что, если ты еще сам не догадался: здесь, в Ньярке, мир устроен совсем по-другому. И те племена, которые кочуют по территории бывших Штатов, по сути, пляшут под дудку этой вот дамы в черных очках.

— И она не помогла вам освободиться?!

— Тише, дружище, не нужно так кричать. Конечно, не помогла. Ты невнимательно слушал меня, теперь и прежде. Дети не выживут без нас, Ньярк всех не прокормит — нам все равно пришлось бы вести кочевой образ жизни, лавируя между волнами миграций саблезубок и сезонами инфляционных атак. И в этих кочевьях мы делали бы то, что делаем сейчас: переносили бы тяжести и выполняли самую грубую работу, и именно дети прикрывали бы нас с оружием в руках. Разница в том, что на нас не было бы ошейников, а у них — возможности приказывать нам.

Безум сплюнул и презрительно посмотрел на своего собеседника.

— О да, небольшая и несущественная разница, так по-твоему?

Миль оттолкнул его подальше от Шаманки, прижал к ограде диорамы и, ухватив за воротник, как следует встряхнул:

— Да ты полный болван, дружище! — Слова прозвучали тихо и почти по-приятельски. Казалось, Миль рассталковывает, в чем соль анекдота, который Безум не понял с первого раза. — Вспомни, во что обошлась нам дорога до Ньярка! Вспомни, сколько раз мы вскрывали льдосейфы и заменяли погибших во время пути взрослых-рабов на других таких же! Вспомнил?! А теперь добавь к этому вот что: ни один из нас, переспавших со временем, не может иметь детей. Читай по губам: ни один! Догадываешься, к чему я клоню? Нет? Ну так посчитай на пальцах: вот мы, взрослые, берем власть в свои

руки, детишки привыкают к этому, привыкают, что мы о них заботимся, что мы все знаем, за все в ответе. Что нужно слушаться взрослых, ага? А взрослые, которых нужно слушаться, которым надлежит принимать решение, будут умирать — от болячек, с которыми вылезли из своих криований, от инфляции и кусней-беспредельников... Представил? Сегодняшний состав взрослых оказался удачным, есть среди них инициативные, волевые, умеющие пораскинуть мозгами, а завтра эти закончились, человечек за человечком, а на смену им разморошили новых — высоколобых очкариков, которые из лабораторий не вылезли, инвалидов всяческих, которые не выдержат и одного перехода, наконец, просто тупых придуров, не способных ни на что. И тогда чем все закончится? Ты подумай, подумай, я тебя не тороплю. У нас с тобой времени, конечно, не так много, как у детишек, но есть еще чуток. — Миль вздохнул и похлопал Безума по плечу: — Ладно, извини. По лицу вижу, что ты начал-гаки соображать, молодец. Вот и покумекай как-нибудь перед сном о том, много ли у нас вариантов в такой ситуации.

— Но у этих, — Безум кивнул на сантаклаусов, — у них же тоже с детьми, как я понимаю, пока не очень. Тогда ради чего все ваши громкие слова, отвага и самоизжертвование?

Миль снова вздохнул и покачал головой. Он собирался было ответить, но потом передумал и только махнул рукой, мол, ни к чему это...

Да Безум и не рассыпал бы уже: «море» выключилось, зажегся «лес», и тотчас на сотни голосов завопили безумные мартышки, застремотали цикады, проревел невидимый хищник...

Повинуясь приказу Шаманки, Гарри потянулся к своему рту и, расшатав, выломал зуб. Поклонившись, Шалун вручил его ей и что-то проговорил.

— Да, — тихо произнесла Джесси, став поближе к Безуму. — Молочные зубы у них меняются примерно раз в два сезона: старые выпадают, а взамен вырастают новые.

— И вы еще говорите о том, что это «нормальные дети»?! — Безум фыркнул, заглушив даже вопль особо голосистой мартышки, после чего отвернулся и стал разглядывать диораму. Поэтому и не заметил, что сантаклаусы, все до единого, вышли в какой-то из боковых коридоров. Племя, как и везде в Ньярке, сопровождали несколько amerzonok.

— Подойдите ко мне, — велела Шаманка, и лишь с запозданием, когда Джесси дернула его за рукав, Безум догадался, что эти слова были обращены к рабам.

Вслед за прочими он приблизился к трону слепой женщины, чья шея и руки были свободны от ошейника и браслетов рабыни.

— Ну что, Миль, — спросила чернокожая, — ты еще не устал надеяться?

— Устал, — спокойно ответил тот. — Очень устал. Но разве у нас есть выбор, госпожа?

Шаманка

— Теперь, Гарри, я поговорю с вашими рабами, — сказала она.

Маленький влажный кусочек кости царапал кожу ладони, но Шаманка не разжимала кулак до тех пор, пока последние из сантаклаусов не покинули зал.

Потом она переложила зуб Шалуна в один из своих многочисленных карманов и некоторое время сидела молча, слушая, как ревет в лесной чащобе невидимый хищник. Приводила в порядок мысли и еще раз прокручивала в памяти разговор с президентом сантаклаусов. Был ли взволнованным его голос? И по той ли причине, о которой она думает?..

На которую надеется.

Мартышки и цикады безуспешно пытались перекричать друг друга, но Шаманке это не мешало.

«Не поторопилась ли я? Выждать столько лет, чтобы теперь испортить все... или наконец добиться успеха». Потом, разумеется, ее девочки проверят зуб в лаборатории, но она и так понимала: ничего не изменилось, не

в этом дело, не в зубах, пора признаться самой себе, что ответ кроется в другом, в другом...

Это хорошо, что Гарри привел с собой рабов.

«...Только бы Миль был с ними». Но она уже расслышала знакомые интонации; итак, старый упрямец пережил еще один сезон.

И, судя по тону, сейчас был чем-то весьма расстроен.

Ну да, его всегдашняя головная боль, эти новички, которых Милю приходится вводить в курс дела и привыкнуть к мыслям о рабстве! Он по-прежнему в каждом видит сперва воспитателя, а уж потом — человека, пекущегося о собственных наущенных интересах, как то: засыпать и просыпаться без боли в суставах, не подчиняться сумасбродным детишкам, не бояться, что завтрашний день будет последним и жизнь придется отдать не за любимую жену или сына, а за собственных мучителей...

Жизнь так и не научила его главному, он так и не понял...

Но довольно брюзжания! Шаманка выпрямилась на троне, велев рабам подойти поближе.

— Ну что, Миль, ты еще не устал надеяться?

Ответ потряс ее до глубины души.

— Устал, — просто сказал Миль. — Очень устал. Но разве у нас есть выбор, госпожа?

«Я предлагала его тебе, давным-давно», — подумала она, но сказать это сейчас не посмела. Конечно, он был мужчиной, однако не самым тупым и зашоренным. Он не принял тогда ее идею о преобразовании племен не из-за упрямства, он искренне верил в свою правоту и в то, что Шаманка ошибается.

— Есть ли какие-то изменения?

— Нет, госпожа. Все по-прежнему. Не растут ни физически, ни психологически. И гибнут, с каждым переходом.

— Рабы?

— Нетронутых льдосейфов становится меньше и меньше, а люди в них, как правило, отягощены такими заболеваниями, которые... Словом, скоро так или иначе, а придется что-то менять. Через три-четыре сезона каждый

переход будет стоить племени слишком больших потерь. Я имел в виду — невосполнимых потерь, госпожа. А что творится с другими?

— Примерно то же самое, Миль.

«И мои „куколки“», — подумала она, — тоже удерживают Ньюарк на пределе своих возможностей. Слишком большая территория, мы каждый раз очищаем ее от муттировавших тварей, но проходит время, и они являются снова, еще более живучие. Мы должны объединиться».

— Мы должны объединиться, Миль.

— Под чьей рукой?

— Для тебя это по-прежнему имеет какое-то значение? Даже теперь?

— Но ведь в твоем обществе для них нет места, — вмешалась вдруг Джесси.

О да, отважная Джесси, достойная представительница «мужниных жен»! Джесси, которая понаслышке знает о Нефтяной блокаде, о «днях правильного порядка», о патрулирующих небо «женской зоны» самолетах! Разумеется, она согласна возродить старый «мир для мужчин», где ей всегда будет обеспечен теплый, уютный уголок. Всякий другой миропорядок для нее в принципе непримлем и неестествен.

Шаманка улыбнулась краешком рта:

— Разве в *твоем обществе* найдется место для моих «куколок», а? Или, может, такое место отыщется для меня? Хватит, Миль! Этот наш разговор ни к чему не приведет, как не приводили все предыдущие. — И когда эхо последних слов отгремело под сводами зала, она вдруг велела: — Ну-ка, представь мне своего новичка, с которым ты так спорил.

«Безум, — думала она, слушая сиплый, с трещинкой, голос. — Значит, Безум. Ну что же, Гарри сам подготовил мне нужного раба».

— Скажи, — обратилась она к новичку, — что, по-твоему, нужно сделать, чтобы превратить в бабочку то, что стало куколкой, но позабыло о гусенице.

— Это такая загадка, да?

— Да, — невозмутимо ответила она. — Итак?

- Взломать кокон.
- Хорошо, — сказала Шаманка. «Неправильно, но... хорошо». — Готовься. На Игрицах тебе придется попотеть.
- Я только этим и занимаюсь с той поры, как вылез из криованны!
- Тем лучше... И не забывай про свой ответ на мою загадку, раб.
- Да, госпожа! — с издевкой ответил он.
Она довольно засмеялась.

Гарри Шалун

После рабов Шаманке вновь зачем-то понадобился Гарри. Всех прочих сантаклаусов она отослала к выходу, а его позвала к себе.

— Так вы поможете снять заклятие Великого Облома? — спросил он, дурея от собственной наглости и зачем-то теребя бороду.

— Ты сам сделаешь это, — заявила Шаманка. — На Игрицах в самой тяжелой ситуации ты поручишь все рабу, которому доверяешь меньше всего. И тем самым снимешь заклятие с племени.

— Но госпожа!..

— Именно так, ты не ослышался. А теперь, если у тебя больше нет вопросов...

В этот момент в лесу наступила ночь и ожила город. Выглядел он, по правде-то сказать, ненатурально: чистенькие улицы без единой баррикады, целые небоскребы, люди, которые сидели с довольными улыбочками прямо в куснях-беспредельниках... На рабах нет ни ошейников, ни браслетов, многие идут, держась за руку с воинами племен, но воины эти тоже ненастоящие какие-то: без огнеплюев, в легкой одежонке, каждый сам по себе, точнее, каждый вместе с рабом.

Словом, подделка, да еще и неудачная.

Но услышав рычание кусней у себя за спиной, Шаманка вдруг обернулась и посмотрела в правый угол жизни картины. Гарри забыл, что она и видеть-то не может, он тоже посмотрел туда.

И чуть не закричал от изумления.

У одного из шедших рядом с рабами воинов было... его лицо! И лица тех рабов, что рядом... Их Гарри разглядеть не удалось, но...

В общем, он выбежал из зала, будто наткнулся на рой шмельдриков. Успокоился только какое-то время спустя, когда неслышно подошедшая amerzonка коснулась его плеча и жестом велела идти за ней, к выходу.

Лишь тогда Гарри сообразил, что так и не попрощался с Шаманкой.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Сантаклаусы

Что-то было не так. Они победили во всех важных турнирах (и во множестве пустяковых), они выбрались в финал — а все-таки что-то было не так!

Гарри не спалось, он вертелся с боку на бок, сопел, зарывался пальцами в лежавшую рядом ритуальную бороду, он вспоминал о триумфе побед и завистливых взглядах противников, но в голове, как крик обезумевшей отчайки, билась одна и та же мысль: что-то не так! забыл о чем-то!

«Пустобрёдни это все, — думал он. — Завтра последний день Игрищ. Бэтмены, конечно, сильное племя, и рабы у них тоже не из худших, но мы их сделаем, точно! После Брюс-Раба Клод-Раб самый сильный, с ним никто не сравнится. Мы их сделаем».

Наверное, эта маэта — из-за зуба; Шаманка всегда для колдовства просила у него зубы, но вот сегодня ранка болит сильнее, чем обычно. Раз уж все равно не спалось, Гарри поднялся с кровати и подошел к высокому, на всю стену зеркалу, чтобы поглядеть, кровоточит ли десна.

Была ночь, но в «Х'тоне» ночь ли, день — мало что значит. Здесь всегда властвовал сумрак, и приходилось пробираться по коридорам и лестницам с облайтками в руках. («Когда-нибудь, — ворчал Миль-Раб, — эти светляки-переростки, которыми вы заполняете бутылки из-

под колы, вырвутся на волю и учинят то еще светопредставление!» Как обычно в таких случаях, его не слушали: слишком много заумных слов, и никакого смысла.)

Несколько облайток сонно светились на подоконниках и тумбочках возле кроватей, Гарри взял одну и хотел было помахать, чтобы разгорелась пoyerче, но замер. В зеркале он видел отражение дверного проема (и сам коридор, конечно) — и сейчас заметил, как по травянной дорожке неслышно проскользнула очень даже знакомая тень.

Приблуда Джексон.

Интересно, с чего это ему не спится? Зубы вроде на кануне себе не рвал...

Сунув облайтку за пояс, Гарри поспешил ткнуть в пару кнопок на пультике. Рабы спали в соседней комнате, запертые, само собой. Но к тому времени, когда он открыл дверь, двое из них, Клод-Раб и Миль-Раб, уже проснулись, получив через ошейники соответствующий приказ.

— За мной! — приказал им Гарри. — И тихо чтоб!

Еще он разбудил Тревора Колеснутого и объяснил всем троим, что к чему.

— А теперь посмотрим, куда это нацелился наш Приблуда!

Коридорный ковер очень даже удачно скрадывал шаги не только Джексона, но и его преследователей. Они нарочно держались на приличном расстоянии от Приблуды: тот время от времени вертел головой по сторонам и вообще вел себя крайне осторожно. То есть подозрительно!

Пройдя весь этаж, Джексон очутился на лестнице. Перегнувшись через перила, он долго вглядывался в полу-мрак, как будто мог там что-то разглядеть. Наконец кивнул и заспешил вниз по ступенькам.

— Здесь осторожней, — скомандовал Гарри. Лестничные пролеты не были покрыты коврами, и эхо здесь гуляло будь здоров!

Они выждали, пока Приблуда спустится хотя бы на пару этажей, и лишь тогда последовали за ним.

Снизу донеслись чьи-то приглушенные голоса; Шалун знаком велел своим остановиться и вслушался.

— Ну? — спросил кто-то с интонациями, показавшимися Гарри очень знакомыми. — Узнал?

— А то! — В голосе Приблуды впервые послышалась угодливость.

— Так не тяни, рассказывай!

— Раскопать-то не просто было. Номер накорябан у них изнутри, фиг разглядишь.

— Не тяни! — повторно рявкнул собеседник.

И тут-то Гарри пожалел, что все огнеплюи они оставили на входе в «Х'тон», подчинившись обязательному правилу амерзонок. Он узнал, узнал этот голос!

— Бэтмены!

— Ты о чем? — не понял Колеснутый.

— Там, снизу, бэтмены. И этот... этот... он им помогает.

— Нужно остановить Приблуду, — решительно шепнул Миль-Раб.

— Нет, подождем.

Гарри сам собирался отдать точно такой приказ, но теперь не мог, должен был показать, кто здесь президент. Ничего, так даже лучше. Больше узнает о двурушничестве Джексона.

А тот, пока они спорили, успел что-то задиктовать президенту бэтменов, какие-то цифры. Теперь Большой Летун уточнял:

— Значит, просто вводишь и все?

— Ну, я не уверен... Пусть Умнец разбирается.

— Нет больше Умнеца, — отрезал Летун. — За два дня до Ньюрка была у нас встречка с бигмаками, сожрали парня, а многих так кетчупом забрызгали — двое потом еще от ожогов поумирали, Тилли и Джо Двузубый... Ладно, Джексон, как-нибудь без Умнца разберемся. Ты молодец. Теперь мы их точно сделаем!

— Посмотрим еще, кто кого сделает! — грозно выкрикнул Шалун, съезжая по лестничным перилам. За ним, перепрыгивая через ступеньки, мчались рабы и Тревор. — А ну, Приблуда, давай колись, перед кем ты здесь

хвостом виляешь! А, это наши старые знакомые, крылачье-дурачье! Надеетесь с его помощью выиграть завтрашний финал? И не надейтесь, ничего у вас...

Гарри осекся: он наконец сообразил, что Большой Летун слушает его с легкой ухмылочкой и не очень-то внимательно, а сам в это время нажимает на кнопки своего пультика. Вызывает на подмогу рабов?

Вряд ли: рабы никогда в разборках между племенами не участвуют, это железно, никакие ошейники не помогают им переубедить. Гарри и своих-то взял больше для уверенности и для какой тяжелой работки, если придется, а знал бы, как получится, больше бы сантаклаусов разбудил.

А все-таки, о чём там трепался Приблуда? Какой это «номер» и изнутри чего, интересно, он был «накорябан»?

— Ошейники, Гарри, ошейники!

Да Шалун уже и сам догадался, только ни он, ни кричавший Миль-Раб сделать ничего не успевали. Большой Летун набрал код.

Улыбнулся своей гадкой ухмылочкой.

Подмигнул Приблуде.

И нажал на кнопку.

Кажется, Клод-Раб даже ничего не почувствовал. Просто вот только что была у него голова, а теперь — одни кровавые клочья во все стороны летят. И воняет паленым мясом, как обычно, когда огнеплюи долго работали на полную мощность.

— Ты!.. — Гарри подавился собственным криком, он только и мог, что накинуться на предателя Джексона и колошматить его кулаками — по лицу, по плечам, не целись, только стараясь ударить посильнее, чтоб понял гад, что наделал!..

Их растащили; судя по обалдевшему взгляду Приблуды, тот и сам не ожидал, что его двурушничество обернется такой бедой. Но какая разница, ожидал не ожидал!

— Ты продался! — вопил Гарри. — Продался им, продался, поверил им, а теперь из-за тебя...

— Он не продался, — спокойно возразил Большой Летун.

— ...мы проиграем! — Гарри осекся и икнул от удивления. — Ч-что?

— Ну, скажи ему, Джексон.

Приблуда захочотал, будто свихнутый:

— Никому я не продавался, бородач! Слышишь! Никто из вас не знал, никто! Вы даже догадаться не могли, тупицы! Никто не знал, а я — бэтмен! Понял?! Бэтмен, вот так-то!

— Ну ладно, — сказал Большой Летун. — Похорошили, и хватит. Завтра решающий день, нам нужно выспаться. Пойдем, Джексон. А эти... пусть сами думают, выходить им завтра на арену или лучше свалить до утра, чтоб лишний раз не позориться. Привет!

Гарри хотел наброситься на них и если не огнеплюем, то кулаками превратить этих двух подонков в куски кровоточащего мяса, да, именно так, в куски, в кровоточащие!..

На лестнице действительно гуляло хорошее эхо — и звук от пощечины прозвучал как выстрел.

— Повторить? — тихо спросил Миль-Раб.

— Н-нет, — мотнул головой Гарри. — Нет, хватит. Спасибо. Ну... — он посмотрел на безголовое тело Клод-Раба, — и что теперь?

— Амерзонки позаботятся о нем, — сказал Миль-Раб. — А у нас сейчас есть дела поважнее, пойдем.

Только тогда Шалун заметил, что на шум давным-давно сбежались настоящие хозяйки «Х'тона» и всего Ньюарка. Они стояли вдоль стен, огнеплюи в их руках пока еще смотрели дулами вниз, но если бы Гарри попытался, например, вырвать оружие у одной из них...

— И не думай, — прошептал Миль-Раб. — Потом, по-другому сквитаемся.

— Устами раба глаголит истина, — невесело хмыкнул Тревор. — Оставь, Гарри, нам есть чем заняться до завтра.

— Что, собирать вещички? И сдаться, да?!

— Клод-Раб был лучшим, но не единственным. — Миль-Раб будто рассуждал вслух. — Есть другие, не такие хорошие, но вполне способные потягаться с бэтменовскими. Хотя, конечно, решать президенту...

«Ну да, — подумал Шалун, немного приходя в себя, — президенту, кому же еще». Только беда в том, что «не такие хорошие» — это еще слабо сказано. Предыдущие соревнования многих вывели из строя: покалечили или временно сделали неспособными участвовать в дальнейших. Вон тот же Миль-Раб слегка прихрамывает на левую ногу — куда ему завтра, на какую арену?! Он и двух минут не продержится...

А кто продержится?

Он спросил об этом вслух, вроде как у Тревора, хотя знал, что Миль-Раб слушает и обязательно тоже что-нибудь да присоветует.

— И не знаю даже, — протянул Колеснутый. — Попали мы крепко, это да. Из толковых-то почти все, ты прав, сошли с дистанции.

— Почти, — пробормотал Миль-Раб, опять-таки делая вид, что беседует сам с собой. — Почти, да не все. Донал и Безум...

— Это смешно! — угрюмо покачал головой Тревор. — Ни один ни другой Клод-Рабу и в подметки не годятся!

— Не годились, — поправил его Шалун. — А разве у нас есть из чего выбирать? Пусть лучше так, чем втихаря драпать из Ньянка. Согласен?

— Согласен...

Остальные сантаклаусы, когда сообразили, что к чему, тоже согласились. Правда, не могли прийти к соглашению в другом: кого все-таки выставлять, Донала или Безума. Донал-Раб вообще-то принадлежал предателю Приблуде, но зато был сильнее Безум-Раба.

— Уймитесь! — не вытерпел наконец Гарри. — Давайте-ка все на боковую, нечего головы ерундой забивать. Завтра решим.

Но перед сном он велел снять со всех рабов ошейники: «Кто знает, у кого еще Приблуда коды срисовал? А если чего — и браслетов хватит, чтоб успокоить особо бойких».

Утром проснулись рано и первым делом принялись решать, кого же из рабов выпустить на арену. Голоса разделились, и тогда Миль-Раб предложил: бросьте жре-

бий, пусть Однорукий Бандит даст знак, кому представлять племя. Согласились, подбросили крышечку от колы: упадет дном вверх — идти Донал-Рабу, дном вниз — Безум-Рабу.

Оба претендента стояли рядом и напряженно следили взглядами за падавшим кругляшом.

И вот тогда-то Гарри вдруг вспомнил.

Он отпихнул Миль-Рабу, перехватил крышечку в воздухе и вручил ее Безуму:

— Ты пойдешь!

— «Вы выиграли поездку в...» — пробормотал тот, вертя в руках бесполезный кругляш; Гарри так и не понял к чему.

И это, надо сказать, его сильно задело. Безум-Раб всегда был чересчур своеобразным, слишком дерзким!..

— Учи, — сказал ему Шалун, — если что — разгаликов тебе не миновать, я, как президент, гарантирую.

Тот лишь ухмыльнулся в ответ.

Безум

«Ты, главное, не отвлекайся, — напутствовал Миль перед боем. — На трибунах будут кричать, бросать в вас рваные баксы, скандировать всякую чушь — тебе должно быть побоку все это. Только кусни. Отвлечешься — считай, труп».

Но пока еще ничего не началось, пока вы с бэтменовским рабом еще только стоите на постаменте и ждете сигнала, можно поотвлекаться. Тем более есть на что.

Это действительно бывший стадион, только в одном месте кольцо трибун разломано, борта арены кое-как залатаны (да нет, поправляешь себя с досадой, не кое-как, а надежно, не сбежать), по ту сторону пролома — берег и торчащая из воды рука с факелом. Как сказал бы Миль, весьма символично.

К черту руку.

Смотрим дальше; первый ряд трибун — рабы. Все одинаково худощавы, жилисты, кожа у всех дряблая, как у старых мороженых кур, в глазах — лихорадочная же-

лость к тем, кто оказался на арене. Это они зря. Таким, как они, жалеть других — все равно что голодному пытаться накормить еще более голодных.

Хотя бэтменовского игрока могут и пожалеть. Ты не дашь ему сегодня ни полшанса, пусть там что — ни полшанса! Или ты, или он. Рабы-жалостники этого не понимают, зато очень хорошо понимают их хозяева.

«Дети»? Пусть Миль сколько угодно трепется про свое детство, но, если он не дурак (а он не дурак!), должен соображать, что разница есть. Кто не верит — пусть посмотрит на этих «новых адамов» отсюда, с арены.

Трибуны строго разделены на секторы, по племенам. Джедаи, попкорны, дюрасели, кингконги, сантаклаусы... Десятки племен, и у каждого — свой шест с флагом или столб с изображением «пращура». Тотемы, самые натуральные. Возле тотемов сидят «президенты» и их ближайшее окружение; вообще иерархия что у твоих рыцарей Круглого стола.

Они, эти, остро воспринимают такую иерархичность и готовы бороться за нее любыми способами. Для них каждый день и каждый миг — букет возможностей возвыситься или пасть, и вся жизнь их проходит на ступенях, на лестнице власти. Длина ритуальных бород или пестрота нашивки на рукаве — вот предел их мечтаний, выжить во время перехода от города к городу — вот их сиюминутная цель; их представления о смысле жизни причудливы и нелепы, а слова «доброта» и «любовь» для этих — лишь набор ничего не значащих звуков.

Племена сидят на трибунах без галдежа и суэты, они похожи на статуи из музея восковых фигур — статуи неудачные, поскольку скульпторы не сумели отобразить на их лицах сколько-нибудь человеческих эмоций; как говорили когда-то давно, «не вложили в них душу». Бездушные, эти способны умереть, но не состариться.

Ты скользишь по ним взглядом: при всей внешней пестроте эти одинаковы до ужаса, до мурашек по коже. И вдруг заливаешься, вздрагиваешь, непроизвольно сглатываешь и кашляешь.

На одной из трибун, в окружении своих девочек-вольтельниц, сидит чернокожая Шаманка. Та, кто на самом деле заправляет всем, что здесь творится. Ты улыбаешься, скалишься в ухмылке и салютуешь ей: «Мое почтение, госпожа! Я удивлю тебя сегодня...» — и добавляешь несколько слов, которые когда-то давно считались оскорбительными.

Жаль, не услышит.

— В первый раз? — вдруг спрашивает под боком раб-соперник.

— Что?

— Говорю, впервые на Игрицах, да?

— Впервые, — легко соглашаешься ты. Пусть расслабится, уверует в собственную победу. К тому же ты ведь не врешь: тебя, как и большинство других рабов, всегда оставляли в «Х'тоне», под присмотром двух-трех сантаклаусов. Ты еще тогда досадовал, что не попадешь на соревнования. Вот, попал. — Слушай, а многим удается... ну, справиться с этими куснями?

— Почти никому, — снисходительно хмыкает соперник. — Есть, правда, способы, но я ж тебе не расскажу, сам понимаешь. Не на медаль играем.

— Понимаю. Тебе и не нужно. Миль знает о «способах» и поделился кое-какими секретами. А кое-что за месяцы, проведенные с сантаклаусами, ты и сам хорошо усвоил.

Например: «Главное — неожиданность».

Ты сталкиваешь его за удар сердца до сигнала, за два удара сердца до того, как он сам столкнул бы тебя. Повезло; скалишься ему в лицо и сразу — нет времени! — переводишь взгляд на распахнувшиеся створы ворот. Оттуда выкатываются беспредельники; твой соперник уже понял это, учゅял затылком своим бритым — и рванул к другой платформе. Успеет. А жаль.

Ладно, развлечение затягивается, да ты и не рассчитывал на быстрое завершение.

Смотришь, как лихорадочно карабкается твой соперник па ближайшую платформу. Да уж, «бэтмен»! Только без крыльев...

Самый проворный кусень краем широкой своей морды высекает искры из постамента, на котором угнездился везунчик. Остальные, выкатившись, замерли полукругом и только неслышно рычат моторами: принююхаются.

...Когда Миль объяснил, с кем тебе предстоит иметь дело, ты сперва не поверил. «Какие джипы, ты что?! За столько времени они должны были бы в металлом...»

«За сколько „за столько“?» — поддел Миль. И объяснил потом, что за время твоего отмокания в криованне человечество ушло далеко вперед — семимильными шагами навстречу собственной гибели. А уж авто со встроенным искусственным интеллектом — вообще такая, понимаешь, обычная на этом пути штуковина, ей в свое время никто и удивляться особенно не стал. О таких чудесах, брат, еще писатели-фантасты в двадцатом веке писывали — а вот теперь пожалуйста, сбылось. Пользуйся.

Ладно, возражал ты, интеллект интеллектом, но как они от ржавчины и повреждений не сколесились?

А просто, пожимал плечами Миль. Сколеситься не сколесились: научились самостоятельно заправляться от бензоколонок, отыскали и другие способы подпитки. Завели бактерий-симбионтов, ведут стадный образ жизни, кое-кто подозревает: даже размножаться ухитряются, хотя, конечно, ни о каком внутриутробном развитии, ты же понимаешь, речи не идет. По-другому у них; как точно — не знаю.

В общем, не сколесились. А вот шарики за ролики у них того... Или думаешь, ИскИны их изначально были настроены на стадный образ жизни? То-то; шли годы, бесхозные авто, наблюдая за какими-нибудь бизонами, сделали выводы по аналогии. Кто знает, что творилось и творится в их провонявшихся бензином мозгах...

Но тебе, поучал Миль, и не нужно это знать. Для тебя главное — выжить!

Любой ценой.

Платформы не спасут, платформы только продлевают удовольствие от представления. На них долго не отсидишься: у кусней-беспредельников зрительные рецепто-

ры устроены так, что реагируют на силуэт гуманоида, превышающий определенные размеры. И обнаружив такого, эти металлические твари будут атаковать до тех пор, пока не уничтожат жертву. («А ловят их, — делился побасенкой Миль, — одеваясь в специальные костюмы, похожие на большие жестяные коробки. И заманивают, я уж не знаю чем. Если выживешь — спросишь у Шаманки или ее девчат. Одно скажу:нюх у кусней ни к черту не годится, реагируют в основном на картинку да еще на вибрацию, в каком-то особом диапазоне. Ты уж извини, я раньше в эти тонкости не вникал».)

Падаешь на живот, прижимаешься к щербатому камню платформы: вдруг не заметят, примут за причудливый вырост на этой самой платформе?..

Кусни, числом три, атакуют пока что своего соперника: колотят металлическими рамами об основание пьедестала, на который тот забрался, пускают едкие клубы дыма из выхлопных труб, по-рачы клацают капотами — будто мутировавшими клешнями. Из-под капотов тянутся какие-то крючочки, зажимы, трубы с металлическими заострениями на конце.

Бэтменский раб тоже сообразил, что удержаться будет проще, если лечь на платформу. Он распластался на ней, смешно выставив задницу и локти, мастер маскировки, профи мимикрии! Он верит в свой шанс, верит искренне. Ты не менее искренне радуешься его вере: чем дольше продержится он, тем больше надежды у тебя. А если еще выведет из строя одного-двух беспредельников...

Но они и сами не зевают. Эти их крючочки-трубочки совсем, оказывается, не киношно-устрашательные, есть у них другое назначение, практическое. Вычислив, где примерно находится «гуманоид, превышающий определенные размеры», беспредельники выстреливают крючочками в его сторону, а потом втягивают их обратно под капот. Скрежет металла по камню пробираст до костей.

Первые попытки кусней успехом не увенчались, но каждый раз они запускают крючки все ближе к цели. Ты с досадой глядишь на соперника и думаешь, что теперь бы ему самая пора перейти к активным действиям,

если не хочет сдохнуть ни за понюшку табаку. Неужели он не понимает, что отлеживаться дальше без толку? Болван!

...Но ты не кричишь ему, не подсказываешь. Миль, конечно, утверждал, что со слухом у этих тварей не сложилось, ну а вдруг все-таки ошибался?

Да и не нужно — бэтменовский раб сам сообразил, что к чему. Вон, вскочил, стряхнул с себя крючки, метнулся вспугнутым зайцем прочь с платформы. Но не к другой такой же и не к барьера (все равно не преодолеть!), нет, он, как и ты, хорошо усвоил еще одно правило.

«Лучшая защита — нападение!»

Висящие кусни похожи на привычные тебе джинны: машина о четырех колесах, сиденья, дверцы... Разве что вместо руля панель с клавишами и рычагами. И главное — у беспредельников нет ни крыши, ни тентов.

Этим бэтменовский раб и воспользовался: запрыгнул сверху в одного из кусней, по-паучьи перебирая руками-ногами, залез на водительское сиденье, где панель и рычаги с клавишами...

Дальше-то что?

Все три механические твари несколько мгновений стоят неподвижно, только тарахтят моторами. Ты лениво размышляешь, как кусни могут между собой общаться: если, например, у них есть встроенные радиоприемники...

Раб тем временем отчаянно сражается с рычагами и клавишами «оседланного» беспредельника. Кажется, впустую — никаких видимых результатов. Кусни по-прежнему тарахтят моторами, едкий сизый дым щиплет тебе глаза и мешает видеть. Ты, стараясь двигаться как можно плавнее и медленнее, тянешься рукой, чтобы протереть их...

И пропускаешь то мгновение, когда два беспредельника бросаются на третьего, «оседланного» твоим конкурентом.

В клубах поднятой пыли, в дыму мало что видно — воспринимаешь случившееся больше на слух: заходящиеся в капле моторы, гулкие скрежещущие удары металла о металл... чей-то приглушенный вскрик — не с трибун, нет, трибуны-то как раз молчат...

Все, спекся твой соперничек. Вон валяется разломанным манекеном. Рядом — два беспредельника, «поцеловавшиеся» друг с другом. Метили явно в оседланного: увидели фигуру «гуманоида подходящих размеров» и атаковали, но третий шестеренками в мозгах своих электронных пошевелил и дотумкал, что к чему. Успел в самый последний момент сдать назад, только правое крыло ему задели, а сами теперь выбыли из игры. Ну, хоть так, все же легче с одним, а не с тремя.

Легче ли?

Ты, по правде сказать, тоже рассчитывал какой-нибудь этакий трюк провернуть со стравливанием кусней между собой, а единственного оставшегося с кем стравливать?

Или, может, отлежишься, не заметит?

...Уже заметил, развернулся «мордой» в твою сторону.
Финита, раб Безум, твой выход.

Ты спрыгиваешь на горячий песок арены и бежишь что есть духу к двум «издохшим» кусням. Пар из их взломанных капотов навсваивает мысли о кусневых душах, отлетающих в свой механический рай. Всегда так: неподходящие мысли в неподходящее время.

Успеваешь запрыгнуть в одного из беспредельников; тот, что остался жив, цепляет краем крыла «дохлого», но вовремя разворачивается. Ну да, дважды на одну и ту же уловку не покупается.

Ладно. Ты и не рассчитывал.

Он делает широкий круг и подъезжает к корпусу мертвого собрата с другой стороны, уже разевая пасть капота и шевеля захватами: крючки, стальные конусы, тонкое ланцетоподобное острье... Своего не упустит!

«Хрен те, кусень, я не твой!» — бормочешь, выжидая, пока он подкатится поближе. Все нутро переворачивается от страха, но внешне ты спокоен и неподвижен.

Подъезжает. Широкая, вся в царапинах и мелких пробоинах «морда» напоминает броню бывавшего в переделках допотопного танка. В распахнутом капоте что-то влажно блестит, похожее на громадный язык. Змеяется во все стороны проводки-захваты.

«Рано», — мысленно шепчешь себе.

Еще рано.

Вот, сейчас!

Хватаешь за два или три выпущенных беспредельником «щупальца» и быстро, пока он не втянулся, обматываешь вокруг железного поручня за спинкой сиденья «дохлого» кусня. Потом завязываешь узлом.

И едва успеваешь уцепиться за само сиденье, чтобы не выпасть! Плененный беспредельник резко сдается назад, волоча за собой «дохлого» собрата. Перепуганно и хаотично он выпускает из-под капота еще горсть захватов, и ты, хищно оскалясь, снова привязываешь их к «дохляку».

Беспредельник пятится, надсадно ревя мотором, и тащится за собой корпус другого джипа, причем колеса последнего мешают, ведь ты привязал кусня мордой к левой дверце. Теперь или оборвет «щупальца», или так и будет волочить за собой этот металлом, пока не выдохнется. Только тебе надеяться на последнее без толку: как знать, сколько он способен выжить без подпитки извне?

Лихорадочно осматриваешь арену — сам еще не знаешь, в поисках чего.

...Отвалившаяся, покореженная дверца от третьего беспредельника? Пожалуй, подойдет.

Преодолев собственный страх, выпрыгиваешь наружу, черпая песок дырявыми носками ботинок, спешишь к цели. Позади неистовствует плененный беспредельник.

Пыль; жара; вонь от выпавших внутренностей бэтменовского раба и смрад бензина. Могильная тишина на трибунах.

На бегу задираешь голову и смотришь в бесстрастные лица *этих*.

«Я научу вас...» Не успеваешь додумать, спотыкаешься, падаешь на четвереньки. Сбившееся дыхание трепыхается в горле рыбой, выброшенной на берег.

Позади резкое — банг! банг!! банг!!!

И яростный вой мотора, когда освободившийся кусень отъезжает подальше от «дохляка» и разворачивается — в твою сторону!

«Интересно, а было ему больно, когда обрывал себе „щупальца“?»

Встаешь, поднимаешь и держишь на леревес оторванную дверцу. Давид и Голиаф: шанс всего один, мальчик.

А руки, мать их, дрожат!

Ну, скотина, распахни свой капот пошире!

Н-на!..

Он хватает дверцу на лету, как верный пес — палку, брошенную хозяином, и спешит к тебе. Видимо, чтобы вернуть.

...Даже не пытаешься убежать. Сил нет.

Оседаешь на раскаленный песок.

Смотришь, как надвигается, скрежеща рессорами, груда металла.

Проезжает совсем рядом, острым краем подножки чиркает тебя по плечу, отбрасывает вбок. Боли не чувствуешь.

«Сейчас развернется... Сейчас...»

Не разворачивается.

Поворачиваешься сам, ощерясь, будто загнанная в угол крыса.

«...Сдох-таки! — Из-под вздыбленного капота валит белый, обжигающий пар. — Все-таки сдох! Все-таки...»

Трибуны молчат. Потом Шаманка делает какой-то знак (тебе отсюда плохо видно), на арену выбегают амерзонки, много амерзонок; они молча и деловито набрасывают на кусней тросы с крюками («Зажимы! — смеешься ты. — У них тоже есть зажимы!..»), а набросив, уволакивают «дохлых» беспредельников обратно в стадионное чрево. То же проделывают и с рабом бэтменов: его изуродованное тело укладывают на носилки и уносят прочь. Остаешься ты и арена, песок которой, кажется, въелся в твою кожу на всю жизнь.

Голос — громовой, механический, бесстрастно-торжественный — заявляет, что «победило племя сантаклаусов!!!». И можно, мол, забирать приз, символ власти Президента всей Земли. Вон стоит на платформе, у раба за спиной. У тебя то есть.

Ты из ленивого интереса оборачиваешься поглядеть — и не веришь своим глазам. На упомянутой плат-

форме — чемоданчик: обычный такой, ничем не примечательный. Если бы только не надпись, идущая по кругу около каждой из двух защелок. Ну и еще флаг на крышке нарисован знакомый.

Усталости как не бывало! В груди разгорается все сильнее яростный пламень, в памяти будто кто-то прокручивает события последних месяцев: тяжелые переходы, отношение к тебе как к вещи, обещание Шалуна в случае чего «угостить розгаликами». Беспроблемность, которую не переломить.

И теперь маленький мерзавец напыщенно шагает по ступеням трибуны вниз, за тем, что «по праву принадлежит ему»! Ага, как же, сейчас!

— Я вам всем... все-ем.. я покажу!..

Чемоданчик уже в твоих руках, в твоих руках — власть над этими сосунками, зверенышами, демонятами в человеческом обличье! Непослушными пальцами отжимаешь защелки, откидываешь крышку...

Что за?!

Под ней лежит какой-то кусок шерсти, ты сперва думаешь, что Шаманка засунула сюда живую кошку или кролика, потом понимаешь: всего лишь игрушка. Плюшевый, так его, медвежонок! Раздраженно отшвыриваешь в сторону, и вот она, гладкая панель с несколькими переключателями, все просто, все, господи, так просто, чтобы даже самый глупый из возможных президентов смог в случае чего совершить необходимые манипуляции.

Выдвигаешь складной прут антенны.

Синхронно проворачиваешь по часовой стрелке две ручки, жмешь на кнопки в центре их. Бегло сверяешься со скучными инструкциями, написанными здесь же, на панели.

Легким щелчком ногтя откидываешь вверх прозрачный колпак над красной кнопкой размером с пятицентовик («In God we trust», о да!).

Этот мир, этот безумный мир давно пора как следует вычистить, Миль! Извини, старина, но твои змеиры уловки не помогли — придется вмешаться мне. Если поблизости есть какая-нибудь освинцованный криованный тила

«Ковчег», тебе лучше купить себе место в ней. Привет, карапузики! Свидимся на Араратовых склонах — в лучшей, так ее, жизни!

Жмешь.

Пауза.

Конечно, а чего ты ожидал? За столько лет все давным-давно пришло в негодность, ты мог бы догадаться...

По ту сторону пролома в трибунах рука с факелом, что торчит из воды, вздрагивает. «Пламя» откидывается вбок, как крышка сундука, и обрушивается в воды залива, подняв громадную волну.

Тишина.

Ожидание.

Сейчас!..

Ты улыбаешься, но, кажется, не понимаешь этого.

Сейчас!

«...розгалики, говоришь?»

Ты переводишь взгляд на Шалуна...

Шаманка

— Включает, госпожа.

— А что Гарри?

— Бежит и кричит что-то угрожающее. Кажется, сквернословит. Жмет на пульт, но ничего не получается.

«Еще бы, — подумала Шаманка. — Еще бы, он ведь сам снял с Безума браслеты перед боем: подстраховывался».

— А теперь?

Впрочем, «куколка» могла и не отвечать: сегодня Шаманка будто обрела давним-давно утраченный дар видеть. И для этого ей не нужны были глаза.

«Включаешь и запускаешь ракеты, веря, что таким образом взломаешь кокон. — Мысленно она обращалась к тому рабу с надтреснутым голосом, к рабу со смешным именем Безум, к человеку, которому надлежало стать той самой пусковой кнопкой в ее планах. — Ты думаешь, что, взломав кокон, перечеркнув все развившееся в нем, тем самым вложишь в руки Господа белый, новый лист. Ошибаешься. Этот лист уже никогда не будет девственни-

белым. А коконы... Всего лишь нужно вернуть их в прежнее состояние. Бабочками им не стать — еще рано, и в этом ошибка Миля и его единомышленников. Нужно, чтобы куколки сперва опять превратились в гусениц».

Маленький мальчик бежал по арене, прямо по лужам спекшейся крови и бензина.

Бежал.

Ее последняя, нелепая надежда. Чудом было уже то, что одна из «куколок» отыскала в архивах его фотографию и нашла фотографии его родителей — а этому предшествовали долгие, казалось, безрезультатные поиски. И Шаманка могла лишь направлять их, но не принимать участие. «Куколки» делали портреты каждого из множества приходивших в Ньюарк и потом искали в электронных базах данных, среди миллиардов детских фотографий похожие лица. Кое-кто из них находил там самих себя, Шаманке было известно об этих случаях, но всегда ее «куколки» воспринимали такие находки как совпадения. А подталкивать их к нужным выводам она не могла: проще было манипулировать кем-нибудь из бродячих племен, чем рисковать «куколками».

Гарри оказался случайным козырем, по недосмотру Судьбы попавшим в ее руки. Или — хотелось думать ей — с благословения Судьбы.

Она долго решалась. И наконец поставила на сегодняшний день все.

Нажала на свою кнопку...

«Теперь поглядим на результат.

Я знаю, Миль, что мир, каким он может стать после сегодняшнего дня, вряд ли окажется благорасположен ко мне и моим „куколкам“. К тебе и прочим рабам — тоже. Мир, Миль, это палимпсест, а не школьная доска (вопреки представлениям Безума). Тем больше я уважаю его: он знает, что вряд ли останется жив, и все-таки жмет на кнопку.

Я тоже жму — но я еще надеюсь...»

Она вздрогнула, когда «куколка» прямо в ухо запептала ей своими теплыми губками о том, что случилось с рукой Рогатой Богини.

Чемоданчик проверяли, он ни разу до этого не срабатывал.

Он был абсолютно безвреден!

Ей почему-то вспомнился отец: «Никогда не играй с пистолетом, даже если он не заряжен. Никогда!»

«Дура, какая же я!..»

— Госпожа! — вскрикнула, не сдержавшись, «куколка». И добавила, забывшись: — Вы бы только видели!..

Безум

Пустота, зияющая из факела ожиданием скорой гибели, заставляет тебя отвести глаза. Мгновения растянулись в века, словно во всем мире отменили само понятие времени.

Чтобы не взглядываться до одури в эту черноту, смотришь на Гарри. Звереныш еще не сообразил, нет, ему только предстоит понять.

...Что это он там делает?!

Выкрикивая свои смешные угрозы, он бежал к тебе, чтобы отнять чемоданчик, символ своей абсолютной власти, и вдруг остановился. Он тупо глядит на что-то у себя под ногами, потом наклоняется и поднимает с песка плюшевый комок. Ты завороженно таращаешься на нелепую фигурку: ритуальная борода съехала набок, выражение лица растерянное; он держит медвежонка перед собой на вытянутых руках, как змею или кусливую собачонку.

А потом робко улыбается и гладит его по пыльной голове.

Чтобы только не смотреть на то, что кажется тебе невозможным, ты суетливо переводишь взгляд на трибуны. Бесстрастные лица невинных убийц искажены: кто-то подетски завистливо таращится на Гарри, кто-то вдруг начинает всхлипывать...

А ты...

Ты вдруг натыкаешься взглядом на черное дуло факельного основания в руке, торчащей из воды, и падаешь на колени. В левое впивается камень, боль входит в тело раскаленной проволокой — плевать! Ты никогда не был

набожным, но теперь, здесь, на этой проклятой, благословенной арене ты молишься истовее, чем тысяча монахов-затворников, ты готов на что угодно, лишь бы отменить нажатие кнопки.

«Пожалуйста! — заклинаешь ты Бога, Судьбу, приведенные тобою в движение механизмы. — Пожалуйста! Не надо! Пожалуйста!»

Ты так и замираешь в своей молитве — мотылек, пришипленный булавкой осознания на разделочной доске свершенного.

Волна, вызванная падением каменного «пламени», на конец-то добирается до берега и ударяет в него, распадаясь на мириады соленых капель.

...Последним из всех, кто находится сейчас на стадионе, ты понимаешь, что ракеты не вылетят, и причины, по которым это случилось, для тебя уже не важны. Ты шепчешь: «Благодарю Тебя, Господи!» — и улыбаешься безумной улыбкой счастливого отца, услышавшего, что у него родилась двойня.

Ты еще не знаешь, что месяц спустя на месте очередного выпавшего молочного зуба у Гарри вырастет первый постоянный. Что примерно тогда же в Ваштоне, в белдоме всей Земли, Президент Гарри объявит об окончательной отмене рабства.

Все это потом.

Потом.

...а завтра тебя, разумеется, ждут розгалики.

Киев, июнь 2002 — март 2003

Антон Первушин
ОДНОГЛАЗЫЙ ВОЛК

1

Флокен спустился в жилой бункер только под утро. Протопал по слабо освещенному коридору, сдирая с себя на ходу грязную, воняющую потом одежду. Ввалился в свою комнату. Слабо всхрапнув, упал на застеленную кровать. Потом, отдохнувшись, перевернулся на спину, чувствуя, как отходит, отпускает тело судорога напряжения, расслабляются мускулы, исчезает дрожь.

Ночь выдалась тяжелой. Волки, обнаглев, лезли своей прямо на заграждения. Их косили из пулеметов, а они все лезли и лезли по телам друг друга, а потом все-таки не выдержали, отхлынули, убрались, огрызаясь, в дюны и более не показывались.

— Есть будешь? — спросила Лия.

— Буду.

Она принесла ему четыре ломтика конченой рыбы в алюминиевой миске и кружку подслащенной воды. Не вставая, он начал жадно есть.

— Ты пойдешь на Утренний ритуал?

— Нет. — Он доел рыбу и поставил миску на пол. — Не пойду.

— Вожак-Волкодав будет недоволен.

— Плевать. — Он снова с безразличием смотрел в потолок.

Лия подошла к кровати, остановилась, глядя на Флокена сверху вниз.

— Ты уже третий раз на этой неделе пропускаешь ритуал. Ты хоть понимаешь, что о тебе могут подумать?

— Помолчи, — сказал Флокен. — Я устал. Очень устал.

— А я не устала?! — закричала вдруг Лия. — Я, думаешь, не устала?! Думаешь, приятно мне слушать, что говорят о тебе люди? Думаешь, мне нравится краснеть за тебя перед Божаком? Думаешь... — Она кричала все громче, с каждым словом распалия себя больше и больше, сыпля ругательствами и брызгая на Флокена слюной.

Он не слушал слов. Он смотрел на жену и удивлялся, чего же такого он нашел в ней в свое время. Ведь ничего, совсем ничего не осталось от той девушки, пусть и некрасивой, но достаточно симпатичной, милой, доброй. Теперь перед ним была старуха с бесцветной кожей, обтягивающей череп, с ввалившимися щеками и растрепанной копной грязных волос. Она замолчала, и он вздрогнул от наступившей вдруг тишины.

— Дура ты, — сказал он, поворачиваясь лицом к стенке. — Всегда была дурой.

— А ты... а ты... воинчая свинья, — сказала она неожиданно ровным голосом и вышла, хлопнув дверью.

Флокен остался один. Он лежал неподвижно, глядя теперь на стену: шершавую и в мелких трещинках. В голову назойливо лезли мысли — странные, неожиданные, а потому пугающие.

Почему он не пошел на ритуал? Устал? И это тоже, но не главное. Раньше он не пропускал ни одного из них. Опостылело, опротивело, надоело. Всегда одно и то же. Разнообразия вносят лишь редкие праздники по случаю больших побед. Странно, что раньше он как-то не задумывался над этим. Ведь он — мужчина, он еще помнит мир до Потопа, не то что эти самовлюбленные, никогда ни в чем не сомневающиеся юнцы... Нет, задумывался, конечно, только вот не мог почему-то представить себе жизни без ритуалов — привык? Они казались неотъемлемой ее частью. Ведь перестать посещать ритуалы значило для него еще совсем недавно примерно то же самое, что перестать дышать. Но теперь все по-другому, в сознании Флокена произошла подвижка. Почему? Он задумался об этом. И к нему пришли воспоминания.

Охотники продвигались по самой кромке черного безжизненного леса, переступая через поваленные во множестве огромные стволы. Назвать рейд удачным было нельзя: капканы и ловушки оказались пусты. Флокен представил себе обрюзгшее недовольное лицо Вожака-Волкодава и решил, что думать о возвращении пока не стоит — только портить себе охотничий настрой.

В рейде кроме Флокена участвовали еще одиннадцать охотников. Все они шли молча, лишь изредка перебрасывались парой-другой фраз и снова надолго замолкали. Шли неторопливо, один за другим, ни на шаг не отступая с тропы. Флокен шагал в хвосте цепочки, перед замыкающим, и яму увидел одним из последних.

Это была старая яма. Теперь таких не рыли уже. Она была выкопана шагах в десяти правее тропы и прикрыта ветками, хорошо замаскирована. Просто удивительно, что в нее до того момента никто не попал. На дне ямы сидел волк. Седой, с ободранным боком, но еще очень сильный и очень опасный. Он поднял морду и посмотрел на людей снизу вверх тусклым взглядом. Зарычал. Тихо, с угрозой, страшно. Но ненависти в его глазах не было. Флокен ее не увидел. Что-то другое было в этих глазах.

Командир рейда, из Волкодавов, вытащил пистолет и направил его на волка. Волк снова зарычал, и тогда Волкодав выстрелил. Стрелял он отменно, лопнул волку в голову, прямо между глаз. Голова у волка мотнулась, и он сразу рухнул всем телом в песок. Волкодав спрятал пистолет и посмотрел на стоящего рядом Флокена:

— Достань его.

Обвязавшись веревкой, Флокен спустился в яму, стал обматывать концом веревки задние лапы волка. И тут он снова посмотрел в глаза волку — теперь уже в мертвые, подернутые пленкой смерти. И понял, что видел в глазах у волка тоску, ненависти в них все-таки не было.

3

У Флокена был друг. Единственный настоящий друг. Они были одногодки и помнили мир до Потопа. Звали его Стен. Однажды группа Стена не вернулась из рейда. Через несколько дней другая группа обнаружила в лесу два обглоданных человеческих тела. Одно из них удалось опознать по нашивке на клочке одежды. Это был Стен.

Жена Стена бегала потом по коридорам жилого бункера, воюила истощно, бросалась на соседей, билась головой о стену.

Флокен запомнил это навсегда.

4

Как-то раз волки напали днем. Нападения этого никто не ждал, поэтому стае без труда удалось прорвать заградительную линию и подойти вплотную к жилым бункерам. В тот день в отчаянной схватке погибло два десятка мужчин, а потом недосчитались еще и одного грудного ребенка. Как так получилось, что ребенок прошел, установить не удалось. Через три года группа Флокена наткнулась в ходе рейда на логово волчицы-одиночки. В логове сидел голый и грязный человек-волчонок. Он не понимал речи, рычал, кусался. Его поймали и притащили к Вожаку-Волкодаву. Тот, брезгливо морщаась, с минуту разглядывал ребенка, потом сказал:

— Двух мнений быть не может. Это волк-оборотень. Убить его просто так нельзя — только в огне.

И по его приказу ребенка сожгли во время Вечернего ритуала при общем скоплении народа. Как он кричал, этот ребенок!..

5

Флокена разбудила Лия.

— Вставай, — сказала она, глядя в сторону. — Вожак-Волкодав хочет видеть тебя.

Флокен поднялся и увидел перед собой Левую Лапу Вожака-Волкодава. Левая Лапа высокомерно улыбался. У него за спиной стояли еще двое. Волкодавы. Они были вооружены. Флокен пошел с ними.

Они провели его по коридору жилого бункера к апартаментам Вожака, пропустили внутрь, сами остались за дверью.

Вожак сидел в мягким удобном кресле с высокой спинкой и украшенными затейливой резьбой подлокотниками. Каждый из предметов в комнате Вожака имел значение атрибута ритуалов: часть — ежеутренних, другая — ежевечерних. Каждый, кроме, пожалуй, огромного глобуса — предмета, дорогого Вожаку как память о тех временах до Потопа, когда он работал преподавателем географии в местной школе.

Была здесь и вырезанная из дерева черная фигура Одноглазого Волка — символа Вечного Зла, которому в борьбе противостоит Человек.

— Приветствую тебя, Вожак-Волкодав, — кланяясь по всей форме, сказал Флокен.

— Приветствую, — буркнул Вожак, с откровенной скучной разглядывая Флокена.

Они помолчали. Флокен ждал, что будет дальше.

— Я стал замечать, — сказал Вожак-Волкодав, — что ты пропускаешь ритуалы. В чем причина?

Теперь, не моргая, он смотрел Флокену прямо в глаза. Флокен выдержал этот взгляд.

— Я... я больше не буду посещать ритуалы, — сказал он просто.

Вожак удивился его смелости, но ничем не выдал своего удивления.

— Ты не будешь посещать ритуалы? — переспросил он. — Что же ты тогда будешь делать?

— Я очень устаю в последнее время, — ответил Флокен. — Я буду отдыхать. Лишние минуты отдохна прибавят мне сил. Я буду лучше справляться со своей работой.

— Хорошо, — медленно проговорил Вожак. — Это хорошо, Флокен, что ты думаешь о своей работе. Это говорит о том, что ты хороший охотник. Но хороший охот-

ник должен быть и хорошим человеком. Ты не можешь быть хорошим человеком, не посещая регулярно ритуалы. Идет борьба Добра со Злом, Человека с Волком. Третьего пути не дано. Либо ты с нами, либо ты против нас. Ритуалы же подкрепляют в Человеке веру, не дают сомнениям сбить нас с выбранного пути. Нельзя забывать об этом. Нельзя без этого жить. Пойди и подумай, охотник Флокен.

Разговор был окончен. Вожак недвусмысленно дал это понять. Флокен снова поклонился и вышел из комнаты.

6

Ему словно кто-то шепнул: «Беги!» Он побежал.

Чувство самосохранения перебороло апатию. Он побежал.

Несколько дней после разговора с Вожаком-Волкодавом Флокен ловил на себе косые взгляды охотников, чувствовал, как растет вокруг зона отчуждения, растет напряженность. Ничего хорошего ждать впереди не приходилось. А однажды он увидел как наяву себя, привязанного к врытому в землю столбу; увидел языки пламени, подбирающиеся к босым ногам с опухшими ступнями; увидел пристальный взгляд Вожака-Волкодава, бывшего учителя географии, его толстые губы, шепчушие что-то — нет, не что-то, а слова приговора, несущего Флокену боль и смерть.

Он сбежал во время очередного рейда. Сначала отошел в сторону от устанавливающих ловушку охотников, потом бросился бежать через лес, не разбирая дороги, успевая лишь только уворачиваться от ветвей, тычущих в лицо черными жесткими пальцами. Но никто его не преследовал, и он скоро остановился, тяжело, с хрипом дыша и оглядываясь вокруг. Он сел на поваленный ствол. Он не знал, как ему быть и что делать дальше. Он не знал других людей в своем мире, никогда не встречал их, никогда ничего не слышал о них, разве что в те полузабытые времена до Потопа. Но и вернуться назад он тоже не мог.

Возвращение означало для него смерть. А если он нарвется на стаю, то и здесь его будет ждать смерть.

Смерть, смерть, смерть... У Флокена не было другого выхода, кроме смерти. Он понял это и почувствовал вдруг острый прилив жалости к себе. Он рассердился на себя за слабость, вскочил на ноги и пошел, твердо ступая, по черной спекшейся земле.

Он выбрался из леса уже в сумерках. Наступало Время Волка, и если он хотел дожить до утра, ему следовало поторопливаться с поисками укрытия. Он увидел развалины. Мертвые остатки каких-то сооружений, осыпающиеся стены, остатки перекрытий. Когда он вступил в полосу развалин, он увидел горы мусора, обломки кирпичей и человеческие кости, раздробленные и обглоданные. Флокен догадался, что попал в логово. Он не знал, бывают ли волки здесь постоянно или приходят сюда время от времени. Он решил рискнуть, тем более что ничего другого ему не оставалось. Он забрался в небольшой закуток на высоте трех человеческих ростов на одном из наиболее сохранившихся этажей, улегся там, укрытый каменными стенами, держа наготове автомат. Он не заметил, как заснул.

Его разбудил протяжный вой. Он осторожно выглянулся из укрытия и содрогнулся. Это была стая. Они сидели вокруг на залитой лунным светом площади посреди развалин, а в центре их круга стоял сильный матерый волк. Это он выл, задрав голову, а перед ним, скорчившись, лежал человек в разорванной одежде. Флокен решил, что тот мертв, но тут человек вдруг пошевелился и громко застонал. Волки сразу завыли все вместе, подхватывая песню своего вожака, общий их вой заглушил стоны человека. А потом вожак наклонился, прицелился и огромными когтями правой лапы разорвал человеку горло. Флокен отпрянул вглубь своего убежища, его била дрожь. Страх не давал ему спать всю ночь. Он слышал, как волки рычали внизу, дрались между собой из-за лучших кусков, завывали. А потом стая ушла, бесшумными скачками скользула во тьме. Флокен же просидел, трясясь, до зари.

Только когда совсем рассвело, он покинул свой закуток, спустился на землю и пошатываясь побрел прочь от развалин, не оглядываясь, ни в коем случае не оглядываясь.

Когда он вошел в лес, громкий рык заставил его остановиться. Он увидел волка-одиночку. Весь сжавшись, тот сидел в десяти шагах и смотрел на потревожившего его покои человека. У волка был один глаз. Второго не было совсем — его заменял отвратительного вида нарост. Одноглазый Волк! Символ Зла во плоти! Волк ощерился, изготовился к нападению. У Флокена не хватило времени испугаться. Волк вскочил, выпрямился во весь рост, рванулся. Флокен вскинул автомат, прострочил волка от живота. Потом подошел и наклонился над телом. У Флокена все завертелось перед глазами. Он только что убил символ Зла! Означает ли это, что пришел конец веренице смертей и боли? Означает ли это, что пришел момент, когда ему можно вернуться назад? Он уже мечтал о том, чтобы вернуться назад.

Он взвалил волка себе на плечи, нимало не заботясь о том, что испачкается кровью, пошел, согбенный тяжестью, через лес. Мир плыл. Флокена шатало из стороны в сторону, он потерял счет времени и ничего не замечал вокруг себя. Сейчас он был отличным объектом для нападения, но ему повезло, и никто из волчьего племени не преградил ему дорогу.

Что-то помогло ему, не дало сбиться с пути, вывело к людям. Постовые заметили его у заградительной линии, забегали, засуетились, вызвали Вожака-Волкодава. Тот вышел ему навстречу. И тогда Флокен остановился, швырнул тело Одноглазого Волка к ногам в пыль, успел сказать: «Я убил его, господин учитель...», после чего сам повалился ничком.

немногие минуты, когда он успокаивался, Лия вливала ему в рот с ложки горячий мясной бульон.

Все пять дней его мучил однообразно повторяющийся кошмар. Люди и волки, волки и люди перемешались в этом его кошмаре, не оставив места ничему другому. Это была пестрая смесь из обрывков образов и воспоминаний. Он видел старого волка, сидящего на дне ямы, но все плыло, очертания смазывались, и на месте волка он видел старого человека с умным, но усталым взглядом чуть прищуренных глаз — он видел своего отца. Он видел волчью стаю, рыщущую при лунном свете среди развалин, а вел ее за собой Одноглазый Волк. И не волк это был совсем, Флокен не узнавал в нем волка, а был это Вожак-Волкодав, и он яростно рвал горло кричащему беспомощно младенцу и надвигался на Флокена, оскалив окровавленную пасть. А за ним надвигалась стая. Они рычали, их было много, и в каждом из них Флокен признавал знакомых ему охотников. Среди них находилась и Лия — грязная, неопрятная волчица. Она дышала в лицо Флокену запахом гнили и готовилась вцепиться в него когтями. Флокен кричал, пытался убежать, но стая быстро настигала его, и все начиналось сначала. И так до бесконечности...

Ровным, спокойным сном он заснул только на четвертый день, а утром пятого открыл глаза. Кошмар ушел, забылся, оставив только неясную боль в груди. Над кроватью сидела Лия, растрепанная, опухшая от бессонницы. Она заметила, что он проснулся, вскочила и куда-то вышла. Через несколько минут в комнате появился Вожак-Волкодав в сопровождении телохранителей. Он был очень участливо настроен. Вперед выступил Левая Лапа.

— Охотник Флокен, — сказал он. — Ты совершил великий подвиг. Ты убил Одноглазого Волка. Это отводит от тебя какие-либо подозрения. Но борьба продолжается. Зло пошатнулось, но не отступило. Ты займешь новое место в этой борьбе. С сего момента ты, охотник Флокен, удостаиваешься чести стать Правой Лапой Вожака-Волкодава. Мы все ждем твоего скорейшего выздоровления. Мы ждем тебя, Флокен.

ОДНОГЛАЗЫЙ ВОЛК

Левая Лапа отошел в сторону. Вожак-Волкодав с добродушной улыбкой наклонился над Флокеном, коснулся пальцами его лба, но тотчас отдернул руку и исчез из поля зрения. Они ушли.

Еще через два дня Флокен встал наконец с постели и сделал при поддержке Лии несколько шагов по комнате. Потом сел на кровать и притянул Лию к себе. Она недоверчиво улыбнулась ему.

— Измучилась со мной? — спросил он.

— Да, — прошептала она.

Глаза у нее засияли.

«Что же ты делаешь, Флокен?» — успел подумать он, перед тем как поцеловать ее в губы.

Шимун Врочек
ХОМЯКИ МЕСЯЦА

Сержант лежит на кровати лицом вниз. Простыня белая и закрыта полиэтиленом. Предполагается, что мысли сержанта далеки от эротических, хотя нечто фрейдистское в том, как здоровенный мужик навалился на беззащитную кровать, все-таки есть. Одной рукой сержант обнимает матрас, другая свисает до пола. Пальцы напоминают сосиски с вышедшим сроком хранения. Ногти длинные, как у женщины, но нуждаются в маникюре. Над сержантом вьются мухи. Это, по всей видимости, означает, что сержанту удалось подцепить некую смертельную форму трипера.

Стоило бы поговорить об опасности внебрачных связей.

Стоило бы открыть дверь и сказать: «Добрый день, сержант».

Вместо этого я отрываюсь от стекла и иду варить кашу себе и Бобу.

4.1.6. При переносе сосудов с горячей жидкостью следует пользоваться полотенцем, сосуд при этом необходимо держать обеими руками: одной за дно, а другой за горловину.

Я снимаю поддон с газовой горелки и несу в кабинет. За мной, как хвост за кометой, тянется шлейф из запахов гречки и шоколада.

Ногой подцепляю дверь. Оттираю ее плечом, потом бедром, напоследок ягодицей и захожу внутрь. Пересекаю комнату и ставлю поддон на стол. Хвост догоняет комету — я стою, окутанный витаминизированными парами.

Над столом — самодельный плакат. Заголовок нарисован зеленым фломастером, улыбающиеся рожицы — красным и синим. Ниже булавками закреплены два полароидных снимка. На одном я, хмурый и невыспавшийся. На другом — Боб, похожий на развеселого сельского панка.

Фотографии подписаны: «Александр Постоногов, 30 лет» и «С любовью, Боб» — соответственно.

Заголовок на плакате гласит: «Хомяки месяца».

Стоило бы спросить: «Что не так в этих фотографиях?»

Стоило бы добавить туда сержанта.

Я накладываю себе в тарелку и начинаю есть, а поддон убираю в сторону, чтобы каша остыла.

Боб не любит горячее.

На полу стоит системный блок. Красно-черные провода распластались, как перерезанные вены.

Я закидываю ноги на бывший компьютер доктора Ремизова и отправляю в рот гречку с шоколадным вкусом. Доктор Ремизов очень любил «Несквик». Почти так же, как любят его маленькие дети.

Я запиваю обжигающую кашу холодной водой из кружки с надписью «Дорогому папе!». С кружки на меня смотрят мальчик и девочка. Девочка в голубом (цвета кислорода) платье и улыбается. Мальчик как будто только что отснялся для нашего плаката.

Кружка досталась мне по наследству.

Впрочем, как и компьютер, кабинет, шесть комнат, туалет и подсобка. Все, кроме большой лаборатории. Это собственность Боба.

И есть нечто, принадлежащее нам обоим.

2.17. Вместо расстановки нескольких терmostатов в бактериологических лабораториях целесообразно оборудовать термальную комнату в изолированном темном помещении, включающую термальную камеру (площадь 7–8 кв. м) и предбоксник (3–4 кв. м).

Одна из комнат обита теплоизоляционным материалом. В ней сухо и тепло. Ее легко мыть и убирать.

В эту комнату я переташил два больших тела и примерно сорок маленьких. У этой комнаты много достоинств. А главное, она герметично закрывается.

Стоило бы сказать: «Не думайте о геноциде». Не надо.

Я создаю вселенную из пластиковых банок «Несквик» и рулонов туалетной бумаги.

Передо мной на полу — схема внутренних помещений базы. Указаны лифты, входы-выходы и стрелки — куда бежать. Это план эвакуации в случае пожара. Указан этаж — «уровень За».

Лучше всего по этому плану искать туалеты. Унитаз и раковина видны, словно их наносили, пользуясь высокоточной съемкой с военного спутника.

Справа от меня — ровное гудение. Пламя синее, потому что это газовая горелка.

Я держу ножницы над огнем, потом начинаю резать желтый пластик. Он плавится и воняет. Кролик с наклейки, сообщающей, что напиток полон витаминов, улыбается. Хотя должен кричать от боли.

Я думаю про семью Боба.

Про синюю цифру 36 у него на спине.

Потом я беру туалетную бумагу и прикручиваю ее проволокой. Картонный туннель в рулоне — это дверь. Банка из-под «Несквика» — комната или коридор.

Я воссоздаю «уровень За» на полу большой лаборатории. Это мой личный план эвакуации.

Стоило бы спросить: «Что за цифра на спине у Боба?» Стоило бы ответить.

Но вместо этого я думаю о сержанте.

Если бы дверь не была герметичной, я бы чувствовал запах. Наверняка бы почувствовал.

У меня нет противогаза или маски для дыхания. Это проблема. Зато есть шесть огромных баллонов с надпи-

сью «Кислород», но я не знаю, что с ними делать. Баллоны выкрашены в голубой цвет. Они, похоже, очень старые. Краска облупилась и местами сцарапана. Манометр отсутствует. Моего технического образования хватает только на то, чтобы взять плоскогубцы и свернуть вентиль.

Баллон свистит, как взбесившийся чайник.

Два гектара тайги заполняют комнату размером шесть на десять метров. На это уходит примерно десять секунд.

На одиннадцатой секунде я вываливаюсь в коридор и хлопаю дверью. Делаю несколько шагов. Головокружение. Коридор передо мной разбегается надвое, затем сходится, превращаясь в картинку из калейдоскопа. Пол смазан маслом и норовист, как спортивный мотоцикл. Меня сбивает и тащит. Голова взрывается болью. Я понимаю, что перебрал. Вдохнул на паруakov больше. Тайга — это севернее, за Уральскими горами. Мне холодно.

Я пытаюсь встать. На удивление, мне это удается.

Иду туда, где большие углекислоты.

По пути задеваю что-то, падающее с металлическим звоном.

Потом меня тошнит.

В инструкции по технике безопасности это называется кислородным отравлением.

Стоило бы отышаться.

Стоило бы усвоить, что инструкция по технике безопасности не фиговая вещь.

Пока я вспоминаю про инцидент с баллоном, Боб готовится.

Боб приводит себя в порядок. Все должно быть чисто и ухожено, об этом он позаботится. Особого внимания заслуживает прическа.

Через несколько секунд я открою дверь направленным взрывом. Тогда начнется отсчет. После взрыва сработают автоматические огнетушители. Взвоят сирены. Все будет как в тумане. Видимость близка к нулю.

Место, где лежит мертвый сержант, называется тамбур или предбокс.

Тамбур отделяет «грязную» часть уровня от «чистой».

Его нужно пройти как можно быстрее. Не потому, что сержант заразен, а потому, что давно уже лежит и гниет. Людей с признаками СТК запирают в карантин на две недели. Этого достаточно, чтобы вирус уничтожил больных и исчез. Я знаю это из дневника доктора Ремизова. То есть СТК можно не бояться. Но после смерти человеческое тело опасно уже само по себе. Воздух в тамбурах насыщен разложением.

И я подозреваю, что синдром трахания кроватей (СТК) настиг не одного сержанта.

Сколько на базе мертвых людей?

Не знаю.

Стоило бы задать вопрос: «Почему в живых остались мы с Бобом?»

Стоило бы нажать кнопку.

Грохот. Взрывом выбивает дверь тамбура. Метан, образовавшийся в процессе разложения, в долю секунды выделяет огромное количество тепла. Кровать вдавливается в стену, как скрепка в пластилин. Тело сержанта превращается в прах. С легким «птихи» сгорают мушкиные крылья. Их тысячи и тысячи. Позже, когда автоматические огнетушители закончат свою работу, на полу останется несколько крошечных черных комочеков.

Боб ждет. Он собран и сосредоточен, хотя с виду кажется слегка расслабленным. Я всегда удивляюсь: при том внимании, что Боб уделяет своей внешности, он умудряется выглядеть как похмельный панк. Волосы стоят дыбом, пряди торчат в разные стороны.

Вероятно, такого эффекта Боб и добивается?

Проходит десять секунд.

Запах гаря становится таким сильным, что першишт в горле. Но даже гаря не может перекрыть тяжелый дух гниения.

Так сколько на базе мертвых людей?

Я даю отмашку.

Боб срываются с места, как пуля. Бегает он гораздо лучше меня, кто бы спорил.

Выбегает в коридор, проскакивает комнаты а8, а19, минует кабинет Ремизова, туалеты (мужской и женский), дверь в большую лабораторию, поворот — и наконец оказывается у места Мушиного Апокалипсиса.

Здесь начинается самое сложное.

Здесь ревет пламя и со свистом опорожняются порошковые огнетушители.

Пока не понять, кто кого. Боевая ничья.

Боб накидывает на голову капюшон (противочумной костюм I типа, только какой-то гад забрал кислородную маску), секунду медлит, потом прыгает.

Стоило бы сказать, что делаю я в этот момент?

Стоило бы зажмуриться.

Я кашляю. Не потому, что в дальнюю комнату тянет дымом или гнилостные микробы до меня все-таки добрались.

У меня хронический бронхит. Эта такая вещь, которая в любой момент может проснуться и сказать: поехали.

Бронхит. Всего лишь.

Прорывается сквозь огонь. Костюм I типа начинает тлеть, правый рукав горит — Боб на бегу стучит себя по груди, пытаясь сбить пламя. Бежит он вслепую. Под ногами хрустит и хлюпает. Дышать нечем, смоченная водой самодельная маска уже не помогает.

Пламя не поддается.

Кожа зудит и пылает. Под ней нагревается плоть. Боб разбегается и прыгает высоко, насколько может, и подставляет руку под струю огнетушителя.

Потом еще раз.

И еще.

У меня на коленях лист ватмана, расчерченный цветными фломастерами. На листе — две таблицы. Одна оза-

главлена «С любовью, Боб», другая «Александр Посто-
ногов, 30». Таблица Боба нарисована зеленым фломасте-
ром, моя — синим. В руке у меня секундомер. В таблице
Боба несколько колонок; все, кроме последней, заполне-
ны цифрами. Против цифр стоят названия — «комната
a19», «коридор a2», «туалет М».

По мере того как Боб продвигается, я вписываю в ко-
лонку новые цифры. Делаю это красным цветом.

Последней в таблице строка «лифт 1, лифт 2».

Уши режет вой пожарной сирены. Здесь видимость
лучше, но все равно неважно.

Пламя на рукаве погашено, осталось только черное
 пятно. Но рука страшно зудит. Впрочем, про это можно
забыть.

Где же оно?

Где?!

Почти. Я держу палец на кнопке секундомера. Стрел-
ка щелкает: тик-ток, тик-ток. Время утекает сквозь паль-
цы, как вода. Ну же, Боб!

Ну!

Боб нажимает на кнопку вызова лифта. В первый мо-
мент кажется, что ничего не произойдет. Кнопка металли-
ческая, со светодиодом внутри, чуть ниже кнопки — сква-
жина для спецключа. Это военная база, просто так отсюда
не выйдешь. Над головой — сотня метров камня и зем-
ли, бетонные перекрытия, жилые помещения для солдат и
офицеров, вентиляционные шахты и маскировочные сети.

Боб жмет на кнопку еще раз. Он взъерошен, но не
настолько, чтобы паниковать.

Боб знает, иногда нужно просто ждать.

Светодиод в кнопке загорается.

За ревом сигнализации не слышно, как масляные
поршни приводятся в движение, огромный маховик тро-
гается и начинает наматывать на себя трос.

Но Боб чувствует легкую вибрацию. Она вызывает
в нем возбуждение, схожее с сексуальным.

Боб начинает выказывать признаки нетерпения. Он пританцовывает на месте. Да, да, да.

Сейчас!

Если работает аварийное освещение, должны работать и лифты. Моя догадка подтверждается. Впрочем, как и догадка о том, что при пожаре спецключ не требуется.

Эвакуация!

Все наверх.

Звучит сигнал. Для Боба эта музыка высших сфер. Лифт приехал, еще мгновение — и он откроет свои двери.

Мгновение проходит.

Боб замирает.

Мой палец на кнопке секундомера подрагивает.

Лифт довольно вздыхает, как человек, только что выполнивший самое трудное в мире дело.

Двери открываются.

Я нажимаю кнопку. Победа! Шесть минут двадцать две секунды. Молодец, Боб. Я вписываю цифры в последнюю ячейку таблицы. Беру другой фломастер и обвожу цифру в кружок. Жирно-жирно. Потом, подумав, пририсовываю к нему лучики.

С ватмана мне улыбается солнце «6,22». Увы, оно синее. Потому что желтого фломастера у меня нет.

Но это уже не так важно.

Стоило бы спросить: а что же Боб?

Получит он свой приз?

Конечно.

Мой друг Боб уплетает за обе щеки гречневую каплю с шоколадным вкусом.

Боб — сирийский хомячок.

Вселенная, сделанная из банок «Несквик» и туалетной бумаги, вращается вокруг него.

И он многому меня научил.

В пожарных датчиках стоят герконы. Это маленькая стеклянная трубочка с двумя проводками. Подносишь магнит, и контакт замыкается. Остальное просто. Взять обычный калькулятор, расковырять кнопку «=» и припаять проводки от геркона. Потом набрать «+1».

Магнит крепится на колесо для хомячка.

Запускается Боб.

Колесо делает оборот, геркон замыкается, и калькулятор добавляет единицу.

Отсчет начал.

Боб крутится в колесе восемь часов без перерыва. Потом ест кашу с «Несквиком», пьет воду и спит целый день без задних ног.

Число на калькуляторе: 37490.

Умножаем это число на длину окружности колеса, получаем, что за ночь хомячок пробегает больше восемнадцати километров.

К полуночи Боб просыпается и снова лезет в свое колесо.

Хотите узнать главную хомячью мудрость?

Иногда нужно просто бежать вперед.

Я навещаю сержанта.

Сейчас подойти к стеклу я не могу, потому что дверь заминирована. Выглядит это чудовищно. Огромная гора хлама до самого потолка. Муравейник в постъядерной эстетике. Получив дозу радиации, муравьи сопили с ума и перетаскали все — от кроватей и хирургических столов до бочек с песком и сейфа.

Не удивлюсь, если в темноте все это светится.

Кстати, о сейфе. Он принадлежал когда-то доктору Ремизову. К тому же доктор любезно забыл его закрыть. Внутри сейфа обнаружилось несколько полезных вещей.

Скажем, дневник доктора.

Или инструкция по технике безопасности. Классная вещь. Только там можно узнать, как взорвать все, что взрывается.

Например, кислородный баллон.

Задача осложняется тем, что из этой бутылки надо выбить сразу две пробки — вторая дверь в тамбур наверняка тоже стальная.

Поэтому — направленный взрыв.

Мушиный Апокалипсис — вот в чем задача ядерного муравейника.

Стоило бы сказать: «Ты уйдешь в Валхаллу, сержант».

Стоило бы попрощаться.

Знаете современный смысл выражения «Все под контролем»?

Трупы учтены, гробы пронумерованы.

Я иду по улице. Серый день, улицы пусты. Машин не видно, повсюду люди в камуфляже. Новости уже не показывают.

Я пытаюсь дышать глубоко и аккуратно. В горле страшно першил.

Я не выдерживаю и разражаюсь сухим кашлем.

Вокруг сразу оказываются люди в противогазах и защитных костюмах. В руках у них автоматы.

Солдаты выворачивают мне руки и укладывают на землю лицом вниз.

Я говорю: у меня хронический бронхит. Ребята, вы чего, я не подхватил СТК, но они не верят и заталкивают меня в машину. Чтобы затем привезти к доктору Ремизову, который поставит мне уколы и запрет в герметичный бокс.

Вероятно, поэтому я выжил.

Когда вирус начал гулять по базе, они запаниковали. Хотя наверняка существовал план и на этот случай. У военных на все есть планы. Может быть, эвакуация проходила плавно и четко. Только в это «плавно и четко» забыли включить меня.

Хомячок остался в коробке.

Доктор Ремизов мог вспомнить, но убежал, бросив свой компьютер, сейф защитного цвета и ящик детского какао.

Обо мне вспомнил сержант.

Я захожу в кабинет. На мне защитный костюм, на плече сумка с едой и инструментами. Неизвестно, что найдет вне базы. Сегодня я собираюсь повторить маршрут Боба по уровню За. Только теперь побегу сам. И взрыв будет самый настоящий.. Без дураков.

Прежде чем нажать на кнопку, у нас с Бобом остается еще одно дело.

Вопрос: что не так в этих фотографиях?

Ответ: это снимки из наших личных дел — моего и Боба.

Боб выглядывает из нагрудного кармана и смотрит на меня темными бусинками. Пора. Я киваю.

Я говорю: «Прощай, сержант».

Мы с Бобом уходим,, а в кабинете остается самодельный плакат «Хомяки месяца».

Под заголовком раньше были две фотографии.

Теперь — рисунок, похожий на детский. На нем человечек в сине-зеленом камуфляже и в шилотке со звездой. На погонах — по три черточки. Глаза разного размера, что придает человечку комичный вид. Справа от него нарисован красный хомячок с панковской шевелюрой. Слева — зеленый человечек.

Все трое улыбаются.

Из правого угла рисунка светит солнце.

Оно синее, потому что желтого фломастера у меня нет.

Здурд Геворкян

2032 ГОД: ПУТЕШЕСТВИЕ К СЕВЕРНОМУ ПРЕДЕЛУ

(Пролог романа «Времена самозванцев»)

Восходящие потоки разъели проялешину в плотной облачной ткани, и мутное белесое пятно луны глянуло вниз, туда, где волны накатывали на изрезанную протоками землю. Две большие птицы, парящие в ночной выси, углядели огромную темную тушу, медленно плывущую вдоль берега. Сложив крылья, они спикировали на нее, но длинное тело оказалось не дохлым китом, а несъедобной громадой, от которой несло кислой вонючей гарью, а внутри, в гулком чреве, что-то гремело, стучало, изрыгало непонятные и страшные звуки.

Несколько взмахов могучих крыльев — и птицы уносятся прочь, все дальше и дальше от одинокой баржи, идущей глухой ночью невесть куда.

Рыбы, поднявшиеся из глубины, недолго сопровождали ржавый ковчег. Шум, звонкие удары металла о металл, протяжные скрипы распугали их, и юркими серебристыми тенями они ушли вниз, в надежный спасительный мрак.

Между тем судно, удерживаясь на грани двух стихий, не желая сливаться с тем, что внизу, и не умея стать тем, что вверху, держало свой путь к темным берегам.

Волны разбивались о баржу в пену и брызги с монотонным шипением «пришиш... пришиш...», а маленькому человеку, что лежал у переборки со связанными за спиной руками, прижавшись щекой к сырьим лохмотьям краски, казалось, что кто-то снова издевательски окликает его: «Приемыш! Приемыш!»

— Приемыш! Приемыш! — кричала Вера дурным голосом, но Сергей, не обращая внимания на ее вопли, хлестал тонким прутом по босым ногам.

К обидным словам он с малых лет привык. Четыре дочери у дяди Харитона, а шуму от них было как от десяти. Спуску они не давали никому. Старшие, Клавдия и Наталья, расцугали всех женихов окрест, а младшие, близняшки Вера и Алевтина, каверзами своими изводили соседей и старших сестер. Хоть и были сестры — старшие и младшие — от разных матерей, но нраву одинаково буйного. Отец же, человек степенный, часто дивился тому, как от двух его тихих, кротких жен, почивших в бозе, появились ни на кого не похожие разбойные девки.

Родителей своих Сергей не знал. Дядя рассказывал, что в последний раз виделся с ними в Саратове, перед исходом в Москву, и с тех пор вестей от них не было. Племянника своего Харитон отыскал в приюте, да и то после того, как приют сгорел, а дети мыкались по временным пристанищам. Впрочем, о той поре дядя говорил глухо, а Сергей и подавно не хотел о ней вспоминать.

Двоюродные сестры сразу же принялись шпиговать мальца, а когда он чуточку подрос, кто-то из них взямы и брякни, что будто он вовсе им не родня, а так, подобрал Харитон из жалости невесту какого приблудыши. А потому, мол, знай свое место и слушайся их беспрекословно!

Сколько помнит себя Сергей, не давали они ему проходу. Дядя по службе частенько отсутствовал, вот сестры и борзели вовсю. То ушипнут походя, то обманку подсунут: яйцо пустое, воском налитое, или крендель из крашеной глины. А как стукнуло царю двенадцать лет, стал он потихоньку отпор давать. Вот и сейчас, когда Вера ни с того ни с сего влепила ему в лобешник деревянной ложкой, не стерпел, скрутил ее и хворостинкой отстегал по голым ногам, да так, что на визг выскочили младшие, прут отобрали и чуть самому не всыпали.

Сергей вырвался из их рук, перескочил через плетень, сбежал вниз по косогору и пробрался мимо огородов к частоколу. Огляделся по сторонам — дозорных не было видно, наверно, дремлют у себя на насесте, что над воротами. А потом он нырнул в потаенный, одному ему известный ход и вскоре вылез из кустов, что нависали над оврагом. Здесь он часто прятался от всевидящих глаз ябедницы Алевтины. Овраг длинной прямой линией уходил к городу. Дно его заросло малинником, но кое-где на склонах торчали высокие разлохмаченные стебли ядовитой крапивы. Дурохвосты в эти края порой забредали, но в овраге ни разу не видели хищных котяр. Гонорят, запах старого железа их отпугивал. А жлеза здесь хватало.

Харитон как-то пояснил, что раньше, когда Москва городская досюда тянулась, это и не овраг был вовсе, а дорога подземная. Тут она поверху шла, но ближе к реке ныряла глубоко вниз. Так что же по ней не ходят-ездят, недоверчиво спросила Клавдия, на что Харитон только рукой махнул — отъездились, мол. Потом он рассказал, как давным-давно, до моровой погибели, здесь ходили поезда и тысячи людей катались на них. И он тоже катался, а когда лихо накатило, то он в этих поездах трупы вывозил на чумное огнище.

Наслушавшись историй, Сергей долго потом ковырялся в овраге и раскопал на дне мятые и сплющенные обрезки труб, много битого стекла и четыре совершенно целые гладкие плитки с синим узором. Клавдия немедленно плитки отобрала и пристроила их у себя на кухне, горячую посуду ставить.

Однажды Сергей, выбрав до последней ягодки ближайшие малинники, забрел по оврагу далеко, пока не уперся в насыпь. Вскарабкался было на нее, но на середине зацепился за кривой ржавый штырь и чуть не полетел в щель, что зияла между насыпью и обломками бетона от старого рухнувшего моста. Из щели дуло сырьим холодным ветром, лезть туда было боязно, да и надобности никакой не имелось.

Говорили, что под заброшенными домами, вернее, под тем, что от них осталось, таятся огромные пещеры,

да такие, что вся деревня по самые крыши уместится. И что, мол, там много чего сохранилось от прежних времен, только вот проку от того добра нет, кто найдет и вынесет наружу — тому хворь неминуемая и карачун выйдет. А еще, сказывали, в подземных покоях спят на холодных лежаках хрипучи. На вид они поначалу люди как люди, только ежели приглядеться — светятся, будто гнилушки. Станут речи мудреные заводить, да не просто словами, как все, разговаривают, а хрипят, выхрипывают по буквовке! Повстречать такого страхолюда — погибель верная, с перепугу околеешь, а то еще хрипун метровым языком тебя обовьет и к себе под землю утянет, а там до смерти заговорит или же попросту удавит.

Сладко и страшно было слушать эти байки тягучими вечерами, а потом, накрывшись с головой овчиной, вздрагивать, засыпая, от внезапного скрипа ставень или еле слышного далекого мява дурохвоста, по весеннему гону забежавшего в жилые места...

Порой соседи, вернувшись с дальних огородов, рассказывали о непонятных людях, проходивших старыми тропами по своим непонятным делам. С такими не связывались и старались не попадаться им на глаза. Ну, а если кто на лупил нарвется, это уже как повезет. Одни, бывало, и уходили, но вот Михаилу, с которым гуляла Клавдия, не повезло. Отстал от своих, пока отбивались, да и пропал. С тех пор Клавдия совсем озлобилась. Сергей помнил, как однажды ночью лупили напали на поселение. Хорошо, дозорные вовремя заметили! Запалили костры, единственный справный бердан соседа Кузьмы не подвел, хлопнул картечью, а тут и мужики набежали, окружили зверье, что пролезло через ограду, и на колья всех подняли. Потом лекарь приходил, старичок такой сердитый, раненых и покусанных зашивал, а Сергею дал посмотреть в увеличительное стекло.

Сейчас времена тихие. Дружинники Правителя далеко окрест все прочесали, лихих людей повышибали, дурохвостов разогнали, а лупил уже год никто не видел и не слышал.

За огородами начинались вырубки. Лес здесь стоял хилый, не лес, смех один, на жердины разве что годный. В этих местах попадалось иногда доброе железо. Кузнец Василий был рад всякой железке, которую ржа не брала. Сам их в дело не пускал, а когда набиралась подвода, отвозил в Москву. Там умельцы в мастерских, что при Хоромах, из них ковали мечи, снасть воинскую разную. Обратно же кузнец нужное барахло привозил. Детвору, которая ему железки таскала, одаривал сладостями, безделицами мелкими. Сергею же он выточил небольшой, но очень острый ножичек.

Но сегодня парню было не до поисков железа. Из-за глупой свары с сестрами он опаздывал на встречу со Степаном. Его друг жил в поселении недалеко от берега. Они сговорились встретиться в полдень у длинных домов и вдвоем начистить хрюсло наглому и подловатому Тимофею, который давно крутился вокруг голубятни Степана и сманил его лучшего турмана.

Все же опоздал, и, конечно, Степан его не дождался.

У длинных домов никого не было. Из темных проемов пустых коробок доносились потрескивание и шорох осыпающейся бетонной крошки, слабо гудели сквозняки, и где-то высоко время от времени хлюпала уцелевшая фрамуга.

Возвращаться домой не хотелось. Там его немедленно заставят помогать по хозяйству или погонять на огород пропалывать сорняки. Идти к берегу тоже невелика радость — а ну как нарвешься на Тимофея? В одиночку с ним не справиться.

Откуда-то из-за холма донеслось мычание. Другая корова замычала в ответ. Сергей взобрался по косотору вверх, осторожно прополз между кустами и раздвинул ветки.

На болышой поляне два десятка коров мирно подбирали траву. Пастуха не было видно. Сергей чуть подался вперед — ежели это отбившиеся от стада, то он может пригнать их в деревню. Потом, как положено, хозяин коров, если такой сыщется, должен выделить ему теленка, а то и бычка.

Он собрался уже выйти на поляну, но тут же прянул назад. Коровы не были беспризорными. Правда, пастух у них какой-то странный...

Рослый парень со светлыми вьющимися волосами расположился в тенечке, поодаль. Но вместо того чтобы дремать или же бдеть, он, раскорячясь, нелено поводил руками, приседал, заваливался набок. Вдруг схватил свой посох и запрыгал, размахивая им во все стороны. Посох был что твоя оглобля! Пастух крутил его со свистом, подбрасывал, тыкал концом вперед и назад, а потом размахнулся и саданул было по лопухам, да задел концом за пенек. Палка вылетела из рук и шмякнулась об коровью спину. Та лишь тихо взмумукнула, но даже головы не повернула в сторону обидчика.

Сергей не выдержал и рассмеялся. В тот же миг пастух кувыркнулся в густую траву, схватил посох и, вскочив на ноги, укрылся за деревом. Сергей вышел из зарослей и помахал ладонями, показывая пустые руки.

Парень, что присматривал за коровами, назвался Андреем. Был он старше Сергея года на три-четыре. Живет в Филиях, оттуда и стадо пригнали, на хорошие кунцевские травы.

— А что ты с жердью делал? — спросил Сергей.

— Палочному бою учился, — ответил Андрей.

Они немного потолковали о том, чем сподручнее от дурохвоста отмахиваться — дубиной или ножом. Андрей похвастал, что в прошлом году шальной котяру хлыстом уложил. Хороший был хлыст, из бычьей кожи, с железной гайкой, вплетенной в конец. Жаль, потерял. Сергей похвастал своим ножом и пару раз метко всадил его с десяти шагов в ствол кривой березки. Пастух уважительно покачал головой и признал, что так он не может.

— Научи палкой драться, а я покажу, как нож кидать, — сказал Сергей.

Но не успел Андрей ему ответить, как громкий треск из-за холма заставил их насторожиться. Они замерли, прислушиваясь. Треск повторился, затем чуть потише что-то дробно застучало.

— Где это? — прошептал Сергей.

Андрей пожал плечами и кинулся бежать вверх по склону. За ним рванул и Сергей, ловко перепрыгивая через торчавшие кое-где из земли замшелые обломки бетонных плит.

С вершины холма было видно далеко. Они долго смотрели по сторонам, но ничего подозрительного не увидели. В жилых местах курились дымы, сквозь густую зелень пробивались серые глыбы больших высоких домов, которых еще не взяли время и плесень, а на далеком горизонте в сером небесном мареве клубились налитые теплым дождем тучи...

Снова издалека затрещало-застрекотало, потом бухнуло раз, другой, третий.

— Смотри! — вскрикнул Андрей и схватил Сергея за плечо. — Вон туда смотри, видишь?!

Приглядевшись, Сергей разглядел вдали яркие вспышки, в небе где-то над рекой возникали и тут же исчезали дымные облачка.

— Что там творится-то, а? — прошептал Андрей.

Подростки как зачарованные не отрывали глаз от далекого темного треугольничка, вокруг которого мерцало и погромыхивало, трещало и вспыхивало, будто сильная гроза подкралась низами и теперь бьется молниями и громами, зажатая меж берегов. Словно в подтверждение, над рекой взбухли вдруг темные облака, несколько раз в выси полыхнуло зарницей.

Сергей вспомнил, как однажды они с дядей рыбачили в тех краях, доплыли аж до монастыря, а напротив как раз торчала мрачная громада, видная отсюда маленьким испенъком.

— Это стрельба, вот что это такое! — убежденно сказал Андрей. — Из пушек садят! Только кто с кем дерется, а? Эх, бинокль бы сюда, да где его добить?!

— Какой еще бинокль? — спросил Сергей.

Ответа он не получил. Яркая вспышка — и на месте далекого строения взбух отсененный шар, а чуть позже докатился и тугой грохот.

— Стадо разбежится! — всполошило крикнул Андрей и припустил вниз.

Вдали над рекой медленно расползлась черная клубящаяся туча. В середке ее образовался проем, в нем большим зрачком проглянуло солнце. Что тогда напугало Сергея, он и сам потом не мог объяснить. Набрал воздуху полную грудь, попятился, а потом изо всех сил кинулся к ложбине, а оттуда знакомыми тропами ноги сами вынесли к дому.

Весь день он ходил сам не свой, отвечал певопад. Сестры его не трогали. Они тоже прослышиали о странных делах в Москве от прохожего коробейника. К вечеру, когда мужики вернулись домой, Алевтина забегала по соседям, но ничего путного не вызнала. Кто-то слышал выстрелы, где-то видели огонь и дым, по какая там заваруха идет, никто не знал, хотя на догадки никто не скучился. Бесстрашная Наталья вызвалась сгонять в соседнюю деревню, но ее не пустили. Темнело быстро.

На ночь к дозорным вышло подкрепление. Известное дело: как в Москве смута опять случится, так жди лихих людей или нечисти лесной. Костров не разжигали, но груды хвороста, политые маслом, расположили в проходах так, чтобы в случае незваных гостей враз запалить. Три мужика с арбалетами полезли на вышку. А зады, что выходили к огородам, стерегли с крыши не боящийся высоты старый Кузьма со своим берданом и последними тремя патронами да пара крепких парней с мешком булыжников. Сергей сунулся было по пожарной лестнице к ним, но был изгнан под присмотр сестер. Те его погнали спать, да и сами легли.

Он долго ворочался, напряженно вслушиваясь в перекличку сторожей за ставнями, в шорохи и потрескивание, идущие невесть откуда.

В такие тревожные времена они перебирались во внутренние комнаты. Четырехэтажный крепкий каменный дом, вокруг которого составилось поселение, раньше был школой. К первому этажу со всех сторон пристроили избы да сараи, строили тесно, вдвоем с трудом между домами разойтись, зато и постороннему не развернуться. У каждой семьи была своя комната и в каменном здании, что-то вроде убежища. Сюда набивались, если

ждали набега. А самую большую комнату приспособили для сборищ, посиделок и иных нужд, когда требовалось собрать все два десятка семей поселения. На втором этаже комнаты пошли под амбары, а выше ходу не было. Дети стереглись высоты, их страшали Страхом Небесным, который неминуемо поразит всякого, кто в старых домах вверх поднимается. Впрочем, Сергей хоть пугал рассказами о страхоедах мелюзгу, но при этом сам частенько, несмотря на запреты, пробирался сквозь пролом в забитой двери на третий этаж, а однажды даже забрался на четвертый. Там было душно, но интересно. В одной из комнат сохранилась на стене большая черная доска, на которой под слоем пыли он разглядел нарисованную мелом рожицу. Сквозь щели в заколоченных окнах пробивались узкие полотна света, высовчивая разбитые столы и стулья, обрывки плакатов, висящих на стенах, шкафы с треснувшими или выбитыми стеклами, за которыми пылились деревянные пирамиды, цилиндры и другие странные вещи. На уцелевшем шкафу Сергей нашел забавную карту, наклеенную на шар. Эта штука ему понравилась, и он притащил ее домой. Был немедленно отодран за уши Клавдией, а карту, которую она назвала глобусом, обтерли мокрой тряпкой и как украшение выставили на большой комод, сработанный умельцем Кузьмой.

Сергей вспомнил, как дядя Харитон долго рассматривал глобус, крутил в руках, а потом сказал, что толку от него мало, вода неправильно нарисована, а многих стран и в помине нет, затопило напрочь. Так глобус и остался безделицей на комоде. Время от времени Сергей пытался разобраться, где находится их поселение, приставал с вопросами к сестрам, но те лишь отмахивались.

Голубой шар глобуса медленно вращался перед ним, тая в дымке, потом он превратился в дядино лицо... Сергей засопел и уснул сразу.

Утром невыспавшиеся, а потому злые мужики остались дома. Толпились на крыше, опасливо поглядывая в небо, долго высматривали, чего в Москве творится, но

ничего, конечно, не углядели. Лишь вдали, там, где вчера полыхнуло и грохотало, курилась струя дыма, сле заметная отсюда. Поговорили, посудачили и ушли отсыпаться. За ограду велели никому не ходить, мало ли что!

Сергей покрутился у дозорных, потом сунулся было к известной лишь ему щели, но пролом был заколочен. Тут его позвала Алевтина и велела натаскать воды. Только он наполнил бочку, как Вера пристроила его пельмени крутить, а это дело он любил.

К обеду объявился дядя Харитон. Одежка на нем была вся в грязи, лицо в коноти, поперек щеки царапина. Сестры запрчитали в голос, но он цыкнул на них и, велев напоить коня, пошел мыться. Сменив одежду, сел за стол и устало потер глаза. Тут соседи набежали, набилась полная горница людей. Приступили к нему с вопросами, что да как...

- Дайте поесть хоть! — запищела Наталья.
- Уймись, егоза! — цыкнул на нее дед Кузьма. — Не молчи, Харитон, рассказывай, что там стряслось?
- Что стряслось, то и утряслось, — махнул рукой дядя. — Свое добро чуть не упустили, обратно отбивать пришлось.
- Измена, что ль? — понимающе прищурился Кузьма.
- Дурость наша... — устало ответил Харитон. — Пока итильские послы нам баки забивали, их смертники Бастион захватили. Наших ребят положили, а потом сами себя подорвали, чтоб техника нам не досталась.
- Это какой же бастион? — спросил кто-то из молодых.
- Ну, дом высокий, что напротив стадиона.
- Университет, — пояснил дед Кузьма. — Раньше там много народа училось. И техники всякой хватало, приборов.
- А ты откуда знаешь? — сварливо встряла в разговор Алевтина.
- И я там когда-то учился, да недоучился. Вроде там еще ученыс люди оставались? — Он вопросительно посмотрел на Харитона.

Тот пожал плечами:

— Всякое говорят. Будто вченые стакнулись с итильцами и сдали им Бастион. Брут, наверно. Патрули видели, как они на плотах ушли еще до заварухи.

— Догнать надо бы...

— Не до них теперь, — махнул рукой сотник.

— Что же теперь будет? — спросила Алевтина.

— Война будет! — ответил ей дед Кузьма.

Все замолчали.

— К тому дело идет, — нехотя выдавил из себя Харитон. — Правитель ходит свирепый, как черт, маршал еще злее. Будет поход на Казань, никуда не деться.

Охнули дружно сестры, растерянно переглянулись соседи. Уйдет войско, кто за порядком следить будет?

— Когда в поход-то? — спросил Кузьма.

— Не знаю. Ведьмаков наших поистратили уйму, бесполковщины наелись полный рот. С таким воинством далеко не уйдешь. Сейчас порядок наводить будут. Отпуска уже отменили, еле уговорил тысяцкого домой отпустить ненадолго.

Дед Кузьма крякнул и пошел из горницы, за ним потянулись и остальные. Сестры захлопотали, накинули скатерть, Алевтина внесла большую миску с пельменями, достала бутыль. Харитон перекрестился и взял ложку.

Дома побывал сотник недолго. Поел, отдохнул малость, взял белья чистого, наказал жить в мире и убыл. Сергей проводил его до излучины, держась за стремя каурого. Харитон озабоченно поглядывал по сторонам, потом велел ему возвращаться, пообещав на днях выбраться домой.

Сергей на прощанье похлопал коня по боку и побежал обратно. На пригорке он остановился и проводил взглядом всадника, забирающего берегом влево, к дальним pontонам. Вот дядя исчез за деревьями, потом снова показался на светлой кромке близ воды, а потом совсем пропал в рощице.

Сергей вздохнул. Следующей весной дядя обещал определить его к себе в сотню. Пару раз водил его в Хоромы — большое темное здание на Котельнической набережной. Показал службы, конюшню, мастерские. Там он впервые увидел вблизи магов, о которых рассказывали жуткие ис-

тории. Совсем нестрашные, люди как люди, и огненного глаза посередь лба нет. А когда парень шепотом спросил сотника, отчего это ведьмаки такие невзрачные, тот сердито осек его и сказал, чтоб большие ведьмаками их не называл. Они и на магов раньше не откликались, пояснил он. В Саратове их называли манипуляторами гиперакустики, да только так скорее язык узлом завяжется, нежели выговоришь. Впрочем, когда чуть позже Сергей, забывши, снова обозвал их ведьмаками, дядя только хмыкнул.

Теперь, наверное, свидеться с ним удастся разве что через неделю или две, подумал Сергей и пошел домой. Скажи кто ему, что дядю он увидит только через много месяцев, а сотник с трудом признает его — удивился бы парень, хотя ненадолго. И не такое случается ныне.

Прошла неделя. В Москве было тихо. Мужики, ходившие по торговым делам, узнали, что дружина готовится к походу, и по такой причине почти все питейные заведения вокруг Хором позакрывали. А еще в кабачках, что у Дорогомиловской дамбы, видели они раненого под Бастионом дружины. Тот был уже пьян в лоск и норовил улечься под лавкой. Однако перед тем, как свалиться туда, успел такое рассказать заплетающимся языком про заваруху, что мужики сначала не поверили, а поверив, струхнулишибко, прикинув: залети в поселение шальной снаряд или полосни лучом басурмане — все, веники. Сгорели бы в одночасье. Сотника повидать им не удалось, дальше Солянки к казармам не пустили, гостинцы велели в караульной сторожке оставить, передадут, мол, в руки.

Вечером все собрались в общей комнате, взгрели двухведерный самовар, склеенный Кузьмой из старой канистры, семейные принесли печева, варенья всякого... Сергей почти и не пил духовитого чаю, заваренного на смородиновом листу. Он уперся подбородком в кулаки и жадно слушал рассказы о лестунах, которых пожгли над рекой засевшие в Бастионе итильцы, о магах, что своими зеркалами пускали огненные шары, о том, как осерчавшие дружины сгоряча перебили казанское посоль-

ство. Потом долго судачили о хорошей жизни до того, как великая погибель пришла, о чудных делах на севере, где будто бы средь вод таится уцелевший от бед непрочтутый временем и лихими людьми тайный город Питер, в котором жить просто и весело, да только входа туда нет никому пришлому, а кто тайные ходы знает и войдет, то назад возвращаться не захочет...

А когда все разошлись спать, он долго сидел на лавке, уставившись глазами в темный мятый бок самовара. Вся его беготня по оврагам и буеракам, драки с Тимофеем и возня с детворой показались вдруг унылым, неинтересным занятием. Скорей бы ляля взял его в дружину — вот где весело!

Потянулись дни. Скучные, похожие один на другой. Кузнец Василий, который был заодно и старостой поселения, приставил его к деду Кузьме в коптильню. Пора было на зиму припасы делать. Сергей весь пропах дымом, сестры ворчали, но терпели — парень был при деле. Потом он помогал гончару Николаю горшки обжигать. Большие глиняные жбаны хорошо брали фермеры. Но то ли глина худая попалась, то ли Николай не с той руки начал, горшки частью полопались, частью выпили кривыми. Выкинули все за ограду близ ворот.

А еще через неделю в поселение завернул обоз со старателями. Две телеги, доверху набитые барахлом, въехали во двор. Старателей было четверо, одного из них Василий признал, а то могли и не впустить. Иногда под видом торговых людей промышляли сущие разбойники. Еще рассказывали, что в одной деревеньке под Калугой пустили на ночь незнакомцев, а те под утро обернулись не житию, сожрали всех стар и млад, деревеньку же спалили.

Знакомого старателя Василий увел к себе. Кузня стояла чуть поодаль, за врытыми в землю бетонными плитами. Поселяне опасались огня. Старатели между тем выгрузили с телег большие тюки, связки металлических кружек, фляги, кастрюли, тряпье разное. Подошли женщины, глянули на добро и разошлись, не желая показывать интерес.

Старателей разместили в свободной комнате, рядом с общим залом. Те отволокли свое добро и выставили сто на погляд в коридоре вдоль стены. К вечеру Василий уже знал, что кому приглянулось, и повел долгий, обстоятельный торг. Знакомый его оказался вожаком старателей. Пока женщины накрывали столы да ставили угощенье, они с божбой и матюгами пытались объегорить друг друга. Потом Василий с подручным в две ходки притащили тяжелую связку болтов для арбалетов, десяток мечей из хорошей стали и два испорченных карабина. Вожак осмотрел старое оружие, покачал головой и сказал, что знает умельцев, которые могли бы починить стволы, да только патронов к ним сейчас не сыщешь. Впрочем, от оружия не отказался. Часть тюков старатели унесли к себе в комнату, остальное Василий велел спрятать до поры в кладовой. Тут и еда приспела.

Напившись чаю, гости, как положено, повели разговор о делах нынешних и прошлых, о том, что видели и слышали во время своих хождений по городам и весям, вернее, по тому, что от городов осталось. Старатели промышляли в заброшенных домах. В поисках мало-мальски ценных вещей их заносило в места дикие, покинутые людьми. Порой их грабили жители кордонов, частенько за ними охотилась всякая голь лихоимная, зная, что в обозах старателей можно разжиться добром, а если хорошо поискать, то и золотишко сыщется.

Вожак старателей, степенно оглаживая бороду, рассказывал, как под Ростовом они набрели на военный городок и чуть не пропали в лабиринтах подземных ходов и шахт. А близ Серпухова они еле отбились от лупил, потеряв двух человек. Повезло, что вода была рядом, сплюнули на барахло и уплыли, держась за гривы лошадей, вниз по течению. И еще рассказал вожак, что встречал странных людей: те говорили складно, высипршивали про старое оружие, а по одежке да по говору, видать, из-за Волги пришли.

Женщины охали, а мужчины недоверчиво покачивали головами, когда вожак, осушив пару кружек браги, поведал им о дивных плавающих лесах Черноморья, об ум-

ном и страшном зверье, что водится за Уральским хребтом, о бурных водах, которые уносят неосторожных рыбаков к Северному пределу и сбрасывают их в кипящую бездну, о подземных дворцах, что открываются только тому, кто знает тайное слово, о непотребствах, учиняемых бандами одичавших беженцев, не нашедших себе углажа-пристанища, о тех, кому в небесах являлись картины сражений между отрядами странных воинов, тела которых после гибели падали на землю и всыхивали огнем ярым, паля все вокруг, о приходе никому не ведомых пророков, возвещающих, разумеется, окончательный конец света... Где былъ, а где сказка, завороженные слушатели не могли разобрать. Да и не хотели.

Сергей спросил о хрипунах. Вожак ухмыльнулся и сказал, что такие еще не попадались, но он только за свою артель может говорить. От других он разное слышал, и о хрипунах, и о ползунах, что наполовину сверху человек, а остальная половина — не то червяк, не то змея, и о говорящих паучинах многоруких-многоногих с человеческими головами, но о трех языках. Всякое рассказывают. Есть, по слухам, места, где раньше всякая гадская химия и неведомая дрянь хранилась. Хранилась, перепрела да и растеклась, травя все окрест. Туда вообще соваться не следует. Кто вляпается в то густое варево или нанюхается вонищи едкой, ум-разум вмиг потеряет. Там даже звери дикие чумеют, а люди и вовсе в нелюдей превращаются.

Потом вожак хлебнул еще браги и заговорил о трудном своем ремесле. Старателя всякий норовит обобрать, полагая его за богатея. А пока что-нибудь стоящее раскопаешь — лаз трижды завалит, а раскоп пять раз засыплет. Старые дома почти все порушило и землей занесло, что уцелели — мхом поросли, в них змей и твари противной — чертова уйма, дерево все стнило, железо проржало, пластик потрескался, бумага старая расползлась...

— Будет ныть-то! — хмыкнул дед Кузьма. — Не было бы навара, не полезли бы могилы копать.

— Навар есть, — согласился вожак. — Как же без навара. Только могилы мы не трогаем, упаси Боже! — И он

перекрестился. — В жилые края вообще не заходим, разве что для мены. Ну и золотишко какое найдем, сдаем Правителю, в обмен, конечно. А захоронения не трогаем. Не-е...

— Да и что там на кладбищах найдешь... — невпопад сказал рыжебородый старатель, но осекся под строгим взглядом вожака.

— Все-таки вы, ребята, мародеры, — укоризненно сказал Кузьма.

— А это как посмотреть. — Вожак пожал плечами. — Все мы в каком-то смысле мародеры. После эпидемии одни мародеры и остались. Что не успели растащить, во-да смыла. Вот и доскребаем остатки былой цивилизации, растаскиваем уцелевшее, а сами и горшка толком слепить не умеем.

— Ты мои горшки не тронь! — вдруг заорал молчавший доселе Николай, вскочил с лавки, уронив большую кружку с недопитой брагой и схватил за грудки вожака.

Тот от неожиданности отпрянул назад, ножки табурета под ним поехали, и он спиной ухнулся на пол. Николай, вцепившийся клюшом, кувыркнулся за ним. Кинулись разнимать, кто-то в суете смазал одному из старателей по уху, тот нестерпел и полез в драку. Василий раскидал кучу, утихомирил драчунов, а Николая взял крепко за плечо и велел пойти проспаться. Но гончар с пылу и с пьяну извернулся и хватанул зубами за пальцы старосты.

— Ах, ты! — взревел Василий, и в следующий миг Николай улетел к стене, шваркнулся об нее и затих, бла-женно улыбаясь.

Тут женщины завизжали и дружно взялись за дебоширов. Алевтина цапнула бадью с холодной водой и плеснула в старателя. Тот пригнулся, и струя попала деду Кузьме аккурат в лицо.

— Ой, — только и сказала Алевтина.

Все на миг замерли, потом уставились на деда, который набрал воздуху, да от расширяющей злобы слова вымолвить не мог, только рыбой рот разевал. Первый за-смеялся кузнец, за ним грохнули остальные.

Потом шили мировую. Оклемавшись, Николай полез было целоваться с вожаком артельщиков, но тут пришла жена гончара и погнала его спать.

За ней и другие женщины стали уводить мужиков по домам. Несмотря на отчаянное сопротивление Сергея, сестры и его чуть ли не слишком отволокли домой. Словно маленьского! При этом Вера еще и приговаривала, что если не будет слушаться, то они его старателям отдаут, а те его на корм хрипунам пустят.

Ближе к утру ему приснилось, будто сестры хватают его за руки-ноги и несут куда-то по темному коридору, а потом бросают в подпол, глубокий и холодный. Вот он лежит внизу, рядом плещется вода, а далеко вверху гулкие голоса вопрошают, куда это он запропастился. Вот и дядя допытывается, где он, а противные визгливые сестры отвечают, что, мол, сбежал, неблагодарный такой... Сергей пытается закричать, позвать дядю, но на рту у него сидит большая пупырчатая жаба и ждет, когда он разожмст губы, чтобы проскочить к нему в живот. Вдруг жаба оказалась у него внутри, и это было не страшно, а смешно, ему даже расхотелось звать на помощь, он знал, что не простая жаба в нем сидит, а там, наверху, глупые сестры пытались ему навредить, а только помогли. И это тоже было так смешно, что он стал смеяться и не мог остановиться...

Пропнулся от щекотки. Простыня, которой он укрыл-
ся, сползла, а по животу ползала большая черная муха.

Пополудни старатели запрягли коней и начали гру-
зить свое добро на телеги. Тут выяснилось, что одному из них вожак поручил вести телегу с железом в Хоромы, к мастеровым, менять и торговать, а при хорошем наваре открыть лавку и дожидаться их. Остальные же намеревались идти в места нехоженые, а там как повезет. Сергей глядел на их сборы с крыльца, и ему почему-то было тоскливо. После рассказов гостей жизнь в поселении ка-
залась ему скучной и однообразной. Опять нудные хло-
поты по хозяйству, вечное недовольство сестер, унылые вечера. Были бы хоть одногодки в поселении, а то одна

мелюзга. Вот и вся забава, что к Степану бегать, а там только и дел, что голубей гонять да с Тимофеем драться. Дядя, правда, обещал в дружину взять, когда время приспеет, да только ждать еще сколько! То ли дело старатели — каждый день на новом месте, новых людей видят, приключений наворот, а сколько интересных венцов находят... Ему вдруг смерть как захотелось уйти вместе с ними, блуждать по длинным и жутким проходам в старых засыпанных зданиях, превратившихся в холмы, поросшие березняком, проползать узкими ходами подземелий в поисках неведомых сокровищ...

— Ты чего без дела стоишь! — закричала из кухни Клавдия. — Наруби дров, живо!

Один из старателей аж вздрогнул от ее крика. Что-то сказал вожаку, тот рассмеялся. Вот досада, расстроился Сергей, совсем его за пацаненка считать будут. Ну, что ж, решил он, надо дело делать, а не обиды строить. От обид будешь бит.

Он плохо помнил время, проведенное в приюте, да и недолго он был в доме, куда отовсюду навезли детей. Одному научился там сразу и навсегда — никогда не ждать, пока другие поделятся или помогут. Сам найди и сам возьми, а главное — не мешкай.

На одну телегу навалили тюки с мягкой рухлядью, на другую — железо всякое. Старатели попили к кузнеццу прощаться, а Сергей, недолго думая, бочком-бочком подобрался к телеге. Огляделся, приподнял с краю деревя и нырнул под нее. Посрздал, уставаясь так, чтобы можно было глядеть сквозь щели в досках. Вздрогнул, когда один из тюков сполз на него. Сверху глухо доносились голоса, кто-то чихнул, а потом телега дрогнула под ним и колеса заскрипели.

2

Сырой хворост разгорался долго, с дымом и треском. Наконец полешки занялись — мелкие язычки пламени, торопливо облизывающие кору, слились воедино, и огонь

заполыхал вовсю. Вскоре варево в котле забулькало, от него вкусно потянуло мясным духом. Конь мерно хрупал овсом из торбы, время от времени вздрагивая, когда громко стреляла головешка.

На ночевку старатели остановились у большой бетонной коробки с глухими стенами. Вместо окон под крышей темнели узкие бойницы, окаймленные металлическими крюками. На ржавые изогнутые железяки были насажены какие-то белые и коричневые куски. Такие же обломки усеивали незаросшую площадку перед дверью, словно сердитая хозяйка устроила у себя на кухне дебош и перебила всю фаянсовую посуду. Правда, тарелки, на верно, могли вместить цельного порося. Ржавый навесной замок прикипел к железной двери. Место было вроде нетронутое, но внутрь заходить не стали. До утра пойдет.

Далеко на берегу мерцали огоньки, теплый ветер доносил запахи жилья — пахло дымом и печеным хлебом, но уже быстро темнело, а в ночь мало кто пустит незнакомых людей на постой.

Сергей прислонился к шершавой стене. Спать хотелось — мочи нет, да и плеск воды усыплял. Но бурчание в животе от голодухи не давало заснуть. С утра всего краюху хлеба перехватил, а потом уже и не до еды было.

Третий месяц, как он у старателей. Обнаружили его в телеге аж под Серпуховом! Хотели домой погнать, да уж больно далеко ушли. Одного отпускать — не дойдет, сгинет. Потаскал его Никита, вожак, за ухо, наградил парой крепких подзатыльников да смирился с нежданным пополнением артели. К тому же худому пацану сподручней в узкие щели пролезать. С первым же патрулем послали весть Харитону, чтобы домашние не искали, не тужили.

Вскоре Сергей понял, что маxу дал: ни дворцов подземных, ни сокровищ несметных не было и не предвиделось. Работа у старателей скучная, пыльная и кропотливая. Ходи по старым домам в трухе по колено, палочкой ковыряйся, может, паткнешься на что-нибудь ценное пустых бутылок или склизкого тряпья. А то еще приходилось прыгать с пробитого лаза в темную дыру, и еще

неизвестно, хватит ли веревки до пола. Однажды не хватило, перекрытия этажей давно обвалились, и Сергей повис на конце веревки. Хорошо, что Никита держал крепко и успел вытащить, прежде чем остатки крыши начали разваливаться под ногами вожака. Впрочем, тогда они все же пробрались внутрь через боковой лаз. Интуиция не подвела Никиту, в уцелевшем подвале нашли гору битой техники. По этой части докой был Антон, невысокий коренастый старатель. Он и показал, какие части выламывать. Набрали с полмешка маленьких смешных пластиночек, во все стороны опечинившихся тонюсенькими короткими проводочками. Потом Антон объяснил, что в каждой детальке есть малая толика золота. Умельцы в Хоромах знают, как его выплавить.

В глухих подземельях, по рассказам старателей, добра всякого уцелело больше, но там и утонуть можно запросто, а то и заснуть навсегда, поддавшись не то сонным чарам, не то дурному воздуху.

Попадалась им всякая утварь, редко целая, пару раз находили забавных зверушек из камня и кости. Безделушкиами обычно задаривали на постое нестрогих вдовушек или вольных женок. А когда Сергей впервые наткнулся на покойника, то с перепугу чуть в оконный проем не выскочил с пятого этажа. От мертвого человека почти ничего и не осталось, только кости его выпирали под истлевшей до дыр прстыней, а череп покоялся на свернутом в валик тряпье. Сергей и не помнил, как ссыпался с лестницы и оказался снаружи. Никита отругал его за пустой страх и велел топать обратно, поискать на костяшках пальцев кольцо или перстень. Сам же Никита в это время вместе с Антоном расковыривали заколоченное окно в доме напротив. Пришло вернуться...

Потом привык помаленьку, но однажды, когда они влезли в длинный полуосыпавшийся дом у Тульской караулки чуть было враз не отвык, приняв обыкновенного мертвеца за хрипуну. В этот дом, как оказалось, в прошлом году старатели пару раз заходили, но выше второго этажа не поднимались. Антон проворчал, что все эти кишки бетонные ему не нравятся, нечисть всегда ходит пря-

мыми путями, здесь ей вольготно. Но когда Сергей полез на третий этаж, возражать не стал, только хмыкнул и перекрестил в спину. На этаже кисло воняло старой трухой, плесенью и гнилью. Дверные проемы по краям обросли мхом. В первой же квартире он и наткнулся на труп. Покойник сидел в кресле из выцветшего пластика, спиной к двери, а потому его и не было видно от входа. Сергей только дотронулся до спинки с высокими подлокотниками, как кресло со скрипом развернулось к нему и мертвец уставилсь веселыми глазницами прямо ему в лицо. От скрипа этого бешено заколотилось сердце, парню показалось на миг, что покойник с ним заговорил на языке мертвых, а на нем, как известно, только хрипнуны и говорят!

Сергей перевел дыхание, успокоился и заметил, что с фаланги мертвеца свисает какая-то цацка, вроде медальона, а в другой руке белые кости удерживают сложенный вдвое лист. Медальон оказался круглым диском из зеленого стекла на тонкой цепке. Сергей сунул его в карман и потянул к себе второй предмет. Сдул с него пыль. Цветная картинка хорошо сохранилась — елка, украшенная яркими шарами, сани, запряженные оленями, бородатый стариk в санях... Сергей раскрыл открытку, и тут вдруг слабо затренькала еле слышная музыка, почти неслышный голосок запел нежно и мелодично о чем-то. Вот тут самый ужас и навалился: даже если бы мертвец обернулся хрипуном, вздрогнул и встал да грохнул бы нечеловеческим хохотом — страху и то было бы меньше. Неожиданное мягкое треньканье музыкальной картинки возвещало присутствие неуместных повелителей этих звуков, незнакомых, а потому страшных вдвойне. Сергей уронил открытку и, прижимаясь спиной к стене, попятился к выходу.

Про медальон он начисто забыл, только на следующий день на привале сунул руку в карман и нашупал прохладный кругляш. Виновато протянул его Никите. Тот повертел его, сказал, что это безделица из нефрита, жаль только, цепочка не золотая или серебряная, и небрежно кинул ее Сергею. Недолго думая, он повесил медальон себе на шею.

А еще им приходилось отбиваться от людинек, жадных до легкой добычи. Недалеко от Твери старатели перевалились через заводы и вышли к забытой промышленной зоне. Карта этих мест с тайными пометками Никите обошлась в золотое колечко с красным камешком. Карту он выменял, по его словам, в Москве у одного надежного старичка. Однако когда они пробрались через густой ольховник к проломам в бетонной ограде, то обнаружили, что на территории завода орудуют три, а то и четыре старательские артели. То ли старичок оказался ненадежным, то ли они про нетронутое место разнюхали или выследили друг друга. Толку от этого, правда, как выяснилось, было ровным счетом никакого — все мало-мальски ценное разобрали и унесли давно, еще до прихода большой воды. Меди тоже почти не осталось, еле заметные длинные канавки указывали места, откуда вытягивали кабель. Правда, Сергею повезло, и он раскопал в мусорной куче тяжеленную штуковину с ведро величиной. Антон сказал, что это электромотор, в нем медного проводу должно быть немало. Хотел его раскурочить, но Владимир, осмотрев мотор и чуть ли не обнюхав его, сметая пыль с корпуса своей рыжей бородой, посоветовал взять его как есть в целости. Вдруг он исправен и ему применение найдут! Антон долго ругался, а потом все приставал к Владимиру насчет электричества, спрашивал, чем тот его вырабатывать будет, и обидные советы давал. Дня два они возились в изрытой вдоль и поперек зоне, но ничего стоящего не нашли, мелочь разве что. Поругались немного с другими артельщиками, до драки, однако, дело не дошло. А вот на обратном пути как раз и напоролись на засаду.

Они миновали поселение на правом берегу, и у самой переправы из-за плетня к ним вышли два невзрачных мужичка. Один помахал рукой и остался у плетня, второй, улыбаясь приветливо, пошел навстречу. «Лезь под телегу», — тихо сказал Никита, придерживая коня и доставая из-под тюка, на котором сидел, маленькую торбу, глухо и тяжело брякнувшую о борт.

Сергей непонимающе уставился на вожака, но Никита без объяснений пихнул кулаком в бок, да так, что

парень вмиг оказался под пищавыми досками. Антон и Владимир подскочили с двух сторон и загремели рухлядью, доставая пики.

— Так ведь улыбаются, — жалобно пробормотал Сергей. Он не понимал, почему насторожились старатели.

— В том-то и дело, что улыбаются! — отозвался обычно переговорчивый Владимир. — С чего это они незнакомым людям улыбаются?

— Тут Сергей не выдержал и выполз из-под телеги.

— В гости к кому или по делу? — спросил подошедший человек, сверкая на солнце большой лысиной, и снова заулыбался, второй же продолжал махать рукой у плетня, но уже не старателям, а кому-то в сторону.

— Да так, проездом, — ответил Никита.

— А за проезд надо платить, — благодушно сказал лысый. — Тут у нас с этим строго. Папаня не любит, когда задарма проезжают.

— Это ты, что ли, папаня? — спросил Антон.

Лысый перестал улыбаться.

Тут снизу от реки поднялись еще четверо, а впереди широко шагал громадный детина, размахивая жутким сечаком на длинной рукояти.

— Где вас носит! — крикнул тот, что махал рукой, а лысый снова ослабился, но улыбка на этот раз вышла совсем скверная.

— А вот и Папаня, — сказал он. — Значит, так, за проход оставите коня и телегу, сами свободны. Папане надо поклониться и благодарить за доброту.

— Да я бы поклонился, — протянул Никита, не глядя в сторону поднимающейся к нему оравы, и запустил руку в торбу, — только у меня дружок неговорчивый, что не по праву, шум поднимает, из-за пустяка взрывается...

— Это еще кто? — насторожился лысый, оглядывая старателей.

— Вот он, дружок-то. — С этими словами Никита разжал кулак и протянул лысому темный предмет, похожий на булыжник, а когда лысый шарахнулся от него в канаву, Никита вроде бы лениво взмахнул рукой, предмет полетел в сторону оравы, а сам вожак кинулся на

Сергея, сбил с ног и прижал к пыльной земле. Только Сергей успел заметить, что Антон и Владимир тоже залегли, как невдалеке сильно бухнуло и поверх голов что-то вжикнуло, словно промчался пчелиный рой.

Всех, кто стоял на пути к переправе, раскидало в стороны, а кого и в клочья разметало. Лысый, подывая, выбрался из канавы и, ухватившись, тряс отвисшей челюстью. Антон несильно стукнул его тупым концом пики в лоб, и лысый, охнув, повалился обратно в канаву.

Старатели оттащили в сторону тела незадачливых разбойников, убитых и раненых. Верзиле осколок задел ногу. Он все пытался встать, громко матерясь при этом и неуклюже размахивая секачом. Потом уполз в заросли. Антон проводил его взглядом, хмыкнул и сказал, что в такую дурацкую засаду он еще ни разу не попадал. Но, миновав плетень, они обнаружили за ним еще одного мужика. Он был ранен в живот, одной рукой зажимал рану, а другой рот, чтобы заглушить стон. Рядом лежал черный вороненый ствол с длинным рожком.

— Засада-то не дурацкая, — нахмурился Никита. — Если бы этого не пришибло, враз бы снял нас одной очередью. Нам повезло, а ему нет.

— Что же они тянули? — удивился Антон.

— Покуряжиться захотели, вот и нарвались! — ответил Никита. — Смотри, у него бинокль был. Жаль, все стекла разбились.

Он повертел в руке штуковину из двух коротких трубок, заглянул в дырки.

— Хорошо хоть, лошадку не зацепило, — сказал Антон.

— Да, повезло, — повторил Никита.

Он поднял ствол и аккуратно замотал его в мешковину.

— Старый «дегтярь». В хозяйстве сгодится. Я на этих сучар последнюю гранату стратил.

— У меня одна еще осталась.

— Это хорошо.

Раненый между тем перестал зажимать себе рот, не-громко выругался, уронил голову и затих.

— Здорово бабахнуло! — сказал Сергей.

— Здорово, — согласился Никита и тут же влепил ему такую оплеуху, что парень кубарем полетел со склона к воде.

— Будешь знать, как своевольничать! — крикнул ему вдогонку Никита.

Щека потом долго горела, но Сергей не обижался. Не надо было из-под телеги вылезать. Ослушался вожака, вот и склонялся.

После этой засады целый месяц прошел тихо и без приключений. Пару раз, правда, чуть не попали в ловушки, оставленные какими-то мелкими негодяями. В одном заброшенном городишке к северу от Москвы они нашли почти нетронутые строения. Раньше здесь был, наверно, институт или лаборатория — уцелевшая стеклянная посуда удивила Сергея: круглые прозрачные бутыли с широкой горловиной, стеклянные спирали, плоские блюдца, а то и штуковины вовсе непонятной формы и назначения. Бинокля, о котором ему рассказал Никита, найти не удалось, хотя здесь сохранились кое-какие приборы. Антон хотел было их прямо так и взять, но Никита велел разобрать и вынуть самое ценное. С этими приборами хлопот не оберешься, сказал он. Антон и Владимир понимающие переглянулись. Сергей тоже слышал краем уха, что ведьмаки Правителя строго следят, чтобы всякую хитрую технику аккуратно им доставляли, а потом еще строже допытываются, где взяли, что еще оставили, с кем встречались, то да се, морока, словом...

Вот в этом месте чуть и не нарвались. Потянул Сергей за ручку уцелевшей двери, да хорошо рядом Никита оказался, заметил тонкую леску в проеме, что от двери тянулась. Когда со стороны окна влезли, увидели, что другим концом привязана та леска к горлышку бутыли с темной жидкостью, а бутыль на самом краю стола пристроена.

— Вот гады вченые, — выругался Антон. — Травануть хотели. А ну как дети бы сюда забежали!?

Никита покачал головой и внимательно оглядел ловушку.

— Недавно поставили, — сказал он. — Пылищи на ней от силы месяца три-четыре. Не ученыe. Кто-то шарил здесь да памятку оставил.

Осторожно понюхал пробку и, сморщившись, зажал пальцами ноздри.

— Точно, отрава, — согласился с Антоном. — Если бы разбили — веники.

Уходили из городишко осторожно, стараясь не сходить с еле заметной колеи на заросшей дороге. Но все равно чуть не напоролись на самострел. Спусковая веревка прогнила, и поэтому, когда Владимир, ведущий под уздцы коня, отогнул ветку, что свисала над дорогой, самопал не выстрелил. А то сидела бы в нем стрела со ржавым гвоздем вместо наконечника.

Вечером на привале, когда они вышли к воде и остановились у здания без окон, с висячим замком на железной двери, Сергей стал допытываться, кто же это им такие подлянки устраивает. Никита вообще не ответил, а Антон сумрачно пояснил, что ныне всякие людишки похищаются, даже среди старателей. Гадят за собой, капканы наложивают. Молчун Владимир вдруг разговорился и долго втолковывал парню, по каким приметам можно определить, где прошли честные промысловики, где мелкие грабители, а где хитрованы подлые ловушки насторожили и как те ловушки обходить.

Антон буркнул, что таких выблядков надо убивать. Из-за них о старателях дурная молва идет. Люди думают, что золота и добра всякого у них немерено, тогда как за кусок приличной нержавейки порой головой рискуешь.

— Куда же все подевалось-то? — почесал в затылке Сергей. — Я слышал, после мора всего было навалом, бери — не хочу!

— Попробовал бы взять. Мародеров на месте кончили! — буркнул Никита. — А барахло, говорят, какие-то реставраторы прибрали к рукам, хорошо все почистили. Только куда все вывезли, никто не знает.

— Есть потаенное место, — значительно сказал Антон, подняв палец и выразительно глянув на Сергея. — Закрома, понимаешь? Туда все и свезено, склонено. А склонят тот не всякому откроется, даже если место найдешь. Словно нужные знать надо, да и траву особую при себе иметь.

— Разрыв-траву, что ли? — усмехнулся Владимир.

— Можно и ее. Только есть что и посильнее.

— А-а... — только и протянул Владимир, понимающе качая головой.

Сергей понял, о чём идет речь. Дома мужики долгим вечером судачили как-то о волчьей траве и о том, как люди Правителя сурово наказывают любого, кого поймают хоть с малой попошкой. Траву ту будто бы везде с корнем изводят, говорили одни, а другие утверждали, что вовсе и не истребляют, из неё, мол, лекарство маги варят. А гончар тогда встрепенулся и кричать стал, что никакого лекарства не варят, отрава это чистая, у его дружка кум сдуру этой травки перебрал и кранты ему, в лупилу тут же сковырнулся, пришлось бедолагу на месте кончать...

Никита звякнул ложкой о котел. После еды разговаривать не было сил, веки слипались, огоньки на углах плыли перед глазами разноцветными пятнами.

Завернувшись в кошму, Сергей прилег у стены. Ему показалось, что он и не спал вовсе, но, когда встрепенулся от тычка в бок, уже светало. Вскочил, потер лицо ладонями и потянулся к ведру, ему полагалось спозаранку ходить за водой. Однако Владимир ухватил его за плечо и негромко велел оставаться на месте. Сергей насторожился. Старатели были чём-то обеспокоены. Никита влез на телегу и осматривался по сторонам, Владимир, отпустив парня, поднял с земли арбалет, Антон же, тихо ругаясь, сбивал ломиком замок с двери.

Наконец вожак спрыгнул с телеги.

— Худо дело, — сказал он.

Сергей поднял голову и увидел зарево. Над подлеском со стороны поселения, куда они так и не добрались засветло, поднимался столб серого дыма. Издалека доносились еле слышные крики, треск, ему показалось, что кто-то исходит плачем.

— Деревню жгут! Уходить надо... — Никита вдруг замолчал.

Сквозь пылько стелющуюся туманную проседь меж редких сосенок на косогоре вдруг простила странная фигура. Припадая на руки и корячась, прыгал от дерева к дереву кто-то в развевающихся лохмотьях. Заметив ста-

рателей, вскинул руки, подскочил на месте и завыл радостно. Не успел Владимир поднять арбалет, как фигура исчезла в тумане.

— За подмогой побежал, — сплюнул Владимир и выругался в сердцах. — Бросаем все — и ходу, братцы, ходу!

— Теперь не уйдешь, догонят, — отозвался Никита и рывком поднял с телеги короб с оружием. — Ну, что ты там? — Это он уже Антону.

— Сейчас, сейчас. — С этими словами Антон крутился ломик, и замок, хрустнув, отлетел.

Владимир обрезал постремки и хлопнул кнутом по широкой спине мерина. Сивый укоризненно скосил на него глаз, переступил копытами, но остался стоять.

— Да пошел отсюда, глупый, — с размаху ударили опять Владимир. — Сожрут тебя, мясо ходячее!

Мерин коротко всхрапнул и побрел прочь.

Сергей почувствовал, как у него вдоль позвоночника пробежала струйка холодного пота. Еще ни разу не было, чтобы старатели прогоняли коня. Значит, из всех передряг, в которые они попадали, эта самая серьезная. Без мерина им барахло не унести, придется все железки бросать, а где потом новым тяглом обзаводиться?

— Разбойники напали? — шепотом спросил он у Владимира.

Тот лишь мотнул головой, а Никита услышал и сказал:

— Хуже, парень, гораздо хуже. Это лупилы. С разбойниками еще договориться можно или отбиться. А с этими разговор другой: или мы их всех перебьем, или...

Он замолчал, а по тому, как перекосило лицо Владимира, Сергей понял, что если лупилы просто убьют старателей, то это еще не самое худшее. Но тогда и ему веники, вот черт!

— Ну, скоро вы там!? — раздался голос Антона из темного проема.

Никита и Владимир втащили в здание короб с оружием, Сергей подхватил узел со снедью и затаскал его в темное помещение, чуть не грохнулся на скользком полу, выбежал обратно, подхватил котел, по тут вожак крикнул, чтобы он тащил канистры с водой. Антон успел еще

прихватить мешок с самими ценностями железками, а Владимир — связку пик.

Вдруг неподалеку разнесся такой крик, вой и жуткое уханье, что старатели оцепенели. На опушку сквозь легкий туман выступила темная полоса, она становилась все больше и вдруг распалась на цепь полуоголых и совсем голых людей, которых и людьми-то назвать нельзя было. Сотня или две их было — Сергей не смог сосчитать, в глазах от страха потемнело, колени задрожали. Лупилы визжали, ве-решали, размахивали руками, палками, а у некоторых па-ренъ успел разглядеть длинные колья, на которые были насажены круглые штуки. Это были человеческие головы.

Он опомнился, когда Никита за шкирку втащил его в здание. Антон захлопнул дверь и вставил ломик вместо шкворня в приваренные обрезки труб.

— Дверь крепкая, — сказал он, — а вот дужки совсем трухлявые. Хорошо хоть, дверь наружу открывается, враз не вышибут.

Тут о дверь что-то сильно грохнуло, затем еще, и торжествующие крики сменились разочарованным воем.

Сергей перевел дыхание и осмотрелся. Узкие окна сверху еле пропускали свет, но зато сквозь них сюда никто не пролезет. В центре небольшого зала темными глыбами возвышались цилиндры, окруженные плотным частоколом из труб. Кислый запах старого металла смешивался с тошнотворной вонью прогорклого масла. Никита чиркнул зажигалкой — дрожащий огонек высветил черные застывшие потеки на бетонном полу, обрывки толстых проводов, свисающие с гирлянды больших фаянсовых тарелок, увенчивающих верхушки цилиндров. Вдоль стен зияли развороченными чревами железные шкафы, металлическая лестница вела к узкому решетчатому балкону, опоясывающему помещение чуть ли не под самым потолком. Антон внимательно оглядел помещение, задержал взгляд на балконе и кивнул, словно разглядел что-то интересное.

— Подстанция. Жаль, провода все срезали...

С этими словами он подергал какие-то рычажки у основания цилиндра. В недрах его слабо хлюпнуло, из про-боины в трубе часто закапала густая жидкость.

— Трансформаторное масло! — обрадовался Антон. — Я думал, все давно раскурочено, а тут даже изоляторы целы. Если сумеем ноги унести, то непременно вернемся. Меди здесь должно быть невпроворот.

— Ты как собираешься свои ноги уносить, под мышкой, что ли? — спросил Никита, наматывая на палки ветошь.

Обмакнул тряпку в масло и запалил факел. За дверью между тем бесновались лупилы и время от времени чем-то с грохотом били об дверь. Старатели подтащили к двери опрокинутый металлический шкаф, накидали в него обломки фаянсовых изоляторов и подперли кольями.

Страх у Сергея пропал: лупилы оказались людьми — сквозь стены просачиваться они не могли, росту были обычного, и рты, судя по крикам, у них человеческие, а вовсе не клювы с острыми зубами, рассказами о которых пугали малышей. Да и в волков они вроде пока не обирались, хотя вонли порой затихали, и тогда противно скрипел ржавый металл, словно его царапали когтями. А хоть бы и волки! Каждый старатель знал, что хрипун хуже лупилы, от хрипуна сталью не отобьешься и пулей его не остановишь.

Удары в дверь становились все чаще, количество вмятин на ней росло, они сливались в большой волдырь. Никита разглядывал захваченный у разбойников ствол, озабоченно покачивая головой, а Владимир вынул из короба два обреза и мешочек с патронами. Антону достался арбалет, а Сергею, цапнувшему было обрез, досталось по рукам.

— Не балуй! — буркнул Владимир. — Бери пику и тесак.

— Ну, полезли наверх! — скомандовал Никита.

Сергей задрал голову и опасливо посмотрел на хлипкие прутья лестницы и узкий балкон, огороженный редкими перилами. А что как все ржа поела? Вот кувыркнутся прямо лупилам на головы, смеху будет! Он чуть было не рассмеялся, но вовремя зажал рот ладонью — неладный смех рвался из него, душил, сводил низ живота коликами... Антон похлопал его по плечу:

— Что, пацанок, уссался?

— Кончай болтать! — крикнул вожак. — Сейчас дверь вышибут!

И он полез наверх. Ступени под ним зазвенели, а когда сапоги Никиты загрохотали по решеткам балкона, то за ним полез Владимир, повесив за спину обрезы и прихватив с собой пику. В помещении стало светлее, Никита укрепил факел между перил и запалил второй. В дверь бухнуло так сильно, что ломик прогнулся. Сергей и сам не понял, как очутился наверху с тесаком в руках.

— Эй, вояка, пику забыл! — крикнул снизу Антон.

Сергей перегнулся через перила и ухватил за конец двухметровой пики, которую протягивал ему Антон.

— Чего ждешь? — страшным голосом заорал Никита. — Давай скорее!

— Сейчас кран прикручу, масло вытекает, — спокойно отозвался Антон.

— Оставь как есть!

Антон поднял было глаза на Никиту, потом хмыкнул, вмазал изо всех сил каблуком по трубе и отскочил. Булькнув, масло потекло веселее.

Антон быстро забрался наверх и, не обращая внимания на ругань вожака, пробежался по балкону. Остановился у темного пятна и, согнувшись, звякнул металлом о металл.

— Здесь ход на крышу, — крикнул он

Завискали ржавые петли, утренний свет высветил его фигуру у лаза. Сергей вздохнул с облегчением: здесь, на верху, под самым потолком, они были в западне, а в узкие бойницы не пролез бы даже он, не говоря уже о старителях.

В этот миг дверь внизу не выдержала, засов развалился, и в проеме показались нелепые и сверху вовсе не страшные фигуры лупил. Первые ударились о шкаф и кувырнулись на пол, а за ними хлынула волна человеческих тел и откинула шкаф с наваленным в него хламом в сторону. Сергей ожидал, что Владимир ударит по ним волчьей картечью или Никита срежет очередью из пулемета. Парень дрожал от нетерпения, он был уверен, что

сейчас стволы в руках старателей загрохочут, изрыгнут смертоносное пламя и лупилы полятут все до единого. Но, к его разочарованию и ужасу, вожак и Владимир не собирались стрелять. Отложив стволы в сторону, они встали по обе стороны от лестницы с пиками наперевес.

И те, кто успел добраться до середины ступенек, полетели вниз под вой и невнятные выкрики лупил, набившихся в помщение. Сейчас их лица Сергею уже не казались человеческими, губы бессмысленно дергались, щеки и глаза были в непрестанном движении, всклокоченные волосы и грязные, почти черные руки тянулись к старателям... Одни кривлялись, грозили кулаками, другие лезли напролом, прямо по куче тел, медленно росшей у лестницы. Некоторые умудрились забраться на шкафы и подпрыгивали, пытаясь ухватиться за решетчатый пол балкона. Кое-кому это удалось, они повисли, раскачиваясь и дрыгая ногами. Решетки угрожающе заскрипели, но тут прибежал Антон и заработал тесаком. Лупилы с визгом посыпались вниз, пальцы полетели вслед. Сергей, раскрыв рот, смотрел, как споро орудовали пиками Никита и Владимир, но вдруг заорал от боли и выронил тесак. Сквозь решетку просунулась рука и вцепилась ему в ногу. Он дернулся изо всех сил, но хватка была мертвой. Парень чуть не грохнулся на спину, однако успел схватиться за перила.

— Руби! — крикнул Антон с противоположной стороны балкона.

Пока Сергей дрожащими пальцами нашаривал упавшее лезвие, Никита обернулся и сделал два быстрых шага в его сторону. Выхватил свой тесак, с поворота отрубил кисть и, не останавливаясь, вернулся обратно, чтобы проткнуть пикой добравшуюся до середины лестницы страхолюдную бабищу.

Кое-как отцепил Сергей от лодыжки пальцы, отбросил их подальше и, приободрившись, забегал, подражая Антону, вдоль стен, тыкая лезвием в самых нахальных лупил. Один из них вдруг изогнулся, зацепившись ногами за перила. Он вполз на решетку и встал на четвереньки, оскалившись обломками зубов. Тут на него и набе-

жал Сергей, воткнув с размаха лезвие в открытый рот. Безумие в глазах лупили на миг исчезло, он удивленно взглянул на парня и повалился набок. Сергей чуть не выронил тесак, но подавил дурноту и стolkнул мертвяка вниз, едва не сбив жирно коняющий факел.

Сколько времени продолжалось избисние лупил, он не знал. Но вот он заметил, что хоть вражины бестолково лезут под удар, падая один за другим, однако Никита и Владимир заметно устали, движения их немного замедлились. Одного они даже пропустили аж до самого верха. Владимир, прислонившийся к стене перевести дыхание, просто саданул лупилу каблуком по макушке. И чуть было не пошатнулся — голова у того оказалась крепкой, и он вцепился обеими руками в ногу Владимира. Но и тут выручил вожак, воткнув острие пики в затылок злыдня. Тот рухнул вниз, унося с собой саног.

В помещение набились чертова уйма лупил. Поначалу они носились по залу, падая друг другу под ноги, мешая добраться до лестницы. Чем больше их становилось, тем беспорядочнее и хаотичнее было их копошение. Сергей остановился, переводя дыхание, и посмотрел вниз. Темная ворочающаяся масса взбухала и опадала, словно тесто у нерадивой хозяйки. Упавшие поглощались этой массой, их попросту затаптывали. Рано или поздно, вдруг подумал Сергей, они дотянутся до нас по трупам своих друзков. Он не успел испугаться, как Никита что-то прокричал, а Антон схватил его за руку и потащил к лазу на крышу.

— Стой здесь! — приказал он, а сам побежал к лестнице и приволок стволы. — Вытаскивай на крышу, да осторожнее.

Сергей выскочил на плоскую крышу и зажмурил глаза от света. Почти на ощупь аккуратно уложил на бетонную плиту «дегтярь», принял от Антона обрезы и арбалет. Потом вернулся обратно и помог ковыляющему Владимиру перебраться через высокий порог. Никита между тем отбивался в одиночку.

— Ну-ка, полай самострел! — Антон протянул руку, и Сергей передал ему арбалет.

— Давай, Никита! — крикнул он вожаку.

Никита кивнул, нанес еще один удар пикой и в несколько прыжков оказался у лаза. Нырнул вслед за Антоном, глянул через плечо и со словами: «А вот сейчас гостинца моего отведаете!» достал из кармана гранату. Кинул в помещение и, закрыв дверь, отскочил.

Хрясть! Дверь со стуком распахнулась, изнутри донеслись крики и верещание. Сергей не сдержался и заглянул в помещение. В темноте он увидел только, как один из факелов, сбитый взрывной волной, катится по решетке, роняя горящие капли, а потом летит вниз. Тут Никита отпихнул его и хотел было снова закрыть дверь, но вдруг насторожился и замер. Вопли лупил стали громче и перешли в сплошной рев. По лицу вожака заплясали красноватые блики.

— Ага, — удовлетворенно сказал он, — вот теперь прыгают! Маслица на всех хватит.

И, отойдя в сторону, уселся вытирая пот со лба, на большое перевернутое корыто из выцветшего от времени и солнца пластика. Рядом валялись пустые бочки из-под краски. Владимир и Антон оттащили оружие подальше от края, а Сергей посмотрел на вожака, но, увидев, что тот не обращает на него внимания, сунулся в лаз.

Тьмы в помещении больше не было, чадящее пламя металось, словно живое. Оно и было живым — лохмотья, измазанные маслом, горели на лупилах. Прягая из стороны в сторону, они метались, поджигая других. Кто-то лез к выходу, но в тесноте и давке они лишь топтали друг друга, а тут загорелись и трупы, плавающие в лужах натекшего масла. Загудел, рванул огонь, пыхнул огромным костром, упругим жаром ударило в лицо Сергею. Отшатнувшись, он успел лишь заметить, что крики лупил стихли.

Захлопнув дверь, он постоял немного, прислушиваясь, как под ногами еле слышно гудят пламя. Из бойниц в стенах винтом поднялись над крышей две густые струи черного дыма. Из дверных щелей тоже потянуло кислой гарью.

Крик и вой теперь шли снаружи — вокруг здания бесновалась толпа, полукругом растягиваясь перед ог-

ненным языком, выползающим из дверного проема. Никита, кряхтя, поднялся, подошел к краю, глянул и вернулся к бочкам. Оглядел их и пинком отправил одну вниз.

— Много еще осталось зверья потаного, — с досадой сказал он.

— Ну, теперь, стало быть, поменьше, — рассудительно заметил Владимир, заряжая обрез. — Хорошо горят!

С этими словами он выпалил сразу из двух стволов. И тут же притулся. Большой камень, запущенный слизу, чуть не угодил ему в голову.

— А вот это зря! — хмыкнул Владимир и бухнул из второго обреза.

Крики усилились.

Никита подтащил к кромке «дегтярь», установил его на сошники, залег и повел стрельбу одиночными выстрелами. Сергей возбужденно метался по крыше, ему хотелось, чтобы скорее все кончилось. Вчетвером они одолели, а он в этом не сомневался, огромную стаю лупил. Когда он расскажет об этом Харитону, тот может поначалу и не поверить, но старатели подтверждят, а как же! Сестры вообще изойдут от зависти. Тварей, что горели в здании, ему было ничуть не жаль. Страшно даже подумать, что эти уроды сотворили с деревенской, до которой старатели вчера так и не добрались.

Он видел, как один за другим падают лупилы, окружавшие здание с трех сторон. Но крыша под ногами нагревалась все сильнее, сквозь стыки бетонных плит просачивались тонкие струйки дыма. Обрыв был недалеко, в нескольких метрах от стены, а там вода, но допрыгнуть, если что, не удастся, да и эти зверюги, по слухам, воды не боятся, хотя истинные псы бешеные...

Два или три десятка уцелевших лупил рассыпались по кустам. Время от времени они перебегали от дерева к дереву. Теперь, когда их вопли стихли, были слышны лишь стоны раненых и далекий тихий свист, словно кто-то поставил самовар и забыл про него. Тут переменился ветер, и дым полесло па крышу. Никита и Владимир, кашляя, отбежали к другому краю.

Отдышавшись, Владимир сказал:

— Вроде отбились, — и уселся на пол, снимая оставшийся сапог. — Горячо, однако! — добавил он, трогая ладонью бетон.

— Теперь хорошо бы вниз спуститься, пока крыша не обвалилась, — сумрачно отозвался Никита. — Веревку хотят какую взяли?

Антон развел руками.

— Ладно, тогда придется из одежки крутить, все лучше, чем ноги ломать. — С этими словами Никита потянулся с себя грязную, в прорехах и комоти рубашку.

Еле слышный свист, невесть откуда идущий, усилился. Старатели насторожились, замерли, прислушиваясь. Звук нарастал снизу, из-под ног. Антон выругался.

— В трансформаторах масло кипит!

Два громких хлопка слились воедино. Сергей не успел сообразить, почему бетонная плита под ним дрогнула и ударила по ногам. Он увидел только, как середина крыши разверзлась, а из пролома выхлестнул сноп багрового пламени. Опалающая волна сдула его с места, он удивился тому, что летит в окружении пустых бочек. В тот же миг понял, что летит в воду...

3

«Приемыш... Приемыш...» — шипят волны, облизывая ржавый борт и расточаясь пеной. Баржу несет сквозь ночь, люди, что затаились в ее чреве между небом и водой, не знают, да и знать не хотят, что ждет их на рассвете.

Сергей лежал у переборки. Веревки, стягивающие руки за спиной, впивались в запястья, но он не чувствовал боли. Когда из-за качки его щека прижималась к мокрым лохмотьям краски, он, не открывая глаз, судорожно дергал головой, прижимая горячий потный лоб к холодному металлу. Всего день или два прошли с тех пор, как егшвырнули в темную яму, но ему казалось, что он пребывает во мраке долго, очень долго.

И слишком много времени прошло с тех пор, как его подобрал морской народ. Хотя было это всего месяца два или три тому назад...

Взрыв швырнул его в воду, это и спасло Сергея. Оглушенный ударом, ничего не соображая, он вынырнул, задыхаясь, вцепился из последних сил в плавающее рядом большое корыто и успел вплзти на него. Что стало с артельщиками, он не знал — пылающий столб огня, с ревом поднявшийся над обрывом, — это было последнее, что он увидел, прежде чем потерял сознание.

Он пришел в себя ближе к вечеру. Не понимая, где находится, пошевелил пальцами, дернул ногой. От неосторожного движения корыто заплясало на воде, накренилось и черпнуло воды. Сергей вцепился судорожно в закругленные края из толстого пластика, задрал голову и огляделся. Берегов не было видно.

Некоторое время он лежал, затаив дыхание. Потом понемногу осмелел и даже рискнул встать на четвереньки. Корыто угрожающе осело набок, и он снова лег на хлюпающее водой дно. Впрочем, и за те короткие мгновения он не увидел ничего похожего на землю. Ветер и течение вынесли его к большой воде. Сергей осторожно перевернулся на живот и принялся загребать ладонями. Сначала его суденышко вертелось на месте, потом он принаровился, и оно вроде бы поплыло вперед. Но он не успел даже устать, когда бросил это занятие, сообразив, что понапрасну тратит силы. Куда плыть, в какую сторону? В конце концов он уселся посередине корыта, выплеснул ладонями, сколько мог, со дна набравшуюся воду и стал ждать, когда же наконец покажется суша.

Волны почти никакой не было, только ветер гнал мелкую рябь. В быстро сереющем небе синими пятнами набухали облака. Солнечное закатное пятно просело за горизонт аж по самую макушку. По-настоящему он испугался, когда совсем стемнело. Мрак-то его не страшил, наоборот, уютно ему было в теплой ночи, что заботливо укрыла от недобрых глаз. К тому же быстрая вода намного лучше стоялой колодезной. Да только в непросвет-

ной тьме его дурацкое корыто могло пронести мимо спящих селений, рядом с берегом или прямо на какой-нибудь островок, а он ничего не увидит. Разве что домашняя скотина какая мумукнет или взblesет, а то и дымком от жилья потянет. Тогда, конечно, хоть вплавь!

Вода оказалось чуть солоноватой, но пить можно. Сергей немного приободрился. От жажды не оклеет, а там поутру, глядишь, и все образуется. Не может быть такого, чтобы с ним худое приключилось! А то, что живот подводило от голода, так ведь дело привычное: старатели, бывало, истратив вчистую припасы, порой день, а то и два без еды перебивались, пока не выходили из гиблых и грязных мест, где зверь был хоть и непуганый, да мясом плох, а все, что на земле росло, так вообще сущая отрава.

Стараясь не делать резких движений, он медленно лег, уперся затылком в высокий борт, ногами — в противоположный и заснул.

А утром проснулся от криков и смеха, идущих откуда-то сверху, и словно небо больно тыкало в него большим жестким пальцем. Открыв глаза, он вместо неба увидел ржавую, в белесых потеках стену, что нависала над ним, головы, торчащие над стеной, а пальцем оказался длинный багор, которым его корыто подтягивали к огромному, как ему тогда показалось, судну.

Потом, когда все его злоключения у морского народа будут казаться Сергею невнятным сном, самое последнее, что забудется: монотонный скрежет и хлюпающее чавканье старой помпры. Ему надо было следить за тем, чтобы топливный бачок во время работы не опустел, и еще время от времени заливать в положенные отверстия сизое масло из жестяной масленки с длинным носиком. Поначалу дело не ладилось, да и боязно было подойти к рыбагам, что угрожающие выставили свои острые локти. Вскоре он наловчился замерять уровень масла длинным и тонким, как спица, штырем. Но страх не проходил. Сквозь гнилые прокладки бьют куда ни попадя струйки воды, а в сильную качку выхлопную трубу движка пару

раз да вырвет из патрубка, и пока ее вставляют обратно, удущливый вонючий дым ест глаза, а желудок норовит извергнуть все съеденное. Впрочем, кормили плохо — от рыбы вяленой, квашеной, соленои тошило, даже если движок не плевался дымом. Рыбу Сергей не выносил и раньше. Правда, после удачного набега тем, кто был внизу, приносили в котелке немного мяса и овощей, но на его памяти такое случалось раза два или три.

Спать приходилось здесь же, прямо у стальной переборки, за которой находилось машинное отделение. Судовой двигатель запускали редко, а по какой нужде — Сергей и не догадывался. Большей частью машину чинили, перебирали детали, подкручивали какие-то желзяки. Этим делом занимались два человека. Один — не-разговорчивый угрюмый дед, с которым и говорить-то не было возможности, зато второй, не такой вроде старый, но со светлыми, будто выцветшими глазами, прекрасно говорил по-русски, да и с морским народом на их языке вроде бы сносно лопотал. Он и научил Сергея ладить с шомпой, а молчаливый дед все больше норовил в зубы заехать, ежели что не по его нраву было.

В первые дни своей жизни на воде парень не мог понять, куда он попал да почему его сначала накормили-напоили, а через пару дней малость прибили и отправили вниз, в ржавое чрево самоходной баржи. На судне, как он успел заметить, хозяиничал высокий мужик в синем пиджаке с золотыми пуговицами. Людей было много — жили в клетушках под деревянным навесом на палубе семьями — дети бегали по палубе, за перегородкой на носу мычали три коровы и блеял десяток коз. И еще Сергей успел заметить, что хозяин судна и самые крепкие мужики со своими семьями живут отдельно, в двухэтажной надстройке с круглыми окнами.

Светлоглазый вскоре объяснил Сергею, что хозяина надо звать Капитаном, беспрекословно выполнять его приказания, а также приказания всех остальных людей Капитана, тех самых крепких мужиков. Все остальные — либо пленные, либо семьи, лишившиеся кормильцев. С этими тоже лучше всего ладить, поскольку с ним еще

не решили, что делать. С одной стороны, его принесла вода, а это хорошая примета, знак удачи. С другой — пленников надлежит держать в строгости, а затем отвозить на юг, где их можно обменять на еду и оружие. Чужаков морской народ не любит. Вот его, правда, тоже в плен взяли, но как особо ценного специалиста не только не продали, но даже берегут и заботятся. Теперь он механик на этой посудине.

— А звать вас как? — робко спросил Сергей.

— Зови Механиком, — ответил светлоглазый. — Эти суеверия с именами у меня изжогу вызывают. Если захочется, можешь именовать меня господином почетным членом Шведской королевской академии, профессором... — Тут он негромкой скороговоркой что-то пробормотал, вроде бы выругался. — Начнешь перечислять все мои регалии и звания, заснешь от скуки. Да к тому же это тебе ничего не говорит. Хорошо забытая ерунда.

Он пренебрежительно махнул рукой.

— Давно вы здесь?

— Это неплохой вопрос, молодой человек. Точно не скажу, но несколько месяцев набежало. А вот как тебя сюда занесло?

Сергей открыл было рот, но тут железная дверь в переборке с грохотом распахнулась. Влез злобный дед, и после шумной перебранки с Механиком, из которой парень не понял ни одного слова, схватил Сергея за шиворот и подтащил к помпе. Ткнул в нее пальцем, потом сунул кулак под нос Сергею и ушел.

Механик показал, что надо делать, но с первого раза Сергей чуть не пролил топливо из канистры мимо горловины бачка. Потом бесполково тыкал масленкой во все щели, которые мог углядеть. Но терпение Механика не истощалось.

Сколько дней прошло, сказать было трудно. Помпу запускали и днем и ночью, если кто-то из людей Капитана решал, что воды в трюме набралось порядком. Время от времени Сергею удавалось выбраться на палубу, глотнуть свежего воздуха. Держался рядом с Механиком.

Среди людей Капитана был один вредный пацан, рыжий такой верзила, который норовил пнуть его или за ухо схватить. Обитатели клетушек, наоборот, не приставали, один раз даже какая-то сердобольная тетка сунула ему краюху хлеба с копченой рыбешкой. Рыбу он отдал Механику, а хлеб чуть было не отобрал рыжий. Но не успел. Сергей заметил, как тот бежит к нему вдоль борта, и сунул еду в карман. Рыжий подскочил к нему, скав угрожающе кулаки, но Сергей выставил перед собой полуметровую спицу, которой замерял уровень масла.

— Не связывайся с ним, — сказал Механик. — Это сын Капитана.

Сергей прижался спиной к борту и достал из кармана кусок хлеба. Первая мысль была выбросить его рыбам. Но рыжий тогда все равно не отстанет. Отдавать же нельзя ни в коем случае. Он понимал, даже скорее не понимал, а чувствовал: если сейчас прогнется, то жизни ему не будет, рыжий примется изводить его при всяком удобном случае. Знай он чуть больше десятка слов, которые успел запомнить, можно было попробовать договориться с рыжим. Но тому явно хотелось подраться.

Из клетушек на них поглядывали с любопытством — худо-бедно развлечение. Рыжий заметил это и, крикнув что-то обидное, протянул руку. И тут же отдернул, иначе спица проткнула бы ему ладонь. А Сергей, не позволяя ему приблизиться, немедленно съел хлеб.

Рыжий злобно процедил какое-то ругательство и запустил руку в карман. Но тут громкий смех раздался откуда-то сверху. Капитан и его люди стояли у перил и оживленно переговаривались. Потом Капитан поманил пальцем рыжего, и тот покорно двинулся к трапу. Немая девочка у ближайшей клетушки беззвучно засмеялась. Рыжий ударил ее по лицу, и она перестала смеяться.

— Пошли вниз, — нетромко сказал Механик.

Но не успели они сделать и пары шагов, как сверху закричали, Сергей поднял голову и увидел, что Капитан тычет пальцем в его сторону, а стоящие рядом машут руками: поднимайся, мол, сюда. Механик поднялся за ним по скрипучей лестнице, вполголоса наставляя, чтобы

парень ни в коем случае не нарывался, а начнут его с сыном Капитана стравливать, так лучше сразу сдаться, подумаешь, несколько синяков...

Драки не вышло. Пара оплеух досталась рыжему, и столько же влепили Сергею. Потом Капитан, нависнув глыбой над парнем, выдернул из его рук мертвый штырь и, швырнув за борт, угрюмо прошел что-то сквозь зубы.

— На судне не драться, — пояснил Механик. — Оружия при себе не держать. Еще раз увидит непорядок — полетишь за железкой.

Главарь потерял интерес к Сергею и ушел. Стоявшие на верхней площадке потянулись за ним и один за другим скрылись за ржавой железной дверью. Последним ушел рыжий, злобно смерив Сергея взглядом.

С тех пор рыжий к нему не приставал, но, проходя рядом, щурил недобро глаза и покачивал обещающие головой. Драку он все же учинил, правда, не на судне.

Время от времени баржа останавливалась у островков на несколько дней. По сходням на сушу перегоняли скотину — попасть на свежей траве. Тут же на берегу ставили коптильни из пустых железных бочек. Охраны не было, мало кто из пленных рискнул бы уйти вплавь до ближайшей земли, еле видной на горизонте. К тому же худо-бедно и у морского люда жить можно было. Одно только плохо — на почь почему-то обязательно снимались с места и уходили от берега, чтобы утром вернуться. За все время своего пребывания у морского народа Сергею ни разу не довелось переночевать на земле.

На одном из островков рыжий поймал Сергея, повалил на траву, сел на него и принялся хлестать по лицу, сопровождая лупцовку непонятной, но явно оскорбительной скороговоркой. Потом заметил нефритовый медальон и захотел сорвать, но Сергей изловчился, укусил обидчика за палец, а когда тот взвыл, вывернулся из-под него и вскочил на ноги.

Вокруг тут же собрались все, кто был на берегу. Главарь посмотрел немного, как подростки размахивают кулаками, хмыкнул и придержал своего помощника, который полез было их разнимать. Тут все принялись свис-

теть, криками подбадривать драчунов, но развлечение вышло недолгим. Как ни старался Сергей достать рыжего, ничего путного из этого не вышло: у того и руки были длиннее, и силушки больше. Не прошло и минуты, как Сергей опять лежал на земле, только на этот раз лицом в траву и с вывернутой за спину рукой.

Потом рыжий отпустил его, пнув на прощание, и он побрел, шатаясь, к сходиям. Механик поймал его у кромки берега и, не разрешив промыть водой кровоточащие царапины и ссадины, увел в машинное отделение. Немая девочка, которая однажды тоже заработала плюху от рыжего, принесла немного едкой жидкости в мягкой жестяной миске и чистой ветошкой смыла кровь. Сергей шипел и дергался, но Механик крепко держал за плечи.

Вечером, когда все уже погрузились на судно и готовились к отплытию, парень с удивлением обнаружил, что на руках и теле даже следов не осталось от кровоподтеков и ссадин, а когда он осторожно потрогал под глазом, то это место не отзывалось резкой слепящей болью.

Механик, озабоченно прислушивающийся к тарахтению двигателя, глянул на Сергея и сказал:

— Легко отделался.

Пошарив в сундучке, он достал оттуда сухарь и кинул его девочке, которая сидела, забившись в угол между переборкой и топливным баком. Она поймала сухарь на лету и, радостно гукнув, вгрызлась в него крепкими зубами.

Сергей отдал ей свой ужин — кусок вяленой рыбы с гребенкой больших костей — и спросил у Механика, как зовут девочку. Тот пожал плечами и ответил, что каждый зовет по-своему, кто рукой помалют, а кто и тычка даст. Имени никто не знает, а назвать как-то не удосужились.

Через несколько дней, когда очередной клочок сущи растаял в вечернем мареве, на судне поднялась суматоха. Вверх и вниз по железным лестницам забегали люди капитана, ржавые тросы лебедки потянули из холодного чрева длинные ящики со следами зелено-краски на обшарпанных досках. Пленных, как всегда, загнали под па-

лубу, к женщинам, детям и скоту. Несколько раз Механика звали наверх, а потом в машинное отделение спустился сам Капитан.

Сергей не понимал, что Механик втолковывал Капитану, тыча пальцем в двигатель, и что слышал в ответ. Но когда к ним присоединился помощник, в зычном голосе Капитана явственно зазвенели родные матюги, да притом такие забористые, что ими мог гордиться даже гончар Николай.

Появился сердитый дед с грудой железяк, вдвоем с Механиком они стали перебирать их, наконец нашли подходящую и показали ее Капитану. Тот кивнул и полез наверх, а за ним и помощник.

Сергей задремал под мерное шварканье напильника и негромкий говор, сквозь дрему он слышал, как, чихнув пару раз, заработал двигатель, а потом дед поднял его пинком и сунул под нос масленку. Механик что-то негромко сказал деду, старый хрыч насупил кустистые седые брови, сплюнул и исчез.

Тараща глаза, чтобы не заснуть, Сергей тыкал масленкой в смазочные дыры. Когда движок перестал глохнуть и затарахтел ровно и безостановочно, Механик велел ему поспать.

Проснулся от криков и свиста, которые неслись с палубы. Вскочил, приложившись головой к поперечному брусу, и испуганно спросил:

— Что, набег начался?

Утерев пот со лба, измазанного темным маслом, Механик глянул наверх, вздохнул.

— Нет, все уже кончено. Это, наверно, капитан и его бойцы возвращаются с добычей. Пошли посмотрим.

И взялся за поручень.

С берега несло горячим чадом. У кромки воды толпились люди. Присмотревшись, Сергей заметил, как блеснули золотые пуговицы на пиджаке Капитана, который размахивал руками и кричал надсадно. Завизжали лебедки на корме, баржа медленно развернулась, широкий настил — крышу над палубными клетями, сколоченный из грубо отесанных досок, сняли с креплений и перекинули

на берег. По настилу вниз побежали все, кто в это время был на палубе, а под ногами у взрослых путались дети. Набежав на груду баракла, наваленную у самой воды, каждый ухватил, что мог, и потащили на судно посуду старую, тележные колеса, куски мятой жести, большие канистры — пустые, судя по тому, как легко их несли, ворохом тряпья...

А Капитан что-то сердито говорил своим людям, время от времени тыча пальцем в сторону невысоких холмов. Сергей перевел взгляд к холмам и увидел, что над ними извиваются струи дыма.

— Неужели деревню сожгли? — нахмурился Механик. — Раньше за ними такого не водилось. Хотя добыча плевая и пленных вроде нет...

— Звери! — тихо сказал Сергей.

— Не видел ты зверей! — вздохнул механик. — Этого что, налетят, пограбят и опять на воду. Морской народ, одно слово! Мне довелось общаться со многими из них на менных островах. Несчастные, потерянные люди. Их отцы однажды вышли в море в путину, а когда рыболовы вернулись домой, в родные фьорды, то обнаружили, что дома их пропали.

— Куда же они делись? — удивился Сергей.

— Затопило. Вот подобрали они тех, кто спасся, и с тех пор плавают. По-моему, многие тогда умом повредились. Боятся ночевать на суше, подолгу в одних водах не остаются. Одни якобы до сих пор ищут какое-то морское божество, чтобы умолить его о прощении, вернуть затопленные земли. Другие придумали иных богов и поклоняются им. А кое-кто внал в ярость и промышляет разбоем. Таких мало, очень мало, но беспокойства от таких сверх меры. Морской народ, в сущности, если его не сердить, миролюбив и незлобен...

Какая-то немолодая женщина в замызганной брезентовой робе тащила на баржу сразу две канистры и случайно задела одной из них Капитана. Тот рявкнул на нее и мощным пинком сшиб с ног. Сергей посмотрел, как женщина баражается в пенной воде под смех и веселые крики остальных, и дернул Механика за рукав:

— Это они добрые, что ли?

— Нет, — сухо ответил Механик. — Вот эти как раз злые. Тебе просто не повезло. Да и мне тоже.

Рядом объявился сердитый дед и заорал на них, тыча пальцем на берег. Механик пожал плечами и коротко буркнул что-то.

— Идем, надо перенести хлам, — сказал он Сергею и пошел к сходням.

Но только они взялись за тяжелую связку ржавых труб, как Механика позвали к Капитану. После короткого разговора Механик быстро поднялся по сходням на баржу и вместе с сердитым дедом приволок длинный ящик. Сбили крышку, в руках Капитана и его людей появились стволы.

Капитан хмурился и озабоченно посматривал в сторону холмов. Дымы над ними стали гуще, издали донеслись крики, хлопки выстрелов. Потом что-то несколько раз бухнуло, крики стали громче, пронзительный надсадный визг заставил вздрогнуть Сергея. Но ему даже вспоминать не хотелось, когда и где он слышал похожие звуки.

В небо полетели искры, большие черные хлопья взмыли и закружили в воздухе. На вершине ближнего холма возникла фигурка. Отчаянно размахивая руками, человек несся вниз, кувыркаясь, падая и снова поднимаясь на ноги. Он почти добрался до подножья, но споткнулся и плашмя растянулся на траве.

К нему подбежали двое из людей Капитана, помогли встать на ноги и, поддерживая с двух сторон, привели к берегу. Сергей увидел, что одежда на человеке превратилась в обгорелые лохмотья, а лицо так страшно иссечено кровоточащими шрамами, что кусок щеки свисал к подбородку.

Изуродованный что-то прохрипел Капитану, слабо махнул в сторону дымящихся вершин и повалился набок. Капитан взревел, как дурахвост во время мартовской случки. На его крик все, кто был на судне, высыпали на палубу, а потом его люди погнали женщин и детей в трюм.

Сергей же остался на берегу, у железного хлама. На него никто не обращал внимания. Берег зарос травой и не-

высоким кустарником, а левее от холмов начинались леса. Можно было легко спрятаться в густой траве, уползти и затаяться, а там... Нет, вздохнул Сергей, в лесу одному не выжить, и в деревне его не приютят, спалил, наверно, деревню морской народ дотла.

К нему подошел Механик. На ремне, свисающем с плеча, болтался ствол и хлопал его по боку, а в руках он держал рожки к стволу, которые пытался на ходу распихать по большим карманам комбинезона. Справившись с рожками, сплюнул и велел быстро уматывать отсюда на баржу.

— Плохо дело, — добавил он негромко, — Капитан очень сердит. Его людей поубивали. И селян вырезали.

— Кто вырезал? — испугался Сергей.

— Черт его знает! Кто поубивал, тот и вырезал. Какие-то кровожадные безумцы...

Он не успел договорить, как хриплый голос Капитана заставил его вздрогнуть. Механик вернулся к толпе на берегу, а Сергей посмотрел ему вслед, перевел взгляд на темную громаду судна. Безлюдная палуба вдруг показалась ему мрачной, сулящей недобroe ловушкой, и если он сейчас влезет на эту мрачную посудину, то исчезнет в ее холодном чреве, как исчезли те, что населяли деревянные клети. И никогда не увидит большие дневного света... Страх был беспринципным, но он поднял Сергея с места и заставил поплестись вслед за Механиком к людям Капитана.

Один из подручных Капитана заметил его, что-то сказал и рассмеялся. Капитан оглядел Сергея с ног до головы, буркнул непонятно и отвернулся. Сергей был готов к тому, что его сейчас пинками ногонят на баржу, и потому несказанно удивился, обнаружив у себя в руке ржавый палаш. Ладонь еле охватывала деревянную рукоять, приделанную к тяжелому иззубренному лезвию. Рыжий сын Капитана скривил губы, но ничего не сказал.

А Механик лишь укоризненно покачал головой.

— Я же тебе говорил — лезь в трюм и носа не высывай. Теперь ничего не поделаешь. Держись сзади, в драку не влезай. И упаси боже потерять сабельку! За потерю оружия... а-а, ладно!

Между тем Капитан опять закричал страшным голосом, тыча пальцем то в сторону дымящихся холмов, то указывая на баржу. Люди Капитана потрясали оружием, кто-то бил кулаком себя в грудь, а один вдруг скинул с себя одежду и, размахивая топором, побежал голый вверх по склону. Радостно взывав, остальные кинулись за ним, и, не успев опомниться, Сергей обнаружил, что тоже бежит вместе со всеми, ухватив двумя руками рукоять палаша и держа лезвие на плече. Он не понимал, какая сила несет его вместе с морским народом, откуда в нем проснулась боевая ярость, но ему казалось, что никто не сможет одолеть его в схватке и он непременно заслужит похвалу Капитана. Он не видел, как за ними неторопливой рысцой бежал Механик, время от времени останавливаясь, чтобы перевести дыхание, не видел, как у самой вершины холма все рассыпались редкой цепью и вперед выдвинулись те, у кого были стволы. Он бежал, не боясь упасть, и только когда перед ними открылась небольшая лощина, озаренная отсветом догорающих домов, внезапно замер.

В оранжевом пламени чернели обугленные стрехи, пылающие бревна стреляли во все стороны головешками, искрящиеся рои огненных мух кружились в дымных спиралах над тем, что раньше было деревней. Отсюда можно было разглядеть множество темных фигурок, носящихся около горящих строений. Сергей решил, что это жители спасают уцелевший скарб, но, приглядевшись, заметил, что люди, скачуущие, словно в пляске, у огромных костров, не выносят из огня, а, наоборот, кидают в него какие-то предметы. Ему даже показалось, что некоторые из плясунов исчезают в пламени, а потом вновь появляются на деревенской площади — маленьком островке среди багрового моря.

Люди Капитана стояли на вершине холма и смотрели вниз, чего-то ожидая. Вскоре огонь ослаб, распался на мелкие клочья, а дым посерел. Деревня исчезла, на месте жилищ остались лишь чернеть печи, выставив трубы пальцами в небеса.

Фигурки внизу забегали быстрее, некоторые из них двинулись к подножию холма. Тут из кустов на них вы-

скочил голый детина. Его топор запорхал в воздухе однокрылой бабочкой. Кровавые ошметки летят во все стороны, миг-другой, и вот с десяток разваленных вдоль и поперек тел устилают траву, а голый мужик бежит дальше и исчезает в дымной пелене.

— Хха! — вскричал Капитан и взмахнул рукой.

Люди Капитана завыли, зауллюкали и двинулись быстрым шагом вниз, время от времени постреливая в сторону деревни. Сергей припустил было за ними, но тут его за плечо ухватил Механик.

— Не горячись! — шепнул он парню. — Без тебя обойдутся. Да и без меня тоже.

Сергей непонимающе глянул на него, потом тряхнул головой, и тут наваждение злобной силы исчезло, а красная муть в глазах растаяла. Крики внизу слились в истощенный визг, трещали выстрелы, а потом наступила тишина.

Когда они дошли до кострищ, все уже было кончено. Люди Капитана оттаскивали в сторону убитых, раненых добивали на месте. Заморосил мелкий дождь, дым стлался по земле. От пепелищ несло едкой гарью. Капитан ходил вдоль тел, уложенных в длинный ряд, озабоченно хмурился и время от времени приседал, взглядываясь в лица.

Механик присмотрелся к убитым и удивленно сказал:

— Куда же делись наши люди? Два десятка бойцов послал Капитан в эту деревню, и ни один не вернулся. А эти совсем не похожи на мирных селян!

Мертвецов Сергей не боялся. Мертвый, он под землей страшен или в старых домах, потому что не всегда поймешь — покойник это или какой бандит мертвяком вырядился, чтобы честного старателя напугать, обобрать, а то и вовсе убить. Эти же покойники своими лохмотьями и раскрашенными синей и черной краской лицами были похожи... были похожи...

Сергей на миг крепко зажмурил глаза, но огонь, реущий под ногами, и дикие рожи лупил снова всплыли в его памяти. Он перевел дыхание. В конце концов все устроилось неплохо, он жив и невредим, тех волчар спалило кипящее масло, а этих перебили люди Капитана.

Боязно было самую малость, да и то вскоре страх прошел — вокруг него было много людей с оружием. Казалось, невидимый, но могущественный покровитель послал их для того, чтобы они защищали мальчика от опасностей, а когда исчезнет в них нужда, то и они пропадут, сгинут в мутной илистой глубине новых морей. И даже за дальней околицей ему не было страшно, хотя исполосованные и обескровленные тела людей Капитана и жителей деревни, прибитые к деревьям вниз головой, потрясли даже самых отчаянных бойцов. Звери они и есть звери, думал мальчик, жалости в них никакой, и лучше им в лапы не попадаться.

Стало темнеть.

Капитан о чем-то заспорил со своими людьми, указывая на деревья, но бойцы, испуганно поглядывая в небеса, уже спешили назад. К судну возвращались чуть ли не бегом. На берегу рыжий сын Капитана отобрал палаш у Сергея, взамен дав подзатыльник. Стволы уложили в ящик, и Механик вместе с сердитым дедом унесли оружие на судно.

Два дня подряд после неудачного набега Капитан и его люди пили, не просыхая. Механик сказал Сергею, чтобы тот держался от них подальше. Напрасная гибель бойцов разъярила морской народ, а зло они могут выместить на ком угодно. Ко всему еще Капитану двойная обида вышла — не смог тела своих товарищей достойно отдать морской волне.

Порой даже вниз, в машинное отделение, доносились пьяные крики и мрачные песни бойцов, иногда можно было услышать слезливые причитания женщин.

Сердитый дед написал Сергею занятие — вместе с немой девочкой укладывать пустые канистры в клеть за двухэтажной надстройкой баржи, а сам ушел отсыпаться. С канистрами было много хлопот, их приходилось собирать по всей палубе, потом волочь в конец баржи и размещать ряд за рядом, причем те, что были с пробкой, — отдельно от других. Время от времени ряды эти с шумом и звоном рассыпались, и приходилось начинать все сначала. При этом надо было не попадаться на глаза команде,

особенно когда на палубу выходили освежиться пьяные люди Капитана. Горланя песни, они то обнимались, то долго и бестолково дрались, а потом шли обратно пить, размазывая по лицу кровь, текущую из разбитых носов.

Покончив с канистрами, Сергей устало привалился к борту и закрыл глаза. Дело шло к сумеркам, а спать внизу, рядом с движком, воняющим отработанным маслом и горючкой, не хотелось. Хорошо было дремать здесь, на свежем воздухе, под теплым маревом закатного неба.

Он уже засыпал, но тут какая-то глухая возня и звяканье подняли его на ноги. Показалось, что сердитый дед проверяет, как уложены канистры, и сейчас устроит выволочку, придавшись к пустяжку.

Но это был не дед. Рыжий сын капитана прижал немую девочку к дощатой перегородке и пытался содрать с нее одежду. Девочка отбивалась, пытаясь укусить рыжего, но он лишь пьяно хихикал и шарил руками по ее телу.

Сергей увидел глаза девочки, ее открытый в беззвучном крике рот и в следующий миг оказался рядом с ними. На звук шагов сын Капитана обернулся, и кулак Сергея, нацеленный на его затылок, пришелся точно в зубы. Рыжий сдавленно вскрикнул, отпустил девочку и кинулся было на Сергея, но тут немая присела и схватила рыжего за ноги. Голова рыжего ударила о палубу с таким стуком, словно по деревянному настилу шарахнули поленом. Сверху раздался громкий смех. Сергей поднял голову и увидел одного из людей Капитана, который перегнулся через перила и, тыча в них пальцем, хохотал и икал одновременно. Но после того как сын Капитана со стоном поднялся и, оскалив окровавленный рот, погрозил ему кулаком, смеяться перестал и лишь продолжал икать.

На лбу рыжего вздулся, чернея на глазах, огромный синяк. Рыжий уставился мутным взором на Сергея, потом обещающе кивнул и поплелся наверх.

Девочка убежала, а Сергей быстро пошел к люку, но спрятаться в трюме не успел. Сзади загрохотали шаги, кто-то схватил его за шиворот и поднял в воздух, а потом повернул к себе, и перед мальчиком возникло бородатое лицо разъяренного Капитана. Что было дальше, он плохо

номнил, били его трое или четверо, пинали ногами, в толчее и спяняу больше промахиваясь.

Потом он потерял сознание и очнулся внизу, в машинном отделении. Малейшее движение отдавалось такой болью во всем теле, что хотелось выть, но попытка разлепить губы закончилась лишь слабым стоном, похожим на писк.

Он лежал в углу на ветоши, а рядом сидела на корточках немая девочка. Медленно водила она ладонью над его головой, а в другой руке сжимала длинную рыбью кость, которой тыкала перед собой в воздух, словно отпугивала хворь и боль. Сергей закрыл глаза — ему становилось хуже и хуже, казалось, из него вынули все внутренности, а взамен набили пустую оболочку огненными змеями; боль нарастала волнами, пылающий шар в голове взбухал, наливался силой и грозил выплеснуться из глаз, спалив жалкие тряпки, что были ему подстилкой, жалкий корабль, что нес его тело в своем чреве, жалкий мир, позволивший жалким людям сотворить над ним такое...

А потом боль внезапно исчезла, Сергея прошиб холодный пот, он еле поднял веки, увидел склонившиеся над ним лица девочки и Механика, пошевелил губами и уснул сразу, будто ухнул в бездонный колодец, стены которого выложены из мерцающих колец...

4

Его разбудило тарахтение движка. Открыл глаза, потянулся и с удивлением обнаружил, что ничего не болит, кости вроде бы целы, и лишь мышцы ног сводят, как после долгой ходьбы.

Первое, что он увидел, — корявое лицо сердитого деда. Старик озабоченно ковырялся в зубах длинным ногтем. Заметив взгляд парня, дед обтер ноготь об рукав, что-то сварливо пробормотал и полез наверх.

Когда его сапоги исчезли в люке, Механик, возившийся у движка, подошел к Сергею.

— Как ты?

- Хорошо... — неуверенно отозвался Сергей.
- Это плохо, — покачал головой Механик. — Капитан на тебя очень рассердился. — Теперь решает, когда тебя вернуть обратно.
- Вернуть?! — удивился Сергей.
- Да, отдать морю, из которого тебя взяли.
- Но я же утону!
- Скорее всего, утонешь. Тем более что тебе свяжут руки и ноги.
- Это... это нечестно! — вскинулся парень, чуть не задев головой балку.

— Кто ныне помнит о чести... — вздохнул Механик. — Ну хорошо. Тебя подобрали в воде утром. Сейчас ночь, все спят, но до рассвета осталось недолго. Если не успеешь сбежать, дело плохо. Да и я здесь что-то засиделся, пора и мне...

Он недоговорил. Сверху прилетел и шмякнулся об пол моток веревки, а за ним скатился по лесенке сердитый дед. Молча подошел к Сергею и принялся сноровисто опутывать его, не забывая проверять крепость узлов. Дед управился так быстро, что Сергей не успел даже тревыхнуться.

А потом сердитый дед что-то сказал Механику и снова поднялся наверх, оставив после себя крепкий сивущий дух.

Механик проводил его взглядом, а потом спокойно продолжил:

— Вот я и говорю, что пора мне отсюда уходить. Да ты не бойся, тебя связали, чтобы сам в неурочное время не утопился. А мне приказано за тобой смотреть. Головой отвечаю. Вот чего стоит моя голова — одного подростка!

— Мы вместе убежим, да? — с надеждой спросил Сергей.

— А как же! Тебе, я смотрю, везет. Глядишь, и мне от твоего везения перепадет немножко. — Тут он покачал головой и грустно рассмеялся. — Кто бы мог подумать, что я стану таким суеверным.

Сергей между тем ворочался, пытаясь ослабить узлы, но зловредный дед свое дело знал тую.

— Ничего себе — повезло! — чуть не всхлипнул от досады парень, пребольно стукнувшись коленом о железную переборку.

— Ничего, ничего, — многозначительно поднял палец Механик. — Я как раз гадал, где бы раздобыть побольше крепких веревок. И вот она — веревка! А ты говоришь — не везет...

«Ничего я не говорю», — хотел отгрызнуться Сергей, но промолчал.

Механик долго возился с узлами, ругая вполголоса дедка, крепко их затянувшего. Наконец справился со всеми, и пока он сматывал веревку, Сергей, кряхтя, поднялся с места.

— Зачем нам веревка?

— Плот вязать, — ответил Механик.

Заметив удивленное лицо парня, он пояснил:

— Пустые канистры отлично держатся на воде. Скоро все напьются в хлам. Свяжем их вместе и попрощаемся с этим негостеприимным местом, пока баржа на якоре стоит.

— Капитана свяжем? — обрадовался Сергей.

Озабоченно подняв редкие белесые брови, Механик почесал подбородок, а потом покачал головой:

— Хорошая идея, но, боюсь, ничего не выйдет. Будь я моложе и решительнее, может, и попробовал бы захватить баржу. А если не все там спят? Оружия у нас нет, а с ломиком или даже моим перочинным ножом против ствола... Нет, уволь, голубчик. Так что связывать будем канистры, а не Капитана и его людей. Где же у меня еще веревки были, а?

На палубу они выбрались ближе к утру. Небо на востоке наливалось блеклым светом, но потом снова потемнело. Это ветер нагнал туман, да такой густой, что фонарь, болтающийся наверху, был еле заметен мутным желтым пятнышком. С надстройки раздавался могучий многоголосый храп.

Механик долго прислушивался к нему, потом шепнул Сергею, что с каждой минутой мысль о том, чтобы захва-

тить судно, кажется ему все более привлекательной, а потому, чтобы избежать соблазна, надо приступать к делу.

Они прокрались к деревянной пристройке, похожей на небольшой загон для скота. Ощущая канистры, Сергей нашел те, что были с пробками. Повезло, они стояли сверху. Механик принял вытаскивать их одну за другой, а Сергей придерживал остальные, чтобы не завалились. Сначала не было видно ни зги, но постепенно тьма рассеивалась. Перетащив канистры к борту, они уложили их плащмя, и Механик стал связывать их попарно, а пары соединять друг с другом. Плот уже вытянулся плоской змей, когда обнаружилось, что канистры рядом с ними не убывают, и в предрассветном мареве они разглядели, как фигурка в мешковатом одеянии подтаскивает к ним еще одну.

— Ну, вот тебя нам не хватало! — всплеснул руками Механик.

Немая девочка опустила канистру на палубу и стала рядом с ней.

Сергей посмотрел на нее, перевел взгляд на Механика, но не видел его лица.

— Может, возьмем ее с собой? — неуверенно прошелестал он.

— Самим бы ноги унести! — так же тихо ответил Механик. — С нами она пропасть может. Черт знает, где сейчас плывем, сколько до суши добираться! Днем кто-то сказал, что к северу баржу сносило, не то течение сильное, не то ветер... Здесь за ней хоть присматривают, кормят.

«Рыжий за ней присмотрит!» — чуть не брякнул Сергей, но вовремя прикусил язык. Он не хотел сердить Механика. Тот хоть и добрый, но вдруг рассердится, оставит его на судне. Впрочем, в глубине души он не сомневался, что все устроится лучшим образом, как до сих пор устраивалось. Быть того не может, чтобы с ним приключилось что-то очень скверное. А побои не в счет. Как говоривал дядя Харитон, одни прибывают, другие приголубят.

Они продолжали вязать плот, время от времени посматривая на девочку, застывшую маленьким стражником у канистры.

Наконец плот в четыре ряда был готов. Продев сквозь одну из ручек длинную веревку, Механик завязал ее каким-то хитрым узлом, а потом намотал другой конец на полуоторванную железную скобу, торчащую из стены палубной надстройки. Они, ухватившись за крайние звенья, без особой натуги подняли и перевалили через невысокий борт.

Канистры шлепнулись о воду с небольшой высоты, и шума было немного.

— Теперь лезь на плот, а я пошуцю шест или доску, —
сказал Механик. — А заодно и еды какой-нибудь. Если
меня долго не будет или услышишь шум, крики — дерни
за конец веревки, узел сам развязается. Только...

Механик вдруг замер, услышав слабое журчание. Потом раздались неуверенные шаги и неподалеку возникла еще одна фигура. Рыжий сын Капитана уставился на них с раскрытым ртом, потом в руке у него появился нож. Он заорал что-то, выставил лезвие перед собой и стал приближаться к ним мелкими шажками.

Ни малейшего страха не испытал Сергей. Так глупо их затея не могла завершиться. Сейчас либо Механик свернет шею этому крикуну, либо он сам себя нечаянно зарежет, споткнувшись или обезумев. Но все вышло иначе...

Немая девочка, на которую никто не обращал внимания, не торопясь вытянула из складок своего балахона длинную и острую рыбью кость, потом метнулась неслышной тенью к рыжему — и вот кость торчит из горла, пробив насквозь, а сын Капитана, удивленно вытаращив глаза, хрюпит и булькает, оседая на палубу, а изо рта его льется кровь. Обойдя бьющееся в судорогах тело, девочка подошла к Сергею и уцепилась ладошкой за его руку.

— Быстро оба на плот! — скомандовал, не растеряв-
шись, Механик.

Он помог Сергею перелезть через борт и держал его за руки, пока тот не нашупал под ногами плоский бок канистры. А затем подхватил девочку и чуть не уронил ее прямо на голову Сергея.

Плот держался на воде хорошо, и звенья не разъезжались под ногами. Сергей и немая девочка отошли на дальний край, чтобы Механику было куда спуститься. Снизу было видно, как тот уже закинул одну ногу на борт, держась за него двумя руками, но почему-то дернулся назад, да так быстро, что лишь нога мелькнула в воздухе. Сдавленный крик, глухие удары, возня... Над бортом вдруг возникло перекошенное лицо сердитого леда, но тут же исчезло, и лишь что-то продолжало стучать и перекатываться на палубе, сопровождая это бранью.

Где-то наверху громко хлопнула железная дверь, загрохотали сапоги. Сергей вскочил и вытянул шею, пытаясь рассмотреть, что делается на барже. Он не заметил, как девочка осторожно, на четвереньках, перебралась к крайним звеньям и дернула за конец веревки.

— Не надо! — только успел вскрикнуть Сергей, но веревка уже повисла вдоль борта, а плот стало медленно относить в сторону.

Хоть и быстро светало, ветер снова нагнал туман, и вскоре баржа исчезла в белесой пелене. Некоторое время с той стороны еще доносились крики, но они становились все глупые и глупые, а потом и вовсе стихли.

Сколько прошло времени, Сергей не знал. Когда взошло солнце, а туман растаял, баржа исчезла, словно ее и не было. Возможно, течение в этих местах и впрямь было сильным, но в глубине души Сергей был уверен, что плавучий дом морского народа попросту сгинул за ненадобностью, доставив его в нужное место. Но что это за место, понять было трудно.

Водная гладь окаймлена со всех сторон облачным небом, земли не видно, даже если встать во весь рост. Однажды появился островок, похожий на большую луковицу. Они принялись загребать ладонями, направляя плот к луковице, но одолеть течение оказалось не по силам. Плот унесло дальше, и Сергей только успел заметить, что трава на островке — это всего лишь позеленевшие от старости медные листы. Кое-где облицовка провалилась, там зияли темные дыры.

Немая девочка сидела неподвижно, скрестив ноги под собой. Сергей пытался заговорить с ней, но она только улыбалась, показывая маленькие острые зубы, а потом извлекла из широкого рукава узелок, в котором оказались два сухаря.

Недолгий, но сильный ливень избавил их от жажды. Бока двух канистр были сильно помяты, и во вмятинах собралась дождевая вода. Немного, но им хватило.

Ближе к вечеру Сергей устал высматривать, не виднется ли где суша. Он растянулся на канистрах, еще не успевших потерять дневное тепло. Лежать было не очень удобно, но море было спокойным, а слабый плеск убаюкивал. Казалось, плот никуда не движется и неподвижно стоит в середине вод. Глаза закрылись сами собой.

Небо уже наливалосьочной гущей, лишь далеко на востоке сплохи молний подсвечивали низкие тучи. Немая девочка сидела на краю плота и озабоченно теребила подол своего платья. Иногда она поглядывала на спящего парня, переводила взгляд на вспышки молний. Вскоре она легла рядом с Сергеем и прижалась к нему. Сергей что-то пробормотал во сне и снова мерно засопел.

Среди ночи девочка внезапно подняла голову, затем встала на колени и уставилась на яркую точку на горизонте. Она протянула руку к Сергею, чтобы разбудить его, но передумала. Снова легла, но больше не спала, глядя широко открытыми глазами в черные небеса. А когда опять повернула голову к светящейся точке, то увидела, что она превратилась в небольшое яркое пятно.

Девочка осторожно, чтобы не разбудить Сергея, проползла вперед и устроилась на крайних звеньях. Так она стояла и смотрела, как медленно, но неотвратимо растет переливающийся радугой полукруг, и чем ближе подплывал к нему плот, тем больше становился радужный купол, и вот он вырос настолько, что, даже задрав голову, она уже не видела его вершины, и лишь полотнища мерцающих красок разлетались по обе стороны. Вскоре она разглядела место, где основание купола соприкасалось с морем, но в воде не было видно его отражения.

Поверхность из разноцветных искр и огненных лент была совсем рядом, девочка протянула к ней руку, и в этот миг плот коснулся стены света.

Сергей проснулся и тут же зажмурил глаза от ярких солнечных лучей. Рядом тихо посапывала немая девочка, ее рука лежала у него на плече. Парень усился на плоту и, зевнув, протер глаза. А потом еще раз протер, потому что увиденное показалось ему сном.

Плот медленно плыл по реке, ее берега были обложены каменными плитами, а вдоль воды тянулись дома — желтые, зеленые, розовые...

«Это же город!» — чуть не вскрикнул Сергей.

Он поднялся на ноги так резко, что из щели между канистрами на него выплеснулась струйка. Плот несло мимо большого темного строения без окон, а на строении виднелись огромные белые буквы, которые сложились в непонятно к чему относящиеся слова «Тихий ход». Он увидел большие корабли, над которыми неподвижными великанами застыли огромные сооружения из металлических балок, с которых свисали тросы с крюками. А потом над ним торжественно проплыл, затмив небо, большой мост.

Что-то неправильное, тревожное было в этом городе. Не сразу понял Сергей, в чем дело, а когда догадался — стало ему не по себе. Все дома стояли целехонькие, будто недавно выкрашенные, и ни один не лежал в руинах, не был покрыт наносами и не оброс травой и кустарником. Людей не было видно, но не это смущало парня. Приглядевшись, Сергей даже рот открыл от изумления: все окна в домах были целы, и солнце пламенем играло в стеклах, и ставень не видать ни на одном окне.

Он поднял голову и вздрогнул — солнечный жаркий диск пыпал в чистом небе, в котором не было ни облачка, и такой синевы он никогда не видел над своей головой. Куда-то исчезли вечные облака, растаяла муть, сквозь которую солнце всегда казалось ярким желтком.

Странный город под странным небом казался порождением сна. Сергей присел и подергал немую девочку за ру-

кав. Она всхлипнула во сне, потом открыла один глаз, другой и тут же прикрыла их ладонью, защищаясь от света.

— Смотри, куда мы приплыли! — крикнул Сергей, и девочка испуганно вздрогнула.

Затем она встала, одернула на себе платыще и спокойно огляделась по сторонам.

— Мы! — громко сказал Сергей, тыча себе по ноги. — Куда попали, а? — и обвел рукой берега.

Девочка с интересом посмотрела на канистры, потом в свою раскрытую ладошку уперла два пальца, словно изобразила человека на плоту. Сделала ладонью волнобразное движение. Показала на берег.

— Это я и без тебя знаю, — с досадой пробормотал Сергей. — Давай греби, что ли!

Он лег на канистры и принялся загребать ладонью, разворачивая плот вправо, в сторону низкого деревянного настила. Пристроившись с другого края, девочка тоже стала шлепать по воде. Слабое течение хоть и сносило их вперед, но все же им удалось приблизиться к настилу, который покоялся на деревянных столбах. Их чуть не пронесло мимо, но Сергей успел вцепиться в толстую веревку, свисавшую с небольшого судна, стоявшего у причала.

Привязав склизкую зеленую веревку к ручке канистры, он взобрался на деревянные щиты настила, затем помог вскарабкаться немой девочке. Она встала рядом с ним, глянула по сторонам и двинулась вперед, к широким каменным ступеням.

Сергей так и не смог потом вспомнить, сколько времени они бродили по улицам пустого города. Солнце не заходило, а когда они садились передохнуть на чистые, без следов пыли скамейки, то и движения теней заметить не удавалось.

Страха не было, подросток давно уже сообразил, что они попали в тайный город. Его не удивляли даже подозрительная чистота улиц и сохранность домов — именно об этом доводилось не раз слышать. Эх, вот где бы поживились старатели, закинь их сюда случай или судьба, подумал Сергей. Но чем дальше, тем больше смущало его

отсутствие людей или там живности хоть какой — ведь даже мух не было видно, а ко всему еще ни голоса, ни крика далекого или даже мява дурохвостов. Куда подевались счастливые обитатели тайного города, укрытого от всех несчастий, почему они не встречают гостей? Вот бы им выйти навстречу с улыбками на добрых лица да накормить вкусной едой...

При мысли о еде Сергей скривился. Живот подводило отчаянно, вчерашний сухарь — вот и все, чем удалось подкрепиться за это время. А тут еще кое-где за огромными стеклами на первых этажах виднелись такие яства, что прямо слюна душила, а потом и вовсе во рту пересохло.

Они пытались войти в эти большие лавки, но двери были закрыты накрепко. Разбить стекло поначалу Сергей не решался, все мнилось, что стоит ему нарушить целостность города хоть в малости, как сбегутся с криком жители, уже не с добром, а чтобы наказать его... Когда стало невмоготу, решился все же и долго искал камень или палку. Нашел железный прут, похожий на кочергу, и, ворвавшись озираясь, подошел к стеклу, что было в два его роста. Девочка отошла в сторону и уселась на выступ у двери.

Размахнулся и саданул прямо в середку! Но словно в подушку ударили. На стекле даже трещинки не появилось, а вместо звона или грохота лишь слабый щелчок раздался, словно кто-то щенку переломил. Сергей озадаченно повертел в руках прут, еще раз ударил — втуне! Скосил глаза на девочку, та даже не улыбалась, смотрела скучно, вроде и знала, что ничего путного из его затеи не выйдет.

Сергей метнулся к другой лавке. Удар, щелчок, руку даже не отбросило, будто не по твердому бил. Бросив ненужную железяку, он побрел мимо домов, не обернувшись, чтобы посмотреть, идет ли немая девочка за ним. А когда все же глянул назад, то увидел, что она подобрала железный прут и бежит за ним.

Догнав Сергея, девочка сунула прут ему в руку и махнула рукой в сторону ближайшей лавки. Сквозь стекло было видно, что еды там нет, а лишь висят рядами всякая одежда.

— Дура, что ли! — сердито сказал парень. — Стекла здесь не ломаются, а если и разбить, что толку!

Девочка выхватила из его руки железку, вставила слющенный край прута в неширокую щель между стенной дома и рамой, уперлась двумя руками, запыхтела, но тут подошел Сергей, отодвинул ее в сторону и навалился, как на рычаг.

К его немалому удивлению, рама шевельнулась, а потом, издав смешной чмокающий звук, отделилась от стены. Но большой стеклянный лист не рухнули оземь, рассыпавшись вдребезги, а в тишине медленно проплыл к середине улицы, да так и остался в воздухе. Сергей шагнул вслед за ним, но потом остановился, не решаясь подходить к зеленоватому стеклу, висевшему перед ним как на невидимых нитях. Немало диковин видел Сергей в тайном городе, но это было самое забавное и вроде нестрашное. Страх пришел, когда он глянул назад, в дыру, что появилась на месте рамы, и увидел... Да ничего не увидел!

— Морок! — ахнул он, да так и замер с открытым ртом.

Оцепенев от страха, он не мог оторвать глаз от черного прямоугольника, который жуткой заплаткой был пришит к желтой стене дома. Дна у этой черноты не было, кружилась голова, казалось, одно искверненное движение, и его унесет в черную бездну. Хотел вскрикнуть, ринуться вперед и оттащить немую девочку, бесстрашно тянувшую руку к проему, но язык не повиновался ему, а ног просто не чувствовал.

Между тем ладонь девочки уперлась во что-то невидимое, она стукнула кулаком по незримой преграде и, покачав плечами, отошла от дыры. А Сергей все стоял, не в силах пошевелиться. Теперь он был уверен, что не бездна разверзлась перед ним, нет, наоборот, густая тьма выпирает из вместилища мрака, которое прикинулось безобидным четырехэтажным домом, и лишь невидимая тонкая стена удерживает черноту, готовую выплеснуться и затопить город.

Сморгнул, шевельнулся, и наваждение исчезло.

Мрачная дыра превратилась в натянутое полотнище из черной ткани, ну или во что-то подобное. Главное, перестала пугать, а чудеса, наверно, и без нее не переведутся.

Так оно и вышло, да только все это уже не радовало и не пугало.

Они брели, держась за руки, голодные и уставшие, не обращая внимания на то, что на некоторых улицах сторона, по которой они шли, словно в зеркале точнехонько отражалась на другой стороне и, если приглядеться, еле видные тени скользили там, повторяя их движения. Но они не приглядывались к теням и не прислушивались к тихому шелесту, что доносился до них, когда они проходили мимо подворотен, открывающих вереницы дворов. Несколько раз Сергей пытался забраться в дома, и однажды ему даже удалось выбить ногой филенку двери. Ничего, кроме упругой черноты, за дверью не оказалось. И он свыкся с мыслью, что весь город — это большая хитрая обманка, но кто и с какой целью обманку сотворил, узнать, наверно, ему не суждено, да и не очень-то хочется.

Заблудиться было нелегко, но в какой-то миг Сергей потерял из виду торчащий над домами золотистый шпиль. Он знал, что рано или поздно они вернутся на свой плот и уплывут отсюда. Ночь не застанет их в тайном городе, впрочем, здесь не бывает ночей и солнце по-прежнему висит на том же месте. А вдруг их унесло течением к Северному пределу и сбросило за край земли? Может, именно так выглядит жизнь запредельная — в чистоте и порядке, но без людей и в скуке смертной?!

Наконец они вышли на большую площадь, с высокой колонной в центре. До реки было рукой подать, но сил идти не было. Пристроившись в тенечке у подножия колонны, Сергей задремал, а девочка легла на каменные плиты и тоже закрыла глаза.

Что заставило дернуться и вскочить на ноги, Сергей не понял. В его теплую дрему грубо ворвался пронзительный звук, похожий на скрежет. Сердце трепыхалось в груди, в глазах расплывались мерцающие пятна. Он перевел дыхание и снова усился, прислонившись к прохладной облицовке. Рядом тихо свистела носом девочка без имени.

Ни души вокруг, ничто не шевелилось на пустой площади, окруженнной со всех сторон красивыми старинны-

ми домами. Сергей долго вглядывался в ряды окон, смотрел на лепные узоры, потом заметил, что одна из дверей распахнута. Присмотревшись, обнаружил, что в проеме видны ступени. Это его настолько поразило, что подергал девочку за рукав. Она повернулась на другой бок и громко захрапела.

Он не стал ее будить. Странная дверь была неподалеку, можно бегом туда и обратно. Проснувшись, не успеет испугаться. Сергей глянул на девочку и задумчиво выпятил нижнюю губу. Интересно, а вообще-то она боится хоть чего?

За дверью действительно оказались ступеньки, которые освещал яркий матовый шар на потолке. Так вот каков электрический свет, догадался парень. Однажды он выменил у Степана железную трубку с блестящим растробом на конце, а там, за стекляшкой, торчал маленький шарик. Михаил, тогда еще живой, объяснил, что шарик — это такая лампочка. Потом он где-то нашел старые штуковины, которые назвал батарейками, долго грел их над паром, а нагрев, засунул в трубку. Лампочка загорелась, посветила немного, а потом пыхнула синим светом и почернела. С кем теперь Степан гоняет голубей, задумался было Сергей, но воспоминания тут же вылетели из головы.

Дом с открытой дверью не обманка вовсе! И в дверь эту можно войти! Сергей осторожно вытянул руку перед собой, проверяя, нет ли какой невидимой преграды. Ничто не мешало подняться по ступенькам, посмотреть, нет ли в этом доме еды. Он оглянулся — девочка лежала у колонны — ну, пусть спит, а он быстро глянет, что таится за дверью с надписью «Служебный вход».

Быстро глянуть не удалось. Поднявшись по лестнице на два пролета, он обнаружил еще одну дверь. С опаской потянул за ручку, но и здесь не было подвоха. За дверью оказалась небольшая комната, войти в которую мешал узкий стол, почему-то придинутый к входу, так что пришлось его обходить, а затем еще дверь, непширокий коридор, застеленный мягким ковром, длинной дорожкой ведущий далее...

И вот он уже бродит по огромным залам, его взор скользит вдоль стен, увешанных картинами, большими

и малыми, он не понимает, кто и зачем изобразил людей и животных в таком обилии, для чего нарисованы моря и корабли, хотя тяжелые золотые рамы восхитили его. Он трогает белые гладкие фигуры из камня, удивляясь работе, долго рассматривает обнаженные женские тела, испытывая странное томление.

Везде чисто, тихо, он не слышит даже своих шагов, проходя одну за другой комнаты с высокими потолками и ступая по лестницам, устланным бесконечным ковром.

В одном из залов он увидел, что низенькие диванчики, везде аккуратно расставленные, здесь сдвинуты в беспорядке. В соседнем помещении некоторые картины были скособочены, а две — валялись на полу. И чем дальше Сергей шел, тем больше ему казалось, что он идет по следам человека, ярость которого возрастила от комнаты к комнате, и жертвой этой ярости становились картины, изваяния и хрупкая мебель.

И наконец он понял, что вперед ему не пройти. Гора из обломков мебели, кусков белого мрамора, опрокинутых бронзовых статуй, разодраных картин и разбитых в щепу рам была усыпаны осколками стекла, их острые края торчали отовсюду. Двери, сорванные с петель, лежали поверх безобразной кучи, преградившей ему путь. Самое время повернуть обратно, решил Сергей.

Он подошел к окну и снова увидел колонну с крылатым человеком наверху. Внизу, у подножия, спала немая девочка. Но все же интересно, что там, за выбитой дверью? Эти разрушения были весьма неуместны в городе, исполненном порядка и чистоты, но совершенно безлюдном. Может, именно поэтому здесь он найдет живых людей, укрывшихся за кучей хлама от странной тьмы, которая выгнала их из домов? К тому же старательская закваска все еще бродила в нем, он помнил, что самые ценные находки порой выкапывались из сущего дермана.

Протиснуться мимо нагромождения было невозможно, плотно сбитая куча вздымалась чуть ли не до потолка. Поверху, конечно, ее можно переползти или хотя бы увидеть, есть ли там кто живой. И выбитая дверь удачно

легла: ежели в литую тяжелую ручку ногой упереться, то голова будет почти на середине завала.

Сергей подтянулся, лег на резное деревянное полотнище, чуть не сполз вниз, но вовремя ухватился за край двери и рывком кинул свое тело вверх. Сноровка не изменила ему. Ноги сами находили опору, и хотя что-то угрожающее проседало, скрипело и осыпалось, он без всякого ущерба для себя взмыл на самую вершину завала. До потолка и впрямь оказалось близко, пришлось встать на четвереньки. Теперь дело было за малым — проползти несколько метров сквозь заросли из кусков золоченых рам, торчащих во все стороны изогнутых ножек от разбитых стульев и длинных металлических прутьев, невесть как оказавшихся здесь.

Где раздвигая в стороны доски, а где проползая под ними, он почти выбрался к дальнему краю завала, когда вдруг кто-то сзади ухватил его за шиворот. Сергей дернулся, захрипел. Невидимая рука сдавила горло, и чем больше он пытался вырваться, тем сильнее что-то врезалось в кадык. А потом цепочка медальона оборвалась, и голова парня качнулась вперед.

Распластавшись на обрывке холста с изображением толстой голой ноги, Сергей жадно втягивал в себя в воздух и, только отышавшись, глянул назад. Цепочка, которая чуть не задушила его, каким-то образом зацепилась за бронзовые пальцы, торчащие из хлама, и висела на указательном. А нефритовый кругляш медленно сползал по цепочке, и не успел Сергей извернуться, протянув к нему руку, как медальон упал, закатился в щель и скапул в глубине завала.

Плохая примета для старателя! Стиснув зубы, Сергей все же пополз вперед, а когда добрался до края, то увидел людей.

Много людей.

Но мертвых.

Они лежали на полу огромного пустого зала. Все, что хранилось здесь, и навалили перед дверью те, кто пришел сюда умирать, словно расчищали для себя место. Десятки, а то и сотни мертвцов лежали в странных позах: одни будто умерли во время схватки друг с другом, другие сто-

яли на коленях или сидели на корточках, неестественно вывернув руки, а у некоторых вообще руки и ноги валялись отдельно, а лужи крови, в которых они лежали, блестели свежей краской. На лицах и телах не было заметно ни малейшего следа тления, а воздух не был отравлен трупным духом разложения. Однако Сергей был уверен, что в тишине зала, полного мертвецов, нет ни одного живого человека. Причина этой уверенности была ему неясна. На миг ему показалось, что это тоже обманки, большие куклы, собранные по всему огромному зданию в одно место. А когда он перебрался вниз и ступил на гладкий, выложенный красивыми плитками пол, ему захотелось немедленно убраться отсюда, потому что вдруг захотелось спать, вот так просто лечь на пол рядом с этими нестрашными покойниками и поспать немного. Но вспомнив об утраченном медальоне, он рассердился. Не для того он забрался сюда, чтобы уступить сонным чарам.

Мысль о том, что люди в зале попросту сняты, пришла и тут же ушла. Вблизи оказалось, что многие тела обезображенены резаными и колотыми ранами, а длинные ножи и жуткие тесаки валялись рядом.

Впоследствии Сергей так и не смог объяснить самому себе, почему он не испытывал страха и какая сила влекла его в это средоточие мертвецов. Он просто шел, разглядывая лежащих, и чем дальше продвигался к центру зала, тем причудливее они выглядели. Кое-кого смерть застигла в тот миг, когда они пытались разодрать пальцами свои рты, попадались и люди, зажавшие ладонями уши, а вместо глаз у них темнели обугленные по краям дыры. Среди них нелепо возвышались трупы, стоящие на ногах и похожие на безмолвных стражников. Только вместо оружия в руках они держали собственные головы.

Безголовые мертвецы тоже не испугали парня — начини они сейчас перекидываться своими головами, как мячами, он только рассмеялся бы. Ощущение, будто все это понарошку, крепло в нем, хотя, в чем был обман, сразу и не поймешь. Его тянуло вперед, туда, где тела располагались так густо, что пройти можно было только ступая по упавшим, под которыми не было видно пола.

И наконец он вышел к месту, где больше не было мертвцевов. В центре большого круга посредине зала все же находились еще двое. Но Сергей не знал, мертввы они или нет, а пройти к ним мешала невидимая упругая стена, которая мягко отталкивала его назад, стоило сделать шаг-другой к двум фигурам, которые, если приглядеться, не просто лежали рядышком на полу, а парили невысоко над ним.

Сергей заметил, что невидимая преграда отсвечивает еле заметной радужной пленкой, словно эти двое выдули большой и крепкий мыльный пузырь, оградив себя ото всех, кто рвался к ним. И еще он увидел, что под защитой радужного пузыря в воздухе парят не взрослые люди, а мальчик и девочка. Их голые тела медленно вращались, подобно стрелкам живых компасов, указывая на перемещение неведомого магнита. Вот стали видны бритые головы, раскинутые руки ладонями были обращены к небу, хотя лица повернуты вниз, к земле.

«Больше ничего не будет!» — подумал Сергей и подивился этой мысли, но ненадолго. Откуда-то пришло знание: все, что ему полагалось увидеть, он увидел. Теперь можно убираться отсюда, а можно лечь и помереть, добавив еще одно тело в обрамление радужного пузыря, разницы никакой. И эти мысли были чужими, холодными, но они тоже не пугали.

Он бросил последний взгляд на радужное убежище и пошел к завалу, стараясь не наступать на лица. Не пройдя и трех шагов, он заметил, что у одного из присевших на корточки покойников с вытянутой руки свисает зеленый кругляш.

Вот тут все же екнуло сердце, испарина выступила на лбу. Сергей решил, что покойник разыскал исчезнувший в груде хлама медальон и теперь дразнит его. Но сразу же понял, что ошибся — пузырек болтался на кожаном шнурке, а не на цепочке, да и кругляш, похожий на нефритовую пластинку, оказался всего лишь маленьkim пузырьком из зеленого стекла. Мертвец держал шнурок крепко, но Сергей попросту сорвал его вместе с тремя пальцами, которые легко отделились. Сергей решил бы-

ло, что они сделаны из воска, но капли крови, брызнувшие на него, убедили, что это не воск.

Все равно это мертвец, убеждал себя парень, мало ли что крови! Мертвцы всякие бывают, а в тайном городе и подавно. Один зеленый талисман потерял, другой нашел — чем не хорошая примета! И старый тоже от покойника достался. Он повертел в руке пузырек, обрамленный в серебряную плетенку с колечком, сквозь которое и был продет шнурок, а затем, вздохнув, повесил на шею.

Быстро перебравшись через завал, он чуть ли не бегом поспешил к выходу. Пару раз сворачивал не туда, но, вернувшись назад, снова попадал на знакомые лестницы. А когда наконец попал в комнату с узким столом, преграждающим вход, то обрадовался вдвойне, потому что увидел на подоконнике круглый хлебец, высохший до каменной твердости. Прихватив его, он выскоцил на площадь.

Немая девочка все еще спала.

Воды они напились прямо из реки, там же и размочили хлеб, утолив немного голода. Они долго шли вдоль берега, разыскивая свой плот, но все же нашли тот самый причал.

Сергей присматривался к доскам настила, раздумывая, как бы половчее оторвать хотя бы одну и приспособить вместо весла. Доски были прибиты крепко, без топора или лома не справляться. Долго разглядывал судно, радующее глаз свежей краской. А потом взобрался по узким сходням на его борт и снял со стены рубки багор, который вполне мог заменить лом. Собрался обратно, но мысль о том, что лучше плыть на этом корабле, чем на плоту, остановила его. Махнул рукой девочке, подзывающей к себе, а когда она поднялась наверх, Сергей прошелся вдоль борта и сбросил канатные петли с двух толстых крюков на носу и на корме.

Забравшись в рубку, они смотрели, как медленно, очень медленно отдалялся берег. Судно начало вести из стороны в сторону, пока Сергей не догадался наконец взяться за колесо с ручками. Дело пошло веселее, и вскоре корабль выплыл на середину реки. Девочка облизала

весь корабль и вернулась в рубку вся перемазанная машинным маслом.

Засмеялся Сергей, глядя на ее лицо в темных потеках, но вдруг оборвал смех. На таком корабле движок, наверно, не только для откачки воды применялся, а и для хода тоже! Что, если попробовать...

Вскоре он тоже был весь в масле. Двигатель внизу на вид целехонький, не разобран, а вот заработает ли, поди узрай! Он долго искал заводной шнур, так и не нашел, плюнул и вернулся в рубку с мотком медной проволоки, подобранный внизу.

Вовремя! Девочка увлеченно вертела колесо в разные стороны, не обращая внимания на то, что их несет прямо на быки моста. Он оттолкнул ее и сам принялся бестолково крутить рулевое колесо. Может, успел слегка отвернуть, а может, просто повезло, но они даже не задели каменную кладку опоры, которая проплыла так близко от борта, что рукой дотронулся бы, если б захотел. Когда они вышли из-под моста, он оглянулся и заметил, что за ними на привязи тащится плот из канистр.

Внимание девочки привлек железный щиток с небольшим навесным замком. Она подергала замок, потеряла к нему интерес и отошла к круглому окну. Сергей тоже подергал замок, потом сходил за багром и сковырнул его. Разочарованно вздохнул — за щитком ничего интересного не было спрятано, и тем более еды. Там вообще ничего нельзя было спрятать: какие-то кнопки, штырьки, маленькие стекла с цифирками... И еще большая кнопка вызывающе торчит посередке.

Сергей нажал на кнопку, отпустил. Снова нажал...

Под ногами заурчал двигатель, парень от неожиданности схватился за какую-то рукоять, рукоять слегка про вернулась вдоль металлического полудужья, корабль еле заметно дернулся, а потом пошел все быстрей и быстрей.

— Ур-ра! — закричал Сергей.

Девочка перебралась от окна к нему поближе, дотронулась до рулевого колеса, но тут же получила по шее.

— Смотри у меня! — важно сказал Сергей. — Руки никуда не совать, здесь я капитан.

Она закивала головой, словно поняла его слова, и прильнула к переднему стеклу.

Бессло, славно плыть на таком корабле, никто не угодится за ними, думал Сергей, даже морской народ не донесет на своей большой и неповоротливой барже. Он лихо вращал колесо, заставляя корабль поворачиваться в разные стороны, потом это ему немного надоело, и он повел судно по середине реки. А когда снова увидел большую темную стену без окон и дверей со знакомой надписью «Тихий ход», то понял, что незаметно повернул обратно и теперь они плывут туда, откуда приплыли.

Ну и пусть!

Вскоре тайный город остался позади, дома и шпили стали еле видны, но солнце по-прежнему оставалось на месте, словно прибитое к небу. А впереди бескрайняя морская гладь, лишь у самого горизонта еле заметно какое-то радужное мерцание, словно там недавно прошли дожди. Сергей перевел взгляд на небо — вряд ли здесь когда-либо шли дожди — ни облачка, ни тучки.

Сергей устал стоять у рулевого колеса. Он вставил багор между спицами, но тот не держался и все норовил съездить ему острым концом по темечку. Подбрав с пола кусок многожильного провода, он примотал багор к колесу, так что тот уперся одним концом в выступ на полу, а другим — в потолок. Потом Сергей притащил из маленького закутка матрас и уложил его в рубке. Уселся на него — мягко, но ничего не видно. Сходил на палубу и приволок брезентовое полотнище, прикрывавшее какие-то баллоны. Сложив несколько раз, подложил его под матрас. Лучше не стало, но если слегка приподняться, то можно глянуть вперед.

Теплый ветер продувал рубку сквозь открытую дверь, ровно урчал двигатель в глубине судна, ничто не мешало их плаванию. Слабая качка убаюкивала, и Сергей не заметил, как заснул.

Немая девочка подопала к рулевому колесу, осторожно потрогала багор, а потом вышла на палубу. Поднялась на возвышение и уселась на спасательный круг с надписью, которую не могла прочитать. Она смотрела на бли-

ки солнца в воде, на то, как волны разбегаются от носа споро идущего корабля. Мерцающие переливы, которые Сергей принял за радугу, становились все ближе и ближе. В какой-то миг улыбка озарила ее чумазое лицо. Впереди вставала знакомая стена радужного купола, игра света на ней становилась все ярче, видно было, как она заворачивается над ними и тает далеко за спиной, и вскоре корабль, пройдя сквозь искрящуюся пелену, вышел из купола.

Корабль сильно качнуло вбок, Сергей скатился с маграса, но тут же вскочил, испуганно вцепившись в рулевое колесо. Ветер гнал в мутном вечернем небе тяжелые облака, волны били в борт судна, а когда он сунулся на палубу, то попал под мелкий противный дождь. Солнце исчезло, лишь слабое бледное пятно виднелось справа, там, где темное небо сливалось с темной водой. Прибежала немая девочка и забралась в рубку.

— Опять нас куда-то занесло! — пробормотал Сергей, распутывая проволоку на рулевом колесе.

Девочка дернула его за рукав и протянула руку к заднему окну.

Сергей посмотрел туда и увидел огромный светящийся пузырь, поднявшийся из моря. Впервые за все это время ему стало по-настоящему страшно. До сих пор он был уверен, что с ним ничего плохого быть не может, потому что ему покровительствует некий могучий заступник, но это многоцветное сияние почему-то пугало больше, чем лушилы, морской народ, тайный город, непонятные мертвецы... Медленно тающий за кормой радужный купол словно означал: теперь с ним может случиться любая неприятность, что угодно, невидимый заступник оставил его, исчез или попросту обиделся.

Неприятности не заставили себя ждать.

Светлая точка радужного купола исчезла вдали, и, словно дождавшись этого, ровное урчание двигателя сменилось прерывистым кашлем. Наступила тишина. Корабль сразу стало мотать из стороны в сторону, качка

усилилась. Сергей несколько раз нажал на кнопку, подергал за рычажки, но толку не было. Схватился за рулевое колесо, но тут же отпустил его — дерево рассыпалось в трясе.

— Что же это такое? — растерянно обернулся он к немой девочке.

Между тем девочка внимательно смотрела на матрас, который истлевал прямо на глазах, превращаясь в пыль. Потом она перевела взгляд на стены, краска на которых отставала от металла и сворачивалась в трубки, чтобы потом тоже развеяться пылью.

Схватив Сергея за руку, она потащила его на палубу, и он беспрекословно последовал за ней.

Они прижались к борту и смотрели, как судно обращается в прах. Вот осыпалась вся краска, возникли пятна ржавчины и расползлись во все стороны, с сухим треском упала невысокая мачта над рубкой, в палубе возникли дыры, которые неумолимо росли, соединяясь в зияющие провалы. Издав протяжный болезненный стон, сгинула рубка корабля, провалившись в его чрево, а потом рассыпалось все остальное.

Сергей рухнул в воду с небольшой высоты, а когда вынырнул, то стукнулся головой о канистры. Влез на плот и схватил барахтавшуюся рядом девочку за волосы. Потом, когда, прижавшись друг к другу и дрожа от ночной прохлады, они лежали на плоту, Сергей вдруг решил, что им все же повезло и защитник, может, и не покинул его.

Утром он уже не был в этом уверен.

Большой корабль, выплыvший к ним из тумана, означал, что морской народ снова заполучил его. Этот корабль был выше баржи, с которой они сбежали, парусов большие, да и палубная надстройка торчала посередке, а не ближе к корме. Но уставившихся на плот бородачей не отличить от людей Капитана!

Когда их подняли наверх, туман растаял и Сергей разглядел неподалеку большой остров. Жаль, что их не отнесло прямо к нему, вот где можно было спрятаться. Но чего уж теперь жалеть!

Вскоре Сергей и девочка сидели в трюме и жадно ели горячую похлебку прямо из котла под присмотром большой толстой женщины. А потом их отвели наверх.

Хозяин этого судна располагался в большой комнате, стены которой были обиты коврами. Он сидел на высоком резном стуле, держа на коленях странный предмет, а рядом стояли его люди и строго глядели на Сергея и девочку. Один из людей сердито заговорил, тыча пальцем в Сергея. Тот испуганно замотал головой.

— Не понимаю, — виновато пробормотал он.

— Ничего, — вдруг сказал хозяин. — Я говорю по-русски. Я знаю много языков. Его не бойся. Меня бойся. Ты кто, посланик или просто решил немного в море поплавать?

Он говорил чисто, с легким пришептыванием. Сергей посмотрел в его серые глаза, потом опустил голову.

— Ну, мы плавали, а нас в море унесло, — ответил он.

— Кто унес? — поднял брови хозяин.

— Ветер! — брякнул Сергей.

— Плохой мальчик, — огорчился хозяин. — Нескладно врешь. Подойди ко мне.

Сергей замешкался, но тут к нему подскочили двое, схватили за плечи так, что ноги оторвались от пола, и поставили перед хозяином, наградив двумя крепкими подзатыльниками.

— Как тебя звать? — спросил хозяин. — Откуда родом, есть ли родители?

Сергей назвал свое имя, сказал, что родителей не помнит, живет у дяди в Кунцево...

— Где, где? — переспросил хозяин, но не успел Сергей ответить, как вошла толстая женщина, что кормила их, и что-то шепнула хозяину на ухо.

— Твоя подружка не умеет говорить? — Хозяин задумчиво оглаживал бороду, в которую были вплетены золотые кольца.

— Она совсем немая, ничего не понимает.

Женщина опять что-то сказала.

— Человеческий язык она как раз понимает, — сказал задумчиво хозяин. — Как же это вы встретились и где? Отвечать быстро и правду.

Голос его звучал мягко, но Сергей понял, что сейчас ему придется туда.

— Мы... мы... убежали, господин Капитан, — выдавил он из себя.

— Так я и знал! — поднял палец хозяин и рассмеялся. — А теперь знаю, от кого сбежал. Я не Капитан, меня следует звать Адмирал, потому что я господин над Капитанами. Это потому, что я всегда вижу, где правда, а где ложь. Смотри сюда!

Он поднялся с места и показал Сергею предмет, который держал на коленях. Две соединенные вместе короткие толстые трубки со вставленными в них стеклами.

— Глядя в них, я вижу далекое и близкое, читаю в сердцах людей и узнаю помыслы демонов. Только такой человек, как я, может обладать такой могущественной магией. Опасайся ее!

Вовремя смолчал Сергей, не рассмеялся ему в лицо и не сказал, что своим биноклем Адмирал может деток малых пугать. Только взор свой потупил и на шаг отступил, словно в страхе.

— Не важно, от кого ты сбежал, — заявил Адмирал, закончив похваляться биноклем. — Я тебя получил от воды, значит, ты мой с потрохами. Девчонку к котлам, а ты будешь палубу мыть. Будет грязно — прибью.

Он приставил к своим глазам бинокль, опустил его.

— Может, ты каким полезным ремеслом владеешь?

Сергей видел загаженную людьми и скотом палубу этого корабля, он знал, что мыть ее — занятие бесполезное, а получать колотушки не хотелось.

— Я могу за движком присмотреть, — торопливо сказал он. — Масло заливать, муфты подкручивать.

— А! — торжествующе хлопнул по биноклю Адмирал. — От меня ничто не укроется. Ты вовремя явился к нам. Ступай вниз, и чтобы к вечеру все было в порядке. И пусть тебе повезет. Один уже пытался наладить двигатель. Но ему не повезло.

Сергей хотел было спросить, что случилось с его предшественником, но холодная улыбка Адмирала отбила у него охоту задавать вопросы. А когда, спустившись

в машинное отделение, он увидел разобранный двигатель, то осталось лишь одно желание — тихо и незаметно исчезнуть с корабля.

То, что он назвал движком, было большим корабельным двигателем, о которых он знал понаслышке. Механик ему рассказывал, как раньше одни корабли ходили по морям, а другие летали по воздуху. Сергею такие истории были не в диковинку, сотник Харитон частенько вспоминал старые времена, да и у старателей он много всяких железок навидался. Вот и здесь хватало железа, только раскидано оно было по всему помещению, а массивное тело двигателя зловеще вздымалось перед ним в полумраке. Кожух был снят, сквозь маслянисто отбескивающие стержни и шестерни с трудом можно разглядеть ребристые стальные цилиндры и медные трубы, оплетающие их со всех сторон. Надо было разобраться во всем этом, найти неисправность, устраниТЬ ее, а потом соединить так, чтобы машина заработала. Да он не знает даже, с какого боку к ней подступиться!

Усевшись на стальной ящик, Сергей горестно оглядел разоренное хозяйство, поднял с пола большую гайку, взял болт, валяющийся рядом. Накрутил на него гайку, свинтил обратно. Выронил и проводил взглядом гайку, укатившуюся в щель.

Сколько времени он так просидел, сказать было трудно. Пару раз к нему спускался один из людей Адмирала, коренастый такой, с заплетенной на две косички бородой. Заслышав его шаги, Сергей поднимался с ящика, хватал ближайшую деталь и, встав рядом с полуразобраным двигателем, ворочал железку так и этак, словно прикидывал, как бы половине вставить ее на место. Коренастый одобрительно хлопал его по плечу и уходил. Порой сверху доносились шум и топот, а однажды раздались громкие крики, но не злобные, а вроде бы даже радостные.

Отсидев ногу, он встал и, разминаясь, прошелся по машинному отделению. Обнаружил в дальнем конце небольшую дверку, открыл, за ней скрывался длинный узкий проход. Взял фонарь со свечой и пошел по нему.

Нет, спрятаться было негде, двери по обе стороны прохода не открывались, а небольшой изогнутый коридорчик завершался тупиком и короткой лесенкой. Сергей поднялся к люку в потолке, толкнул его рукой. Люк откинулся неожиданно легко. Сунул туда фонарь — ничего не видно. Поставил фонарь на край люка и полез наверх.

В большом помещении вдоль стен лежали длинные ящики. В таких морской народ держит стволы, вспомнил Сергей. А потом он поднял фонарь повыше и обнаружил, что большой ящик в центре трюма — не ящик во все, а угловатая колесница, склеенная из железных листов с прорезанными в них узкими бойницами.

Если увидят его здесь, сразу прибывают, подумал Сергей и, чуть не уронив в спешке фонарь, метнулся обратно в люк. В машинном отделении снова уселся на ящик.

Долго так не могло продолжаться. Сергей все чаще поглядывал на лестницу и на дверь у потолка. Пока корабль не отплыл в море, можно выйти на берег, размять ноги и, если повезет, сбежать, затаяться... А немой девочке и здесь будет неплохо, решил он, ей лучше кормиться у морского народа, чем маяться вместе с ним. Но не успел Сергей взяться за поручень, как лязгнула дверь и в машинном отделении появились двое.

Первым спустился коренастый, а лицо второго не было видно во мраке, который не мог рассеять подвешенный на крюке фонарь с закопченным стеклом.

— Помогатт, — сказал коренастый. — Бистро-бистро!

Слабый свет фонаря высветил лицо второго, и Сергей радостно засмеялся, приветственно взмахнув рукой. Вот и опять все чудесно устроилось, теперь-то никакой двигатель ему не страшен. Коренастый озадаченно нахмурился, что-то спросил у второго, но, не получив ответа, поднялся наверх.

Хлопнула дверь.

— Ну, и чему ты радуешься, глупый мальчишка? — сердито буркнул Механик. — Нет чтобы подождать немного! Погубил ты нас...

Сергей ошарашенно уставился на него. Слова о том, как он рад Механику, застряли на языке.

— Э, ладно, теперь надо выкручиваться!.. — Механик вздохнул, а потом, глянув на лестницу, добавил: — Значит, так, вы убегали, а я вас ловил. Но не успел. Понятно?

— Понятно, — кивнул Сергей.

— Что тебе понятно?

— Ну, мы убежали, а вы остались...

— Не так, — терпеливо сказал Механик. — Я не просто остался, я заметил, как вы опускаете на воду плот, и хотел вас схватить, но не успел, мне помешал тот чертов старик, иначе бы я вас поймал. Когда тебя будут спрашивать, говори только так. Теперь понятно?

— Ага... — понимающе протянул Сергей. — Так и скажу. Вы чуть не схватили меня, а сердитый дед вылез не вовремя.

— Вот именно. — Механик перевел дыхание. — Если меня снова не запрут в карцер, то я что-нибудь придумаю, и на этот раз убежим вместе. Ну, давай посмотрим, что с этим бараклом делать, а там, может, и пронесет. Ты только на палубу не вылезай. Корабли рядом стоят, тебя могут заметить.

— Как бы сердитый дед сюда не влез, он меня сразу признает.

— Не признает. Нет твоего деда, утонул. Вышел ночью отлизть и пропал. Да, вот еще что! С сыном Капитана нехорошо, конечно, вышло, но раз уж девочки пет с тобой...

— Здесь она, — перебил его Сергей.

— Вот даже как! — протянул Механик и задумался.

Он хотел что-то сказать, но не успел. Опять грохнула дверь, на решетчатой площадке объявился коренастый и поманил их к себе.

— Быстро успел обернуться, — удивился Механик. — Ну, попали, делать нечего. А насчет девочки...

Что еще сказал Механик, Сергей не рассышал, потому что подкованные сапоги коренастого загрохотали по металлическим ступенькам. Схватив парня за щиворот, он поволок его по лестнице, вывел наружу, втолкнул Механика обратно и закрыл дверь поворотом рычага. Ударил в глаза дневной свет, Сергей зажмурил глаза, а когда

открыл, то они уже переходили по сходням с корабля на берег.

А на берегу вперемешку пировал морской народ с двух кораблей. Длинные доски, положенные на козлы, заменяли им столы.

Люди Капитана по этому случаю вырядились в чистую одежду, адмиральские же казались по сравнению с ними просто оборванцами. Но их было больше. Главари сидели за отдельным столом у дерева с жухлой листвой. Коренастый привел к ним Сергея, поставил его перед столом, а сам перебрался за спину Адмирала, настороженно глядя по сторонам.

Капитан уставился тяжелым взором на Сергея, что-то прощедил Адмиралу, а потом стукнул кулаком по блюду, лежащему перед ним. Полетело во все стороны...

Адмирал спокойно вытер брызги с лица, осмотрел бинокль и, убедившись, что тот не испачкан, негромко сказал Сергею:

— Ты очень расстроил моего друга. Говори правду, это ты убил его сына?

«Нет, не я!» — чуть не закричал Сергей.

Но промолчал. Немая девочка не была с ним в родстве, ну, помогла немного, когда его избили, так он, можно сказать, из-за нее и пострадал, а потом он же не раз выручал девочку... А сейчас нет никого, чтобы его самого выручить, спасти! Механик заперт в трюме, девочка не-бось у котлов орудует, хлебной коркой...

Все эти мысли вихрем пронеслись в голове, от добродушного ожидания спасительного чуда ничего не осталось, злобное нетерпение развязки вспыхнуло в нем. И неожиданные слова: «Ну, я прикончил его ублюдка! — прозвучали на редкость неприятно, каким-то чужим визгливым голосом. — Что мне теперь, плакать из-за этого!»

Адмирал с удивлением смерил его взглядом с ног до головы. Хмыкнул чуть ли не одобрительно, а затем, склонив голову к Капитану, что-то сказал ему.

Рык Капитана поднял на ноги всех пирующих. Опрокинув стол, он ринулся на Сергея, повалил его и вцепился в горло. Сергей захрипел и потерял сознание.

А когда он пришел в чувство, то не мог пошевелиться. Горло саднило, дышать было трудно, а глазах плавали пятна. Спина упиралась во что-то твердое, руки были плотно прижаты к телу.

В глазах прояснилось, и тут он обнаружил, что стоит, привязанный к дереву, рядом с ним нет никого, а пирующие собрались в круг на поляне, издавая воинственные крики. Там что-то происходило, но ему было не до забав морского народа. Он поднял глаза к небу, высматривая, не ударит ли случайно молния в эту толпу и поубивает всех, скосил взгляд на опушку рощи — вдруг сейчас выскочат оттуда лупилы, и в начавшейся заварухе ему удастся развязать веревку...

Крики стихли. Из круга вышел Адмирал и, покачиваясь, двинулся в сторону Сергея. Вид у Адмирала был жутковатый — под глазом наливался большой фонарь, щека исцарапана, а полосатая рубашка разодрана в лохмотья. А за ним, поддерживая с двух сторон, вели Капитана, еле передвигающего ноги. Лицо Капитана превратилось в сплошной кровоподтек, а от белого костюма с золотыми пуговицами остался лишь рукав, нелепо свисающий с плеча.

Подойдя к дереву, Адмирал принял из рук коренастого бинокль и повесил его на шею.

— Из-за тебя мне пришлось драться, — укоризненно сказал он Сергею. — Я никому не позволю трогать моих людей без моего позволения, а ты — мой человек, раз уж вода привела тебя к нам. Ты смел и будешь неплохим воином, если останешься в живых, что вряд ли.

Он посмотрел на Капитана, тяжело осевшего на траву.

— Мы славно подрались, — продолжал Адмирал, — и я победил. Иначе быть не могло. Капитан понял, что был не прав. Он должен был спросить у меня разрешения и только после этого тебя прикончить. Но я справедлив и потому в знак нашей дружбы возвращаю тебя на его славное судно, а с дарами воды теперь пусть он разбирается сам.

Адмирал поднял руку, призывая всех к вниманию, и торжественно произнес длинную фразу. Сергей ничего не понял, но по тому, как на окровавленном лице Капи-

тана сквозь седые космы блеснули его глаза, стало ясно, что его убьют прямо сейчас, и это, возможно, не самое худшее, что его ожидает.

— Приемышши, приемышши... — шипят волны, а он лежит кулем, связанный, у переборки, упираясь лбом в шершавый металл.

Шум за спиной, пятна света, голоса, скрип дерева. Кто-то хватает за веревку и рывком поворачивает Сергей к себе. Это Капитан. Лицо его все еще в синих и черных пятнах — следы адмиральских кулаков держатся долго. Улыбка змеится на разбитых губах, сквозь трещину на губе течет кровь. Капитан отпускает парня, плюет на него, растирает плевок ногой и отходит к своим людям, возвращаясь к ящиков.

Сергей был почти благодарен Капитану за то, что он развернул его лицом к трюму, хотя лежать стало неудобнее, а талисман больно давил на ключицу. Ржавые чешуеки железного борта, маячившие перед глазами в слабом свете, идущем от щелей сверху, уже сводили его с ума, оживая, превращаясь в сверкающую чешую огромной змеи. Теперь хоть можно видеть, что происходит в трюме.

Он смотрел, как из ящиков достают ворох одинаковой одежды, кое-кто тут же напяливает на себя черные комбинезоны. Потом все поднялись наверх, забрав с собой фонарь. Стало темно.

Тихий, еле слышный скрип в глубине трюма заставил его насторожиться. Кто-то пробирался к нему, огибая ящики и туки. Мягкие шаги приближались, над головой прозвучал шепот:

— Эй, где ты там? Отзовись, если живой!

Язык еле ворочался во рту. Сергей прохрипел было: «Я здесь», но у него получилось лишь хриплое сипение.

— Вот ты где! — Голос Механика стал чуть громче, и Сергей узнал его. — Потерпи, скоро я попытаюсь вытащить тебя отсюда. Слышишь?

— Скоро... — еле выдавил Сергей.

— Да, да, только потерпи! Сейчас мы где-то под Воронежем, оба судна идут в набег вместе, а потом тебя

притесут в жертву, в знак союза. Как только все высаживаются на берег, я сразу сюда! Ты молодец, о тебе уже рассказывают истории. Но все-таки какой черт тебя дернул взять на себя рыжего! Девочке ничего бы не сделали, морской народ боится убогих, а сын капитана к ней приставал, это все знают.

Сергей хотел что-то сказать, но лишь всхлипнул. Он был уверен, что ничего у Механика не выйдет, его непременно поймают здесь или погонят вместе со всеми сражаться на берегу.

Пальцы Механика чуть не попали ему в глаза, а потом погладили его по голове.

— Держись, парень, завтра мы с тобой будем далеко от этих головорезов, — бормотал Механик. — На этот раз я уйду от них, а то сам превращусь в головореза. Уйдем вместе, и ты мне расскажешь, где вы плавали целый месяц, а я тебе расскажу, как утопил проклятого старика...

От Механика немного тянуло перегаром, речь его становилась неразборчивой. А когда наверху раздались протяжные команды и завизжали блоки парусной снасти, он вскочил и, чертыхаясь, исчез в глубине трюма.

Надежда выскочить невредимым из этой передряги тлела перед Сергеем слабой искрой, но вскоре погасла. Он вспоминал день за днем свои приключения, от самовольного ухода со старателями до плавания к Северному пределу, с ним всегда была удача, а за долгое везение рано или поздно надо держать ответ. Смутная догадка о том, что с ответом можно не торопиться, придет к нему гораздо позже.

Он лежал в тяжелом оцепенении, пока сильный толчок чуть не швырнул его на переборку. Днище корабля скрежетнуло по песку, по настилу загрохотали сапоги, треск стволов сперва слышался вблизи, а затем отдалился в сторону берега.

Издалека донесся слабый звук рожка, крики нападающих слились в вой. Что-то рядом с судном завыло, загремело, опять закричали весело пираты, но тут на берегу сильно бухнуло, крики смолкли, и осталось только ждать, кто до него раньше доберется — Механик или Капитан.

Вот он и ждал терпеливо, что с ним будет дальше, а потом послышались голоса, ругань, такая понятная, родная, слетели крышки с люков, баржа наполнилась дружинниками, и не успел Сергей опомниться, как очутился на берегу. Ноги не держали его, он уселся на песок, рядом толпились освобожденные пленники, не знающие, что делать и куда идти. Неподалеку еще шли схватки с немногими уцелевшими людьми Адмирала и Капитана, но Сергею уже казалось, что все его злоключения у морского народа — дурной сон, благополучно идущий к счастливому пробуждению.

Поэтому он не удивился, когда рядом с ним появился Механик вместе с немой девочкой и сказал, что ему лучше не встречаться с воинством московского Правителя, потому что маги охотятся на ученых — то ли для того, чтобы в магов превратить, то ли просто убивают.

И ушел в сторону зарослей, держа немую девочку за руку.

Сергей даже не проводил их взглядом, он был уверен, что вот-вот проснется дома под истошный крик Алевтины.

Поэтому ничуть не удивился, увидев идущего к нему сотника Харитона, глаза которого становились все круглее и круглее...

Но когда дядя, крепко прижав его к себе, заплакал и засмеялся одновременно, взъерошил и без того растрепанные волосы, холодная дрожь вдруг прошла по телу Сергея. Он вздрогнул, глянул по сторонам — нет, не сон!

— Ничего не бойся, теперь все будет хорошо! — сказал сотник.

Сергей вздохнул и молча прижался щекой к его теплой сильной руке. Мир уже показал ему свою подлую изнанку. Больше нельзя надеяться на то, что кто-то постоянно будет о нем заботиться. Чудесно возникший дядя Харитон и дружинники — это последнее предупреждение. Следует быть очень осторожным, быть наготове и ждать в любое мгновение подвоха.

Долго ждать.

Очень долго.

Всегда.

Мария Галина

БАРД

* * *

Кэлпи редко нападали большими группами, а если и нападали, то все больше скрытно. Иногда было даже и непонятно, то ли это кэлпи руку приложили, то ли они и ни при чем вовсе, а просто само так совпало. Когда какая-то дрянь завелась в фильтрах на станции водоподготовки, многие грешили на кэлпи. Тем более что были смертельные случаи. И когда на птицефабрике сдохла вся птица.

Хотя старики — те, кому действительно доводилось воевать с кэлпи, — говорили, что на кэлпи это не похоже. Кэлпи никогда не вредят исподтишка, говорили они, многозначительно кивая головами, точно механические игрушки, кэлпи выходят на бой открыто, так уж у них задано, у кэлпи. Стариков, понятное дело, никто не слушал. Ведь кэлпи давно уже не выходили на бой открыто. Вообще не выходили. А вот пакостили — это да. Бывало.

Против тех, кто скрывается во мраке, есть кордоны и патрули. И часовые на вышках. И ограда под током. Поэтому открытое нападение кэлпи явилось для всех полной неожиданностью. Тем более что кэлпи напали на школьный автобус.

* * *

Фома ничего не успел сообразить, потому что погрузился в свое любимое занятие: он думал. То есть не то чтобы о чем-то конкретном, а так, вообще... То представлял себе, что уедет с Территории, ну не сам, понятное дело, может, отца переведут на другую работу и они пойдут в настоящий город, где дома в несколько этажей (он

видел такие в учебных и новостных программах), а некоторые такие высокие, что почти достают до туч. В городе много всего интересного, он, Фома, знает. Там, например, продается всякая техника, а также самокаты и скутеры, и если он уговорит отца...

Автобус почему-то остановился, а водитель выругался так, как вообще-то при детях не полагается. Потом все как-то вдруг стало очень тихо. Потом Доска завизжала. Он никогда не думал, что Доска может так визжать.

Когда завизжала Доска — все поняли, что можно. Теперь уже все визжали и кричали. Фома, не успевший сообразить, что к чему, растерянно хлопал глазами, а в проходе между сиденьями стоял кто-то высокий, страшный, и Доска билась у него в руках, точно большая белая рыба.

— Е оаах ах,— сказала Доска и всхлипнула.

Высокий, страшный чуть отпустил ее, и она сказала, уже четче, но все равно всхлипывая:

— Все оставайтесь на своих местах!

И добавила:

— Бога ради!

Тут кто-то сзади взвизгнул:

— Кэлпи!

И тут Фома понял, что высокий, страшный и вправду был кэлпи. Просто сначала, против света он показался Форме черным, но на самом деле он был зеленый, и рука его, лежащая на горле у Доски, тоже была зеленая.

«Вот это да, — флегматично подумал Фома, — кэлпи!»

Больше он ничего не подумал, потому что кэлпи сказал:

— Тихо сидеть. Тихо сидеть, и все будет хорошо.

Но тут все опять завизжали и закричали, даже Доска опять тихонько взвизгнула, и кэлпи из-под мышки Доски выстрелил поверх голов. Пули гулко ударились в пластиковую обшивку салона. Осколки пластика полетели в разные стороны, и кто-то закричал уже не от страха, а от боли. Фоме горячий кусок пластика чиркнул по

уху — он провел ладонью по саднящему месту и обнаружил, что ладонь вся в крови. Оказывается, в ухе содержится очень много кроввищи.

Наверное, кэлпи все-таки очень плохо разбирается в людях, если думает, что так можно всех утихомирить, подумал Фома.

Но на самом деле кэлпи разбирался в людях не так уж плохо: постепенно крики смолкли, перешли во всхлипывания и жалобное поскрипывание тех, кого задело осколками.

— Быстро уходить, — сказал кэлпи, и Фома сначала его не понял, но потом сообразил, что кэлпи имеет в виду, что он, кэлпи, скоро уйдет. Он сказал еще что-то, но тут его совсем не стало слышно, потому что на крыше автобуса врубилась автоматическая сирена. Вой стоял такой, что Фома вообще потерял способность соображать, но тут сирена резко смолкла — должно быть, кто-то снаружи снес ее очередью. В наступившей ватной тишине кэлпи торопливо сказал:

— Один из вас, один, — он высвободил зеленую руку и для верности поднял один длинный палец, — один идти с нами.

— Это же дети, — сказала Доска, всхлипывая, — как вы можете? Нелюди!

— Один... — продолжал кэлпи, и по его лицу стало видно, что он потихоньку раздражается, — который... какой есть...

— Я пойду с вами, — сказала Доска поспешно, — я... вот. Вам заложник нужен, да?

— Не ты, — кэлпи затряс головой досадливо, — который...

Он помолчал и беспощадно заключил:

— Кого не жалко.

И Фома понял, что все смотрят на него.

* * *

Оцарапанное ухо горело, и второе тоже начало гореть. Он сидел, не в силах поднять глаза, а когда поднял, то понял, что ему показалось. Никто не смотрел на него.

Все сидели перепуганные, вцепившись друг в друга, а малышня как начала плакать, так и не перестала, и все смотрели не на него, а на страшного кэлпи, который вдруг встряхнул Доску, словно куклу, и отбросил ее на переднее сиденье, так что она упала и юбка у нее некрасиво задралась, обнажив белые ляжки. Фоме стало неловко, но он почему-то продолжал смотреть, и тогда страшный кэлпи подошел к нему, схватил его за плечо и дернул вверх.

Фома вылетел в проход, запнулся о ноги Доски, а кэлпи еще наподдал ему ладонью, и он вывалился наружу и увидел, что водитель лежит рядом с колесом автобуса, раскинув руки, и что над ним стоит еще один кэлпи с оружием наперевес, и услышал, как где-то далеко на умолкшую сирену их автобуса откликнулась другая сирена... Кэлпи начали торопиться, но даже в этой своей торопливости они были деловиты, как очень большие муравьи, их было четверо или больше, и один из них, Фома так и не понял какой, схватил его и закинул в кузов грузовичка, и все кэлпи попрыгали в этот грузовичок, и грузовичок сразу же рванул с места, и автобус остался позади, а Фома трясясь в грузовике и ничего не понимал, но тоска снедала его, и он плакал от этой тоски, которая не имела к кэлпи почти никакого отношения.

* * *

Однажды, когда Фома был маленьким, он забрел в лес.

Нет, не так.

У Фомы была одна дурная привычка, он мог часами идти, не думая, куда идет, и что-то бормоча себе под нос. На самом деле он рассказывал сам себе всякие истории, но это не так важно. Тем более свои выдумки он предпочитал держать при себе.

Так вот, он как-то сбежал с урока в начальной школе и, протиснувшись в дырку в заборе (была там такая дырка, все про нее знали, но не каждый мог пролезть), пошел себе гулять. Урок был по физкультуре, в школьном дво-

ре, и его опять не взяли ни в одну из команд, гонявших там мяч, а оставили стеречь вещи, хотя совершенно не понятно было, зачем их вообще стеречь. А учитель, бегавший по площадке со свистком во рту, и не заметил, как он ушел.

Ну и ладно, бормотал Фома, переваливаясь на коротких ножках. Он сначала представлял себе, как потеряет ся и все будут его искать, но эта история слишком хорошо кончалась (на самом деле она, совершенно очевидно, кончалась хорошей трепкой), тогда он стал думать, что умрет и все будут плакать и говорить друг другу: «Какой хороший мальчик был! А мы его так обижали...» А ему будет уже все равно.

В общем, он шел-шел по тропинке, оставив за спиной школу и поселок, и оказался в лесу. Этот лес рос на насыпи, его высадили, когда папа Фомы был еще совсем маленьким, он совершенно не походил на дикие плавучие заросли Дельты, он был домашний, ручной. Вечерами за него садилось солнце, и верхушки елей тогда чернели, словно вырезанные из бумаги, хотя на самом деле елки были зеленые, и даже не совсем зеленые, а какие-то бурье. Он ткнул разлапистую нижнюю ветку пальцем, и с нее на плотный плюшевый мох посыпалась сухая хвоя. Тут же засуетились внизу крупные рыжие муравьи, начали оттаскивать в сторону упавшие иголки. Фома, присев на корточки, наблюдал за ними, они текли блестящей дорожкой по стволу — один ручей уходил вверх, другой, наоборот, стекал вниз. Там, внизу, муравьи построили свой замок, замечательный замок с башенками и балконами, и на каждом балконе стоял стражник в блестящих доспехах и с крошечной алебардой в руках и смотрел, не идет ли откуда грозный враг. А где-то в самом сердце замка в крохотной круглой комнатке, обитой шелком, смотрела в маленькое волшебное серебряное зеркальце прекрасная принцесса — не едет ли прекрасный принц откуда-то издалека, через горы, через реки, через страшные топи, где черные воды смыкаются над головой всадника.

Сели упала шишка, и он вздрогнул и поднял голову.

На него смотрела принцесса.

Солнце, проходя сквозь листву, бросало на нее рассеянный свет, и казалось, бледная ее кожа отливает изумрудом. И вся она была — колеблющийся свет и тени, будто над ней смыкаются не лесные кроны, а толща воды. Волосы у принцессы были гладкими и блестящими, словно шкурка выдры, и в них вспыхивали зеленые искры. Она стояла рядом с кустом орешника, придерживая рукой ветку, чтобы та не дергала ее за платье. А платье было зеленым, как листья. Очень красивая принцесса, только уже большая, с сожалением подумал Фома; с ней, наверное, нельзя играть.

— Маленький мальчик, — сказала принцесса, и у губ ее появились прелестные ямочки, — один. В лесу.

Фома насупился и басом сказал:

— Это наш лес.

— Лес ничей, — возразила принцесса, — вернее, он принадлежит сам себе. А больше никому.

— Мой папа, если захочет, вырубит тут все деревья, — на всякий случай пригрозил Фома.

— От этого лес не станет принадлежать ему, — возразила принцесса, — ему будут принадлежать лишь мертвые деревья.

Фома ничего не понял, но на всякий случай осторожно сказал:

— Дура? Все девчонки — дуры.

Принцесса не обиделась, а рассмеялась и показала ему язык. Язык был острым и розовым. Как у кошки.

— Ты храбрый мальчик, — сказала она.

Фома надул щеки и сказал:

— Да.

Принцесса выпростала из зеленого рукава узкую светлую руку и сказала:

— Подойди ко мне.

— Еще чего, — сказал Фома, вдруг вспомнив об осторожности.

— Глупый, — сказала принцесса, — я тебе ничего не сделаю. Просто поцелую в лоб.

— Пусть девчонки целуются, — сказал Фома.

Принцесса рассмеялась уже в голос и стала похожа на маленькую девочку.

— Боишься? — спросила она, противно сощурив прозрачные глаза. Глаза у нее были серо-зеленые и отражали лесной свет, как два серебряных зеркальца.

— Еще чего, — повторил Фома.

Он переступил через тяжелый блестящий корень, попутно увидев, что под ним муравьи прорыли себе что-то вроде тоннеля, глубокого и с ровными покатыми стенами, и тоже текли блестящей дорожкой туда-сюда... Дорожка, которая туда, подныривала в темный древесный мрак и исчезала в нем; должно быть, там жили рабочие муравьи, наверняка там были сводчатые темные залы и крохотные фонарики, разгоняющие мрак. Наверное, это даже не фонарики, а жуки-светляки, муравьи разводят их у себя в специальных загонах, а потом освещают свои темные жилища...

В общем, он не успел додумать эту мысль, как уже стоял рядом с принцессой. Та наклонилась к нему и уже не казалась такой высокой. Ее волосы приятно щекотали ему лицо, а серебряные глаза оказались совсем рядом.

Он зажмурился, и, когда ее губы коснулись его лба, ему показалось, что это цветочные лепестки; они были сухие и прохладные.

— Фома! — кричал кто-то, с треском продираясь сквозь заросли. — Фома!

Он открыл глаза.

Принцессы рядом не было.

Зато был учитель физкультуры, в спортивном костюме, свисток болтался у него на шее, а сам учитель был красный и очень злой. Но, когда увидел Фому, целого и невредимого, так обрадовался, что просто схватил Фому за руку, очень сильно сжав ему пальцы, и потащил.

— Что же ты! — выговаривал он на ходу. — Как ты мог! Тебе доверили охранять имущество! А ты!

— Я не хочу охранять имущество, — пропыхтел тащий волоком Фома, — я хочу играть, как все.

— Для этого надо тренироваться, — сказал обидное учителя, — а ты неуклюжий. Ты ногой мимо мяча попадаешь.

Фома шмыгнул носом.

— Ну, поставлю я тебя на ворота, — сказал учитель, — предположим. Ты ж все мячи пропустишь. Опять будешь ворон ловить, как всегда. Тебя пока еще не бьют, по крайней мере. А будут.

— Я вырасту и сам всех побью, — сказал Фома.

— Они тоже вырастут, — резонно заметил учитель, — вот в чем штука.

Фома задумался.

— Можешь оставаться на дополнительные тренировки, — сказал он, — два раза в неделю. Я сам буду тебя работать. У тебя злость есть. И упрямство. Это хорошо. А вот что ты в облаках витаешь все время, это плохо. И для спорта. И для дружбы. Таких, брат, не любят.

— Меня принцесса поцеловала, — сообщил Фома, — только что.

— Вот, пожалуйста, без этого, — сказал учитель. — Этого не надо. Давай договоримся, ты ничего не выдумываешь, а я тебя тренирую. Идет?

— Я не выдумываю, — обиделся Фома.

— Ну... — сказал учитель, почему-то шепотом, — я тоже в твоем возрасте... иногда... и мальчишки били. А теперь вон какие мышцы.

Он закатал рукав и показал, какие именно у него мышцы.

Мышцы были ничего себе, в кино Фома и получше видел.

* * *

— Мне не нравится, каким он растет, — сказал папа. — Он все время что-то выдумывает. Ему будет трудно.

— Все дети что-то выдумывают, — возразила мама. — Я тоже выдумывала, когда маленькая была.

— Значит, он в тебя пошел, — сказал папа почему-то ласково и совсем даже не сердито.

Фома уснул на диване, где смотрел телик. Фильм был про войну, но он все равно уснул, правда, под самый конец. Или не совсем уснул, потому что слышал сквозь сон разговор родителей.

— Этот его бродяжий инстинкт. Ладно, сейчас он ушел недалеко. А если он пробрется за кордоны?

— Как? Мимо патрулей? Впрочем, ладно, я поговорю с ним утром.

— Послушай, — нерешительно сказала мама, — а он не мог. А если и правда он видел кэлпи?

— В лесопарке? — удивился папа. — Откуда? Это нереально. Кэлпи сюда не пробраться. Ни в жизнь.

— Но были же случаи.

— Давно, когда еще была вся эта неразбериха. Сейчас другое дело.

— Но партизаны...

— Ну, — сказал отец, — партизаны, да... ими больше обычавтелей пугают. Нет, это просто очередная его фантазия. Принцесса... Никто не видел женщин кэлпи. Ни-когда. И потом...

— Это же не значит, что у них вообще нет женщин, — возразила мама.

Отец что-то тихо сказал ей на ухо, и мама, засмеявшись, шлепнула его по руке.

— И потом, — продолжал отец, — на каком языке она бы с ним говорила? Они не учат наш язык. Принципиально. Или просто не в состоянии его освоить. Ума не хватает.

* * *

Грузовичок трясясь и подпрыгивал на ухабах, из чего Фома заключил, что они съехали с бетонки и теперь гнали по бездорожью. Фома лежал в кузове, руки-ноги у него были связаны, а сверху на него навалили какие-то мешки, отчего он мог дышать, только повернув голову набок.

Кэлпи у него над ухом возбужденно переговаривались на своем чудном языке, пахло дымом, горячим железом и чужими разгоряченными телами. Ходили слухи,

что от кэлпи пахнет. И правда, запашок был еще тот, острый, резкий, как от возбужденных животных. Или змей. Один раз Фома держал в руках неопасную змею, ужа, и был странно обманут в своих ожиданиях: готовившись схватить что-то скользкое и холодное, а оно на самом деле сухое и даже теплое. И этот жесткий жестяной запах...

На уровне глаз Фомы уходили вверх ноги кэлпи в высоких кожаных сапогах, ноги тряслись вместе с грузовичком, и кэлпи тщетно балансировал, стараясь сохранить равновесие. Потом ноги подогнулись, и кэлпи упал рядом с Фомой. Фома сначала думал, что кэлпи просто не удержался и свалился, недаром говорят, что они плохоправляются с любой техникой, но потом увидел совсем рядом стремительно серющее лицо и дырку во лбу, из которой вытекала темная, отливающая лиловым кровь. Он в ужасе зажмурил глаза.

Грузовичок еще раз подпрыгнул в облаке сизого дыма, Фому подбросило в кузове, несмотря на тяжелющие мешки, подскочил мертвый кэлпи рядом с ним, голова его со стуком ударилась о настил. Свет вокруг стал резким, потом зеленоватым, словно они двигались по дну озера, грузовик вильнул и остановился. Борт с лязгом открылся, с Фомы снянули мешки и кинули их куда-то, и самого его, точно мешок, подняли за руки-ноги и бросили на дно лодки-плоскодонки. Лодка вильнула, но кто-то удержал ее, острый нос с шорохом раздвигал сухие рыжеватые стебли на фоне синего неба, и чуть синее, чем небо, стояли на остриях тоненькие полуирозовые стрекозы. Кто-то черный на фоне синего неба правил лодкой, отталкиваясь черным высоким шестом, сапоги у него были точь-в-точь как на убитом кэлпи...

Трава шуршила, под щекой у Фомы были теплые, процахнившие смолой доски, в лужице воды рядом с посом плывала мелкая серебристая рыбья чешуя, сзади слышались те же гортаанные голоса — перекликались кэлпи на лодках. Неожиданно поднялся туман, и солнце стало как расплывчатое мутное пятно, но все равно грело, и вдруг

почему-то, ни с того ни с сего, на Фому нахлынуло ощущение покорности и тихого покоя, словно стебли, расступаясь перед носом лодки, тихо шуршали: все хорошишо... все хорошишо... оччень хорошишо...

Но все было совсем плохо.

* * *

Днище лодки шоркнуло, зацепившись за что-то, возможно, за ушедший в воду корень, лодка прошла еще немного и стала. Кэлпи выскоцил на подмытый берег, втащил лодку на отмель и, наклонившись над Фомой, ловко разрезал стягивающие ноги веревки. Фома подтянул коленки к подбородку и сел.

Лодка не качалась, она прочно укрепилась в наносах песка. Со всех сторон свешивались ветки ивняка, так что казалось, они с кэлпи находятся внутри изумрудного шатра. Здесь все было зеленоватым, мягким, переливчатым, на зеленоватой воде отбескивали острые солнечные искры, иногда растягиваясь от мелкой волны в перекрученные восьмерки. Неудивительно, что и сами кэлпи зеленые, подумал Фома.

— Ты, вставай, — сказал кэлпи, обращаясь к Фоме.

Фома сделал вид, что не расслышал или не понял, так и остался сидеть на дне лодки. Черно-зеленая бабочка сорвалась с ветки и порхнула вглубь островка, ее крылья казались исчезающими клочками света и тени.

Кэлпи протянул длинную руку и двинул Фому по уху. В ухе зазвенело. Вдобавок кэлпи двинул по ранено-му уху.

Фома набрал в грудь побольше воздуха и постарался принять бесстрашный вид. Ухо болело.

Надо быть мужественным, подумал Фома. Как в кино. Надо не говорить ни слова. И смотреть врагам в глаза.

В своих путанных мечтаниях он порой был таким вот героем прошлой войны, совершал с автоматом в руках вылазки в страшные леса, где подгнившие деревья стоят по пояс в воде, и дышат ядовитые испарения с болот, и страшные зеленые кэлпи устраивали в ветвях засады,

и хватали его, и пытали, заставляя выдать расположение лагеря, а он, не сказав ни слова, умирал с гордой усмешкой на окровавленных устах.

— Еще в ухо захотел? — мрачно спросил кэлпи.
— Бей меня сколько угодно, нелюдь, — сказал Фома, — я все равно ничего не скажу.

Кэлпи был несколько ошарашен.

— Не скажешь что? — спросил он.
— Ну... — Фома задумался: а что он и в самом деле может сказать? — Про часовых. Про тайные тропы.

Боже мой, а вдруг я и правда знаю что-то важное, зачем я сказал про часовых, они сейчас начнут меня пытать и запытают до смерти. Смогу я удержаться и не рассказать им про вышки с часовыми или про генераторы, подающие ток к ограде, окружающей Поселение? Или выдам все, какой позор, меня же все проклянут... никто не будет со мной разговаривать, никто-никто, никогда.

— Ты маленький, — обидно сказал кэлпи, — маленькие ничего не знают.

— Я не маленький, — сказал Фома, — я уже в пятый класс хожу.

— Дурак, — сказал кэлпи.

— Сам дурак, — сказал Фома, — дурак и убийца. Вы убили дядю Эжена.

— Твоего дядю? — удивился кэлпи.

— Водителя школьного автобуса, — пояснил Фома и вытер нос плечом. — Он был хороший. И его дочка была с нами в автобусе. Лисса.

— Он убил двоих наших, — сказал кэлпи. — А потом в перестрелке погибли еще двое наших. Это честно.

— Это нечестно, — возразил Фома, — вы первые напали.

— Да, — согласился кэлпи, — мы первые напали. И замолчал.

Потом онять сказал:

— Вставай. Пончи.

Фома набрался храбрости, отринул стыд и спросил то, что хотел спросить больше всего:

- Что вы со мной сделаете?
- Ничего, — сказал кэлпи, — ничего плохого. Просто вставай. Иди.
- Вы поменяете меня на ваших пленных?
- У вас нет наших пленных.

Фома встал. Лодка под ногами качнулась, норовя вывернуться, и кэлпи ухватил его костистыми пальцами под локоть. Фома переступил через низкий бортик и зачерпнул ботинком воду. В стороны прянули совсем мелкие полуопрозрачные мальки.

— Меня найдут, — сказал Фома, — и вас всех повесят на деревьях.

— Ой, как мне страшно, — сказал кэлпи.

Фома подозрительно покосился на него. Конечно, им много рассказывали про кэлпи. И в школе, и дома. И что они появились неизвестно откуда после Большого разлива. И что первые стычки с людьми обернулись затяжной и выматывающей войной. И что кэлпи чувствовали себя как дома в этом зеленом, заросшем тростником мире трясин и водных рукавов, тогда как люди, напротив, хватались за каждый уцелевший клочок настоящей суши и возводили там свои укрепления и дома. И что с тех пор, как появились кэлпи, люди больше никогда не знали покоя. И что кэлпи — просто трусы, нападающие исподтишка... И что все разговоры о том, что кэлпи владеют какой-то там магией, — просто враки и сплетни, которые исподтишка распускают сами кэлпи, чтобы их боялись. И еще о том, что кэлпи никогда не смеются, потому что не умеют. И чувства юмора у них нет. И что они непроходимо глупы, ибо так и не освоили человеческую речь.

Из этого следует, говорили в школе, что кэлпи просто опасные животные с относительно высоким интеллектом, вот и все.

- Руки болят? — спросил кэлпи.
- Что?
- Веревка.

Фома пошевелил руками.

— Не знаю, — сказал он. Рук он не чувствовал.

— Стой спокойно, — сказал кэлпи, — не дергайся.

Фома ощутил не столько даже прикосновение и холод металла, сколько рывок вниз и чуть в сторону, руки сами собой упали по бокам.

— Шевели ими, — сказал кэлпи.

Фома пошевелил и сказал:

— Ой, больно.

— Еще, дурак, — сказал кэлпи, — а то потеряешь руки.

Фома всхлипнул и вновь вытер нос о плечо. Руки были свободны, но слушаться не хотели. Впрочем, он их уже чувствовал — пальцы начало колоть-колоть, словно иголками, ужас, до чего больно.

— Я хочу домой, — сказал он.

— Когда-нибудь, — сказал кэлпи.

— Я хочу домой, — повторил Фома и топнул ногой, взбив стеклянные шарики брызг, — сейчас...

— Сейчас нельзя, — ответил кэлпи, — ты нужен нам.

— Я всего лишь мальчик, — признался Фома.

Он всего лишь мальчик. Не большой, не страшный. Он не может совершать подвиги. Не может воевать, как в мальчиеских своих мечтах. Ничего не может. А дома родители, наверное, от ужаса и тоски с ума сходят.

— Отпустите меня, — сказал Фома, — пожалуйста.

И кэлпи ответил:

— Нет.

Корни деревьев здесь, изгинаясь, росли вверх, выступали из воды, отчего казалось, что в воде поставили тесный частокол. На корни налипла еще какая-то трава, а возможно, и водоросли. Кто-то плюхнулся в воду, оставил за собой темные бархатистые круги. Под переплетенными ветвями даже днем стоял полумрак, бледные насекомые роились у лица. Почва пошла вверх, потянуло дымком.

Несколько кэлпи сидели у небольшого костерка. Костерок был бледным, черты суровых лиц чуть смазаны дымом и горячим воздухом. В котелке что-то булькало, запах был неожиданно острым и приятным. Вкусным.

Кэллии, как по команде, обернулись к ним. Темные волосы схвачены ремешками, в ушах блестят серебряные серьги в виде блестящих рыбок.

Они все были на одно лицо.

— Садись, — сказал тот, что шел с ним. — Есть хочешь?

— Нет, — Фома помотал головой. Он ждал, что кэлпи предложит поесть еще раз, но тот пожал плечами.

Остальные кэлпи разглядывали его, сощурив глаза цвета начищенного серебра.

— Этот? — спросил один.

Они все говорили на языке Территорий, и это было странно и удивительно.

— Да, — сказал тот кэлпи, что пришел с ним.

— Такой маленький?

— Мы за него положили четверых, — сказал кэлпи.

— Маленький учится, — сказал один из сидящих, — большой умирает.

— Я не стану есть вашу поганую еду, — сказал Фома, — вы убийцы. Вы жаб жрете.

— Да, — согласился сидящий кэлпи.

— И еще вы пидоры, — сказал Фома, расхрабрившись.

— А что это? — спросил кэлпи с интересом.

— У вас нет баб. Вы, ну, живете друг с другом, — пояснил Фома и покраснел.

— Да, — сказал кэлпи необидчиво.

— В общем, не стану есть вашу говяжью еду, — повторил Фома. Получилось почему-то неубедительно.

— Умрешь с голода, — сказал кэлпи. — Это не жаба. Это рыба.

— Тебя не обидят, — сказал другой кэлпи и подвинулся, освобождая место рядом с собой, — ты нам нужен. Садись, ешь.

— Не прикасайся ко мне, урод, — сказала Фома сквозь зубы, сел и взял ложку обеими руками. К пальцам потихоньку возвращалась чувствительность.

Котелок сняли и поставили на плоский камень, и кэлпи, соблюдая пиведомый Фоме порядок, по очереди по-

лезли туда деревянными ложками. Ложки были белые, резные и почти светились в зеленом полумраке. У Фомы была такая же. Он не выдержал и тоже зачерпнул горячий отвар. Еда была неожиданно вкусная, или ему это с голоду показалось?

Зеленый часовой переливчато свистнул откуда-то из ветвей. Кэлпи насторожились, побросали ложки, потом встали и пошли куда-то. Двигались они осторожно и легко, точно звери или огромные насекомые.

Один остался с Фомой. Рыбка в ухе у него была с рубиновым глазом, по этому глазу Фома и отличал его от других.

— Что-то случилось? — спросил Фома небрежно, облизывая ложку. Сейчас придут наши, подумал он, и убьют этих уродов. Всех.

— Мертвые приплыли, — сказал кэлпи.

Фома пролил из ложки варево на траву.

— Ты поел? — сказал кэлпи. — Пойдем.

Он поднялся на ноги и легко поднял Фому за плечо. Только теперь Фома разглядел, что рубаха и штаны у него были из выделанной чешуйчатой кожи — то ли рыбы, то ли змеи.

Кэлпи двинулся обратно к берегу, подныривая под нависшие ветки, а Фоме даже не пришлось нагибаться.

Мертвые, со светящимися во тьме белыми молочными глазами.. Значит, у кэлпи все-таки есть магия! Но Фома увидел лишь ткнувшуюся носом в заросли лодку, в которой стоял высокий стройный кэлпи, упираясь шестом в дно. В лодке лежали тела. Не люди, кэлпи. Мертвые кэлпи. Руки сложены на груди, лица уже не зеленые, серые, точно прибрежная глина. У одного на лбу засохла темная кровь.

— Только трое, — бесстрастно сказал кэлпи, стоящий рядом с Фомой. — Одного мы оставили вам.

— Так вам и надо, — сказал Фома, — так вам и надо. Струсили, ага? Трусы, похитили детей, убийцы, подлые нелюди. Мы убьем еще, мы всех вас перебьем, мы разыщем вас на ваших островах, мы развесим вас на деревьях...

Алая волна гнева подхватила его и понесла, и сквозь звон в ушах он еле различал, как мелкая волна плещет о борта лодки мертвецов.

— Только трусы берут в плен детей. Трусы, слабосильные трусы. Только трусы нападают исподтишка. Мой отец вас убьет. Он соберет людей и придет за мной. Он сильный. Он пальцами может согнуть железный гвоздь. Он...

Он вдруг понял, что стало очень тихо. Волны по-прежнему еле слышно плескались о темные борта лодки.

Кэллии молча смотрели на него. Потом один из них сказал:

— Иди. Мы будем готовить наших мертвых к погребению.

Они собираются оставить его одного? Фома подумал, что, если броситься в воду и поплыть, можно перебраться на другой островок и рано или поздно добраться до сухой земли. В воде водятся хищные рыбы, змеи и еще много чего страшного, но это, наверное, не так страшно, как кэлпи. Можно спустить на воду бревно, лечь на него животом и загребать руками. А можно связать плот. Вон какие гибкие ветки свешиваются... Надрать их побольше... несколько бревен, и...

Тот кэлпи, у которого серебряная серьга-рыбка была с рубиновым глазом, сказал:

— Идем. Тебе нельзя. Смотреть нельзя.

И добавил:

— Пока нельзя.

Он поклонился лодке и, схватив Фому за плечо своими цепкими пальцами, втащил его обратно под зеленый полог.

Костер прогорел, варево в котелке подернулось жирной пленкой, но Фома все равно взялся за ложку и проглотил несколько кусков. Ему было стыдно, что он не может удержаться, но он ничего не сумел с собой поделать.

— Ваши мертвяки сгниют, — сказал он и опять запустил ложку в котел. — Их съедят раки. И рыбы.

— Раньше, — сказал кэлпи, — мы заворачивали наших мертвых в погребальные пелены, пропитывали их смолой... клали в лодку и поджигали. Ночью. Огни плыли по воде. Огни мертвых.

— У вас кончилась смола, — сказал Фома, — и погребальные пелены. Так вам и надо.

— Люди научились находить нас по огням, — сказал кэлпи. — Огни горели ночью. Высокие огни. Люди били нас с воздуха.

— Так вам и надо, — повторил Фома.

— Теперь мы пускаем лодку по воде днем. Ставим на нее такую вашу машинку. Она срабатывает, когда лодка с мертвецами далеко. Огни загораются далеко. Нас не найти. Мы учимся...

— Все равно мы вас убьем, — сказал Фома, — вы трусы. Вы бьете в спину. Нападаете исподтишка. Вы педики, слабаки и трусы.

— Мы воевали храбро. — Рубиновый глаз серебряной рыбки блеснул алой искрой. — Мы стояли лицом к лицу. Против ваших ружей. Мы знали честь. Но вы превратили нас в трусов.

— Вы всегда были трусами, — сказал Фома.

— Нет, — упорствовал кэлпи, — это вы превратили нас в трусов. Лишили нас силы. Лишили чести.

— Чести нельзя лишить, — сказал Фома, — ее можно только потерять. Я знаю.

Он смотрел недавно фильм, где герой говорил так. Или похоже.

— Но вы сделали это, — настаивал кэлпи. — Вы убили наших бардов.

* * *

— Мы стояли гордо, — сказал кэлпи, — и воевали смело. Барды слагали о нас песни. И мы воевали так, чтобы песни о нас были не стыдные. Чтобы никто потом не мог петь о том, что такой-то из рода такого-то струсил. Но бардов не стало, и нам стало все равно.

— Потому что вы и есть трусы, — сказал Фома.

— Теперь — да.

— Так вам и надо. Так и надо вашим бардам.

— Вы не соблюдали правила войны. Бардов нельзя убивать. Они неприкосновенны. Но кто-то надоумил вас. Кто-то догадался стрелять в бардов. Охотиться на бардов. Барды не прятались. Их было легко убивать.

— Мне нет дела до ваших вонючих бардов, — сказал Фома.

— Ты не важен, — сказал кэлпни, — барды важны.

Фома вдруг заплакал. Ему было очень стыдно, но он ничего не мог с собой поделать.

— Отпустите меня, — всхлипнул он, размазывая слезы, — пожалуйста. Что вам стоит? Скажете, что я убежал...

— Вы нашли гнездо бардов в Дельте. Вы выжгли его с воздуха, — твердил свое кэлпни. — Больше не осталось бардов. Теперь мы воюем как вы — подло.

— Мы не воюем подло, — возразил Фома и поскреб ложкой по дну котелка. Оказывается, он сожрал все эту их вонючую еду. А он и не заметил.

— У вас нет правил войны, — сказал кэлпни, — у вас нет чести. Но иногда...

Он задумался.

— Иногда вы поете песни. Я сам это слышал. Вы поете песни.

* * *

Когда Фоме было семь, кэлпни перебили охрану и подорвали цистерны с нефтью.

Фома проснулся посреди ночи, потому что за окном было светло. Не как днем — по-другому. Багровый колеблющийся свет заливал комнату, простыни на постели казались красными. Далеко за домами горел огонь, что-то бухало, потом завыла сирена, перекрывая дальние людские крики.

Фома слез с кровати и подошел к окну: там, вдалеке, черные деревья, крыши домов и наблюдательные вышки четко вырисовывались на фоне яркого разноцветного пламени.

— Мама, что это?

— Отойди, — тут же сказала мама, но, не дождавшись, когда он послушается, подбежала, схватила его и оттащила от окна. — Ты можешь пораниться осколками.

— Окно разобьется? — поинтересовался Фома деловито.

— Не знаю.

Мама повернулась к отцу, который уже натягивал куртку.

— Что случилось? — спросила она, голос у нее стал тоненький, как у девочки.

— Похоже, горят цистерны, — сказал отец. — Цистерны с нефтью.

— Кэлпии?

— Может быть.

— Но это же совсем рядом! Как они ухитрились пробраться?

— Кэлпии не дурачки. И они гораздо хитрее, чем про них думают. Они больше не бросаются грудью на пулеметы, как раньше. А мы-то бросили все на охрану новой буровой установки! К ней-то легче подобраться; она в нескольких километрах от Территорий. А они взяли и подорвали цистерны, завтра должен был прилететь грузовоз с Суши, ну вот...

— А если они вот так... нападут на школу или больницу?

— Зачем? — спросил отец.

— Ну... это же нелюди. Кто может знать, что у них на уме.

— Кэлпии, конечно, не люди, — согласился отец, — именно поэтому они ничего не делают просто так. Не волнуйся, они не нападут на школу. Никогда. Зачем им это?

— Откуда ты знаешь?

— Я верю специалистам. Кому же еще верить? — Он горько усмехнулся, потом сказал: — Ну, ладно, — торопливо поцеловал маму и ушел.

Фоме мама велела вернуться в кровать, а сама осталась в комнате с ним, но на кровать не села, а продолжала ходить взад-вперед по комнате, скимая руки. То подойдет к окну, то к двери. Так и ходила, Фома уже задремал, а все равно слышал сквозь сон ее шаги, и скрип половиц вторил им.

Во сне Фома смутно видел клубящиеся тучи отня и черных людей, которые, суетясь, как муравьи, разворачивали брезентовый рукав...

Отец вернулся под утро, от него остро пахло гарью, куртка у него была черной, а лицо черно-красным.

- Я вызову врача, — испуганно сказала мама.
- Врачам сейчас есть чем заняться, — отмахнулся отец.
- Это и вправду кэлпи? — шепотом спросила мать.

Отец устало кивнул и начал стаскивать куртку, при этом досадливо морщась.

- Сволочи. Никого не жалеют. Ни себя. Ни нас.

Мама то ли вздохнула, то ли всхлипнула.

- Что им от нас надо? Почему не оставят нас в покое?

— Это конкуренция, — сказал отец, — за пространство и за ресурсы. Сначала проигрывали мы, но потом на Суше разработали толковую стратегию, и стали проигрывать они. Но остановиться они не в силах.

— Что же они, — шепотом спросила мама, — так и не успокоятся, пока не...

— Скорее, наоборот, — сказал отец. — После войны их и осталось-то всего ничего. Это они от бессилия.

Вырасту и убью всех кэлпи, подумал Фома. Он представил себе, как пробирается болотами, где в тине ворочаются огромные рыбы, как путешествует по Дельте с настороженным оружием, как уходят вверх частоколы тростника, оставляя лишь узкую синюю полоску неба, и где-то там, в плавнях, на заросших островках скрываются злобные зеленокожие твари, но он, Фома, сильный и смелый, и у него верные боевые друзья.

Мать звякала чем-то, вполголоса переговариваясь с отцом, пахло спиртом и дегтярной мазью, но Фома уже не слышал; он плыл на легком катере по темной воде, урчал мотор, и плавни смыкались над его головой.

* * *

Он вздрогнул и проснулся.

От прогоревшего костра тянуло кисловатым дымом, сквозь листву просвечивало небо. Листва была черной, а небо — густо-синим, и это было странным, ведь из окна

ночное небо казалось черным, а листва — зеленою. В небе висели крупные звезды, каждая сияла огнем своего цвета. Он никогда раньше не замечал этого, думал, они все одинаковые, белые и холодные.

Еще несколько секунд потребовалось, чтобы он вспомнил.

Он подскочил на жестком ложе — на самом деле это был просто ворох сухих стеблей тростника. Тело зудело от укусов песчаных блох, но это, подумал он, ерунда по сравнению со всем остальным. Руки были свободны, но правое запястье охватывала причудливо вывязанная петля, а от нее тянулась веревка, другим концом охватывая запястье одного из кэлпи. Сейчас веревка натянулась и дергалась туда-сюда. Оттого он и проснулся.

В сумраке меж черных стволов сновали высокие гибкие фигуры и слышались резкие голоса.

Он нагнулся и попытался зубами ослабить узел. Веревка была гладкая и скользкая, как змея.

Кэлпи повел рукой, и Фома нырнул к нему головой вперед.

— Сиди тихо, — сказал кэлпи и прижал ладонью макушку Фомы так, что тот пригнулся, больно ударившись носом о собственное колено.

Фома, не сдержавшись, ойкнул, и кэлпи ладонью лениво ударил его по шее. Получилось очень больно.

— Пусти, гад, — сказал Фома и дернул веревку.

Тогда кэлпи еще раз ударил его. Фома слотнул слезы; боль не главное, главное — унижение. Его били сверстники в школе, но ни разу — взрослые. Ну, отец иногда мог дать ему подзатыльник. Кэлпи посягал на то, что раньше принадлежало только отцу, — на право хорошенъко стукнуть его, Фому.

— Мы положили четверых, — прошипел кэлпи, — из-за тебя... Только попробуй пикнуть, ты, маленько бледное дермо.

И Фома понял.

Этот шум по кустам, тревожные голоса чужаков... Его все-таки нашли. Его сейчас спасут.

— Папа! — крикнул он, прежде чем кэлпи успел захватить ему рот ладонью.

Фома изворачивался, пытаясь воизгнать в чужую руку свои мелкие острые зубы, но ничего не получалось. Ладонь, как известно, укусить практически невозможно.

Еще один кэлпи бесшумно возник перед ним. Во мраке он казался черным, серебряные глаза сверкали, как два зеркальца.

— Пусти его, — сказал он и махнул рукой.

Веревка распалась и упала на землю, и кэлпи, намотав конец себе на руку, поволок Фому прочь от костра. Фома упирался, а кэлпи что-то кричал на своем языке, и Фома его не понимал.

А потом кэлпи закричал еще и Фома понял.

— Стойте, — закричал кэлпи и поднял руку с обрывком веревки, заставив Фому дернуться и встать на цыпочки. — Вот... вот он... У нас бард!

Кто-то из темных зарослей прокричал что-то в ответ, и кэлпи ответил:

— Да, мы говорим на их языке! Потому что это язык нашего барда! Потому что у нас теперь есть бард! Вот он! Смотрите!

Он еще выше поднял руку, и Фома закачался, с воздетой рукой, охваченной веревочной петлей, — точь-в-точь марионетка в кукольном театре.

— Мы отступники? — кричал кэлпи, размахивая рукой, и плясала серебряная рыбка у него в волосах. — Это вы отступники! Мы соблюдаем закон! Мы воюем честно! У нас есть бард. А у вас нет.

Он смолк, и наступило молчание. Потом из зарослей что-то сказали, звонко и насмешливо. Фома понял, что сказанное относилось лично к нему.

— Нет! — сказал кэлпи, и в голосе его Фома уловил чрезмерную напряженную уверенность. — Он может! Он еще молод, но он может! Сейчас он покажет вам! Мы покажем вам!

Он обернулся к Фоме и опустил руку, и Фома тоже опустил руку, которую высокий кэлпи чуть не вывихнул из сустава.

— Пой! — сказал он Фоме почти умоляюще.

Фома сглотнул и ничего не ответил.

Тот, в кустах, злорадно рассмеялся и снова что-то сказал непонятное.

Серебряная рыбка в волосах кэлпи прыгнула, и чужая рука ударила Фому по лицу.

Он мотнул головой, рот наполнился соленой кровью. Он упал было, но сволочной кэлпи вновь вздернул его в воздух и поставил на ноги.

— Пой! — прошипел он.

— Я не... — сказал Фома, стягивая слезы и скопившиеся во рту кровь.

— Пой!

— Сволочи, — всхлипнул Фома, — грязные зеленые твари. Ваши братья — жабы, ваши матери — змеи... И крысы! Водяные крысы! Трусы, падлы, нападаете на мирных людей! Мой папа все равно найдет вас, и убьет вас, и повесит на деревьях... И вы будете висеть, как гнилые плоды, ваши гнилые хари будут клевать птицы, ваши паскудные глаза будут клевать птицы, вы...

Сзади, бесшумные и страшные, подошли кэлпи, у каждого в руках — смертоносный самострел, все они вышли вперед и стояли плечом к плечу, и из-за их спин Фома, корчась на растянутой веревке, в кровь раздирающей запястье, продолжал выкрикивать проклятья, и вдруг он понял, что кричит он один. Все остальные молчали, и напротив, в зарослях, молчали тоже.

Потом кусты раздвинулись.

Высокий кэлпи вышел оттуда и, нагнувшись, положил свой самострел на землю. Потом повернулся, крикнул что-то и вновь нырнул в заросли. Фома услышал далекий крик, отразившийся от водной глади, он запрыгал по воде, как мячик, потом — шуршание и плеск от движения рассекающей камыши лодки.

— Гады, — плакал Фома, трясясь и опускаясь на землю, — гады, паскуды, нелюди...

Никто его не держал.

Небо стремительно светлело, а над водой собрался туман, отчего скользящие лодки были похожи на мутные отражения в старом зеркале. Начинался новый день.

* * *

— Все равно, — плакал Фома, и печальная рассветная птица в камышах вторила ему, — все равно я не буду петь для вас!

— Ты поешь не для нас, — сказал высокий кэлпи, — барды поют для всех. Они поют о храбрости врагов — и мы чтим врагов. Они поют о трусости друзей — и друзья становятся храбрее. Бард не оружие в руке воина. Бард — зеркало, в котором мы видим себя. Ты поможешь нам стать лучше.

— Я не буду помогать вам! Никогда!

Фома вскочил и, отступаясь на песчаных осыпях, бросился к воде. Холодный песок налип на его ладони, прилип к мокрым щекам. Кэлпи не двинулись с места.

Вода оказалась неожиданно теплой, руки и ноги просвечивали сквозь нее, как белые рыбки.

Кэлпи продолжали сидеть у прогоревшего костра, держа в руках резные чаши и тихо о чем-то переговариваясь. Они не делали никаких попыток остановить его. Плыть было легко, вода плеснула в приоткрытый рот, она была тихая и солоноватая, как слезы.

Что-то темное висело в темной воде, предутренний серый свет блестел на мокрой поверхности: бревно, так давно путешествующее по рукавам Дельты, что волны, смыв с него разбухшую кору, выгладили древесину, придав ей зеленоватый оттенок.

Фома рванулся к этому бревну, которое все пыталось вывернуться из-под рук, и лег на него животом. Пальцы оставляли вмятины на скользкой древесине.

Потом он оглянулся. Кэлпи стояли молча.

Белая полоска берега уходила все дальше.

Фома греб руками и ногами, при этом отчаянно всхлипывая. У него было ощущение, что его обманули, но он никак не мог взять в толк, как именно.

На поверхности воды болтались островки мусора, веток, узких подгнивших листьев, перепоясанных зелеными нитями водорослей. В них суетились водяные блохи и мелкие ракчи-бокоплавы. Рядом оказалось еще одно

бревно, темное, со скользкой поверхностью, и Фома сделал еще один гребок, чтобы не врезаться в него. И тут у бревна вырос плавник.

Острый, с перепонкой, натянутой между уходящими вверх костяными иглами.

Фома сделал еще один гребок — прочь.

Плавник сложился, точно склоннулись спицы зонтика. Страшная спина ушла под воду, оставив на поверхности темный, сам в себя закручивающийся водоворот.

Фома подобрал ноги. Бревно тут же выкрутилось из-под него, и он оказался в теплой темной воде. Снизу что-то прошло по животу и ногам. Он в отчаянии ударил рукой по воде, подняв из темной воды круглые серебряные брызги, но такую тварь этим разве отпугнешь?

Что-то еще раз прошло по ноге, на этот раз он ощутил острую боль, словно бы его голень и бедро оказались на гигантской терке. Из глубины поднялось мутное бурое облачко, и стало расплываться, расплываться прямо перед его лицом. Еще один толчок. На сей раз сначала он боли не почувствовал, потом боль вернулась, и она была почти невыносимой.

Коротко выдыхая сквозь стиснутые зубы, он отшвырнул бревно, которое закрутилось и прыгнуло прочь по воде, и сделал мощный гребок к берегу. Рыба ходила под ним, время от времени касаясь плавником живота.

Наконец он нашупал ногами дно. Между пальцами продавились серые колбаски ила, острые края ракушек-перловиц резали ноги. Фома, оступаясь и хромая, оставляя в воде буроватое облачко, побрел к берегу.

Он сел на песок и стал ловить ртом воздух.

Потом осмотрел ногу. Бедро было в частых порезах, кровь стекала по нему, смешиваясь с водой. Один порез был особенно глубоким, он тянулся от паха и до щиколотки.

Кэлпи отделился от остальных, подошел к нему, присел на корточки.

— Больно? — равнодушно спросил он.

Фома всхлипнул и локтем отпихнул тянущуюся к нему руку. Но кэлпи уже держал в сильных пальцах его

колено, другой рукой втирая в раны едкую, остро пахнущую мазь.

— Пусти, сволочь, — сказал Фома.

— Это водяной конь. — Кэлпи закончил свое дело и вытер ладонь о песок. — Запомни его. И если ты решишься один войти в воду или сесть на любой кусок дерева, он утопит тебя. И раки будут есть твои глаза.

Фома разрыдался. Он больше не стыдился своих слез, он плакал и трясся, размазывая по лицу слезы и кровь из порезов.

— Оставьте меня в покое! Ну чего вы привязались ко мне! Отстаньте, уроды! Я не бард! Я не умею петь. Я вообще не ваш. Я человек. Я даже не знаю по-вашему...

— Это не важно. Мы выучились вашему языку, чтобы ты пел для нас. Пой.

— Как? — всхлипнул Фома.

— Как хочешь.

— Я не буду петь для нелюдей, — плакал Фома. — Вы только и можете, что кур морить. Вот вся ваша доблесть.

Зеленая кожа кэлпи явственно потемнела. Если бы он был человеком, Фома решил бы, что он покраснел от стыда. Остальные кэлпи переглянулись и одновременно выплеснули свои чаши в костер. Костер выбросил круглое облачко пара.

— Если мы нападем отважно, ты будешь петь для нас?

— Я вообще не буду петь, — сказал Фома. В животе у него сделалось пусто, а на сердце — легко. Порезы на ноге горели и отчаянно чесались. — Я лучше сдохну.

Кэлпи вновь переглянулись. Они начали переговариваться между собой, тихо, на своем языке.

Тот, что сидел рядом с ним на корточках, встал, шурша змеиной кожей штанов.

— Я лучше сдохну, — повторил Фома безнадежно.

— Лезь в лодку, — сказал кэлпи.

Фома выпрямился и сжал губы. Значит, я прав и надо быть твердым, думал он. Надо быть твердым, надо быть храбрым. Не бояться их, тогда все получится. Надо вести себя как Леонид-истребитель, неустршимый борец с за-

хватчиками. Тогда тебя будут уважать даже враги. Они вернут меня домой... Я показал им, что не боюсь, что не буду служить им, и они вернут меня домой.

Забираться в лодку было больно из-за ободранной ноги, но все равно Фома не проронил ни стона. Правда, похоже, никто не обратил на это никакого внимания. Его враги сидели у погасшего костра, занимаясь домашним и неважным: чинили одежду костяными иглами, плели какие-то веревки из растрепанных волокон, а один вытащил крохотные пяльцы и — вот урод! — начал вышивать на замшевом лоскуте ивовую ветвь.

Почему-то Фома снова почувствовал себя обманутым.

Кэлпи с красноглазой серебрянной рыбкой в мочке уха прыгнул в лодку, подхватил шест и резко оттолкнулся. Лодка задрала нос и понеслась по темной воде; остров кэлпи остался за спиной, мелькали кучи плавника, плавучие гнезда поганок, мусор, принесенный дальним приливом, островки с теснящимися кустами ивняка.

Мы плывем домой, думал Фома в такт ударам пласти, домой, домой...

— Высади меня у мола, — великодушно сказал он, — дальше я сам.

Кэлпи не ответил.

— Мы вас не трогали, — примирительно сказал Фома, — вы первые начали.

Кэлпи налег на шест. Под днищем лодки прошла, выбрасывая лапки, огромная бледная лягушка.

Вода была повсюду, темная, спокойная, но откуда-то издалека доносился глуховатый шум, словно там, за зарослями тростника, обрушивалась сама в себя гигантская волна. Остро пахло солью и водорослями.

Фома насторожился.

— Куда ты меня везешь? — спросил он.

Перехваченное горло превратило окончание фразы в жалкий писк.

Кэлпи молчал.

Лодка скользнула в узкий рукав среди зарослей, пошла медленнее, трава шуршала по днищу. Меж двумя отмелями была тихая затока, зеленые ветки ивняка по-

лоскались в воде. Лодка скользнула в нее, ее тень запрыгала на ребристом песчаном дне. В листве щебетала стайка красногрудых пичуг.

Фома вцепился руками в низкий борт.

— Выходи, — сказал кэлли.

— Не выйду!

— Выходи, — повторил кэлли и опасно накренил лодку так, что борт, в который Фома вцепился, черпнул воды. Вода была теплая и омыла босые ноги Фомы с налившим на них песком и дорожками подсохшей крови.

Фома выпрыгнул в воду, которая оказалась ему по колено.

Кэлли шестом狠狠 ударили его по спине, подталкивая к берегу.

Отсюда, с мелководья, было видно, что под переплетенными ветками ивняка открывался тоннель, наполненный зеленоватым полумраком.

— Не пойду туда! — Фома бросился обратно к лодке и вцепился в борт.

Кэлли ударил его по пальцам и оттолкнулся шестом от дна, подняв облачко песчаной мути.

— Помни про водяного коня, — сказал он.

— Уроды, — сказал Фома, прижимая к груди болевшую руку, — сволочи. Мучители.

Кэлли пожал плечами, еще раз вонзил шест в стеклянную поверхность воды. Лодка скользнула прочь, под ней, чуть отставая, двигалась по дну ее тень.

Из ведущего вглубь островка тоннеля порхнула стайка бледных золотоглазок, какое-то время они роились вокруг лица, потом втянулись обратно в тоннель.

Фома сел на песок, упервшись в колени лбом. Он был совершенно один. Тростник шуршал на ветру. Ш-шишур... Ш-шишур.

Если сделать из тростника дудку, она будет говорить голосами утопленников.

Что-то коснулось его босой ступни.

Фома открыл глаза. Солнце играло в мокрых ресницах, коричневые стрелы рогоза перечеркнули небо, а вода

теперь плескалась у самых его ног. Песчаную полосу берега съел прилив.

Ну и ладно, подумал Фома и сердито вытер рукой слезы, пусть я утону! Он представил, как вода подходит все выше, заливает колени, доходит до губ, заползает в ноздри, потом он поплынет вниз лицом, в водоворотах, раскинув руки... Маму только жалко. И отца.

Маленькие рыбки, подплывая, щекотали пальцы ног, покусывали их, удивлялись, почему такие соленые.

Чуть подальше раздался гулкий всплеск, тяжелое темное тело поднялось из воды и упало обратно. Костистый плавник распрямился, сложился, распрямился...

— Поганые колдуны, — сказал Фома, — уродские паскудные зеленые гады.

Вдали рокотали, перемещаясь, огромные массы воды.

Фома поднялся (вода доставала ему уже до пояса) и побрел к берегу. Вход в зеленый тоннель был теперь совсем рядом, стайка золотоглазок плясала на границе света и тени. Он боялся этого зеленого зева, но деваться больше было некуда — деревья и кусты росли плотной массой, все было перепутано, воздушные корни шевелились не от ветра, а, казалось, сами по себе.

В зеленоватом мраке тоннеля его кожа сначала стала болезненно-белой, словно в толще воды, потом приобрела прозрачный зеленоватый оттенок.

«Я стал кэлпи!» — подумал он в панике.

Приходилось нагибаться, чтобы избежать прикосновения влажных веток, гладящих его по щекам, словно пальцы. Он опять вспомнил о маме и всхлипнул.

Зеленые стены продолжали сдвигаться; тоннель никуда не привел. Он закончился крохотным слепым отростком, норкой вроде тех, что любят устраивать дети под одеялом. Земля здесь поросла мхом, в котором белели крохотные звездочки; Фома уселся, прижал колени к груди, и провел ладонью по плотному плюшевому покрову. Звездочки тут жесыпались, словно их и не было. Золотоглазки, которые, оказывается, следовали за ним, сгрудились над его головой в плотное стеклянристое облако.

— Ненавижу воду, — сказал Фома сам себе. — И вас ненавижу, — сообщил он золотоглазкам.

— И мы тебя не любим, — ответили золотоглазки. — Ты смешной, большой и непрозрачный.

— Подите прочь. — Фома взмахнул над головой руками, и легкое облачко отлетело к выходу из норы.

Тонкий завитой росток опустился ему на шею, щекотал ее зелеными усиками. Фома, не глядя, отмахнулся от него. Росток ласково дернулся за ухо.

Фома обернулся.

Она сидела рядом, подобрав ноги под подол платья, на котором играли отсветы неба и воды. Ее бледные пальцы щекотали ему шею, ласково дернули за волосы.

— Опять ты! — сердито сказал Фома.

— Маленький мальчик, — сказала она, и бледные губы сложились в улыбку. — Я тебя знаю, маленький мальчик.

— Я не маленький, — возразил Фома сердито, — а ты никакая не принцесса. Нечего врать. Принцесс не бывает.

— Но я и правда принцесса, — сказала принцесса, — я дочь-сестра королевы, а значит, принцесса. А ты — дурячок.

Она села поудобней и стала похожа на девчонку.

— Если ты принцесса, скажи им, чтобы меня отпустили. — Фома вдруг почувствовал, что в носу защипало, а к глазам подступили горячие слезы. Я все время плачу, подумал он, разнюнился, как будто и вправду маленький...

— Хочешь домой? — печально сказала принцесса.

— Да! — Фома отчаянно кивнул, сбросив ее руку, лежащую у него на макушке. — Хочу! Пожалуйста, пускай они меня вернут домой. Они меня мучают, они натравили на меня своего вонючего водяного коня, погляди, что он сделал с моими ногами...

Принцесса нагнулась и вдруг быстро лизнула ему голую коленку. Будто кошка. Язык у нее был розовый и шершавый. Фома, открыв рот, наблюдал, как затягиваются глубокие подсохшие порезы.

— Теперь хорошо? — спросила она.

Он вытер нос рукой и ничего не ответил.

— Подвинься, — сказала она и села рядом с ним, бок о бок. Они были точно в зеленой сомкнувшейся ладони.

— Меня будут искать, — сказал Фома. — Мой папа найдет меня... Он сядет в самолет — он леает на самолете, он однажды меня катал, — и полетит над Дельтой, и увидит, где я...

— Не здесь, — возразила она, — здесь нас с тобой нельзя увидеть. Это запретный остров. Это единственное место в Дельте, которое здесь и не здесь. Его не могут увидеть ваши люди, а мои воины не могут на него ступить. Таков закон.

— А я?

— Ты можешь. Ты бард.

— Я не бард, — возразил Фома. — Я не буду петь тебе, хоть лопни.

И прибавил:

— Я сказал.

Потому что так всегда говорят мужественные и молчаливые люди, он читал в одной книжке.

— Ты бард, — возразила принцесса с улыбкой, — просто ты еще об этом не знаешь. И тебе будет хорошо у нас, поверь мне. Там, на этой мерзкой сухой земле, воюющей железом, ты не мог выполнить свое предназначение. А когда человек не может выполнить свое предназначение, у него высыхает сердце. Я знаю, маленький мальчик.

— Я все равно хочу домой, — сказал Фома, прилагая все усилия, чтобы касаться ее как можно меньше. Она была прохладная и серебристая, кожа отсвечивала зеленью.

— Я не могу тебя отпустить, — сказала принцесса, — Мой народ несчастен. У моего народа не было барда. А им нужен бард.

— Пускай ишут себе вонючего барда в другом месте!

— Маленький мальчик, — сказала принцесса, и ее узкая ладонь легла ему на голую коленку, — ты очень хороший бард. Просто ты об этом не знаешь. А мой народ без барда стал просто горсткой бродяг и убийц. Ибо некому петь про их подвиги. Некому корить их за постыдное.

Фома молчал, стиснув зубы.

— Вони люди догадались, что такое для нас барды, — сказала принцесса, и ее рука, точно серебристая рыбка, скользнула по его бедру, — они стали охотиться на них. Убивать их. А барды не умели прятаться, ибо по законам войны бард неприкосновенен. Теперь больше нет законов войны, о любовь моя.

— Пусти, — сказал пораженный Фома, — что ты делаешь? Девчонка, дура.

Она рассмеялась. Смех переливался у нее в горле, как вода.

— Обними меня, о большой мальчик, — сказала она, — обними вот так. И вот так. Ты бард, ты зеркало чести, ты будешь петь, и мои воины не будут нападать исподтишка, не будут травить колодцы, не будут резать детей в ночи. Они выйдут честно, станут прямо и умрут достойно. Разве ты не заслужишь этим благодарность своего народа?

— Я запутался, — пробормотал Фома, чье растерянное «я» ныряло в неведомые прежде глубины. — Ты хочешь сказать, что это... хорошо?

— Без благородства нет войны, — прошептала принцесса, и дыхание ее было отнем и льдом. — Может, побесят твои люди, может, мои. Но больше не будет резни в ночи. Бард не принадлежит никому, он не принадлежит племени, он не принадлежит даже мне. Бард принадлежит истине.

— Тут что-то не так, — сопротивлялся Фома уцелевшими крохами здравого смысла, — я не...

* * *

Вода отражала звезды.

Шел отлив, и длинные белые косяки мелей протянулись меж островками. Спина водяного коня, выступающая из воды, отливалась мокрым блеском.

Руки и ноги казались Фоме непривычно длинными, он путался в них.

Лодка скользнула к берегу.

— Ты здесь, о бард? — негромко позвал голос.

Фома помолчал с минуту, потом сказал:

— Да.

Две темные фигуры посторонились, давая ему уместиться на корме.

— Не прикасайтесь ко мне, уроды, — сказал Фома сквозь зубы.

— Мы и не прикасаемся к тебе, о бард, — ответил кэлпи негромко, — ты сейчас запретен для нас. Весь остров запретен. Это место только для таких, как ты. Для бардов.

— Кто там был? — спросил Фома нерешительно.

Кэлпи молчали. Звездный свет обтекал зеленые лица, как вода.

— Кто она?

— Кто? — переспросил кэлпи.

— Она. Принцесса.

Кэлпи переглянулись. Фома вытянул шею, вглядываясь в их лица в ожидании ответа, но кэлпи молчали.

Шест ударился о воду, звезды плясали на воде, разбиваясь на мелкие осколки.

— Там, на острове, — сказал Фома, — я был взрослым. Я был большим. Она сделала меня большим. Что она со мной сделала?

Кэлпи молчали.

— Я хочу домой, — неуверенно сказал Фома. Он путался в своих руках и ногах, никак не мог уместиться на скамье. — Верните меня домой.

Кэлпи молчали.

— Ненавижу вас, жабы, — сказал Фома.

Кэлпи молчали.

Фома вытянул длинные руки и толкнул одного из них. Кэлпи, не удержавшись, кувыркнулся в воду.

— Вот так, — сказал Фома.

Он выпрямился в шаткой лодке, перехватил шест у второго кэлпи и с размаху ударил его по спине. Кэлпи сложился пополам, мягкий, словно тряпичная кукла.

— В воду, — сказал Фома.

Кэлпи обернулся к нему темное лицо с раскрытым ртом, но не издал ни звука.

— В воду, — повторил Фома и толкнул того концом шеста в подвздох.

Кэлпи с громким всплеском упал спиной вниз.

— Помни про водяного коня! — сказал Фома темноте. — Помни про водяного коня!

Он толкнул в дно шестом. Лодка развернулась носом к зареву на горизонте — дальним огням Территории, ее домам, шахтам и наблюдательным вышкам. Плыть приходилось против течения, Фома налегал на шест, лодка то и дело норовила вывернуться из-под него. И как только эти чертовы педики ухитряются править такими неустойчивыми штуками?

— Я плыву домой, — пел Фома, не думая о том, что голос его скакет по воде, точно мяч, — плыву домой. Меня взяли в член кэлпи, зеленые мерзкие кэлпи, но я сумел убежать. Первого я ударил рукой, второго ударили шестом! Они упали в воду, в черную воду, теперь их съест водяной конь! А я один стою в лодке, отталкиваюсь шестом от дна, солнечные рыбы уходят прочь, зеленые жабы в страхе бегут от моего шеста. Я видел невиданные места, моя отвага чиста, и я плыву сквозь ночь...

Он поймал себя на том, что не может остановиться. Песня распирала его, как насиливо удержаный в груди воздух.

Зарево приближалось, и вместе с ним явственно повеяло запахами железа и дыма. Это дом так пахнет? Небо светлело, вода перед носом у лодки собралась в складки.

Территория обозначила себя ржавыми фермами, вставшими из воды, на перекладинах повисли зеленые пучки водорослей. Дорожки дальних огней бежали по воде, сходясь на нет у его лодки. Он поднял голову и увидел, что звезды, потерявшиеся в этом зареве, сделались маленькими и жалкими.

Сторожевая вышка росла из воды — обзорная площадка на бетонном столбе; чуть ниже — гладкая жестяная опояска. Говорили, что по ней проходит ток, который отключается лишь во время смены часовых. Площадка ощетинилась стволами пулеметов, а были еще (Фома

слышал об этом) снайперы, ради тренировки убивающие рыб, прячущих в глубине свои темные спины.

А это значило, что он в безопасности!

Он выпрямился в лодке, расставив ноги, чтобы сохранить равновесие, поднес руки рупором ко рту и сказал:

— Эй!

Эхо отпрыгнуло от поверхности воды и вернулось ему в руки.

Следом за эхом в руки ему ударил сноп брызг. Выстрел был словно треск сухой ветки, он даже не сразу понял, что это выстрел.

— Стой, где стоишь! — крикнули сверху.

— Я свой! — крикнул Фома, и голос его сорвался. — Свой! Меня похитили кэлпи! Вчера! Нет, позавчера...

— Придумай что-нибудь более умное, — сказали сверху.

Перед носом лодки практически одновременно поднялись несколько крохотных фонтанчиков.

— Назад! — крикнули сверху напряженным, злым голосом.

— Меня зовут Фома, — закричал Фома, — Фома Белаква! Вы должны знать! Мой папа — инженер на станции очистки воды. Его зовут Георгий.

— Сколько тебе лет, парень? — крикнули сверху.

— Девять! — сказал Фома.

— Выдумай что-нибудь поумнее, дурень, — сказали сверху, и еще один фонтанчик взвился у ног Фомы. На сей раз пуля ударила в днище и сквозь крохотную дырочку плеснула вода. — Ты выглядишь на все двадцать.

Фома растопырил пальцы и поднес к глазам свои большие руки.

— Решил отвлечь нас, так?

Вторая дырочка появилась в днище рядом с первой, осколок дерева оцарапал Фоме щеку. Видно было, как вода плещется по дну лодки.

— Не надо! — крикнул Фома. — Пожалуйста!

Третья пуля легла меж двумя первыми — в днище образовалась здоровенная промоина.

— Я безоружен, — сказал Фома.

— Ты-то... Я видел таких, как ты, перевертыши.

Молчание повисло между сторожевой вышкой и лодкой. И вдруг Фома понял, что молчание это — последнее молчание в его жизни, что вот-вот прервется оно звуком выстрела и шлепком пули, мягко входящей в плоть. И это наступит быстро, очень быстро.

Сейчас.

— Не надо, — повторил он, — пожалуйста, не надо! Я всего лишь маленький мальчик! Я говорю правду! Я...

— Молись, урод! Ты, выро...

Часовой охнул и смолк.

Фома вдруг понял, что вокруг совсем светло, и увидел, что в узкой смотровой щели торчит, покачиваясь, стрела с зеленым оперением.

Вторая лодка вынырнула из дальних зарослей и тут же ушла обратно, в спасительный частокол тростника. Фома прыгнул в воду и сделал несколько отчаянных гребков.

«Водяной конь! — подумал он в ужасе, — водяной конь...»

Он нырнул как можно глубже, с открытыми глазами, изо рта рванулись к поверхности серебряные пузырьки. Далеко над головой что-то сказали:

— Так-так-так...

Пули прошли рядом с ним, он видел, как они висят в толще воды, — кусочки металла в стеклянистой оболочке из пузырьков, словно коконы пауков-серебрянок.

Дно второй лодки висело совсем близко, он отчаянным усилием выставил из воды руку и кто-то там, в лодке схватил эту руку за запястье длинными цепкими пальцами.

Переваливаясь животом, кашляя, Фома оказался в лодке. Тот, что тащил его, покачнулся и откинулся назад, в ухе — серебряная рыбка с рубиновым глазом, во лбу — черная дыра, как у того, тогда... Еще двое кэлпи одновременно ударили шестами, лодка скользнула по воде, как цущенная из лука зеленая стрела...

Фома сидел на дне лодки, обхватив колени руками, и трясясь, он никак не мог заплакать. Где-то далеко, надрываясь, выла сирена.

Кэлпи отложил шест и обернулся к нему.

— Ты нам должен, — сказал он и ударил Фому по лицу.

Голова Фомы мотнулась, из носа потекли две струйки крови, но он промолчал, только вытер рукой верхнюю губу.

— Из-за тебя слишком много смертей, — сказал кэлпи сквозь зубы и опять занес руку для удара.

Второй положил ему руку на плечо.

— Это наш бард. Это все-таки наш бард!

И тут Фома заплакал — отчаянно, взахлеб, вытирая руками злые слезы.

— Что вы со мной сделали? Зачем? Я вас ненавижу, ненавижу, ненавижу!

Кэлпи, тот, что сдержал удар своего напарника, положил руку ему на плечо:

— О, наш бард, о наш любимый. Все будет хорошо. Теперь все будет хорошо.

Что-то в груди у Фомы лопнуло, словно горячий пузырь, дышать стало легче, и он, уже не стесняясь своих слез, отчаянно припал к груди своего врага.

* * *

— Встань, Белаква. Повтори, что я сказал?

Хромоножка в раздражении прошелся взад-вперед. Говорили, вместо одной ноги у него протез. Говорили, когда-то, давным-давно, он нарвался на минную растяжку.

Фома в растерянности хлопал глазами. Мыслями он был далеко, Хромоножка застиг его врасплох. Справедливости ради надо сказать, что это ему удавалось довольно часто.

— Белаква очень занят, — ядовито сказал Хромоножка, — Белаква считает мух. Он у нас большой ученый, верно, Белаква?

Ученики охотно рассмеялись. Они всегда смеялись таким шуткам Хромоножки, потому что это было безопасно и весело.

— Так о чём я только что говорил, Белаква?

Фома изо всех сил скосил глаза, заглядывая в тетрадку соседа.

— Что никаких Территорий раньше не было. И Метрополии тоже. Вернее, вся земля была как одна сплошная Метрополия. Потом уровень воды повысился, а изотерма подвинулась...

— Изотерма подвинулась, — ядовитым голосом сказал Хромоножка, — понятно. Почему же, как ты выражаясь, изотерма подвинулась, Белаква?

— Льды потаяли, — сказал Фома.

— Садись, Белаква, — разочарованно велел Хромоножка. — Так вот, в результате того, что уровень моря значительно повысился, значительная часть континента оказалась под водой, образовав Дельту — залитую водой низменность с многочисленными рукавами-протоками и своеобразной флорой и фауной.

Численность человечества сократилась в сотни раз, сейчас общая численность населения насчитывает около десяти миллионов, из которых две трети проживают на остатках суши, когда-то бывших высокогорьем. Остальные... Сколько, Белаква?

«Да что он ко мне прицепился, в самом деле?» — подумал Фома.

— Три миллиона, — сказал он, произведя в уме нехитрые подсчеты.

— Проживают на так называемых Территориях, искусственных насыпных укрепленных сооружениях, чье назначение... Как называются ресурсы, ограничивающие численность, Белаква? Встань, когда с тобой разговаривают!

— Ли... как-то, — честно сказал Фома.

— Лимитирующими. Так вот, для человечества такими ресурсами являются... Слушаю, Белаква.

— Нефть, — сказал Фома, — углеводороды. Металл... Ну... еще еда.

— Белаква у нас интересуется не только мухами, — сказал Хромоножка, — Белаква у нас интересуется едой.

Ученики опять засмеялись, хотя Фома вовсе не был жирным.

— Территории представляют собой области добычи и первичной переработки нефти, а также других полезных ископаемых. Однако, — он вновь прошелся, делая вид, что не замечает Фому, в тоске переминавшегося с ноги на ногу, — до недавних пор Территории находились под угрозой вследствие постоянных нападений кэлпи. Кто такие кэлпи, Белаква?

— Враждебный вид, — сказал Фома.

— Ученые до сих пор спорят между собой и так и не пришли к единому мнению относительно происхождения кэлпи, — продолжал Хромоножка. — Некоторые полагают, что кэлпи — деградировавшие представители человечества, вследствие мутаций негативного характера утратившие разум и культуру и руководствуясь примитивными инстинктами. Другие же полагают, что кэлпи — мутировавшие представители какого-то иного вида, например ластоногих, а их сходство с людьми является чисто функциональным, сформировавшимся благодаря сходному образу жизни. Как называется такое сходство, Белаква?

Фома молча хлопал глазами.

— Садись, два, — с удовольствием сказал учитель. — Такое сходство называется гомологией.

Фома молчал, уставившись в стол.

— И нечего так смотреть...

Фома поднял голову.

— За что вы меня так ненавидите, Густав Томазович? — спросил он. — Может быть, вы тоже... тогда отвлеклись, задумались о чем-то и нарвались на растяжку? Свернули не по тому рукаву, потому что растерялись, потому что считали мух, и теперь вы ненавидите меня, потому что не можете же вы ненавидеть себя.

«Что я говорю такое?» — подумал он в ужасе.

В классе стало очень тихо. Ученики уставились на Фому, рты у всех приоткрыты, отчего ему показалось, что у них три глаза — два на обычном месте и один под носом.

— Во-он! — закричал Хромоножка не своим, каким-то бабьим голосом.

Фома, сопя, стал выбираться из-за стола.

— И еще мой папа говорит, — сказал он, — что кэлпи умнее, чем кажутся... И что кэлпи были всегда. Еще давным-давно, когда суши было много. Просто редко показывались людям. Они тогда воевали между собой, сказал папа, а нас боялись. А когда людей стало мало, вышли из укрытий. Это просто наши дальние родичи, которые в незапамятные времена пошли по своему пути... и еще...

— Скажи своему отцу, чтобы он запел ко мне, — сказал Хромоножка ужс своим голосом, — а сейчас выйди из класса.

И Фома двинулся по проходу между столами.

Кто-то из учеников защупил ему в спину огрызком яблока.

* * *

— Я не пойду, Элата...

Фома уселся на песок, охватив руками колени, словно бы замкнув свое решение в тесный замок.

— Ты должен, — сказал Элата, — ты наш бард.

— Я не ваш, — ответил Фома, — и не бард. Вы ошиблись, Элата. Вам нужен был не я. Я совсем не умею петь. У меня слуха нет. Даже мама просила, чтобы я не пел, когда она дома.

— Тебя выбрала дочь-сестра, а она не могла ошибиться. И ты наш. Мы любим тебя, значит, ты наш.

— Любите? — спросил Фома горько. — Вы украли меня. Вы напустили на меня вашего водяного коня. Вы что-то сделали со мной там, на острове. Я стал большим и остался маленьким. Я не понимаю...

— Это дочь-сестра, — сказал Элата шепотом, прикрыв рот рукой, — это ее магия. И мы любим тебя, Фома. Больше, чем прежние твои сородичи. Разве они не насмеялись над тобой? Разве они готовы были слушать твои песни? Делиться с тобой последним?

Фома молчал.

Элата пожал плечами. Говоря, он крепил к носу лодки потайной фонарь из плавательного цусыря рыбопластуна.

— Бард, — говорил он, не прерывая работы, — любим и неприкосновенен. И мы примем меры, чтобы твои же сородичи не выстрелили в тебя, Фома. Мы научились.

Фома подумал...

— Я могу спеть вам сейчас, — сказал он, — обо всем, что вы хотите. И вы отпустите меня потом?

— Ты уже пытался вернуться к своим, — Элата покачал головой, — и что из этого вышло? И ты будешь петь только о том, о чем сам захочешь, Фома. Никто не говорит бардам, что им петь.

— Никто? — Фома вытер нос рукой. — А если я спою вам, чтобы вы не воевали?

— Бард поет о подвигах, — сказал Элата, — он поет о войне, о горячей крови, о храбрости друга, о доблести врага. А иначе какой же он бард?

Элата был очень горд. Это его гнездо нашло барда, хотя бы и среди проклятых белоруких, а значит, будет славный бой и остальные признают его, Элаты, первенство. Уже два гнезда присоединились к ним; их лодки покачивались на волнах, из уважения не ступая на землю соперников.

Фома всегда мечтал о подвигах. Особенно когда страдал от насмешек своих сверстников, убегая с уроков, забиваясь дома в какой-нибудь укромный угол или, прежде чем заснуть, укрываясь с головой одеялом и отворачиваясь лицом к стене. Он мечтал о том, как вырастет, станет героем-разведчиком вроде Леонида-истребителя и будет пробираться по плавням, по их затокам и рукавам, и о нем тоже снимут фильм или напишут книжку... Получается, кэлпи в это время мечтали о том, чтобы красться по затокам и рукавам и убивать людей? Получается, его правда равна их правде? Как это может быть? И значит ли это, подумал он вдруг, значит ли это, что кэлпи тоже не совсем взрослые?

— Зачем вы вообще воюете с нами? — попробовал он подойти с другой стороны.

На уроках истории Хромоножка говорил, что люди прежде воевали друг с другом. Казалось бы, должно быть наоборот — ведь земли тогда хватало на всех, но Хромо-

ножка говорил, что люди научились жить в мире, только когда их осталось очень мало. Потому что им пришлось сотрудничать, чтобы вместе добывать уголь, железо и нефть. Может быть, подумал Фома, теперь кэлпи не воюют друг с другом, потому что их тоже осталось мало. А может быть, подумал Фома, люди теперь не воюют с людьми потому, что появились кэлли?

— Люди убивают нас, — сказал Элата, — они травят нашу воду. Они втыкают железо в заповедные острова. Они ставят мины в протоках. Глушат напу рыбу. Ловят нашу птицу. Они убили наших бардов.

— Людей мало, Элата, — повторил Фома то, что думал.

— Нас теперь тоже мало, — сказал Элата.

Он достал откуда-то аккуратно обмотанный куском зеленой материи карабин и деловито щелкнул магазином.

Фома молча глядел на него, потом спросил:

— Что ты делаешь, Элата?

— Иду на войну, — сказал Элата. — Наше гнездо первое догадалось, что можно воевать, как вы. Машинками. Железом.

Он искоса поглядел на Фому:

— Люди думают, мы боимся железа. Не можем до-тронуться до него... Мы боимся вовсе не железа, Фома. Мы боялись ваших машин, потому что они лишали нас чести. Но мы учимся, Фома. И благодаря этому теперь у нас есть бард. Ты видишь эту железку, Фома? А теперь смотри, я откладываю ее в сторону. Потому что, если мы будем воевать машинами и железом, нам не нужен бард. Бард нужен только тем, кто слаб, чтобы он стал сильным. Бард нужен тем, кого мало, тем, кто воюет против множества. Бард нужен, чтобы петь о подвигах, а разве нападать превосходящими силами — подвиг?

Но если ты не пойдешь с нами, я возьму железку. И не только ее одну, Фома. У нас много оружия, которым можно воевать нечестно.

Он вновь нагнулся и порылся в ворохе оружия.

— Вот, — сказал он, — видишь эти стрелы? Они вымазаны ядом ремиззубки. Мы не можем идти с голыми руками против ваших ружей, Фома, но ради тебя мы

пощадим врага. Да, мы пощадим врага, а ты потом споешь об этом песню. Как прекрасно, храбро мы воевали, как благородно оставляли врага в живых, потому что враг наш храбр и тем выше цена нашей славы. Так вот, бард, яда на наконечнике ровно столько, чтобы человек, раненный этой стрелой, потерял сознание. Заснул.

Он взмахнул рукой, сжимающей стрелу за древко, и потревоженный горячий ночной воздух коснулся холодного лба Фомы.

В прибрежных зарослях возилась тихая ночная птица, в камышах плескалась нутрия. Фома слышал все эти звуки сразу, словно ночь была частью его самого. Как передать это Элате, подумал он? Как рассказать о тихих плавнях, о заводях, о почном зверье, о почи, не желающей, чтобы ее тревожили огнем и железом?

— Ты будешь петь о нашей доблести? — спросил Элата.

Фома молчал.

— Тетра, принеси садок с ремнезубкой, — крикнул Элата в темноту. — Пускай напи стрелы несут смерть. Ибо наш бард не идет с нами. Только бери осторожно, она и так раздражена.

— Я пойду с вами, — сказал Фома, — я буду петь вам.

* * *

— Вот, — сказал Элата.

Свет прожекторов очерчивал черным четкий рисунок скулы и завязанные боевым узлом волосы. По черной воде плясали белые отблески. Казалось, из всех цветов остались только белый и черный.

— Куда ты меня привез, Элата?

У Фомы пересохло в горле.

— Тут вы добываете вашу горючую грязь, — сказал Элата, — а мы сейчас сделаем так, чтобы большие вы ее не добывали. По крайней мер, здесь. В этом месте.

Платформа стояла, растопырив ноги-опоры, наблюдательные вышки сверкали огнями прожекторов, словно головы на длинных шеях. Вода вокруг нее была подернута маслянистой пленкой. Мертвая вода.

Лодки покачивались на вялой зыби, в каждой — кэлпи, у каждого волосы подхвачены боевым узлом, у каждого за спиной копье, у каждого — взвешенный самострел, и наконечники стрел вымазаны ядом ремнезубки.

— Но здесь же люди! — сказал Фома.

— Конечно, здесь люди! Ты хотел, чтобы мы напали на что-то другое, бард? Например, на место, где вы выращиваете вашу молодь? Здесь работают взрослые мужчины, и они вооружены железными штуками. А их охраняет много вооруженных мужчин, которые не работают, но тоже вооружены разными штуками. И они все время ждут нападения. Это честно?

— Не знаю, — сказал Фома.

— Три гнезда пошло с нами, а значит, силы равны. Как ты думаешь, сколько на платформе всего белоруких?

— Не знаю, — тупо повторил Фома.

«Это со мной происходит? Со мной? — думал он суеверно. — И вообще — это я?»

Он ощупал свое тело. Тело было взрослым и чужим.

Один раз оно послушалось меня, подумал он, когда я попытался бежать и сбросил Элату в воду.

— Я знаю, — повторил Элата, — силы равны.

— И это, по-твоему, и есть геройство — напасть исподтишка?

Я блефую, думал Фома, на Территориях наверняка военное положение после вчерашнего налета кэлпи. Вчерашнего? Позавчерашнего? Он попытался определиться во времени, но не смог.

— Мы не нападем исподтишка. Пой! — Элата обернулся к Фоме.

Фома помотал головой. Горло пересохло, он с трудом выталкивал слова.

— Пой!

— Кэлпи! — закричал Фома что есть мочи. — Кэлпи нападают! У них самострелы! И копья! Они никого не жалуют!

— Ненлохо! — сказа Элата. — Но я ждал большего!

С выпки ударили пулемет. Пули прошили воду, выбивая фонтанчики брызг.

Кэлпи заволили и ударили шестами по пузырям рыбы-пластуна. Там, внутри, плавали в воде моллюски-крылатки, которые сейчас в испуге выбросили облако светящихся чернил.

— Нас видно, — сказал Элата, — мы воюем честно. Пой!

Их с Элатой лодка, однако, осталась в темноте. Кэлпи берегли своего барда.

Фома глубоко вздохнул, но воздух не принес облегчения, он пах гарью и нефтью, выедая изнутри грудную клетку.

— Кэлпи напали на нефтяную вышку, — завел Фома, — вонючие кэлпи...

Похоже, подумал он, и это не то, что нужно.

Он слышал, как пули с глухим чавкающим звуком входят в обшивку лодок и живую плоть.

Но кэлпи, словно иули не могли причинить им вреда, скользили по воде, пробирались под брюхо платформы, обмотав руки и ноги рыбьей кожей, карабкались по опорам, взбирались на ограждения, по которым сейчас был пропущен ток.

Проектор-глаз лопнул, в воду посыпалась осколки.

— Пой! — крикнул Элата.

— О чём? — вытолкнул Фома пересохшим горлом.

— Ты бард. Не спрашивай. Пой.

На вышке отчаянно завыла сирена.

Где-то далеко отозвалась другая, ночной воздух был прошит частыми стежками их воя. Фома хотелось заткнуть уши, в глазах стояла силошная рябь, мешанина отня и мрака. Кэлпи со страшными черными лицами выпрыгивали из тьмы, их было много, очень много. Фома ловил ртом ржавый воздух, шевелил распухшим языком...

— Кэлпи! — закричал он. — Спасайтесь! Кэлпи идут... — и закашлялся.

— Вылей. — Элата поднес к его губам деревянную баклажку.

Фома глотнул. Жидкость показалась горьковатой и сладкой одновременно, язык и губы сразу онемели, в ушах

зазвенело, точно в голове был медный колокол... Он помотал головой, и размазанные полосы огней повисли в воздухе. На всякий случай он еще раз качнул головой, осторожно, словно та была из стекла. Огни, казалось, обрели свой собственный голос: прожектора отдавались у него в голове медным гонгом и стеклянным звоном вторили им потайные фонари кэлпи. А вот звуки, напротив, обрели свой цвет: пули прошивали воздух огненным пунктиром, а крики кэлпи были красными и горячими. В голове Фомы царила мешаница звука и цвета, горячий воздух рвался из его груди, и он запел:

Белый огонь светит,
черная вода плещет,
алая битва пляшет,
снуют повсюду
черные лодки,
несут гибель
людям на башнях...

Я пою честно, подумал он, я пою не для кэлпи, это для всех...

Где-то далеко надрывалась сирена.

Там, в ночи, по темному гладкому полю к припавшим к земле вертолетам бежали крохотные люди, и его отец, постаревший и похудевший, торопливо натягивал куртку. Он видел все это внутренним зрением — мать в дверях дома, тревожно сжимающую руки, и Доску в одиночной постели, и Хромоножку, ощупью пытающегося нащарить прислоненный к кровати протез...

Откуда-то перед Фомой возник барабан, обтянутый рыбьей кожей, он дотронулся до него; барабан был теплым, он откликнулся на прикосновение, словно живой. Теперь вокруг Фомы стоял его собственный звук и цвет, пурпурный цвет, содрогающийся в такт ударам сердца, и где-то далеко в такт ударам сердца вопили кэлпи. Платформа вдруг распустилась, как огненный цветок, белый в своей невыносимой жаре, и эта белизна отозвалась в голове Фомы невыносимым медным звоном. Колющие огни дробились и плавились, стекая вниз вместе со слезами.

И все стихло.

Мир медленно вращался вокруг него, наполненный чужими тенями и голосами

Он поднял голову: от платформы остались только ноги-опоры, жалко торчащие из воды, вокруг плавали бурные покореженные обломки, а рядом на волнах, подернутых радужной пленкой, покачивался огромный плот из тростника, и на этом плоту рядами лежали люди, белые и неподвижные, точно прибитые морозом личинки мух, и несколько кэлпи, стоя на плоту, расставив ноги для равновесия, укладывали их бок о бок, ворочали, чтобы уложить по плотнее...

Фома перегнулся и дотронулся до ближайшего.

— Они совсем холодные! Мертвые!

Элата покачал головой:

— Они живы. Мы держим слово. Они просто спят. Их сородичи найдут их и разбудят.

В голосе его Фома уловил пурпурный оттенок неуверенности.

— Ты бард, — сказал Элата, — ты и вправду бард. Если бы не ты, мы бы не смогли уничтожить нефтяную машину. Но ты пел, и мы старались.

Фома плакал, отвернув лицо.

— Они мертвые, мертвые! — плакал Фома. — Ты обманул меня! Вы все меня обманули! Чертова кэлпи!

Догорающие огни преломлялись в его полных слез глазах.

— Кэлпи? — переспросил Элата. — Ты выпил священный напиток. Ты пил молоко королевы. Ты бард, ты владеешь именами. Зови нас тем именем, которое тебе доступно.

— Как? — устало спросил Фома.

Сияющие-мертвые покачивались на волне, кэлпи перегнулся и оттолкнул шестом плот.

— Фоморами, — сказал Элата.

* * *

Голова кружилась, точь-в-точь как после того, как он по ошибке хлебнул из стоящего на столе отцовского ста-

капа, думая, что это вода. Неяркий утренний свет резал глаза. Мир казался болезненно четким, трава качалась перед его лицом, и каждая травинка была словно глубоко прорезана в прозрачном воздухе...

Он видел все как будто через увеличительное стекло: песчинки, прилипшие к коже, лезвия травы, покачивающиеся на уровне глаз; на верхушке каждой травинки сидел, охватив ее скрюченными лапками, крохотный черный муравей.

— Личинка вертячки, — сказал неслышно подошедший Элата, и голос его вспыхнул в голове у Фомы россыпью алых искр. — Зараженный сю муравей больше не стремится укрыться на ночь в муравейнике, наоборот, ему хочется залезть как можно выше, он забирается на самый верх травинки и скрючивается там... от холода. Утром таких муравьев склевывают птицы. А дальше личинка вертячки продолжает развиваться у них в потрохах. Хитро устроено, верно, бард? Какая-то крохотная козявка может изменить поведение большого муравья... И он больше не бережет себя, не работает на пользу своим сородичам, он позабыл муравейник. Ради чего?

— Кто-то поселился у меня в голове, Элата, — сказал Фома, — и я вижу все не так, как раньше. Может быть, я тоже найду свою травинку, вскарабкаюсь на самый верх и там меня склюет птица?

— Ты пил молоко королевы. Кто знает, о Фома, может, именно ты видишь мир таким, как он есть. И кто знает, быть может, этот муравей сейчас счастлив, как никогда не был.

— Я больше не человек? — осторожно спросил Фома. Он поглядел на свою руку. Рука была белой и поросшей короткими взрослыми волосками.

— Ты бард. Это больше, чем человек. Больше, чем фомор.

— Я — личинка, — сказал Фома, охватив голову руками, — я никогда не стану по-настоящему взрослым.

Он встал и, пошатываясь, пошел к очагу. Одноглазый Балор, стоя на коленях, переворачивал на раскаленном

камне розовую рыбу. При виде Фомы он поднял голову и улыбнулся

— Ты был с дочерью-сестрой. А мы развлекаемся друг с другом. Кто из нас взрослый?

Фома пожал плечами и сел рядом с Балором, приняв у него кусок завернутой в листья рыбы.

— Вы не стареете, Балор? Я видел только молодых.

— Старших мало, — сказал Балор, дуя на пальцы. — Тот, кто не умирает в бою, становится старшим.

— Тогда почему вы так стремитесь умереть?

— Умереть в бою почетно. Но у старших своя честь. Они выше стыда.

— Что такое молоко королевы?

— Молоко королевы, — Балор в почтении приложил пальцы к губам, оттого ответ его прозвучал немного не-разборчиво, — это молоко королевы. Что еще можно добавить к этим словам?

Фома так и не понял, имелось ли виду действительно молоко королевы (доят они ее, что ли?) или какая-то жидкость с чудесными свойствами, изменившая самую его суть.

И где она, королева? Где они вообще прячут своих женщин?

Чертоги, полумал он, изумрудные чертоги, прохладные мраморные полы, бассейны с водяными лилиями, зелень, черни и серебро... И женщины кэлпи, па светлой коже игра зеленоватого света, отчего кажется, словно они не ходят, а плывут в толще воды.

— У нее есть дочь?

— Нет.

— Но я видел ее. Она...

— У нее нет дочерей. Только дочери-сестры.

Фома ничего не понял и пожал плечами.

Элата подошел, он нес па вытянутых руках что-то похожее на росчерк полета ласточки. Па лицо легли параллельные тени.

— Это арфа Амаргена, — сказал он. — Теперь она твоя по праву.

— Арфа? — осторожно переспросил Фома. Он первый раз видел арфу, хотя любительский духовой оркестр,

игравший в парке по воскресеньям, слушал с удовольствием и даже пытался подпевать, пока отец не отпускал ему небольшой подзатыльник.

— Да. Амарген был бардом нашего гнезда. Он знал, что вы убьете его. Он первым понял, что вы убиваете бардов. И тогда он сложил песню. И спел ее нам. Он спел песню о людях. О белоруких. О железе, которое убивает нас, но если мы возьмем его себе, оно станет убивать их. О том, что, если не останется больше бардов, кэлпи лишатся чести. И тогда, пел он, чтобы вернуть честь, надо быть хитрыми, как выdry. Надо обратиться к нашим врагам. Надо искать барда среди них. Он спел это нам, а потом дочери-сестре... И она сказала: да. И мы стали учить ваш язык. Мы раздобыли ваши железки и научились ими пользоваться. Другие гнезда смеялись над нами, называли нас отступниками. Что говорят они теперь?

— Он спел вам это?

— Бард — тот, кто поет о новом. Пока он не споет, нового нет. Возьми арфу, бард.

— Но я не умею играть!

— Ты пил молоко королевы. Возьми арфу.

Фома протянул руку. Ладонь была шире и крупнее ладони Элаты.

Арфа отзывалась тихим звоном, словно он провел пальцем по краю хрустального бокала.

Фома пристроил ее у коленей, положил ладонь на струны, и арфа ответила вновь. Голос ее одновременно был как у женщины и как у птицы.

— Нет! — сказал Ингкел.

Арфа вздрогнула и смолкла.

— Эта белая личинка — бард? — Ингкелпренебрежительно сложил ладонь щепотью и дунул на нее в знак того, что Фома для него — просто мелкое ничтожество.

— Он пел, и мы бились честно, — сказал Элата.

— Ты принял за песню глупые вопли, Элата. Значит ли это, что ты сам глуп?

— Хочешь драться со мной? — спокойно спросил Элата.

— Да, — сказал Ингкел.

— Вы что, сошли с ума? — Балор прожевал кусок рыбы и теперь моргался, потому что поспешно проглоченная кость оцарапала ему горло. — Нас осталось мало, а вы, точно рыбы-собаки, кидаетесь друг на друга. Мы взяли барда для того, чтобы он собрал нас вместе, а не для того, чтобы он рассорил всех нас. Извинись, Ингкел. Извинись перед Элатой, а не то ты будешь драться со мной.

Драться с Балором было стыдно, потому что для этого требовалось мало мужества. Балор был одноглазый и часто пропускал удар слева.

Фоморы подерутся, пела арфа, глупые фоморы сейчас подерутся. До крови, до зеленой крови! И их станет меньше на одного!

— Мальчишка прав, — сказал Балор, — прислушайтесь! Зачем нам братоубийство? Мало нас режут белорукие, чтобы мы еще и истребляли сами себя?

Я же не умею играть, думал Фома, вон на ней сколько струн — как управиться со всеми сразу? Но она все-таки играет. Сама... Под моей рукой... Опять эта проклятая магия проклятых кэлпи. Что они со мной сделали?

Элата поднял руку.

— Ты не любишь его, Ингкел, — спросил он, — наплевать белорукого барда? Очень хорошо. Будь при нем. Будь всегда при нем...

— Бесполезно, — сказал Ингкел, — из чужака не сделаешь своего.

— Твоя ненависть будет ему привязью. Впрочем, — заметил он, — ему все равно некуда бежать. Для сородичей он теперь чужак. Перевертыши.

— Я сплю вам, как я вас пенавижу, — всхлипнул Фома, и арфа отозвалась глубоким протяжным вздохом.

— Главное, пой правду, — сказал Элата, — остальное не важно. Бард для того, чтобы петь правду.

* * *

Меня будут искать, думал Фома, не может быть, что бы папа не искал меня. Он вызовет спасателей, людей на

моторках, доблестную команду, он станет на носу самой главной лодки, замечательной лодки на подводных крыльях, и они помчатся по протокам, и убьют всех кэлпи, и спасут меня. И Элату убьют, и этого страшного злобного Ингкела, и одноглазую жабу Балора.

Но он должен был ринуться в погоню сразу. А ведь прошло уже два дня!

Или... больше?

Его тело выросло слишком быстро и оттого перестало понимать время. Словно где-то внутри у него были встроены часы, такие неторопливые и медленные, отсчитывающие время по каждому сантиметру роста, по каждому коренному зубу, вставшему на место молочного, а теперь эти часы сломались...

Его не спасли вовремя, и теперь он стал предателем. Он пел для кэлпи. И они напали на буровую. И убили людей.

Но он пел правду.

Но барды всегда поют правду.

Но если бы он не пел им, они бы не напали!

Нет, напали бы, но подло, исподтишка...

Он обхватил голову руками. Я маленький мальчик, думал он, я выгляжу взрослым, но я маленький мальчик! Наверное, честно было бы умереть, но не петь им, так всегда было в фильмах, я же смотрел фильмы!

И обо мне бы сложили песню. Кто-нибудь. Когда-нибудь.

Я испугался, вот что. Просто испугался.

Арфа Амаргена, предоставленная самой себе, вздохнула всеми струнами сразу.

И что-то вверху, далеко-далеко, ответило ей.

Что-то маленькое, не больше шмеля.

Что-то большое, просто очень далеко. И оно гудело.

— Самолет!

Он вскочил. И замахал руками.

— Сиди, чужак, — сказал Ингкел сквозь зубы и погладил неразлучный самострел.

Фома покосился на Элату. Элата молчал. Лицо у него было спокойным и безразличным.

Фома сел.

— Шипшиш, — сказала арфа.

— Но это мой папа, — сказал Фома, — он меня ищет.

Отпустите меня, пожалуйста! Ведь я уже спел вам.

— Твой папа ищет маленького мальчика, — возразил Элата.

— Но он узнает меня! Я все расскажу, и он узнает.

— Дурачок, — сказал Элата, — дурачок. Ты пил молоко королевы. Тебе нет места среди людей. Тебе и раньше не было места среди людей, дурачок.

Самолет парил высоко в небе, маленький, красный, а потом начал снижаться, покачивая двойными спаренными крыльями.

— Мой отец, — сказал Фома.

— Нет. — Элата покачал головой. — Эта машинка уже летала тут когда-то. Я знаю ее. Она летает, чтобы все разнохать. Белорукие хотят отомстить за свое поражение. Будет славная битва. И ты споешь нам.

Самолет скользил по синеве, на брюхе у него были лыжи для посадки на воду, сейчас он поджимал их, как утка поджимает лапки.

— Славной битвы не будет, — сказал Фома, — вы недостойны славной битвы. Вас просто передушат, как воядных крыс.

— Летающая машинка всегда предвещает битву, — сказал Элата.

Самолет снизился настолько, что Фома мог новым своим зрением разглядеть лицо пилота в кабине; пилот был в коричневом шлеме, защищающем уши от шума. У этого шума мерзкий цвет, подумал Фома. А белорукий выглядит как белая личинка.

Это человек, одернул он себя, я человек, и это человек, как я могу... как вообще можно думать так? А вдруг... вдруг там и правда мой отец?

Однажды отец взял его с собой полетать над плавнями. Мама говорила, что это опасно, но он все равно взял. Фома помнил, как выглядит Дельта сверху: речные рукава, зеленые пятна островков, бурье пятна плавника; заросли камыша сверху казались нестрижеными газона-

ми травы. Они прошли низко-низко, по воде бежала мелкая рябь от винтов самолета, а впереди по волнам неслась его тень — крохотная крестообразная тень. Он помнил охвативший его чистый восторг — как будто он пел песню!

Пулеметная очередь прошла рядом с ним.

Ингкел сшиб его с ног, толкнул за куст ивняка и сам упал рядом, прижимая длинной рукой Фому, чтобы тот не дернулся.

— Он стрелял в меня! — сказал Фома и выплюнул набившийся в рот песок. — В меня!

Пилот же видел, что он человек. Как он мог? И конечно, это не был его отец. Отец бы не выстрелил. Ни за что.

— Конечно, в тебя, — сказал Ингкел, — ты же бард. А я дурак и жаба. Мне следовало догадаться, что он выстрелит. Люди умны.

— Но он же видел, что я человек!

— Ты бард, — повторил Ингкел.

Самолет развернулся и пошел на второй заход. Но колпи уже не было в зоне видимости; только ивняк и мангровые заросли... С потревоженных листьев посыпались бабочки-пяденицы, тень от крыльев прошла по лицу у Фомы, рев разодрал бледное небо, оставив после себя эхо, расплывающееся по голубизне радужным маслянистым пятном, потом все стихло.

Ингкел встал, и Фома встал вслед за ним. На щеке у него был порез; Ингкел толкнул его лицом в ветви.

— Я не понимаю, — сказал он, — не понимаю.

Кэлпи выбирались из ивняка, смущенные, оттого что пришлось прятаться. Они окружили Фому, словно искали у него поддержки, с надеждой глядя ему в лицо.

— Спой нам еще раз про вчерашнюю битву, о бард, — сказал Балор.

* * *

— Люди придут, — сказал Элата. — И мы сразимся с ними.

Фома молчал.

Кэлпи, которых он видел в кино, были просто трусливые бессловесные твари, жестокие и подлые. А люди, наоборот, храбрые и ловкие. И они всегда побеждали.

Они победят и на этот раз.

Но если так, кому он будет петь? Кэлпи? Но кэлпи убивают людей. Людям? Но люди только что пытались убить его.

Если бы это было в кино, решил Фома, я пел бы людям. Несмотря ни на что. А так — не знаю...

— Скоро прибудут наши мертвые, — сказал Элата. — Мы не оставили их людям. Ты сможешь счесть об этом?

— А сколько людей вы убили, Элата? — спросил Фома.

— Меньше, чем могли, — сказал Элата и улыбнулся. — Благодаря тебе.

Зубы у него были мелкие и острые.

«Я видел людей, я трогал их, они были белые и холодные. Он соврал?» — гадал Фома. Но могут ли кэлпи вратить барду? Могут ли кэлпи вообще вратить? Быть может, яд оказался слишком сильным?

Из-за цепочки плавучих островов, вытянувшихся по течению Дельты, появился плот в сопровождении нескольких лодок. Двое кэлпи правили им, расставив ноги; мертвые кэлпи лежали на плоту, спеленутые, точно младенцы, руки вдоль тела, кожа серая, точно подсохшая речная глина.

Плот причалил к берегу, качаясь на прибрежной волне, и гребцы соскочили с него на землю так легко, что он качнулся лишь чуть сильнее.

— Мертвые трех гнезд лежат на этом плоту. Три гнезда ждут твоих птиц.

— Я помню, — сказал Фома, — вы теперь пускаете своих мертвцев вплавь днем. Они так и плавают по Дельте взад-вперед, их носит приливом, пока человеческая машинка не сработает и не подожжет их...

Мертвцы лежали рядами, волосы измазаны в липкой черной крови, веки сомкнуты. Элата уложил в ногах у них грубо сработанное взрывное устройство и от-

толкнул плот. Плот поплыл, казалось, сам по себе. Его не крутило в воде, как это обычно бывает, он качался на волне отлива, мертвые лежали, открыв лица бледному небу...

— Пой, — сказал Элата. Глаза его были полны слез.

И в груди у Фомы словно забила крылами птица, просясь на волю.

Кэлпи все-таки владеют магией, думал Фома, но почему они используют ее только для смерти?

Но мысль эта мелькнула и ушла, потому что он пел.

Уходят мертвые, —

пел он, —

по лезвию луча,
по колесу вод,
под ними улитки, рыбы,
над ними стрижи, зимородки,
пяденицы, златоглазки.
Они посередине
плывут, ничего не видят...

На каком языке я пою, думал он, и откуда я знаю эти слова? Словно в моей голове звучит чужой голос, а я только повторяю за ним. Это — голос кэлпи, и я стал кэлпи, я стал жабой, большой белой жабой.

Но он пел и не мог остановиться, и арфа Амаргена пела вместе с ним, и грозные кэлпи стояли неподвижно, по высоким скулам текли слезы. Двое из них подошли, скрестили руки, подняли Фому над землей и понесли в лодку.

Элата уже стоял в своей лодке, гордый, что у него есть бард, а Ингкел прыгнул в другую лодку, принял Фому и усадил его на скамью.

Лодки отчаливали от берега, лодки окружали плот с мертвцами, лодки плыли по зеленой протоке, и ветки деревьев по обе стороны протоки смыкались над ними. В зеленом сумраке кэлпи казались почти невидимками, даже одежда на них была — серебро и зелень.

Повеяло морем, пересвист зимородков сменился резкими криками чаек. Стая рыбок пропеслась под днищем

лодки — серебряные рыбки с темными спинами; морские рыбки.

— Дальше он пойдет сам, — сказал Ингкел Фоме, которого от разрешившегося напряжения била дрожь, — в далекое соленое море, по открытой воде.

— Ты ничего не слышишь, Ингкел? — обернулся к нему Элата, чья легкая лодка держалась рядом.

— Погоди...

— Кажется... — Элата взмахнул шестом, и закричал: — Назад, все назад!

Но было уже поздно. Течение вынесло плот на открытую воду, закрутило, но, вместо того чтобы вспыхнуть чистым огнем, он окутался бурым дымом, а из соседних проток, из-за плавучих островов, чихая и кашляя моторами, вырывались лодки людей, легкие катера, крытые броней, с пулеметами на носу и на корме. Удар разметал первый ряд лодок кэлпи, остальные рассыпались между плавучими островками, а отлив уносил, уносил плот все дальше, и кэлпи ничего не могли поделать. Якорь на трофеях упал на плот, кошка пропахала лицо мертвеца, зацепилась за легкое бревно, трос натянулся, катер рванул, плот с мертвецами запрыгал за ним на волнах, точно поплавок...

Элата кричал проклятия, воздев кулаки к небу, лодка его была разбита в щепу, и он чудом выбрался на плавучий островок. Ингкел успел увести лодку со своим бардом от удара, подплыл к нему, ловко балансируя шестом, и Элата прыгнул на скамью.

— Они забрали наших мертвых, — воскликнул он, — наших мертвых!

Голос, казалось, ударил с неба.

— Вы, зеленые твари, — кричал голос, — жабы! Знаете, что мы сделаем с вашими мертвцами? Мы развесим их вниз головой на ограждениях, развесим за ноги, вы, уроды! За каждую подорванную платформу, за каждый школьный автобус, за каждого нашего мы будем вешать вас, твари, и живых, и мертвых! Я вам человеческим языком это говорю! А не поймете, вам же хуже, жабы. Но вы понимаете, я знаю!

Кэлпии взвыли в бессильной злобе и ярости, пулемет на корме катера развернулся, пули веером пошли по кустам, сбивая листья и ветки...

— Они забрали наших мертвых, — плакал Элата.

Три гнезда кэлпии, вернее, те, кто из них остался, плачали вместе с ним.

* * *

В укромном поселении на сваях, обросших мягкими водорослями, глубоко в сердце Дельты, новые мертвые лежали на бревенчатом настиле, вытянувшись, отвернув от живых серые лица. Над свайными постройками смыкались кроны мангровых деревьев. Вдали рокотал прилив...

— Это все твои идеи насчет барда, Элата, — сказал чужой грозный кэлпии. — Эта маленькая бледная лягушка не бард. Это подделка. И песни его — ложь.

Он подскочил к Фоме и замахнулся, но Ингкел, который был начеку, перехватил его руку.

— Он пил молоко королевы, — сказал он, — он бард!

Я понимаю, что они говорят, думал Фома. Они говорят не по-людски, а я понимаю их. Они говорят, что я не фомор... Но раз я понимаю их, значит ли это, что я уже и не человек? Я не ребенок и не взрослый, я никто. Что я такое, боже мой, что же я такое?

Вожди чужих гнезд поднялись.

— Трусы, — горько сказал Элата, — отступники. Вам просто понравилось воевать без бардов. Потому что это безопасно. Вам понравилось прятаться во тьме и пакостить по мелочам. Вам понравилось быть трусами.

— Следи за своими словами, Элата. — Его собеседник потемнел лицом и даже сделал движение, будто хотел ударить Элату по лицу, но удержал руку.

— Мы будем драться между собой, — сказал Элата, — но сначала мы будем драться с людьми.

— Бард он или нет, — сказал чужой кэлпии, — но вот что я скажу тебе, Элата. Верни наших мертвых. Верни наших мертвых, и мы пойдем за тобой.

Кэлпи попрыгали в свои пришвартованные к сваям лодки, погрузили в них новых мертвцевов и оттолкнулись шестами.

Кэлпи Элаты стояли, озадаченно глядя, как камыши смыкаются за ними.

— Это не твоя вина, бард, — великолушно сказал Элата, — ты пел правильно. Это вина людей.

Но я человек, подумал Фома.

Он прижал арфу к груди и ничего не сказал.

— У людей что, совсем нет чести? — сумрачно спросил Ингкел. — Мы же сопровождали мертвых.

Фома перевел дух. Как и в прошлый раз, мир после песни сделался болезненно чистым, а каждый громкий звук заставлял вздрогивать и причинял боль. Теперь что, всегда так будет?

— О какой чести вы все время твердите? — спросил он. — Вы же напали на автобус с детьми.

— Мы положили четверых, — сказал Элата, — за одного вашего.

— Но автобус был с детьми, — повторил Фома.

— Но мы не причинили вреда вашей молоди. Мы убили только того, кто вел железку. Потом, у нас тогда не было барда.

Он помолчал и вновь сказал, словно это было самым лучшим доводом:

— У нас тогда не было барда. А на эту мерзость, которой вы ковыряете Дельту, на ту, что достает со дна горючую грязь, мы напали честно. Мы закричали, мы зажгли огни. Мы щадили людей. А у самих был полный плот мертвцевов.

Он схватился руками за голову и повторил:

— Целый плот мертвцевов! И теперь они повесят их за ноги! Надругаются над нашими мертвыми! Они просто животные, не знающие чести.

Надо же, подумал Фома, и эти тоже. Люди все твердят, что кэлпи просто животные, что у них нет разума, что они в плена инстинктов.

У кэлпи есть разум. Он сам убедился в этом. Но этот разум какой-то... чудной.

- И кто только их надоумил?
- Вас изучают, — сказал Фома. — Вы опасны, и вас изучают.
- Мы спасем наших мертвых, — сказал Элата. — Мы спасем их, и ты нам споешь. Мы пойдем сейчас. Прямо за ними. Они не ждут нас так быстро.
- В этом честь?
- Честь — чтобы спасти мертвых.
- Мертвые не нуждаются в спасении, — сказал Фома, — они для него недосягаемы. Живые нуждаются.
- Ты все-таки не совсем кэлпи, — сказал Элата, — ты еще личинка.

Он вдруг вытянул руку и погладил Фому по щеке.

— Но ты вырастешь. И споешь нам.

* * *

— Будем играть в войну! В войну с кэлпи!

Ученики выбежали во двор и теперь носились там, размахивая ранцами, норовя треснуть друг друга по голове.

Но просто бегать неинтересно.

— Нет, Фома, ты не будешь командиром отряда. Ты будешь кэлпи! Воюющим кэлпи! И мы тебя убьем. Ты будешь прятаться, а мы тебя найдем и убьем.

— Я не хочу, — Фома надулся и покраснел, — я хочу с вами. Я не буду кэлпи.

— Но подумай сам, — сказал Юхан, самый рассудительный и самый сильный, — если никто не хочет быть кэлпи, с кем мы будем воевать?

— Почему всегда я? — упирался Фома. — Пусть на этот раз кто-нибудь другой будет кэлпи.

— Потому что никто не хочет играть с тобой за людей, Фома, — терпеливо пояснил Юхан. — Один раз тебя взяли, а ты, вместо того чтобы бесшумно красться со всем отрядом, наступил на ветку, и Александр, который в тот раз согласился быть кэлпи, услышал тебя и вовремя отступил, и обманул часовых, и успел приложить к столбу ладонь, и кэлпи победили... Кто же хочет, чтобы кэлпи побеждали?

- Я нечаянно, — сказал Фома, — я не хотел...
- Но ты всегда так. Всегда с тобой что-то происходит. Помнишь, как ты ловил в луже щитней? И что из этого получилось?

Фома молчал, глядя в землю.

- Он дурачок, дурачок! — Роджер высунулся из-за юхановой спины и скривил рожу. — С ним никто не хочет играть! Он кэлпи, вонючий кэлпи! Мой дедушка был в плену у кэлпи, он говорил, они все такие — точь-в-точь как наш Фома.

- Твой дедушка был в плену у кэлпи? — не оборачиваясь, спросил Юхан. — И чем они там с ним занимались, пока он был в плену?

Остальные ученики, с интересом наблюдавшие за этой перепалкой, рассмеялись, потому что Роджера не любили еще больше, чем Фому. Он был просто мелкий пакостник с грязным языком.

— Ах ты!

Роджер наскочил на Юхана, без толку молотя кулаками. Драться ему не хотелось, но еще меньше хотелось окончательно потерять лицо. Юхан лениво ухватил Роджера за руку, завел локоть за спину. Роджер всхлипнул.

- Ты, Роджер, сам злобная вонючка, — сказал Юхан, — сегодня ты будешь кэлпи.

И добавил:

- Я просто хочу, чтобы все было по справедливости. Ты что, Фома?

— Я передумал, — сказал Фома, — я не хочу играть.

* * *

- Отобьем их, — Элата взмахнул копьем, — или поляжем в бою. И это будет славная битва.

— Мы поляжем в бою, Элата, — сказал Балор, — потому что они уже успели развесить наших мертвых на веревках. Развесили и поставили гнезда со стреляющими машинками — как они называются, Фома?

— Пулометами, — сказал Фома.

— С пулометами. И что ты будешь делать?

— Умру с честью, — безнадежно сказал Элата.

— И кто тебя будет хоронить? Я не пойду за тобой, Элата.

— Ты тоже научился быть трусом? Ингкел?

— Я хочу сначала послушать, что скажет бард, — сказал Ингкел.

— Люди ждут вас, — сказал Фома.

Одно смертоубийственное предприятие за другим. Они словно мотыльки, летящие на огонь. Все из-за него, из-за Фомы.

— Не хотите идти, не надо. Трусы. — Элата презрительно подул на сложенные щепотью пальцы. — Пойду один. Никто не скажет, что Элата не пошел за своими мертвыми. Даже ты, бард, не скажешь! Кто хочет идти за мной?

Кэлпи молчали, переминаясь с ноги на ногу. Потом повернулись к Фоме и посмотрели на него. Все повернулись к Фоме. Все, как один.

«Чего они от меня хотят?» — затосковал Фома.

— Я не буду петь об этом, Элата, — сказал он. — Это не честь, а глупость. Это самоубийство.

Он задумался.

Гнездо Элаты научилось воевать по-новому, думал он, и что бы они ни говорили, как бы ни носились со своей честью, со своим бардом, со своими мертвыми, они уже никогда не переучатся... В этом-то все и дело. Люди думают, что кэлпи никогда не изменятся, а кэлпи слишком верят в людскую хитрость и изворотливость... Но люди — это просто такие кэлпи. А кэлпи — просто такие люди. И если люди ожидают, что кэлпи бросятся сломя голову за своими мертвыми, то надо сотворить такое, чего люди не ожидают. Не бить дурацкими палками по дурацким пузырям, не вонить, не размахивать фонарями... И не красться, как трусы... Что-то среднее.

— Водяной конь, — сказал он.

— Что? — переспросил Элата.

— Водяной конь слушается вас? Вода слушается вас? В этом ваша магия?

— В этом наша магия, — согласился Элата. — О чем ты собрался петь, Фома?

— Я спою вам песню о мертвых, — сказал Фома. — О горящих погребальных пеленах, о воде и дыме... И он запел.

* * *

— Но мы съе никогда не провожали так наших мертвых, — сказал Ингкел ошеломленно, когда последний вздох амаргеновой арфы замер над плавнями.

— Я — бард, — сказал Фома, — я спел, и будет так.

— Он прав, Ингкел, — сказал Балор. — Это будет славная битва. И веселое дело.

— Но есть ли в этом честь?

— Да, — сказал Балор. Он потер рукой твердый подбородок и улыбнулся. — В этом есть честь, ведь мы избавим наших мертвых от позора. А значит, и сами избавимся от позора. Ах, какие песни будут петь про это в Дельте, Элата, ах, каких песни!

Элата молчал.

Потом поднял голову.

— Я надеялся, — сказал он, — что, получив барда, мы вновь станем воинами.

— Это и есть война, — сказал Фома. — Это не мелкие цакости, не убийства в ночи. Это — честь.

И жизнь, подумал он, но этого я не скажу Элате.

* * *

Плавни, успокоившись после атаки катеров с Территории, жили своей собственной жизнью. Пролетела, грузно махая крыльями, серая цапля; голова лежит на сложенной вдвое шее, клюв выдается вперед. На свесившейся над водой ветке сидел выводок зимородков. Потревоженный молодняк, точно по команде, ринулся в камыши, сверкая зелено-голубыми вспышками крыльев.

Мешаница блуждающих островов, тростника, ивняка, болот и отмелей, обнажающихся во время большого отлива и полностью поглощаемых приливной волной, идущей с океана...

Лодка Ингкела была тяжело нагружена и оттого почти по кромку бортов погружена в воду. Ингкел правил

шестом, Фома сидел сзади, в запасной лодке, легко пляшущей на привязи. Балор и Тетра вели свою лодку чуть впереди, и Элата держался рядом с ними. Время от времени лодка Фомы подпрыгивала, то натягивая канат, то отпуская его. Там, под днищем, черной тенью проходил, толкая его спинным плавником, огромный водяной конь.

Что-то не так, думал Фома, я что-то упустил, все слишком хорошо, слишком просто. Как в игре, как в детской игре. «Ты будешь вонючим кэлпи!» Задача «кэлпи» — добежать до бетонной опоры на задах школы и хлопнуть по ней ладонью. Задача «людей» — помешать ему.

Кэлпи — хитрые вонючки. Кэлпи всегда стараются выкинуть что-то неожиданное.

Задача людей — помешать им.

Помешать им.

Помешать.

Я человек, думал Фома. Предположим, сейчас я человек, и я знаю, что кэлпи идут к этой бетонной опоре, чтобы хлопнуть по ней своей противной зеленой ладонью. Моя задача — помешать им. Как я могу помешать кэлпи, если я знаю, что они придут, и если я, скорее всего, знаю, каким путем они пойдут? По одному из рукавов, который выведет к сторожевым вышкам... Там дальше пустая вода, мы, люди, не идиоты, мы выжгли все на километр, чтобы ни одна вонючка не могла сунуться. Мы регулярно расчищаем заросли, углубляем дно, но это все равно что бороться с ветром, с водой — Дельта за ночь наносит новые полосы песка, к ним прибиваются плавучие острова, но перед наблюдательными вышками всегда — чистая полоса; черная вода и прожекторы по ней ночью — шорк-шорк...

Нам помешают раньше.

«Хромоножка! — подумал он. — Хромоножка нарвался на растяжку, он подорвался на мине и потерял ногу...»

— Элата, — крикнул он, — Ингкел! Элата!

Канат между его лодкой и лодкой Ингкела провис — Ингкел всем телом налег на шест.

— Все подходы к сторожевым вышкам будут заминированы, — сказал он.

— Откуда ты знаешь? — недоверчиво спросил Ингкел.

— Это игра, понимаете? Такая игра. «Перехитри кэлли» называется. Понимаете?

— Нет, — сказал Элата.

— Они знают, что мы придем, они на это рассчитывают. Мертвцы на вышках не наказание. Это приманка. Они ждут нас. Они думают, что мы пойдем большим отрядом, и они жалеют своих людей. Они заминировали Дельту и ждут. Ждут, когда мы зацепим растяжку, взлетим на воздух и погибнем все.

— Ты струсишь, — сказал Элата.

— Нет. Да. Элата, это страшная смерть. А если уцелеешь — страшная жизнь. Я знал одного такого, он не навидел себя и все на свете. Ваша магия может пустить вперед пустую лодку? Я сяду к тебе.

— Обратно будем добираться в тесноте, — сказал Элата и засмеялся.

Он налег на шест, и лодка его проплыла мимо лодки Фомы.

— Я пойду впереди, бард, — крикнул он, — а ты спошь об этом!

Лодка Элаты скользила, словно хищная рыба.

— Осторожней, Элата, — предупредил Фома, — они не заметные, как паутинка. Просто проволока, натянутая попрек протоки.

— Твоя доблесть не в том, чтобы умереть, Элата, — согласился Ингкел, — а в том, чтобы не дать смерти ужалить нас в пяту. Осторожней, прошу тебя.

— Я спою о твоей мудрости, — крикнул Фома в спину Элате, — о твоей доблести!

Они возобновили движение, на сей раз медленно. Элата то продвигался вперед, то опускал шестом дно или пространство переди себя, тогда все — даже водяной конь — замирали в ожидании.

— Так мы не успеем до темноты, — сказал Ингкел Фоме. — Плохо.

— Мы зальем ночь светом, — сказал Элата и расхохотался.

И стал свет.

Лодка Элаты стала дыбом, потом переломилась пополам, к небу поднялся столб воды, черная фигура сложилась, ее подбросило, как тряпичную куклу, руки-ноги под причудливыми углами. Ингкел отчаянно уперся в дно шестом, лодка его заплясала на месте, и лодка Фомы с легким стуком ударила о ее корму. Фома в ужасе зажмурил глаза и почему-то закрыл уши руками.

Сейчас, подумал он, сейчас опять рванет!

Ему захотелось выпрыгнуть из лодки, но он удержал себя. Он помнил про водяного коня.

Ингкел стоял, опершись на шест, рот широко открыт, глаза зажмурены. Потом осторожно открыл один глаз. Мимо него течением несло обломки. Среди них на волне покачивалось тело Элаты, переломанное, искромсанное, на чистом нетронутом лице торжествующая усмешка. Ингкел перегнулся через борт, поднял вождя на руки и пристроил на носу лодки.

— Ты споешь об этом! — сказал он Фоме.

— Мы вернемся, — сказал Фома, — и я спою обо всем.

— Фома, садись к Балору. А ты пусти вперед пустую лодку, Тетра, — сказал Ингкел, — а сам стань за ней — и смотри в оба.

* * *

Они стояли в камышах, укрывшись за кучами плавника. Наступил вечер, и Территория мерцала огнями. Огни отражались в воде, распуская разноцветные дорожки. Это красиво, думал Фома, дорожки эти — словно струны у арфы и вроде даже звучат по-разному. Ограда вздымалась из воды на два человеческих роста, по верху пропущена колючая проволока, по периметру — наблюдательные вышки.

— Вот они, — сказал Ингкел, — наши мертвые.

Фома понял, отчего контур наблюдательной вышки показался ему непривычным; со смотровой площадки, привязанные за ноги, свисали гроздья мертвцевов, спелеенные, точно огромные куколки шелкопряда.

«И каково часовым? — подумал он. — Ради чего все это? Затяжная война, выматывающая обе стороны, в которой нет ни правых, ни виноватых».

— Они просто животные, эти белорукие, — сказал Ингкел сокрушенno, — если такое делают с мертвыми.

— Нет, — сказал Фома, — они считают животными вас. А мертвое животное — просто мясо.

Он нерегнулся через борт и опустил ладонь в воду. Ладонь ощущала слабое сопротивление, вода ударяла в нее, словно бы отрастила крохотный кулачок.

— Да, — сказал Балор, — начинается прилив.

Он сложил руку чашечкой и подул в нее. Кулачок стал сильнее толкаться в ладонь Фомы.

Ингкел перебрался к нему в лодку и отвязал конец. Теперь он удерживал привязь только рукой, подтянув лодку с мертвым Элатой поближе.

Лодка сама собой стала разворачиваться носом к Территориям.

— Водяной конь, — сказал Ингкел нежно, — водяной конь! Возьми эту лодку на свою спину и донеси ее до середины мертвой воды. Дальше я пошлю ветер и прилив, прилив и ветер. Лодка станет сама приливом и ветром!

Он наклонился, высек искру и поджег фитиль. Язычок пламени резво побежал по веревке, выхватив из тьмы спокойное улыбающееся лицо Элаты.

— Пошел! — завизжал Ингкел.

И лодка рванулась вперед.

Она неслась, словно скутер, с мертвым на борту, со своим смертоносным грузом, она постепенно занималась огнем, и на вышке уже дали несколько бесполезных очередей — лодка неслась так быстро, что превратилась в размазанную огненную полосу.

Прыгайте, дураки, мысленно умолял Фома людей на смотровой площадке, прыгайте, разве вы не видите, сейчас оно рванет!

И рвануло. Лодка с мертвым Элатой ударила в изножье башни и содрогнулась, и страшным эхом ей отвечали плавни. Лодка, в которой сидел Фома, подпрыгнула

на воде, а по ивняку прошла волна горячего ветра. Столб огня ударили в небо, и огненные коконы мертвых раскачивались на веревках, разбрасывая маленькие шарики огня, они, шипя, падали в воду и гасли. Вышка затрещала и описала дугу в воздухе, но не упала, а так и застыла, накренившись к воде, и отражение ее расцвело пламенем. Пулемет крякнул и замолк.

— Какие похороны, — Балор ударил себя ладонями по коленям, — какие дивные похороны!

— Мы и правда вернули себе достоинство, — задумчиво сказал Ингкел, — наше гнездо, одно из всех. О нас будут петь в Дельте. А теперь поворачиваем — и упаси нас водяной конь сбиться с проложенной тропы. Ты споешь об этом, маленький бард?

— Да, Ингкел, — сказал Фома, — я спою об этом.

* * *

— У нас замечательный бард. Нам повезло, мы будем воевать!

Балор повернулся на тростниковом настиле и протянул Фоме серебряный кубок. Фома глотнул. Это было вино, легкое и молодое, оно слегка щипало язык.

— И мы наконец-то сможем жечь огни! Жечь наши веселые огни, не боясь, что нас найдут с воздуха.

— Вы никогда не сможете жечь огни, Балор. Люди не допустят этого. Они пошлют самолеты с Суши. Пошлют войска. Всю Дельту превратят в минное поле, как это было во время той войны.

— Та война была давно, — отмахнулся Балор. — А Дельта — наша.

Фома вернул кубок Балору.

Бесконечная война, подумал Фома. По крайней мере, до тех пор, пока не истребят всех кэлпи. Несмотря на всю их честь. Или благодаря этой чести. Лучше бы они по-прежнему были трусами. Пока кэлпи были трусами, у них был шанс.

— Где вы жили раньше, Балор?

— Мы всегда жили здесь, — ответил Балор, — мы всегда жили в Дельте. Дельта — наша.

— Ты врешь, Балор. Раньше не было никакой Дельты. Земля была сухая.

— Как — сухая? — удивился Балор. — Совсем? Никакой воды?

— Нет, — сказал Фома, — я читал в учебнике, что по ней текли реки, но с одного берега такой реки можно было увидеть другой берег. Я читал и смотрел кино. И тогда везде были люди. Везде-везде. Где были вы? Почему тогда не нападали на людей?

— Я не помню так далеко, Фома, — ответил Балор, улыбаясь, — барды помнили. Бардов больше нет. Ты наш бард, ты помнишь про то, что было до Дельты. Это замечательно.

— Прежде чем мир стал принадлежать кэлпи, он принадлежал людям. Потом, пришла Большая Вода, и он изменился. Потом появились кэлпи. Потом случилась большая война. Кто начал войну, Балор? Почему, вместо того чтобы воевать, люди и кэлпи не попытались подружиться? Почему истребляли друг друга?

— Это люди нас истребляли, — возразил Балор. — Мы воевали честно.

Фоме показалось, будто он ходит по кругу. Барды поют, и трусливый делается смелым. Барды поют о честной войне. Почему ни один из бардов не попытался спеть о мире?

— Ты — наш бард, — льстиво сказал Балор, — наше гнездо прославилось благодаря тебе.

Он положил руку Фоме на плечо и притянул его к себе. Фома стряхнул с плеча чужую зеленую руку и встал.

— Не хочешь поиграть со мной, бард? — Балор улыбнулся широко и доброжелательно. — Ну-ну, не сердись. Для меня тут нет обиды — бард принадлежит сам себе.

Фома встал. Повсюду — на тростниковых настилах, на досках, уложенных поверх высоких свай, — веселились кэлпи. Веревочные лестницы колыхались на легком ветру, к ним для красоты были привязаны зеленые ленточки. Всюду были кэлпи, они шумели, пили из серебряных и деревянных резных кубков, жарили на раскаленных камнях, на потайных костерках водяных змей, сиде-

ли на тростниковых циновках, на перекладинах в развилках деревьев, на зеленой траве... Некоторые сидели парами, тесно сплетя руки. От таких Фома отворачивался, делая вид, что смотрит в другую сторону.

Ни одной женщины, подумал он, ни одного ребенка.

Наверное, они прячут их в недоступных густых плавнях — километры и километры зелени и воды, то, что с самолета кажется сушей, а на самом деле трясина, зыбкое месиво, обманчиво прикрытое сверху плавучими островками, ряской, тиной...

А где прячется она?

Где-то совсем рядом, думал он, совсем рядом.

Иначе откуда бы эта мелодия у него в голове, откуда этот зов, эта тоска по недостижимому...

Он шел на этот зов меж спящими, меж сплещенными телами. Вдруг наступила ночь, совершенная, тихая, звездная ночь. Звезды отражались в воде, он никогда не думал, что от звезд на темной воде могут быть дорожки...

Там, за деревьями, если пройти чуть вглубь и влево, если свернуть на эту тропу...

Тропа по обе стороны поросла бледными колокольчиками-тройчатками, словно самосветящимися бледным светом, а в конце пути была поляна, окруженная густыми зарослями ивняка, и в самом сердце этой поляны стояла она.

Он подошел к ней, схватил за руки...

Она тоже свстилась, словно эти цветы-тройчатки, словно прекрасный опалесцирующий сосуд, словно мраморная статуя, погруженная в толщу зеленой, пронизанной солнцем воды.

— Откуда ты взялась? — спросил он.

Ни одна лодка не подойдет к лагерю кэлпи бесшумно, ни один пришелец не останется незамеченным... И все-таки вот она, стоит тут, перед ним, стоит и светится...

— Я умею открывать троны, — сказала она.

— Открывать троны?

— Да. — Она улыбнулась и приложила прохладную руку к его щеке. — Помнишь, тогда в вашем парке, на

насыпи? Тропу можно открыть в любом месте, лишь бы на другом ее конце были деревья.

— Это ваша кэлпийская магия? — спросил он шепотом.

— Да, — кивнула она, — это наша фоморская магия. Ты избегаешь называть нас нашим тайным именем? Но у тебя у самого наше имя, маленький бард.

— Это случайность.

— Да, — согласилась она, — это случайность.

Колокольчики-тройчатки пахли так, что у него перед глазами плавали белые точки. Потом он понял, что это золотоглазки, они окружили его, их прозрачные бледные крыльышки трепетали у его век.

— Они всегда приходят, когда приходишь ты?

— Нет, — сказала она, — они всегда приходят, когда приходишь ты. Ты пел моим людям, я знаю.

— Да, — согласился он, — я спел им четыре раза. Один раз — песню битвы, другой раз — песню смерти, третий раз — песню хитрости и четвертый раз — песню славы.

— Как ты вырос, маленький Фома!

Он молчал. Личинка вертячки, думал он, зов, который нельзя преодолеть...

— Мне не следовало приходить сюда, — сказала она, — но я пришла. Что ты со мной делаешь, маленький Фома?

— Зачем я тебе? — сказал он хрипло. — У тебя есть твои воины.

— У меня есть мой бард... Наконец-то у меня есть мой бард. Я выбрала тебя и не ошиблась.

Она прильнула к нему, руки ее были точно две серебристые рыбки, они скользили по его телу, это было щекотно и сладко...

Он отстранил ее, и ее руки в удивлении метнулись прочь.

— Сегодня я помогал воевать со своим народом. А человек из моего народа пытался убить меня.

— Это значит, ты становишься взрослым.

Я взрослый, подумал он и обнял ее. И она прошептала ему в ухо теплым дыханием:

— Ах, что ты со мной делаешь!

Он целовал ее волосы, они были теплыми и пахли мокрой лесной зеленью и белыми цветами, целовал ее маленькие уши, нежные, словно перламутровые раковины, целовал ее глаза, прикрытые бледными веками с синеватыми прожилками.

Руки ее заплелись у него на шее...

«Если я не скажу ей сейчас, когда я смогу это сказать? — подумал он в тоске. — Кому? Элата бы меня не понял. Ингкел бы презрительно скривился. Балор бы рассмеялся. Ни мертвым, ни живым... никому... только ей».

Он отстранился, по-прежнему удерживая ее руки, чтобы она не убежала далеко.

— Я бард, — говорил он, — я должен петь. Но сегодня я спел твоим, и погибли мои. Наверняка погибли... А кэлли...

— Фоморы, — поправила она и сдула прядку, упавшую на лицо.

— Твои фоморы сидят и пьют и веселятся, но их всех убьют... Им не выстоять против людей.

— Обними меня креиче, маленький бард, — прощептала она, — обними меня!

— Четыре песни я спел... у меня осталась только одна... только одна песня. Я больше не хочу петь о войне. Я хочу петь о любви.

— Я тоже не хочу говорить о войне. Я тоже хочу говорить о любви!

— Я хочу понять... Почему вы всегда воюете? Почему ненавидите нас?

— Но я люблю вас, — сказала она.

Он чуть не выпустил ее из рук.

— Что?

— Я люблю вас. Вы люди. Вы прекрасны. Ты прекрасен, маленький Фома, мой бард.

— Но твои воины...

— Мои воины не могут не воевать. Это их суть. Это их честь.

Она повернула к Фоме прекрасное бледное лицо.

— Когда фоморов много, они воюют друг с другом.
Когда их мало — с людьми.

— Нас тоже мало, — сказал он, — и кэлпи мало. Мы нужны друг другу. Вместе легче выжить. А мир жесток.

— Мы нужны друг другу, — согласилась она, — иначе с кем мои воины будут воевать.

— Я сложу песню, — сказал он, — песню о любви. Я бард, я сумею прекратить войну. Я перевертыш, я человек и кэлпи, я все сразу, я сумею так, как никто до меня.

Где-то за его спиной раздался всплеск. Ондатра нырнула, оставив на лунной дорожке темную прореху.

— Ты бард, — согласилась она, — ты мой бард. И мой любимый. Идем, идем со мной!

Она потянула его за руку.

— Ты появляешься и исчезаешь, — пробормотал он, — где ты находишься, когда тебя нет?

Она рассмеялась.

— Везде и шагде, как сейчас. Пойдем! Я скажу тебе тайну, страшную тайну...

— О чём ты?

Она прижалась к нему тесно-тесно, обхватила его руками и прошептала, щекоча ему ухо:

— Королева скоро умрет!

— Королева умрет? — переспросил он растерянно. — Почему?..

«Ты бард. Ты пил молоко королевы...»

— Она уже очень старая. Очень старая. Это ее последние подданные. Это не важно.

— Что не важно?

— Все. Все это. Пойдем, пойдем со мной. Ты сам увидишь...

Она вновь потянула его, белые пальцы сдавили смыкались на его запястье, запястье было широкое, а ее пальцы — крохотные и нежные, как у ребенка.

— Где ваши женщины? — зачем-то спросил он.

— Какие женщины? — Она подняла тонкие брови. — Погоди, что это?

— Где? — насторожился он, потому что она задрожала и вновь припала к нему.

— Там... далеко... уже ближе... такос страшно!
Он поднял голову.

Из-за горизонта катилась волна гула, волна рева, черно-багровая волна, она была точно прилив, грохочущий по Дельте, сметающий все на своем пути. Он поднял голову.

Страшные, грозные самолеты проплывали над ними, даже отсюда, снизу, они казались огромными, и брюхо у них было набито бомбами, точно рыба — икрой...

— Это с Сунни, — сказал он. — Суша прислала самолеты. Суша не позволит, чтобы кэлпи нападали на нефтяные вышки. Никогда не позволит. Я знаю этих людей. Они не успокоятся, пока не истребят всех вас. Они будут разыскивать вас и убивать. И ставить ловушки. А я — единственный бард.

Она кивнула.

— Ты — единственный бард, — согласилась она, — мой бард. Ты сделал все, что мог. Все, что нужно. А значит, теперь я могу забрать тебя. Пойдем же. Мне страшно... Эти ваши страшные машины... Я заберу тебя в такое место, где их нет! Где тебя никто не найдет! У нас с тобой так мало времени!

Он покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Я бард.

— Ты храбрец, — она провела ладонью по его лицу, прощаясь, — ты мой бард, и ты храбрец. Когда устанешь воевать, просто садись в лодку... Бард знает путь к запретному острову, только бард и знает его. Садись в лодку, вспомни меня, вспомни нашу поляну... И ты придешь туда. Только поторопись, королева умирает.

Она взяла его за плечи маленькими ладонями, повернула и легонько подтолкнула в спину.

— Иди, — сказала она, — иди и помни: королева скоро умрет.

Когда он обернулся, поляна погасла... Не было ни цветов-тройчаток, ни золотоглазок... Только зелень и тьма.

Такая прекрасная, думал он, нечеловечески прекрасная... вообще нечеловеческая.

Какое счастье держать ее в ладонях... Ее лицо в моих ладонях — точно маленькое озеро чистой воды, полные ладони чистой холодной воды, в которой играет солнце.

Какую песню я спою ей, ах, какую песню!

Черная фигура выдвинулась из тьмы, и он вздрогнул. Потом понял.

— Ты следил за мной, Ингкел?

— Я всегда слежу за тобой, — сказал Ингкел, — так мне велел Элата.

— Элата мертв.

— Да, — согласился Ингкел, — Элата мертв. Но я жив. Быть может, ты вздумаешь бежать. Быть может, ты вздумаешь уйти к своим. Ты предал своих, предашь и нас...

— Я никого не хотел предавать, Ингкел. Это помимо меня. Но сейчас это не важно.

Они шли бок о бок по пустой тропе с погасшими цветами-тройчатками.

— Видел самолеты? — спросил Фома.

— Да.

— Будет война.

— Да, — сказал Ингкел, — будет война. Мы все умрем.

— Ингкел...

Сколько терпения нужно, подумал Фома, чтобы объяснить очевидное.

— Это война. Сначала они ударят с воздуха. Потом зачистят оставшихся. Никто не уйдет.

— Значит, мы умрем, — сказал Ингкел. — Спой нам. Спой нам песню сбора. Спой песню боя.

Он повернулся к Фоме спокойное улыбающееся лицо.

— Ингкел, — тоскливо сказал Фома, — они вот-вот ударят.

— Ты боишься? — Ингкел презрительно улыбнулся. — Я закрою тебя своим телом!

Кэлпи в своем древесном убежище смеялись и переговаривались, заряжали самострелы и правили острия копий. Балор улыбнулся и помахал ему рукой.

— Мы зажгли огни, Фома! Мы наконец-то зажгли костры! Смотри, смотри!

Кругом в листве горели огни, почему-то цветные, словно фонарики на елке... Или это голоса и смех кэлпи окрасили их в разные света?

— Вы что, — спросил Фома, — с ума сошли?

— Но будет битва! Великая битва! А пока она еще не началась, мы проведем время в веселье и отваге, Фома! И ты споешь нам!

Я человек, думал Фома, я понимаю то, чего не понимают они! Я умею думать дальше, чем на один ход. И я фомор. Я знаю то, чего не знают люди. Я сумею. Я справлюсь.

Надо только подобрать правильные слова.

— Я спою вам, — сказал он, — передайте всем. Я спою вам. Только всем. Сразу.

— Это хорошая мысль, Фома, — сказал Балор. — Давай соберемся все вместе, пока нас не убили. Ты будешь петь о нашей храбрости?

— Я буду петь о любви, — сказал Фома, — о жизни и о любви.

— Наверняка, — сказал Балор, широко улыбаясь, — наверняка ты сложишь прекрасную песню!

* * *

Он плыл, закрыв глаза. Так почему-то было легче.

Легкое эхо от плеска волн о борта его лодки, от ударов пестра о воду, от шелеста листьев над головой соткало сложную картину из теней и света, вроде той, что иляшет на поверхности воды на закате. Запретный остров под закрытыми веками казался четче, чем наяву, — корзинка цветов и листьев, торчащая из воды. Он открыл глаза.

За спиной, точно поплавки, качались лодки, и по дороге к их маленькой флотилии присоединялись еще и еще, выныривали из темноты, точно хищные остроносые рыбы, — все фоморы из всех гнезд, сколько их было, собирались здесь послушать песню.

Сколько их, подумал он, о боже, я и не думал, что их столько. Их же тысячи!

И тут он услышал зов.

Зов был таким ясным и четким, словно кто-то позвал его по имени.

Он осторожно шестом развернул лодку носом вдоль рукоятки Большого Ковша.

Лодки за его спиной тоже чуть развернулись, едино и слаженно, точно стая серебристо-черных рыбок.

И он увидел остров. Он был немножко не таким, как он себе его представлял, словно чуть вытянулся в длину и теперь находил не столько на одну корзину цветов, сколько на несколько таких корзин, помельче, спущенных на воду.

Вода вокруг него была чистая и спокойная.

Он обернулся и увидел лодки кэлли.

Дальше, за лодками, небо горело.

Больше ничего, только пурпурное небо, отздавшееся у него в голове тяжелым медным звоном, но он внутренним взором видел: горело изящное убежище кэлли в плавнях. Горели бревенчатые настилы и лесенки, рыбы всплывали белыми брюхами вверх, птицы носились по небу, точно пылающие лоскуты тряпья, ондатры выбирались на берег и безуспешно пытались отчистить слипшуюся шкурку, листья ивы сворачивались в бурые свитки, и, прежде чем заняться пламенем, на них пропадали огненные письмена на неведомом языке.

И катился в туче брызг, точно огромное блестящее черное колесо, в боли и ярости кусая себя за хвост, выпрыгивал из воды в тщетной попытке спастись страшный водяной конь.

Но здесь было тихо.

Вода плескалась о белую полоску берега.

Он направил лодку к ней, обернулся и крикнул:

— Ждите здесь! Все ждите здесь!

И высоко поднял свою арфу, чтобы все увидели ее.

— А-aaa! — крикнули кэлли и ударили древками копий в днища своих лодок. И только Ингкел, чья лодка пила бок о бок с лодкой Фомы, крикнул:

— Куда ты нас привел?

— Где нет войны, — сказал он и соскочил в воду.

Вода завертелась у его колен, с чистого твердого дна поднялись облачка муты.

Он по-прежнему держал арфу высоко над головой, чтобы она была видна всем.

— Оставайтесь здесь! — крикнул он, и арфа ответила грозным рокотом. — Оставайтесь здесь. Я привел вас в убежище! Дельта горит!

— А-ааа! — закричал фоморы. — Ты умный и хитрый! Ты привел нас, чтобы переждать огонь! Они убили нашу Дельту! Нашу Дельту! Мы отомстим!

Он вновь попытался пересчитать лодки, но лодки плясали на воде, и он все время сбивался. Сколько их? Пятьсот? Тысяча? И в каждой — по двое кэлпи, и все собираются мстить!

Ничего, подумал он. Я бард.

И тут он увидел ее. Она стояла на пригорке, поросшем бледной травой, и стайка золотоглазок вилась вокруг ее лица.

— Хорошо, что ты пришел, любовь моя, — сказала она тихо, но он услышал ее голос так отчетливо, словно он прозвучал прямо у него в голове, — я позвала тебя, и ты пришел! Но зачем ты привел весь мой народ?

— Дельта горит, — сказал он.

— Дельта горела не раз, — равнодушно ответила она.

— Но твой народ — он мог погибнуть. Никакой честной войны. Никогда не будет никакой честной войны, понимаешь?

— Честная война, — пробормотала она и подошла ближе, и он увидел, что ее трясет и слезы повисли у нее на ресницах. — Нечестная война... Какая разница сейчас?

— Что такое? — Он обнял ее за плечи, и плечи эти вздрогивали у него в ладонях.

— Королева умерла, — сказала она страшным низким голосом.

И зарыдала еще сильнее, так горько и бурно, что его рубаха стала мокра от ее слез.

— Все кончено, маленький Фома, все кончено... Ах, как страшно... Отпусти меня.

— Что кончено?

— Ниче... не важно.

Он поставил ее на ноги, точно большую куклу. Она на миг пошатнулась, припав к его плечу, потом выпрямилась.

— Пусти меня, — сказала она чужим голосом. — Так или иначе, для меня все кончено. Для нас... Теперь я буду драться, а ты будешь петь. Иди за мной, маленький бард...

В ее нижних веках стояли слезы, скапливаясь, стекали по лицу, словно ртутные ручьи.

— А они? — Он кивнул в сторону лодок, пляшущих на темной воде.

— Они будут ждать, сколько надо. Никто не осмелится ступить ногой на берег запретного острова. Только бард.

Он разжал руки. Она сделала один неверный шаг, потом другой, пошатнулась, выпрямилась, обернулась, сказала: «Следуй за мной!» — и исчезла в зарослях. И он пошел за ней по отпечатавшейся в песке цепочке ее следов, крохотных и узких, словно ивовые листья.

* * *

Стайка прозрачных золотоглазок, стражей острова, вилась возле его головы.

Темный тоннель распахнулся, открыв себя в сплошной зеленой стене, и Фома, по-прежнему сопровождаемый облачком золотоглазок, вошел под его свод. И опять он увидел другое.

Здесь было свое время — точно стакан, наполненный чистейшей водой, стоял рассвет.

И было так:

Он оглядывался в поисках ее, но ее нигде не было видно.

Но он увидел нечто — темное кольцо, возвышающееся на поляне, плотное кольцо, словно бы деревья вдруг решили сойтись в круг, чтобы поговорить о чем-то своем, древесном.

На поляне, залитые утренним светом, стояли старейшины-фоморы.

Господи, подумал он, это же чудовища, чудовища!

От ужаса и удивления он чуть не выронил арфу.

Старейшие были темные, кряжистые, каждый выше Фомы на голову, руки, узловатые, как старые ветки, на плечах друг друга, ноги, узловатые, как старые корни, вросли в землю.

Один обернулся к нему — глаза цвета ивовой листвы, расщелина рта открыта в мучительном усилии. И, содрогаясь от этого усилия, он сказал Фоме:

— Начинай!

Фома молчал. Знание того, что он должен сейчас сделать, перетекало в него из облачка золотоглазок, вьющихся вокруг головы, из травы, ласкающей босые ноги, а старейшины обернули к нему круглые головы; круг их был тесен и скрывал нечто, до сих пор для Фомы невидимое. Но желанное, думал он, отчаянно надеясь, что, когда он сделает, что велено, все разрешится само собой.

Он взошел на пригорок и расчехлил арфу. Старейшие стояли неподвижно, по-прежнему окружая нечто, желанное и недосягаемое... Фома положил руки на струны и, когда арфа отзывалась глубоким вздохом, запел:

Умерла королева,
воины плачут,
зеленые ивы
клонятся долу,
тропою смерти
уходит сила,
нежность уходит
по остирю дороги,
по лунной ленте,
по тайным тропам...

Он пел это и знал, что делает правильно.

И не знал лишь одного — кому и на каком языке он поет.

— Ахххх! — выдохнули старейшие хором и расступились.

Поляна поросла короткой густой травой; совсем как спортивная площадка у них перед школой, подумал Фома, и сердце у него неприятно заныло.

— Сестра-двойник, — прошептал Фома, и арфа отвела ему тоскливым звоном.

Потому что его принцесса стояла в круге, и еще одна там была, и она тоже была его принцесса. Обе — как два лесных ореха-двойняшки, как два цветка-первоцвета на одном стебле.

Фоме стало жутко.

Две дочери-сестры обернулись к нему одновременно. Одна улыбнулась ему, другая подвязала волосы боевым узлом.

Обе скинули платья и стояли обнаженные, точно белые башни.

— Аххххх! — вскрикнули старейшие, и ноги-корни поднялись и опустились в такт.

Фома вдруг понял, что им тоже страшно, что надо как можно скорее прекратить это невозможное, немыслимое раздвоение, и еще он понял, что прекратить его можно только одним способом. Он вновь запел:

Дочери-сестры
выходят на битву!
Печальная доблесть
ведет их к смерти,
кто уцелеет,
убив другую,
кому спою
песню привета?

Белые башни двинулись с места. Белые ноги, казалось, не приминали траву, чуть заметный зеленоватый отлив тел был точно мох на белом мраморе, точно от свет зеленых листьев на воде...

— Убей! — выдохнули старейшие. — Убей, убей, убей!

Белая рука прянула вперед и ужалила соперницу в плечо.

Два лебедя
выгнули шеи,
щиплют друг друга,
схватившись насмерть,
самки-ужихи,

две королевы
сплелись друг с другом
в последней битве, —

шел Фома, не зная, кому из них он поет, которой из них желает победы. Пустые лица, глаза как серебряные монеты, крепко сжатые рты...

Одна начала заметно одолевать, ее руки ужалили соперницу в виски, метнулись к высокой шее, и Фома с ужасом ощутил, как захлестывает его чужое торжество и собственное облегчение. Двум королевам не бывать, подумал он...

И тут та, что, не выдержав напора, клонилась все ниже, вдруг обернула к Фоме лицо и улыбнулась через силу, и печальная и нежная эта улыбка ее ужалила Фому в душу.

Бот она, подумал он в тоске, вот она, моя!

И арфа Амаргена, чужая арфа отозвалась на его тоску.

Восстань, любовь моя!
Убей подругу,
убей убийцу,
зеленым мохом
нашего ложа
я заклинаю:
Двум королевам
не место в Дельте,
тебе одной лишь
царить на ложе! —

пела арфа.

И каждый ее звук, и каждое слово песни, что выпевал Фома сейчас, казалось, вливали силу в его женщину, в его принцессу, отнимая их у соперницы.

Его принцесса поднялась с колен. Белые руки ее сомкнулись на горле соперницы.

— Сильнее, сильнее, сильнее! — пела арфа Амаргена.

Лицо той, второй, посинело, вздулось и опало, колени ее подломились, она вытянулась на траве, встрепенулась, точно серебряная рыбка, опять вытянулась и больше уже не двигалась.

— Аххххх! — вскричали старейшие в третий раз.

Из распяленных ртов вырвался крик, этот крик понесся по Дельте и поднял стаю черных птиц, клевавших падаль в дальней затоке. И страшным эхом, полным тоски и боли, ответили ему воины в лодках.

И словно эхо этого эха, захлестнула Фому волна тоски и горечь утраты, ибо и погибшая соперница была прекрасна.

Он сонел со своего холма, и старейшие расступились, пропуская его. Там, где они стояли прежде, остались глубокие рытвины, пятна содранного дерна.

— Радостью было смотреть на тебя, — сказал он мертвый.

А его женщина плакала, стоя рядом. Он обернулся к ней, чтобы почтительно приветствовать новую королеву, но она продолжала плакать, точно девочка, дрожа всем телом, слезы струились по ее лицу, собираясь у нижних век маленькими блестящими озерцами.

— Зачем, — всхлипывала она, — ах, зачем! Твоя арфа...

— Моя арфа пела тебе, — сказал он неуверенно.

— Я готова была умереть. — Она всхлипнула и вдруг отчаянным жестом закинула руки ему на шею. Тело ее было мокрым и горячим, и он стоял в кругу старейших, не зная, дозволено ли ему обнять ее в ответ.

— Я не хочу быть королевой, — ее лоб упирался Фоме в грудь, руки охватили шею так, что он едва мог дышать, — не хочу...

— Но ведь... — растерянно сказал Фома.

Он хотел добавить, что любит ее, что узнал ее, что жалеет ее соперницу, но рад ее победе. Но на плечо ему легла тяжелая рука с мощными корявыми пальцами.

— Они всегда плачут, — сказал старейший, — каждая из них плачет. Так всегда бывает, о бард. Ты хорошо пел. Она хорошо сделала, что выбрала тебя. Узнать новую королеву без барда немыслимо. А теперь уходи отсюда. Это не для твоих глаз.

Он положил руку на плечо его королеве, и та испуганно вскрикнула:

— Фома!

Он рванулся к ней, но старейшие уже замкнули вокруг нее плотное кольцо.

* * *

— Не мешай мне, Ингкел.

Фома отвернулся и сцепил руки на коленях. Он вновь сидел в своей лодке, и не один — Ингкел сидел рядом с ним. Он всегда рядом, подумал Фома, ненависть может быть крепче любви. Запретный остров был совсем рядом, рукой подать, думал он, место, где есть любовь, единственное место, где ненависть уравновешивается любовью. Ингкел здесь, но и запретный остров здесь. Кажется, руку протяни, вот он...

Было тихо, серая вода отражала небо, щебетала какая-то пичуга, но даже сюда тянуло гарью. Он знал: там, за спиной, лежат плавни, жалкие, обугленные, над теплой водой стелется черный дым...

Черные лодки на серой воде. Множество лодок. И хотя сидящие в лодках не обращали на него никакого внимания, уважая его потребность в одиночестве, он чувствовал на себе липкую паутину взглядов исподтишка.

Он все-таки был их бард. И они на него надеялись.

Вертячка, подумал он, личинка, что поселяется в голове муравья и толкает его на самоубийство. Не укрываться в муравейнике от холода ночи, не заниматься мирными делами, не лелеять своих куколок, а карабкаться вверх по травинке и застывать на ней, дожидаясь, пока тебя не склюют птицы. В голове у кэлпи поселилась вертячка. Она гонит их на смерть, а они думают, что их зовут законы чести и битвы.

Муравей, наверное, тоже думает, что его зовет что-то прекрасное, чему нет равного в муравьином мире...

Муравью нельзя помочь, думал он, но кто поможет кэлпи?

Я все-таки сложу песню, думал он, правильную песню...

Хромоножка, говоря о том, что кэлпи просто животные со сложными инстинктами, либо говорил то, что ему

велено, либо был просто глуп. Наверняка в Метрополии, на землях Суши, изучали кэлпи. Если нашлись люди, которые поняли, что для кэлпи барды, значит, кто-то изучал их, пытаясь понять. И если найти таких людей, если попробовать поговорить с ними... Да, но те люди, которые поняли, что такое для кэлпи барды, дали приказ убить их всех, превратив гордый народ в жалких курокрадов, в горстку мелких пакостников...

А значит, говорить с ними нет никакого смысла, они понимают кэлпи, но не любят.

Все дело в любви.

А теперь у кэлпи есть бард, и они опять почувствовали гордость, и эта гордость их убила. А если не убила сейчас, то убьет вскорости. Потому что кэлпи готовы к большой войне.

Я не кэлпи и не человек. Я перевертыш.

Я не взрослый и не ребенок.

Я мост.

Я бард.

Ингкел обернулся к нему: лицо сурово, тонкие губы сжаты.

— Ты все еще не доверяешь мне, Ингкел? — спросил Фома спокойно.

— Ты пел хорошо, — сказал Ингкел — я не стану врать. Ты хороший бард. Но почему я не доверяю тебе, о бард?

— Потому что ты любишь смерть, — ответил Фома, — а я — жизнь. Я хочу убить убийство. Вот разница между нами.

— Великая битва, — сказал Ингкел, — последняя битва. Ваша проклятая горючая грязь не будет больше отравлять нашу воду. Ваше железо не будет ржаветь в нашей земле...

Он сел на скамью напротив Фомы, точно так же обхватив колени руками.

Ингкел не любит меня, подумал Фома, и в то же время он единственный, с кем я могу разговаривать. Элата любил меня, потому что я бард, потому что я опять сделал кэлпи народом, вернул им гордость... И еще потому,

что тогда, перед боем, он сломал меня, и я сделал, что он хотел. А потом жалел, как пожалел бы ребенок сломанную им самим игрушку. Балор хочет играть со мной в свои нечестивые игры — и хотя я белый и мягкий, как личинка, его тянет ко мне. А Ингкел ненавидит меня. Его взор незамутнен. Ингкел способен мыслить. Наверное, он один из всех здесь способен мыслить.

Есть еще она, подумал он, но я не понимаю ее. Она говорит словами, и каждое слово отдельно мне понятно. Но вместе — нет.

И она сейчас королева.

А вслух сказал:

— Ингкел, я слышал, вы вовсе не потому воюете. Даже если бы люди не сделали вам ничего плохого, вы все равно убивали бы их в Дельте. Кто первый начал эту войну, Ингкел? Кто первым убил? Готов спорить, это были кэлли.

Ингкел беспокойно пошевелился.

— Откуда ты знаешь?

— Догадался. Дочь-сестра сказала, вы воюете в силу обычая, вот и все. И тот, кто уцелеет, становится старшим.

Ингкел торопливо прижал пальцы к губам.

— Она говорила с тобой об этом? — спросил он невнятно.

— Да.

Ингкел уронил руку.

— Тогда ты и вправду бард, — сказал он, — ты будешь петь нам.

Лодки прыгали у берега в частой зыби, а вдалеке прилив гнал по Дельте гигантскую волну, но здесь слышался лишь отдаленный гул, словно где-то далеко садился на уходящую в плавни взлетную полосу грузный бомбардировщик.

Он расчехлил арфу и встал в лодке. Какое-то время он покачивался в такт волне, пытаясь найти свой внутренний ритм, потом запел:

Пока вода над зеленою волной плещет,
пребудет племя людей и племя кэлли,

пребудет в мире!
 Будут ласкать грозных воинов Дельты
 белые королевы рода людского!
 Каждый станет старейшим и даст начало
 новому племени, коему равных не будет.
 Будут мужи людей ладить лодки,
 будут мужи кэлли ловить рыбу,
 вместе потомство
 будут они растить под солнцем Дельты,
 правду реку я — каждому будет пара,
 каждому будет слава,
 есть у людей барды,
 песни о мире,
 песни любви, обьятъя, брачное ложе...
 Каждый станет началом новому роду...

— А-а! — закричали кэлпи и ударили копьем о копье.
 Лучшая моя песня, думал Фома, люди прекрасны, я
 люблю их, это мое племя, мои корни, мой род, равного
 которому нету. Кэлпи не пойдут на смерть, не пойдут на
 бессмысленный бой, они пришлют парламентеров, ведь
 они — грозная сила, их много. Крововая бомбардировка
 не истребила их, как ожидалось, люди вынуждены будут
 пойти на переговоры... Я сам пойду на переговоры, я бу-
 ду мостом, посредником, ведь на самом деле людей не
 так уж много, они жестоки от отчаяния, от страха, а стра-
 ха больше не будет...

И ехидная улыбка Хромоножки всходила над этими
 мыслями, точно ущербный серп луны.

Я проклинаю битву, игрушку детей безумных,
 больше ее не будет петь эта арфа,
 только любовь в ее золотом уборе,
 вот что достойно истинно взрослого мужа!

И маленький пакостник Роджер бегал кругами по дет-
 ской площадке, крича: «Фома — кэлпи! Фома — вонючий
 кэлпи!» И качались во мраке на плоту, уложенные бок о
 бок, бледные, как личинки навозных мух, холодные мертв-
 ющие люди... Сгрудившиеся вокруг него лодки кэлпи виде-
 лись смутно, словно сквозь радужный туман. Это слезы,
 подумал он, всего лишь слезы...

Но он продолжал петь, и арфа Амаргена стонала под его рукой.

Пять песен спел я — песню битвы и песню смерти, песню хитрости и песню славы. Я спел песню королевы. Эта — последняя.

И тогда он поднял арфу и ударил о колено, и она всхлипнула в последний раз, точно прощая его.

— Я больше не буду петь! — крикнул он. — Я не буду петь битву! Это последняя моя песня!

— Ааааа! — кричали кэлпи, лица их с раскрытыми ртами казались странно одинаковыми, и ему стало страшно.

— Я сделал что-то не то? — спросил он себя.

Ингкел один из всей толпы не кричал, но в глазах его стояли слезы.

— Это была замечательная песня, Фома, — сказал он. — Я сомневался в тебе. Прости. Ты лучший бард, что у нас был.

— Я спел песню мира, — вздохнул Фома, усталый и опустошенный. — Я все-таки спел песню мира.

— После такой песни воины ринутся в битву, как во-дяные кони, — согласился Ингкел. — Такого еще никогда не было. Ты погляди на них!

— Но я не пел песню битвы, — слабо возразил Фома, — я пел песню любви.

— Маленький мальчик, — нежно сказал Ингкел и поцеловал его в плечо, — маленький мальчик. Песня любви и есть песня битвы. Как можно убивать врагов, не любя их? И ты прав, что сломал свою арфу, — продолжал он, — такую песню невозможно повторить. Это вершина. Другие барды будут петь об этом столетиями...

И тогда Фома заплакал.

— Я маленький мальчик, — говорил он сквозь слезы, — ты прав, Ингкел, я просто маленький мальчик. Что я наделал, Ингкел, что я наделал?

Но крики воинов заглушали его слова.

Я сделал что-то ужасное, думал Фома. Это потому, что я на самом деле маленький. Она что-то сделала со

мной тогда, я был маленьким, а стал большим. Но не совсем большим.

— Если бард поет, — сказал Ингкел, — это открывается всем. Новое знание приходит через барда, хотя то, о чем он поет, было всегда. Ты пел про ваших дочерей-сестер. Это правда?

Фома пожал плечами. У них в классе было десять мальчишек и тринадцать девчонок. Девчонок всегда больше. Это всем известно.

— И мы все сможем стать старшими?

— Я не знаю, Ингкел, — с тоской проговорил Фома, — я пел не про это. Я пел про любовь. Ингкел, как объяснить?! Вот ваше племя, вот племя людей. Я как мост между вами. Люди не могут выжить в Дельте, они слишком привязаны к своим машинам, а кэлпи не могут бесконечно воевать просто ради войны. Вы нужны друг другу.

— Ты пел именно об этом, маленький бард, — сказал Ингкел.

— Почему ты называешь меня так? Совсем как она.

— Потому что я люблю тебя, маленький бард. — Ингкел улыбнулся. — Ты спел прекрасную песню. Такой у нас еще не было.

— И поэтому вы идете воевать.

— Конечно, — сказал Ингкел. — Как же еще. Прекрасная песня, прекрасная битва.

От лодок, плясавших на волнах выжженной Дельты, рябило в глазах. Ночь была глухой и черной, луна спряталась в тучах... Кэлпи умеют вызывать тучи, подумал он, умеют приказывать ветру, умеют говорить с деревьями... И я так и не узнал, как это у них получается. Господи, да они все здесь! Все кэлпи Дельты!

— Вы все погибнете, — сказал он, — и люди погибнут. Не все, но многие.

— Кто не гибнет, станет старейшим, — ответил кэлпи, — таков закон. А у вас есть дочери-сестры?

Вряд ли Доска похожа на дочь-сестру, подумал он. Или мать. Или маленькая сопливая Лисса.

— У людей нет дочерей-сестер, — сказал он безнадежно, — у них есть просто дочери. И сестры.

— Вы — удивительное племя, — нежно сказал Ингкел.
И воины в лодках, грозные воины кэлпи застучали
древками копий о днища лодок.

И закричали:

— Веди нас, бард!

Господи, думал Фома, что я наделал, что я наделал!
Это потому, что я все-таки не кэлпи, я не понимаю все-
го. Я вообще ничего не понимаю. Они способны думать
только о войне, слышать только боевые песни, но почему,
почему? Я должен понять, я должен остановить их. Само-
леты с Суши отбомбились и улетели, и если бы я не увел
кэлпи к запретному острову, из них мало бы кто уцелел.
А значит, Территории не ожидают нападения кэлпи. Во
всяком случае, не думают, что их осталось так много.
И что они опомнятся так быстро. Я предал людей. Я все
время предаю. Я предал всех.

И я не могу остановить их.

У меня больше нет арфы.

Но я пел без арфы, я смогу, только нужно снять пра-
вильную песню. Ах, если бы я мог знать, какая песня
правильная! Но я всего лишь маленький мальчик, белая
личинка, которой не суждено стать крылатой тварью.

Но она, подумал он.

Она теперь королева!

А королева может приказать.

Нужно найти правильные слова для одного-единст-
венного слушателя, подумал он, а я — ее бард. Нужно
найти слова любящего для любящих.

И она прикажет остановить войну.

Она королева.

Она поймет меня.

Он вновь сердито потер глаза. Черные точки лодок
парили в мутной пелене.

Это от слез, подумал он, это от слез...

Он обернулся к Ингкелу.

— Я должен вернуться, — сказал он, — к ней. На остров.

— Не делай этого, маленький бард, — ответил Ингкел.

— Почему?

- Просто — не делай.
- Я бард, — сказал он, — и кто ты такой, чтобы приказывать мне, Ингкел?
- Я твой друг, — сказал Ингкел спокойно, и сердце Фомы сжалось от угрызений совести.

Но он только сказал:

- Подгони лодку к берегу. И вели остальным ждать меня.

— Мы без тебя никуда не пойдем, — сказал Ингкел. — Но бард не должен входить к королеве. Только к дочери-сестре. А новым дочерям-сестрам еще предстоит появиться.

Самое разумное было бы убежать, подумал Фома. Вообще убежать. Скрыться на острове. Она звала меня. Еще до того, как стала королевой. Сейчас у нее власть. Она укроет меня. И лодки кэлпи будут плясать на волнах, пока им не наскучит и они не разбредутся по обгоревшей Дельте.

Или она подскажет мне слова. Слова новой песни. Я спою ее приказ, ее повеление, я спою про любовь, потому что это будут слова любящей для любящего.

— Оставайся в лодке, Ингкел, — велел он, — я вернусь.

— Фома, — сказал Ингкел предостерегающе, — ты идешь без зова. Это плохо. Очень плохо. Мы будем ждать тебя, маленький бард. Но не уходи слишком далеко. И не тревожь ее. Ты чужак, а я знаю, что говорю.

— Я бард, — сказал Фома и спрыгнул в воду.

Крохотные полуупрозрачные мальки прынули в стороны от его сапог.

Они уцелели, подумал он, и дадут начало новому рыбьему племени Дельты. Быть может, среди них крохотный водяной конь, как знать?

Он ступил на прибрежный песок, и песок зашуршил под его ногой.

Золотоглазки вились вокруг его головы.

Вертячка, думал он, проклятая зараза смерти. Как найти слова? Надо спросить ее, она знает. Она королева, это ее подданные, она знает.

Он углублялся в темный тоннель и думал, что обманывает себя. Он вовсе не хотел ни о чем ее спрашивать. Он просто хотел ее видеть.

Как странно идет здесь время, думал он. Здесь был день, а уже ночь. Быть может, я уже не могу отличить дня от ночи? В плавнях такой дым...

Зеленый тоннель в ивняке открылся ему, и он ступил в него... Тоннель на сей раз был низким и широким, своды его светились, и он прошел совсем немного, когда что-то перегородило ему дорогу.

Он смутно видел в этом зеленоватом свете, и ему потребовалось подойти совсем близко, чтобы увидеть, что это такое там лежит.

Это был мертвый старейший.

Он лежал, скрючившись, и оттого казался меньше, чем в первый раз, когда Фома его увидел. Корявые руки судорожно сжаты, ноги-корни согнуты в коленях и подтянуты к бугристому животу. Он был черный и оттого казался не столько мертвой личинкой, сколько взрослым насекомым, застигнутым морозом.

Он заставил себя прикоснуться к нему.

Старший был теплым, но это была теплота мертвого сухого дерева. Казалось, поднеси спичку — и он вспыхнет чистым белым пламенем.

Что стряслось здесь? — подумал он. Неужели старшие тоже дерутся насмерть?

На таком прекрасном острове, среди цветов и изумрудных мерцающих свегляков?

Он осторожно обошел тело.

Жаль, что со мной нет арфы, подумал он вдруг, какую песню я бы ему спел!

Чуть дальше на тропинке, поросшей цветами-тройчатками, он увидел еще одного старшего, темную груду. Щель рта разомкнута в последнем усилии, пальцы сжаты в кулаки, огромные кулаки, величиной с голову взрослого кэлли.

— Остров, — сказал Фома, — это ты их убил, остров? Зачем?

Дальше он наткнулся еще на одного.

Все, все старшие лежали здесь, точно мухи, застигнутые морозом, точно обломки дерева, выброшенные бурей на берег.

И он шел, шел дальше, обходя эти обломки, сопровождаемый стайкой золотоглазок, и там, в конце зеленого тоннеля, устланного мертвыми телами, была она.

Она сидела на подушке зеленого мха, белая, светясь в зеленом полумраке.

— Ф-фома, — сказала она, и лицо ее исказилось в му-чительном усилии.

Он молчал. Потом упал на колени и зарылся лицом в волосы.

— Любимая, — сказал он, — королева! Что мне делать? Как снять им мир? Как остановить их? Я спел им песню любви, и теперь они собираются убивать врага, которого любят. Они убьют наших мужчин и возьмут наших женщин... Их тысячи, и они готовы к смерти. Их тысячи, и они все уцелели. Я увел их от удара, а они теперь ударят сами. Там, на Территориях, — там мои отец и мать. Я видел се, когда пел твоим воинам песню битвы, — она поседела. Я видел отца, его гложет предчувствие смерти. Если фоморы пойдут на приступ — погибнут все. Он умрет, моя королева. Все умрут.

— Не важно, — сказала она, — иди сюда.

И такая сила была в ее голосе, что в голове у него вспыхнул ясный, отчетливый, как песня, зов, и он не смог противостоять этому зову.

Он обнял се, она была горячая и липкая, его ладони вдруг оказались в какой-то вязкой слизи, все ее тело источало вязкую слизь, и еще она была разбухшая, словно та белая рыба, и она дышала часто, словно рыба, вытащенная из воды, и губы ее были круглыми и белыми и силились вытолкнуть слова...

— Ф-фома, — сказала она, и глаза ее открылись. Они были пустыми и блестящими, словно два жестяных кругляша.

Он медленно поднялся.

— Прости меня, — сказал он, — я понял. Прости. Я не должен был сюда приходить. Но они погибнут, ты понимаешь? Они все погибнут.

- Фома, — повторила она, — это не важно. Иди сюда.
- Прости меня, — повторил он и всхлипнул, — прости.
- Фома... Это не важно... иди сюда.

Он, отвернувшись, вышел из зеленого сердца заповедного острова и золотоглазки вились вокруг его головы.

* * *

Вода была теплой и воняла кипящим супом.

Его лодка шла ирочь от запретного острова, и за ней следовали другие, и в каждой — кэлни, с шестами в руках, с копьями, торчащими во все стороны, лодки ощетинились ими, как рыбы-иглобрюшки. Вода была грязная, на ее поверхности собирались мертвые насекомые, ключья сажи, какие-то обгорелые комочки. Он миновал огромную белую рыбу, плававшую вздутым брюхом кверху, плавники ее были растопырены, глаз не было совсем.

Дым стелился над плавнями, теперь он сился в комковатые серые облака, тут же выпавшие бурым грязным дождем. На волне покачивалось растрепанное птичье перышко.

— Они пришли, чтобы убить нас всех, — сказал Ингкел, — но мы живы. И когда умрем, наша смерть будет славной.

— Вы словно бабочки, летящие на огонь, — сказал Фома. — Почему вы так хотите умереть? Останьтесь, оставьте людей в покое. Пришлите парламентеров.

— Кого? — удивился Ингкел.

— Вождей. Тех, кто будет говорить о мире.

— Ни один вождь не станет разговаривать с врагом. Какой же он после этого вождь?

А если я убью себя, подумал Фома, они нападут? Или рассеются по Дельте, будут прятаться, трусить, нападать исподтишка?

Все равно это — лучший выход.

Для них и для людей.

Я должен бы убить себя.

Но я...

...не могу.

Я трус, подумал он, я — словно кэлпи без барда. У меня нет песни. Боже мой, ведь я смотрел кино, я мечтал о подвиге, о славной смерти, о том, что меня возьмут в плен, но я не уроню своей чести. О том, что меня будут пытасть, но я не скажу ни слова.

Как вообще можно мечтать о славной смерти?

Это был не я. Это был кто-то другой.

Маленький мальчик по имени Фома.

Я все-таки вырос, подумал он, я все-таки вырос.

— Ты мне веришь, Ингкел? — спросил он.

— Да, — сказал Ингкел, энергично кивнув головой в подтверждение своих слов. — Ты замечательно спел, я верю тебе, маленький бард. Я жалею, что поверил тебе не сразу. Если в тебя будут стрелять, я прикрою тебя своим телом.

— Тогда готовься. Мы пойдем вперед. Раньше всех. Быстрее всех.

Ингкел, казалось, удивился.

— Зачем? — спросил он.

Но Фома уже выпрямился в верткой лодке и махнул рукой авангарду, чтобы они повременили.

— Битва должна быть честной, — сказал Фома, — а люди хитры. Они могут выслатать нам навстречу отряд. Отряд пропустит нас и ударит сзади. Мы оторвемся от остальных и поплыем вперед так быстро, как только можем. Но поплы wholem тихо... Мы — разведчики, мы идем навстречу опасности, мы схитрим, чтобы битва была честной. Если мы встретим такой отряд, мы ускользнем от него. И все узнают об этом.

— Бард для того, чтобы учить новому, — согласился Ингкел.

И добавил:

— О таком не спел бы даже Амарген.

И он налег на шест. Их лодка рванулась вперед, задрав хищный нос.

* * *

Лодка скользила по поверхности воды, оставляя за собой темную полосу в парчовой густой ряске.

— Мы уже близко, — сказал Ингкел и поднял весла.

Лодка по инерции еще какое-то время двигалась, потом замерла. Слышно было, как вода плещется о борта.

— Впереди пустая вода, — сказал Ингкел, — никакого отряда нет.

— Ты уверен? — спросил Фома.

Он думал: кэлпи умеют наводить морок, но и сами легко поддаются ему. Наверное, это как две стороны одной монеты.

— Да, маленький бард. Я вижу смотровые вышки белоруких. Ах, какая славная будет битва!

— Я плохо вижу, — сказал Фома, — словно струщаются сумерки или слезы застят мне глаза...

— Но ты же бард, — согласился Ингкел, — с бардами всегда так. Они видят ухом... Зачем им глаза?

— Ты хочешь сказать... — тихо спросил Фома и запнулся.

— Ты будешь старшим своего гнезда. Ты будешь петь королеве. Ты прекрасен. Она прекрасна. Зачем тебе глаза?

С бардами всегда так... вон оно что... Я думал, это от слез. Я думал, это пройдет. Но это не пройдет... никогда. Значит, я слепну, думал Фома. У меня осталось мало времени. И я не убью себя. По крайней мере, сейчас. Королева прекрасна? Кто ее видел? Только бард, а он слеп, как крот.

— А сам ты когда-нибудь видел королеву, Ингкел?

— Если я выживу, — сказал Ингкел, — если я не умру со славой и с честью, тогда я стану старшим. Я стану старшим, попаду на запретный остров и увижу молодую королеву.

— Только тогда?

— Только тогда. Но старших мало. Остальные всегда умирают. Так заведено, ведь много старших не нужно. Быть может, — сказал он задумчиво, — после того, как ты спел нам, все будет по-другому? Мы все станем старшими? Мы войдем к вашим женщинам и обнимем их. Ах, как хорошо ты спел про любовь, маленький Фома!

В подтверждение своих слов он поднес к губам кончики пальцев.

— Погляди, Ингкел, — сказал тогда Фома, — не крадется ли кто в кустах? Я слышу какой-то шум.

И когда Ингел привстал в лодке, вытягивая шею, он поднял свой шест и с размаху ударил Ингкела по беззащитному затылку. Ингкел мягко осел, голова свернута набок, глаза открыты, и тогда Фома подхватил его на руки, пристроил его голову себе на колено и ладонью закрыл ему глаза.

— Я люблю тебя, Ингкел, — сказал он.

* * *

Он перегнулся через борт и положил Ингкела на воду. Тот остался лежать, покачиваясь на волне, волосы шевелились, точно водоросли, руки и ноги, обтянутые рыбьей кожей, сквозь зеленоватую воду были сами как белые рыбы-ленты.

Он медленно погружался на неглубокое дно, и лицо его, просвечивающее сквозь зелень, было мирным и нежным. Потом над ним сомкнулась тьма.

Фома тихо запел:

Что за воин
лежит на дне,
ноги его в тени,
его голова в огне.
Ныне, о воины Дельты,
настали черные дни,
я сам затворил ему веки,
кто позавидует мне?

Он взял охапку копий и высыпал их в воду; копья легли на дно, взбаламутив ил, и он больше не видел лица Ингкела.

Он ударил шестом, и лодка, которая стала легче на одного воина, рванулась вперед по нейтральной полосе чистой воды.

Муравей, наверное, тоже думает, что его зовет что-то прекрасное, чему нет равного в муравьином мире...

* * *

Наблюдательная вышка росла сразу за высокой сеткой из колючей проволоки. Он видел ее словно в тумане, прожектор на башне — точно круглая луна за пеленой.

ной туч, глядеть на него было не больно, а в голове вместо медного гонга звучал тихий звон разбивающегося стекла.

Словно ваза, красивая разноцветная ваза с Супи, которую он в детстве взял в руки, чтобы налюбоваться как следует, и не удержал.

Падала и разбивалась...

Падала и разбивалась...

Он, по-прежнему подняв лицо к прожектору, встал в лодке, расставив ноги, чтобы не упасть, и закричал:

— Эй, на вышке!

В лицо ему ударили острый луч.

— Стой, где стоишь! — прокричали с вышки. — Кто ты такой, парень?

Прожектор чертил дугу света, открывая чужим взглядам одежду из рыбьей кожи, его собственную бледную кожу и волосы, подвязанные как для битвы.

— Перевертыш! — сказал он.

Рядом раздался всплеск. Пуля ушла под воду, окруженная серебряными пузырьками. Следующая уже не будет просто предупреждением, подумал он.

— Сюда идут кэлпи! — крикнул он, и лодка плясала на волнах в свете прожектора. — Много кэлпи. Объявляйте тревогу! Тревогу всем! Всем постам! Поднимайте вертолеты!

— Что ты врешь, парень! — крикнули ему с вышки. — Они сроду не нападали открыто. А вчера мы задали им такого жару, что они не скоро очухаются.

— Я говорю правду, — крикнул, захлебываясь слезами, маленький мальчик в нем, — пожалуйста, поверьте! Сюда идут кэлпи, они всех убьют, их много, я сам видел...

— Я открываю ворота, — сказал голос, — проходи, только быстрее.

Заскрипел ворот, и секция решетки поднялась настолько, чтобы в нее мог, пригнувшись, проскочить человек на лодке, и вновь опустилась.

Он зачалил лодку у подножия вышки; наверх вели железные скобы, они оставляли на руках следы ржавчи-

ны. Сколько железа, подумал он, зачем столько железа, когда можно договориться с деревом?

— Стой спокойно, парень, — сказали ему, — руки за голову!

Чужие руки быстро, профессионально обшарили его.

— Так и стой! Если ты вырос у кэлпи, они могли научить тебя всяким чудным штукам...

— Я бард, — сказал он, — бардов не учат убивать. Но сюда сейчас придут кэлпи, тысячи кэлпи, и каждый умеет убивать. Пожалуйста, свяжитесь с остальными постами, ну пожалуйста!

Один из дежурных пожал плечами и сел к рации. Фома видел только его спину и голову в венце наушников. Остальные по-прежнему держали Фому под прицелом.

— Я опередил их ненамного, — сказал он, — они скоро будут здесь. И они готовы умереть.

— Это мы им обеспечим, — сказал дежурный.

Далеко за горизонтом взвыла первая сирена, вскоре все пространство вокруг оказалось пронизано их ядовито-желтым пунктиром.

— Ну вот, все в порядке. Объявлена общая тревога. Почему ты плачешь, парень?

Я дважды предатель, думал Фома, сперва — потому что я пел для них, а теперь — потому что убиваю их. Но лучше так, потому что они самоубийцы, они готовы умереть и умрут, но так заберут с собой меньше людей. И мой отец останется жив. И никто не примет мою маму за дочь-сестру. Сколько времени прошло с тех пор, как меня здесь не было? Иногда мне кажется, дни, а иногда — годы. Кэлпи умеют что-то делать со временем? Или просто на запретном острове времени нет?

Внизу к шуму волн примешался грозный крик наступающих кэлпин.

Отсюда он казался бледно-красным, точно размазанный след светлой артериальной крови.

— Ты был прав, парень, — удивленно сказал дежурный, — никогда такого не видел!

Он был еще очень молод и родился уже после последней войны.

- Да их тысячи!
- Все кэлпи Дельты! — согласился Фома. Он отчаянно тер лицо, горевшее от слез и стыда. — Погодите! Я хочу с ними поговорить!
- Ты хочешь пулю, — сказал молодой дежурный.
- Нет! Дайте мне мегафон. Я попробую остановить их. Я бард.
- Какой еще на хрен бард? Что ты несешь, малый?
- Я их бард! Они не могут воевать без меня.
- А ты, значит, от них сбежал. Ну-ну... Я такого наглого вранья еще в жизни не слышал!
- Дай ему мегафон, Янис. Пускай попробует, — вмешался тот, что постарше, — мне так сдается, что большого вреда от этого не будет. Может, он разбирается в этих жабах. Сколько ты с ними прожил, малый?
- Не знаю, — сказал Фома, — там все непонятно.
- Он принял теплый мегафон и свесился с наблюдательной вышки.
Проектор очерчивал только его силуэт, и он боялся, что кто-то из кэллии пустит в него копье прежде, чем узнает его.
- Стойте! — закричал он, и голос его распахнулся над водой веером лилового эха. — Стойте, воины Дельты! Я ваш бард! И я не буду петь эту битву!
- Аaaa! — было ему ответом.
- Говорю вам — уходите! Эта битва не для вас! Эта битва будет последней!
- Aaaaa!
- Бард! — разобрал он среди ритма, выбиваемого древками копий. — Бард!
- Битва! Последняя битва!
- Что-то ты не то говоришь им, парень, — с сомнением в голосе произнес тот, что старше.
- Нет! — в ярости завопил Фома, собрав последние силы. — Я ухожу от вас! Тогда я больше не ваш бард! Я буду петь людям! Не вам!
- Какая разница, кому поет бард? — крикнули спазу, совсем близко. — Главное — он поет.
- Aaaa! Бард! Битва! Последняя битва!

Лодки придвигнулись еще ближе, кэлпи попрыгали на решетку. Некоторых свела судорога, и они повисли, точно черные муравьи, но другие, размахивая копьями, карабкались по проволоке вверх, оставляя на остриях колючек клочья рыбьей кожи и собственной плоти.

— Ты уж извини, парень, — сказал тот, что старше. Он неслышно подошел сзади и прикладом автомата ударили Фому по голове.

* * *

— Не ставьте ему больше выпивки, — сказал хозяин винарки. Он хорошо относился к Фоме, потому что Фома был чем-то вроде местной достопримечательности, а у каждой приличной винарки должна быть местная достопримечательность, — а то он опять заведется. Он уже спел одно и то же по второму кругу.

— Брось, Юхан, — сказал посетитель, — твой гроб с музыкой еще хуже. Ты когда еще обещал обновить его?

— Завтра Суша обещала самолет с грузами, — сказал Юхан, — будут вам диски. Я заказал Монику Лали. И «Маленьких зеленых кэлпи». Знаешь Монику Лали?

— Да, — сказал посетитель, — и «Маленьких зеленых кэлпи» тоже. Мы крутые зеленые парни, мы вчера погромили винарни... как-то так... наши девки зеленые мавки... жабки?

— У кэлпи не было женщин, — сказал Фома, — только королева. И две дочери-сестры. Всегда две. Когда королева умирает, дочери-сестры выходят на битву. Одна убивает другую. И делается королевой. И вскоре рожает двух дочек, они же прекрасные сестры... назначены ей на замену.

— Опять за свое, — сказал трактирщик, — хватит, Фома. Ты уже всем плещь проел этой королевой.

— Королева прекрасна, — сказал Фома, — точно белая рыба.

— Да, — согласился Юхан, — исключительная просто красота. Хватит, Фома.

— Каждый мечтает о королеве. Каждый, кто выжил. Ибо в тот миг, когда дочь-сестра становится королевой,

избранные могут приблизиться к ней, и это радость, которой нет равных.

— Можно подумать, ты ее отымел, — сказал Юхан. — Хватит врать, Фома. Признайся, что врешь.

— Вру, — согласился Фома, водя пальцем по мокрой стойке, — только и вы врете, жабы. Кэлпи вовсе не были смешными зелеными уродцами. Кэлпи были воинами. Грозными, гордыми воинами. Кэлпи умели высвистывать ветер. Заклинать месяц. Дельта расцветала от их дыхания, а не была грязной и зловонной, как сейчас, нет, не была!

— Раньше и трава была зеленее, — согласился Юхан, — и вода слаше. Понятное дело. А знаешь почему, Фома? Потому что мы были молодые, сильные и здоровые. И мир был полон чудес. Я же помню, как мы играли в кэлпи. И ты знаешь, Фома, когда мы играли, иногда начинало казаться, что вдруг... Не знаю, как сказать, — я не силен в словах, не то, что ты! — что чудо очень близко, одним словом, руку протяни — и сорвешь его.

— Ну ты даешь, Юхан, — сказал посетитель, — сроду бы не подумал... Кстати, — добавил он задумчиво, — раньше и вправду вода была слаше...

— Это потому, что ее лелеяли кэлпи, — сказал Фома. — Грозные кэлпи. Нежные кэлпи.

— Ну вот, опять завелся, — сокрушенно сказал Юхан. — Хрен знает, что они сотворили с ним, эти жабы. Пора домой, Фома. Ты найдешь дорогу? Ночь ведь уже.

— Мне что ночь, что день, все едино. — Фома обернулся к нему затянутые жемчужной пленкой глаза.

Я обманул их, думал он, пробираясь к выходу, я обманул их... Я пел им о красоте королевы. Я пел, чтобы поселить у них в душах тоску о чуде. Но где-то там, где нет времени, куда не дотянутся ваши руки, ваши ружья, языки вашей нефти, где-то там, в дебрях запретного острова, который везде и нигде, лежит она, огромная, разбухшая, бессловесная, с маленьkim белым лицом, с пустыми глазами, и рожает... рожает... и две дочери-сестры, так похожие на ту, какой она была когда-то, принимают роды. И старейшины-фоморы, те, кто уцелел в послед-

БАРД

ней битве, лелеют новый приплод... и, о королева, моя королева, я знаю, я знаю, что у некоторых твоих детей будут русые волосы и светлая кожа, как у меня, как у меня... И им не нужен будет бард, чтобы спеть, потому что они сами могут сложить себе песню.

И рано или поздно им окажется тесно на запретном острове, и они вновь выйдут в Дельту. И дочери-сестры с ними, чтобы учить их, чтобы пестовать, чтобы отбирать новых старейших, будущих отцов нового приплода...

И новое воинство будет грознее прежнего... И так будет, пока не исчезнет разница между кэллии и людьми...

Я сделал все, что нужно. Песня сложилась.

И быть может, я еще успею обнять ее, молодую, обновленную, ее копию, ее сестру, в сущности — ее саму. Ибо все королевы — в сущности одна королева.

Ведь время на запретном острове выкидывает странные штуки.

Lavigny 2008

Леонид Каганов
ДО РАССВЕТА

А ребенку не нужен хороший отец. Ему нужен хороший учитель. А человеку — хороший друг. А женщине — любимый человек. И вообще поговорим лучшие о стежках-дорожках.

A. и B. Стругацкие

Я покопался в душе и нашел Иуду...
Я покопался в сердце и нашел Иуду...
Я покопался в мозгах и нашел Иуду...
Я порылся в карманах и нашел серебро...

Д. Мурзин

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Сегодня, когда в живых осталось так мало очевидцев Катастрофы, мне кажется первостепенно важным рассказать нашим детям, внукам и правнукам о том, как это было на самом деле. Вы найдете массу литературы, посвященной краху и возрождению денежно-ценностной системы, в том числе и труды вашего покорного слуги. Вы найдете множество работ по физике, которые объясняют постфактум особенности температурных и гравитационных воздействий при высоких скоростях, и тот факт, почему Катастрофа в итоге не состоялась. Вы даже найдете приключенческие, фантастические и любовные романы, действие которых разворачивается в дни Катастрофы, но они далеки от достоверности и очень малочисленны — человечество, как и каждый отдельный человек, любит вспоминать свои победы и не хочет перелистывать черные страницы истории, повествующие о тех днях, когда человек познал в полной мере бессилие и отчаяние. Сегодняшние подростки возмущают нас своей неграмотностью — многие из них всерьез считают, что «наша эра» и «эра после Катастрофы» — это одно и то же! Они не знают и ничего не хотят знать о Катастрофе. Именно поэтому я считаю

своим долгом написать о том, что довелось увидеть мне. Пока мой разум еще в силах хранить память о тех далеких днях, а руки еще могут держать наборный скард, я буду редактировать и готовить к публикации дневник, который написал через два месяца после Катастрофы.

*Искренне ваш,
доктор юридических наук
Н. Клеменский*

Олега я впервые увидел на вокзале. В тот вечер я снова пришел туда. Неужели все еще надеялся уехать? Вокзал оказался самым тихим местом в Москве. На рябом, загаженном полу, под разбитыми стеклами бывших касс спали на тюках трое пьяных. В углу сидела, обнявшись, влюбленная парочка. На кресле у входа тихо вслипывала немолодая женщина в длинной черной юбке. У нее на руках спал младенец. Больше никого не было. На улице безумно ревел ветер.

— Стоять, блядь, — раздался сзади хриплый голос.

Я медленно обернулся и увидел перед собой милиционера в форме летнего образца. Он был года на два старше меня и на пару сантиметров ниже ростом. Скуластое лицо покрывала короткая щетина, зрачки уверенно рассматривали меня сквозь набухшие, монголоидные прорези век.

— Глухой? — спросил он.

— В чем дело? — осведомился я, стараясь придать тону максимум достоинства.

— Документы показывай! Что в сумке, что в карманах?

— С какой стати?

— Ты скотина, блядь, или человек, на хуй? Язык понимаешь? Открывай сумку!

— А если не открою?

— Тогда я тебя пристрелю. — Он деловито расстегнул кобуру и вынул пистолет.

Я еще раз заглянул в его глаза и понял, что действительно застрелит. Пришлось распахнуть сумку. Впрочем, сумка была — одно название. Заплечная торба с безна-

дежно рваной молнией. Внутри комом лежала ненужная уже теплая кургка и завернутая в газету бутылка водки, которую я берег на последний день. Милиционер немедленно убрал пистолет, запустил руку в сумку и выудил сверток с бутылкой. Газета полетела на пол, а бутылка была втиснута в карман форменных брюк.

- На каком основании? — спросил я тупо.
- На основании приказа мэра о соблюдении порядка, на хуй.
- Что еще за бред? Какого порядка? Какого мэра? — возмутился я.

И тут же получил не сильный, но отчетливый удар кулаком в бок.

- А это тебя не ебет. Понял? Что в карманах? Все вынимай.

И я начал выгребать из кармана: носовой платок, горсть жухлых семечек, пачку долларов и капсулу с таблетками.

- Что за таблетки? — спросил он. — Яд?

Я кивнул:

- Спотворное.
- Прячь. Откуда сам?
- Местный.
- Не пизди.
- Из Екатеринбурга.
- Вот я гляжу, выговор не московский. А чо не дома?
- А мне и здесь хорошо.
- Не пизди.
- Ну не успел, не успел...
- Ага, — злорадно усмехнулся он, — а долларов-то набрал не еби маму, да?

Я промолчал. Он вынул из кармана мою бутылку, отвинтил колпачок, глотнул и удовлетворенно поморщился.

- Будешь?
- Буду, — неожиданно сказал я и взял протянутую бутылку.
- Дома ждут?
- Ждут.

- А здесь есть кто?
- Никого.
- Вот, блядь, и у меня уже никого... — сказал он и замолчал.

Младенец на руках у женщины проснулся и начал оглушительно верещать. Милиционер поморщился.

— А чего, бля... — начал он, но сбился — младенец орал оглушительно, а женщина вдруг тоже завыла протяжно и тоскливо.

— А, блядь, чего... — опять начал милиционер, но фраза снова потонула в крике.

— Да заебали своими воплями! — Он вытащил пистолет.

Я инстинктивно закрыл глаза. Воздух дважды качнулся, и заложило уши. По ноздрям ударил резкий запах гари, и вслед за этим до моего сознания донеслись оглушительные хлопки, будто кто-то всесильный с размаху ударили по Земле гигантским молотом.

— Так, говорю, чего, бля, делать теперь думаешь? — услышал я сквозь пелену в ушах.

Я открыл глаза — сверток с младенцем валялся на полу. Под ним медленно расплзлась красная лужа. Пьяные на тюках проснулись и таращились из угла молча и осоловело. Откуда у младенца столько крови? Женщина сидела, неуклюже откинувшись на спинку кресла. Вместо левого глаза зияла дыра, и из нее толчками выплескивалась кровь — на черное платье, на оранжевый пластик кресла и на пол.

- Что? — спросил я.
- Глухой? Чего делать будешь?
- Не знаю.
- Решай. Со мной пойдешь?
- Пойду, — вдруг сказал я.

Женщина дернулась всем телом и с клекотом осела на пол.

— Идем, — сказал он. — Меня звать Олег. Сумку брось, на хер она нужна.

— Коля, — сказал я, — Николай Викторович Клеменский.

— Не ебет. Коля и Коля.

Долгое время мы шли молча, Олег впереди, я чуть поодаль. Под ногами чавкали лужи. Казалось невероятным, что здесь еще неделю назад лежал снег. Людей было много. Они торопливо и озабоченно сквозили в разных направлениях, и я подумал, что на моей памяти так бегали по улицам только в последний вечер перед Новым годом. Порой мимо проносились целые семьи с детьми. Из распахнутых окон раздавались голоса и музыка. Облупленные дома и короба давно брошенных автомашин казались выписанными тушью прямо в воздухе, они отбрасывали колючие тени. Повсюду ползали ярко-синие блики и резало глаза как от фотовспышки. Над головой выл ветер, пытаясь сбить с ног и прижать к грязному асфальту. Атмосфера давно сошла с ума. А над домами и над ветром, в лиловом небе истошно палила Блуждающая звезда, выливая на Землю фиолетовый свет,— чуждая, страшная, в косматых протуберанцах короны. В последние дни на нее уже нельзя было смотреть без темных очков. Очков у меня не было, и я смотрел под ноги.

— У нас в армии случай был, — вдруг начал Олег. — Сидим мы ночью в караулке — я и Тимур. Тимуру брат прислал шмали, а у меня самогон. Сидим, блядь, выпили и курим. Второй год служим, все по хую. Тут раз — входит прапор. И так носом повел — курите, суки? Пиздец, говорит, сгною на пиле. А пила — это у нас на болоте около деревни такая хуйня была, туда салаг ебoshить посылали. Ангары строить. А мы смотрим — прапор сам пьяный в жопу. Ну Тимур типа ему протягивает бутылку — угощайтесь, блядь, товариш прапорщик. Короче, выпили с ним и дали ему курнуть. Сидим, блядь, и ржем в три рыла как ебанутые. Ну, хуяк, и тут приходит сам майор Лухой. А это такой, знаешь, пиздец... — Олег задумался. — Ты в армии служил?

— Ну типа.

— Не пизди.

— На военной кафедре был.

— Салага.

На мокром асфальте валялся труп маленького мужичка. На нем был почти чистый костюм-тройка, и это не вязалось с небритым бордовым лицом в кровоподтеках. Похоже, он прыгнул из окна и лежал здесь уже давно, потому что запах был особенно гнусный. Люди обтекали труп со всех сторон.

— Смотри, — кивнул Олег и пошевелил ноздрями. — Три дня лежит, щетиной оброс. Нормально за три дня психануть? А еще мужик. Это не человек, блядь, это скотина, на хуй.

Олег сплюнул и пошел было дальше, но тут я не выдержал.

— Слушай, зачем ты застрелил женщину с ребенком?

Олег остановился и внимательно посмотрел на меня.

— Коля, ты скотина, блядь, или человек, на хуй? Ты ничего не понял?

— Чего тут понимать, — буркнул я. — Опа, может, жить хотела, а ты ее...

— Сколько она хотела жить? Восемь часов?

— А хоть бы и восемь, это ее право!

— А не хуй было орать.

— А это ее право орать!

— А у меня тоже право.

— Какое право?

— Что мне все по хую, вот такое и право. — Олег достал из кармана мою бутылку, сделал большой глоток и протянул мне. Я тоже глотнул.

— Нет у тебя никакого права.

— Попшли, говорю, чего вонью дышать. — Олег снова двинулся вперед и свернулся в замусоренный переулок. Я поплелся следом.

В этом переулке народу было меньше, зато и пробираться было труднее — переулок был покрыт толстым слоем грязи и мусора. Его не убирали уже месяца три.

— Ты этот, блядь... юрист что ли? — произнес Олег, не оборачиваясь.

— Юрист. Пятый курс...

— Я смотрю, права качать горазд. А в армии ни хуже не служил. А там бы тебя живо научили, что право, блядь,

одно, понял? Делай, что тебе можно, а что нельзя — ни хуя не делай. Или делай, но не светись. Вопросы есть?

— Есть. Чего теперь, все можно, по-твоему? И убивать, значит, можно, да? И мучить, и калечить?

— А почему нет?

— Чего же ты тогда меня не убил?

— А на хуй?

— А чего я тебя не убил?

— А ты не умеешь. Посмотри на себя — щенок еще.

«Вот сука!» — подумал я, но вслух ничего не сказал.

Какое-то время мы молчали. Потом Олег спросил:

— Сам-то давно понял, что пиздец пришел?

— Сейчас скажу... Года полтора назад. Когда доцент Саливаров отчитал половину лекции, потом махнул рукой и сказал, что больше лекции не нужны и он всем желает хорошо провести оставшееся время. И сам в Германию уехал, кто-то у него там был, очевидно.

— Очевидно, — передразнил Олег. — Отец профессор небось?

— Нет.

— Не пизди.

— Не профессор. Он доцент. Юрист. И мать юрист.

— А давно у вас в городе деньги кончились?

— Ну как сказать... Месяца два назад вдруг дико подорожали рестораны, бани, алкоголь всякий, проституток расплодилось... Потом начался обмен — все меняли на водку и наркотики. А проститутки исчезли. Потому что женщины и без того стали вести себя это... свободнее. Но деньги еще ходили. Особенно доллары.

— В Москве уже полгода бардак творится. Хорошо, хоть жратвы везде навалом и бесплатно. А телефоны и электричество у вас когда отрубились?

— Когда я улетал, все работало.

— Пиздец какой-то. Вот, блядь, дисциплина! Жить и радоваться. Хули тебя в Москву потянуло?

— Посмотреть хотел... Я всегда мечтал в Москве побывать. И поехал-то рано — за месяц. Прожил тут недельку, билеты у меня были обратные. На самолет. И вдруг раз — самолеты не летят, поезда не идут, машин нет...

— А ты как думал? Привык, чтоб тебя возили на своем горбу?

— Так за деньги же!

— Да, блядь, на хуй они кому нужны твои деньги? Полный карман денег тащишь, а ты иди купи чего-нибудь, а?

Я на ходу засунул руку в карман и вынул пачку долларов. Разорвал резинку и швырнул вперед. Бумажки веером разлетелись по высыхающему асфальту. Ветер тут же подхватил их и с ревом унес вперед. Олег покосился на меня через плечо.

— Артист, блядь. Этот, блядь, как его? Хули выебываешься? Довыебывался уже и все равно выебываешься. Вот главные деньги среди этого говнища... — Он похлопал по кобуре пистолета. — Понял? Все что хочешь куплю. Как я у тебя бутылку купил.

— А билет до Екатеринбурга мне купишь?

— Ну теперь, конечно, хуй. Потому что их нет, понял? А раньше бы купил как не хер делать. И поехал бы ты жариться к мамке с папкой. К доцентам.

Некоторое время мы шли молча — Олег впереди, я сзади.

— А ты в нее сразу поверил? — спросил я.

— Не понял.

— Ну в Блуждающую звезду. Когда первый раз доклад Штудельта был опубликован в газетах, я не поверил. И когда верующие стали про конец света кричать, тоже не поверил. И когда первая волна паники поднялась, тоже не верил. А вот когда доцент Саливаров... Я хорошо запомнил этот момент, такая тишина настала в аудитории, что...

— Я сразу поверил, — перебил Олег. — Башку надо иметь на плечах. Так вот, входит майор Лухой. А мы смотрим — тоже пьяный в жопу. Просто в полную жопень. Разинул ебалыник, мы думали — пиздец. А он так — водка есть? И падает на стол! Тут прapor — р-раз из комнаты! Прибегает с литром и ставит. Наливает Лухому стакан до краев — тот хуяк, выпил. А мы ему еще стакан — он хуяк, выпил — и вконец убился, падает на пол.

А прapor как заржет, мы ржем, ну просто пиздец. А Тимур, сука, так подмигивает — давай ему ебальник нитрокраской распишем? У нас в каптерке нитрокраски до хуя было финской. Прapor, бля, хоть пьяный, а насторожился и по-тихому съебался. А мы, как два мудака, берем нитрокраску и расхуяриваем Лухому ебальник под не еби боже. Лицо — синее, нос — зеленый, вокруг глаз — круги, блядь, красные, просто хоть растяни за щеки и кидай на хуй в небо вместо радуги... Уй, бляды! — Олег оступился и чуть не упал в серебристо-синюю лужу.

- Куда мы идем? — спросил я.
- Куда... За бабами. Ебал баб хоть раз?
- Ебал.
- Не пизди.
- Не пиздю. Не пизжу я.
- И много выебал?
- Ну так, бывало...
- А я до армии никого не ебал. Пиздел всем, что ебал, а сам не ебал. А в армии ебал один раз. Нас с Тимуром на пилу послали, ну и еще двух салаг. Нормальные пацаны были. И ни хуя мы за день не успели, а на ночь кинули нас под деревней на сеновал, даже, блядь, не кормили ни хуя. А тут к нам местные бабищи пришли сами, на хуй. Штук семь. У них там в селе какая-то ебанная свадьба была, все пьяные в жопу. Местные парни пьяные в жопу, а тут они услышали, что солдаты приехали. Прикинь, бля? Мы их всю ночь ебали. А утром местное пацанье пришло, толпа, блядь, человек пятнадцать демонов. И таких они пиздяночок нам раскрутили... Я еще ничего отдался, только башку разбили. Тимуру эту... ключицу сломали. А салаге одному вообще почки отбили, на хуй. Он три дня кровью ссал, потом падать начал, понял, да? Нас в медсанчасть забрали. А потом в госпиталь. А мы их не запиздили ни хуя ни одного, чего мы можем, когда их пятнадцать? А после армии я много ебал.

Палило с каждой минутой все сильнее, идти по такому пеклу было невозможно. Народу на улицах становилось все меньше. Олег бросил на асфальт форменную

куртку и остался в майке. Мы старались идти в тени домов, перебегая яркие промежутки.

— Ну все, пришли. Я заебался, — сказал Олег. — Смотри, здесь уже никого нет. Куда все попрятались?

— Процентов тридцать по домам сидят, процентов тридцать в метро забились, остальные в церквях.

— Не умничай. Вон баба идет.

Прямо на нас, прикрыв голову от зноя полотенцем, торопливо шла девушка в белой майке и джинсах.

— Стоп, — сказал Олег и схватил ее за руку.

— Вы что? Вы кто? — дернулась девушка.

— Куда идешь? Пойдем с нами.

— К матери иду... — тихо заговорила она, словно поняв все и пытаясь его убаюкать. — Они в разводе, я полночи у отца сидела, а до рассвета к матери. А он не может, у него своя семья, а мать у меня с характером. И в церковь тоже не пошла. А у меня парень в церковь ушел, он не может без Господа, а я без матери не могу. И ни туда не могу, ни сюда. А тут иду — и никого кругом нет, почему никого нет на улицах?

— А хули делать под таким пеклом? Давай, пошли вон в подъезд.

Девчонка замерла, посмотрела на Олега и вдруг заголосила на всю улицу:

— Спасите! Помогите! Убивают! Помогите!

— Ну кричи, кричи... — усмехнулся Олег. — Убивают, бля. Все там будем на рассвете.

— Ну помогите, ну кто-нибудь! — голосила девчонка, пытаясь вырвать руку из железного кулака Олега.

Тот стоял, спокойно прищурившись.

— Думаешь, кто-нибудь выйдет? Ни одна сука не выйдет. Уже никто никому, на хуй, не нужен. Только ты нам с Колькой еще нужна. Цени, блядь.

И вдруг за его спиной хлопнула дверь — из дома напротив выбежали два мужика, явно отец и сын. Лица у обоих были зверские и небритые. В руках у старшего была монтировка. Олег резко схватился за кобуру и хотел было обернуться, но старший уже повис на его спине и начал душить, обхватив горло монтировкой. Младший

зашел спереди, повернулся ко мне спиной и начал методично бить Олега кулаком в живот. Девчонка отбежала в сторону и теперь стояла, испуганно вжавшись в стену дома. На меня никто не обращал внимания. Тогда я поднял с асфальта обломок арматуры, шагнул вперед и со всего размаха опустил его на бритый затылок младшего. Послышался хруст, брызнула кровь, и он осел на асфальт. Тотчас же Олег резко наклонился и перекинул старшего через голову — тот мешком шлепнулся рядом с сыном и попытался встать на ноги, но Олег уже достал пистолет и выстрелил ему в голову. Затем вытер рукавом лицо, проворно прыгнул назад и схватил за руку остолбеневшую девчонку.

— Так кто тут, бля, щенок? — произнес я, переводя дыхание. — Я щенок?

— Пошли отсюда. — Олег решительно дернул девчонку за руку и бегом поволок в боковой проулок. Я бросил окровавленный прут и кинулся следом.

Мы неслись минут пять, петляя дворами. Наконец забежали в подъезд старой гранитной девятиэтажки и потопали по ступенькам вверх. Олег одной рукой крепко держал притихшую девчонку, а другой дергал все двери подряд. На восьмом этаже одна из дверей распахнулась, и мы зашли внутрь.

Раньше в этой квартире хорошо жили. Мебель была сплошь старинная, но неизменно целая и со вкусом подобранныя. Под ногами шелестели ковры, со стен глядели настоящие картины в золоченых рамках. В одной комнате даже стоял рояль. На его черной поверхности играл синий свет, лившийся из просторных окон. Здесь было чисто и, главное, прохладно — каменные стены, хорошо промерзшие за зиму, не успели растратить остаток янтарских холодов.

— Ложись, бля! — скомандовал Олег и толкнул девчонку на ковер.

— Не надо, парни... — сказала она тоскливо, — Христом-богом заклинаю...

— Туда заклинай, — Олег кивнул за окно, — вон за тобой Христос-бог летит.

— Ребята...

— Да чего ты ссысь? Мы тебя выбем, и все. И иди куда хочешь. А так бы ты рассвет без мужика встретила. Или те ублюдки тебя бы вообще заебли. Они, блядь, так и искали, кого бы ебнуть, полгода свою монтировку точили. — Олег потер шею. — Знаешь что? Вышей водки.

Он вынул мою бутылку, отхлебнул, затем протянул мне, я тоже глотнул и протянул девчонке. Несколько секунд она смотрела на бутылку, словно ей протянули змею, а затем быстро схватила и сделала несколько глубоких глотков. И тут же прикрыла рот рукой и закашлялась.

— Во! Нормально! — одобрил Олег.

— У меня там мама одна... — тихо сказала девчонка, поджав ноги и обхватив колени.

— Не ссы. Скоро твоей маме будет по хую. И всем будет по хую.

— Так отпустите меня, если вам так все... по хую... — Она посмотрела на него, а потом на меня испуганными темными глазами.

— Во дура-девка, а? — Олег кивнул мне. — Да мне же сейчас не по хую! Я скотина, блядь, или человек, на хуй? Я же хочу хорошо провести время последний раз в жизни, поняла? Тебя еще просить надо, что ли? Скажи спасибо, дура.

Девчонка теперь смотрела только на меня.

— Так. Олег... — решительно начал я.

— На хуй пошел, — кинул мне Олег и повернулся к девчонке. — Поехали!

Он резко скинул штаны и бросился на нее как в бассейн с бортика. Я пожал плечами, отвернулся и вышел из комнаты. Сзади доносились звуки приглушенной возни, а я шел по квартире и смотрел на стены. Сначала шли портреты, затем потянулись просто картины. Как в музее. Странно они выглядели в синем свете — синелицкие лады, господа в синих камзолах, холодные фрукты в синих вазах... Через несколько часов все это сгорит в пламени, разлетится на атомы, думал я, и никто, ни одна сука во Вселенной не узнает, как здесь жили. Как хорошо

жили хорошие люди. Я остановился перед копией Брюллова — она была выполнена почти безукоризненно, только в уменьшенном масштабе. Некоторое время я рассматривал ее, а затем плюнул. Плевок лег не в центр, как я планировал, а сильно левее, не причинив композиции особого вреда. Шлепнулся на застывшее масло и нехотя пополз вниз.

— Иди, блядь, твоя очередь, — раздался за спиной голос, и я вздрогнул. — А я пока пойду водки куплю, водка кончилась.

Я вошел в комнату. Девушка лежала на полу, раскинув ноги и положив локоть под голову. Она задумчиво смотрела в потолок. Я немного постоял в нерешительности и сел рядом.

— Ну? — повернулась она ко мне. — Давай.

— Ты извини, — начал я, — ну как бы... Ну, сама понимаешь...

— Да ладно тебе. Как тебя, Коля? — Она улыбнулась. — Все нормально.

— Но, может, ты... не хочешь?

— Да все нормально, — повторила девушка и снова улыбнулась. — Последний день живем.

— Последний день живут американцы. Мы последнюю ночь живем, — поправил я и стал расстегивать брюки.

Не помню, сколько прошло времени, но, когда мы устали и совсем выдохлись и просто лежали на ковре, прижавшись друг к другу, вдруг раздался выстрел. Затем снизу послышался истошный женский крик и еще два выстрела. Мы лежали молча. В коридоре щелкнула дверь, и на пороге комнаты показался Олег. В одной руке у него была водка, в другой — красное вино. Дорогое, судя по виду.

— Купил? — спросил я.

— А то ж, — кивнул Олег, отхлебнул водки и протянул бутылку мне. — Пойдем принесем, там еще осталось.

— Да ладно, бля, потом сходим, — сказал я, глотнув и передавая бутылку девушке.

— И то верно, — кивнул Олег и повернулся к ней. — Ну что? Пойдешь к своей матери?

Она глотнула водки, поставила бутылку на пол, поднялась и медленно пошла к окну. Мы жадно рассматривали ее фигуру.

— Жарко, — наконец сказала она. — И страшно. Очень страшно.

— Не ссы, мы проводим, — сказал Олег.

Она молчала, стоя к нам спиной, контуры фигуры расплывались в ослепительном зареве оконного проема.

— Да вообще страшно...

— Далеко идти-то? — спросил Олег.

— Никуда я уже не пойду, — сказала она.

— А мать одна? — спросил я.

— С ней отчим. Да и какая уже разница?

— И молодец, — одобрил Олег. — Давай тост. За это, бля... за встречу. За что же еще?

* * *

Я сидел на диване, девушка лежала на моих коленях и смеялась. На диване у противоположной стены развалился Олег и курил трубку.

— Шерлок, блядь, Холмс, — хохотала девушка.

— Олег, — говорил я. — Нет, ты, блядь, скажи мне, кто тебе дал право убивать, а?

— Коляня, салага, ты сам понял, что сказал? Я этот, бля, искупитель.

— Искупитель! — смеялась девушка.

— Да погоди, бля, не то... Избавитель! Они же все сгорят к сбоям через несколько часов. Медленно, блядь, мучительно. А я их хуяк — и избавил.

— Это еще, блядь, неизвестно, медленно или нет.

— Известно, — сказала девушка. — Я сама один из докладов переводила, на хуй. Там сказано, что температура в последние часы стло... стло... столкновения будет нарастать с тридцати градусов до трехсот, но это займет два часа! Плавно! — Она покачала в воздухе пальчиком. — Плав-но! Поняли?

— Переводила, — сказал Олег. — Да это и без тебя во всех газетах было год назад.

— А я тоже переводила! Переводила!

— Подожди, — сказал я. — А есть гипотеза, что, блядь, и не будет никакого столкновения.

— Не пизди, — сказал Олег. — Она же в сто раз больше Солнца.

— А все равно не факт! — сказал я. — Может, и пройдет мимо. Но! Внимание! Но! Если даже прямого столкновения не будет, то все равно Земля сойдет с орбиты и превратится в густок плазмы от разогрева.

— Не умничай, не на лекции своей сраной, — отвечал Олег.

— От разогрева! — смеялась девушка. — Раз! И раз! И разогрева!

— Может, в метро спуститься? — сказал я.

— Да ну, на хуй. Сэкономишь пять минут, зато будешь весь в говне и духоте. Ты скотина, блядь, или человек, на хуй? Сдохни как человек. Хоть раз в жизни.

— Ребята... — вдруг нервно сказала девушка, — ну как такое может быть? Ну неужели мы все... — Она закрыла лицо руками и задергалась.

— О, бля, начинается, — вздохнул Олег. — Никогда не ссы раньше времени, поняла? Когда, блядь, нас с Тимуром заперли в карцер, мы не ссали. А майор Лухой — это такой, знаешь, пиздец... Или сам ебать будет, или в дисбате сгноит. Проследит, чтоб сгноили, на хуй.

— Олежек, ты о чём? — спросила девчонка.

— Да ты, блядь, слушай, сейчас поймешь. Короче, утром в караулку заходит сам, блядь, полковник, поняла? Потому что позвонили, что в часть пиздует проверка. И видит Лухого — это нам пацаны из караула сказали. Видит, что ебалъник у Лухого как, блядь, таблица настроечная в телевизоре. И сам Лухой спит пьяный в полное говно, и мы по углам валяемся никакие, ну просто пиздец. Нас тут же за яйца и в карцер. Полковник все, блядь, понял. Позвал двух салаг и приказал, чтоб прямо при нем отмыли Лухого скрипидаром, поняла? Но это мы потом узнали. И хуяк, двое салаг стали его мыть. Намочили тряпку, хуяк — чуть, блядь, не выжгли ему все ебало. Лухой очухался и начал их дико пиздить прямо на месте. Ну и тут его самого покрутили, на хуй, и заперли

вместо нас в карцере. Прикинь, у нас один был карцер, застава-то, блядь, маленькая. А он бы нас убил как не хуй делать. И их бы убил. А полковник, блядь, хотел сначала разобраться и сам всех выбить. Короче, нас с салагами в грузовик и на пилу. Знаешь, что такое пила? Это у нас на болоте ангары были, просто пиздец, поняла?

— Я не хочу умирать, — сказала девушка. — Только подумайте, вот мы сидим... и никогда... никогда... нас не будет... — Она тряслась в рыданиях, я гладил ее плечи, стараясь успокоить.

— На хуй нам истерика? — задумчиво сказал Олег.

Я подумал, что он сейчас полезет искать свой пистолет, и это будет неприятно. Но он лишь сказал:

— Колян, это... Склифософский. Чего у тебя там за таблетки? Успокоительное?

— Да. Но еще рано.

— Рано. — Олег повернул занястье и взглянул на свои командирские часы. — Отломи, блядь, девке четвертуху. Пусть успокоится. И запить принеси.

Я аккуратно снял тихо рыдающую девушку с колен, сходил на кухню и открыл кран. Воды, конечно, не было. Тогда я вернулся, откупорил бутылку вина, достал из шкафа пыльный бокал, нашарил капсулу и отломил ногтем четвертинку таблетки.

— Что это? — хрюплю спросила девушка.

— Четвертинка успокоительного. — Я положил белую крошку на ее ладонь.

Она презрительно смотрела на нее.

— Это не яд, — сказал я.

— Во как. Помирать, блядь, помираем, а отравиться боимся, — произнес Олег из своего угла.

Девушка положила крошку на язык и запила.

— Ни хуя ты не понимаешь, — сказала она, вновь укладываясь ко мне на колени, — нас всех не будет...

— Ну а ты чего, блядь, собралась вечно жить? — сказал Олег. — Может, ты бы сегодня и так под грузовик попала или бы этой, блядь, паленой водкой отравилась? А не сегодня, так через двадцать лет или сорок там, на хуй. Тебе не по хую когда?

— Стоп, Олег! — сказал я и зачем-то погрозил пальцем. — Вот тут разберемся! Ты сказал, что можно делать все. И даже, на хуй, убивать, потому что все равно все сдохнут, так? А хули ты раньше не убивал, если все равно все сдохнут? Противоречие, на хуй-с! — Я потер ладоши.

— Противоречие, на хуй-с! — повторила девушка и хихикнула.

— Ни хуя и не противоречие. — Олег вытряхнул трубку на ковер. — Когда я сегодня убиваю, я избавляю от страданий, так? Они мне должны спасибо говорить. А тогда бы я отнимал жизнь, на хуй, понятно?

— Стоять, блядь! — закричал я. — Стоп! Где граница? Нам осталось сколько? Три часа, да? А если бы осталось три дня?

— Я мать с отцом убил три дня назад.

Я на миг осекся, но продолжил:

— Ну хуй с ними, я не об этом...

— Не хуй, — строго поправил Олег, достал пистолет и навел дуло на меня. — Не хуй. Понял? Скажешь еще раз — избавлю, на хуй.

— Да не о том, блядь, речь, — отмахнулся я. — Где граница? Не три дня, а четыре, десять, полгода, десять лет? Где, блядь, эта граница безнаказанности, за которой можно творить насилие, прикрываясь скорой и неизбежной смертью?

— Ты, Колян, сам ответил только что, — сказал Олег. — Граница безнаказанности. Понял? Сейчас кто тебя накажет? Никто. А тогда?

— Стойте! — сказала девушка. — Значит, если никто не накажет, то можно делать любое зло любому человеку?

— А почему зло, на хуй? — спросил Олег. — Я добро делаю. Избавляю. На хуй вообще нужна жизнь? Вот тебе на хуй нужна?

— Я люблю жизнь. Мне было в кайф жить, — сказала девушка.

Олег прищурился.

— Не пизди. Не до хуя у тебя было кайфа, верно, бля? С матерью собачилась, от подруг говна ждала, от

мужиков шарахалась. Придет — давала, уйдет — рыдала. Вены в шестнадцать лет резала?

Девушка обиженно замолчала и спрятала левую руку за спину.

— А кто ты, блядь, такой, чтобы решать за каждого — жить ему или нет? — возмутился я. — Бог, что ли?

— Выходит, бог. Потому что если бог есть, то хули он мне это позволяет? Значит, я, блядь, и главнее.

— Парни, — сказала девушка, — а ведь мы все подохнем...

— О... Пошла хуйня по кругу, — вздохнул Олег.

— А детей жалко, — добавила она.

— У тебя чего, дети есть?

— Нет, я вообще...

— Вообще. А взрослых, бля, не жалко, да?

— Нет. Дети — они еще не согрешили.

— А взрослые, бля, согрешили?

— Да!

— Ну так хули ты волнуешься? Дети это будущие, блядь, взрослые. Выросли бы и нагрешили до хуя. Считай, что взрослые сегодня получат пиздяночек по заслугам, а дети, блядь, авансом. Поняла? А разницы никакой.

Я слушал их разговор рассеянно, думая о тех, кто остался в Екатеринбурге. Вдруг к реву ветра за окном прибавился странный звук. Я приподнялся на диване.

— Чего это такое?

— Не открывай, мудило, жара пойдет, — ответил Олег. — И так начинается.

— А я хочу! — сказала девушка. — Да это же гармошка!

Мы с ней подбежали к окну и стали смотреть. В доме напротив одно из окон было распахнуто. На подоконнике, свесив ноги вниз, сидел мужичок. Он растягивал меха гармони и что-то пел, но слов не было слышно.

— Слов ни хуя не слышино, — сказал девушка. — Хули он разговаривать мешает?

— Ну избавь его, на хуй, — сказал Олег.

— И избавлю, — сказала девушка. — Дай пистолет.

— Лови.

Пистолет упал на пол и покатился по ковру. Девушка подобрала его и начала целиться. Получалось у нее плохо.

— Окно открой. Стекла полетят, — сказал Олег.

— Отъебись, — ответила она.

Я дернул щеколду и открыл одну створку. Сразу застонал ветер, загремела гармошка и потянуло жаром как от большого костра.

— Блядь, — сказал Олег.

Пистолет в руках девушки дернулся, и раздался выстрел. Один раз, другой.

— Дай, не умеешь! — Я отобрал оружие.

Пистолет удобно лег в мою ладонь. Я закрыл глаз и начал целиться.

— Левша, блядь, — сказал Олег. — Тимур тоже был левша.

Контуры мужика с гармошкой расплывалась. Глаза слезились от света и ветра.

— Выше забирай и правее, у меня сбито, — сказал Олег.

Я нажал курок. Грохнул выстрел. Мужик, казалось, ничего и не заметил — то ли был пьян, то ли под наркотиками.

— Пусти, дай я! — Девушка схватила пистолет и прицелилась.

Раздался выстрел, мужик покачнулся и схватился за плечо. Гармошка смолкла.

— Во дает, — хмыкнул Олег.

— Есть! — засмеялась девушка.

— Дай! Дай добью! — Я силой вырвал у нее пистолет.

На этот раз мне удалось сфокусировать мушку, и я удовлетворенно нажал на курок, уже заранее зная, что попал. Мужик снова дернулся. Гармошка выпала из рук и полетела вниз, взвыв напоследок скрипучей тоскливой нотой. Мужик качнулся еще раз и выпал вниз из окна вслед за ней. Снизу донесся глухой удар, и через секунду еле слышный стон.

— Есть! — захохотала девчонка. — Сделали! Как мы его избавили, а? Класс, бля!

— Закройте окно, уроды, — сказал Олег. — Зашарили.

Я высунулся, чтобы глянуть вниз, но тут на затылок будто поставили раскаленную сковородку, и я зачем-то глянул вверх. Верха не было — была черная пустота, в которой висел громадный диск. Я глянул на него, и все оттенки пропали — осталось черное полотно и белый круг посередине. Дико заболела голова, но меня словно парализовало, взгляд прикипел к диску, как сварочный электрод. На лицо легла рука, и меня резко кинули обратно в комнату. Я упал на ковер.

— Уебище, спалил глаза, на хуй? Лежи, не дергайся. Лицо спалил?

— Отъебитесь от меня... — сказал я в черную пустоту.

Лицо щипало, голову сверлила тупая боль. Я даже не сразу почувствовал, как на лоб легла мягкая рука и нежно погладила.

— Подруга, оставь его, на хуй. — сказал Олег. — Пойдем на четвертый этаж сходим, надо водки принести. Там еще минералка была, польешь на ебалынику нашему мудиле.

* * *

Я лежал на диване, глядя на коричневый бархат плотно задернутых штор. В них были микроскопические дырки, и в каждой просвечивала огненная точка — колия Блуждающей звезды. Зрение постепенно возвращалось, все-таки глаза я не сжег. В комнате стояла жара. Тупая боль в голове унялась, но грозила начаться в любую минуту. Девчонка лежала на ковре. Не думаю, чтобы там было намного прохладнее. Олег сидел в углу на медвежьей шкуре, которую он приволок с четвертого этажа, когда они ходили за водкой. Мы молчали — говорить было не о чем.

— Знаете, а я ему завидую, — сказала вдруг девчонка.

— Кольке-то? Только полный мудак станет высовывать рожу раньше времени.

— Нет, я про мужика с грам... гарм... гар-мош-кой. Я не могу больше. — Она заплакала.

— Могу избавить, — сказал Олег.

— А может, есть надежда? — спросила она.

Мы промолчали.

— Я боюсь ждать... — всхлипнула девушка. — Почему я всю жизнь... всю жизнь должна чего-то... чего-то ждать?

— Для тупых повторяю: могу избавить, — сказал Олег. — У меня патронов до хуя, еще обойма осталась.

— Я боюсь, — всхлипнула она. — И так боюсь, и так.

Олег задумчиво повернулся ко мне:

— Колян, бля, дай ей свои таблетки.

— Ты чего? Я как раз сейчас сам хотел!

— Ты мужик или нет? Ты человек, блядь, или скотина, на хуй? Видишь, девка мучается. Я тебя из пистолета избавлю, как мужика.

Я полез в карман, достал капсулу и протянул девушке.

— Не могу их... всухомятку.

Олег поднялся и принес бутылку водки.

— А минералки нету? — спросила девушка.

— Нечего было лить, как из крана.

— А вина?

— Последняя. — Олег потряс бутылкой и поставил на пол, а сам откатился в свой угол.

Девушка высыпала таблетки на ладонь.

— Давай, — кивнул я, — а то потом хуже будет. — Через пятнадцать минут все будет хорошо. Хороший врач советовал.

Она судорожно опрокинула горсть таблеток в рот, схватила бутылку и жадно залпила.

— Какая гадость, все горит во рту. И внутри все горит. И снаружи. И внутри пекло, и снаружи.

— Терпи, скоро все будет хорошо, — ответил я, глотнул из бутылки и обнял ее.

Некоторое время мы сидели молча. Фиолетовый свет пробивался из всех щелей, шторы просвечивали, как полиэтилен.

— Бутылку подкинь, — сказал Олег из угла.

Я завинтил колпачок потуже. Руки плохо слушались. Кинул ему бутылку и снова закрыл глаза.

— Коля, — вдруг сказала девушка, — возьми меня за руку.

Я напуцпал ее руку и крепко сжал, чувствуя, как пульсирует на руке жилка.

— Все будет хорошо, — повторил я.

— Я устала, — сказала она. — Я очень хочу спать. Мне уже прохладней.

— Спи, все будет хорошо, — повторил я.

Мне показалось что мы сидели вечность и девушка уже уснула, но вдруг до меня донесся ее голос:

— Меня... зовут... Оксана.

— Спи, Оксана, — сказал я и сжал ее руку еще крепче. Жилка пульсировала совсем слабо.

У моих ног что-то стукнуло.

— Пей, бля, я тебе оставил, — раздался издалека пьяный голос Олега.

Я отвинтил колпачок, запрокинул голову и выпил все, что оставалось в бутылке. На миг мне почудилось, что стало лучше и отступила жара, но затем голова начала кружиться, кружиться, в висках запнумело, я еще раз открыл глаза — комната плыла и качалась, залитая фиолетовыми клубами света, шторы уже не спасали. Вдруг стало еще светлее. Послышался звон стекла и гул ветра. В глазах все плыло и двоилось, я закрыл их, и пространство вокруг завертелось. Непонятно было, где верх и где низ. И тут грохнул выстрел.

— С-с-суга! — промычал я. — А обещал меня сначала избавить...

— Получи, блядь! — раздался голос Олега, и послышался второй выстрел. И еще один.

Насколько я смог почувствовать, в меня опять ничего не попало. Тогда я собрал последние силы, вынырнул из мутной круговерти и увидел комнату и мельтешащий силуэт на фоне белого окна. Заслоняясь медвежьей шкурой, Олег резко выглядел наружу, как из окопа, выкидывал руку с пистолетом и тут же прятался обратно.

— На, блядь, сука! — орал он и нажимал курок. — На, блядь, звезда-пизда!

Я закрыл глаза, и мир вокруг утонул и исчез.

* * *

Когда я открыл глаза, комната была залита оранжевым маревом. Голова гудела и стучала, тело не слушалось, вокруг стояла жара, пространство качалось перед глазами, и страшно хотелось пить.

— Оклемался, салага? — услышал я голос Олега.

— Что? — Я как мог сфокусировал взгляд и огляделся.

Я все так же лежал на полу. Рядом лежала Оксана, ее тело было твердым и прохладным. В углу на медвежьей шкуре сидел Олег и чистил пистолет.

— Оклемался, говорю?

— Сколько осталось до рассвета? — спросил я.

— Да вот, блядь, твой рассвет, — сказал Олег и кивнул на окно.

Я встал. Голова закружилась, но я устоял на ногах и подошел к окну. Сначала я не увидел ничего, кроме оранжевого света. Потом я подумал, что у меня двоится в глазах. Но затем я понял. В воздухе висело солнце, а сбоку плыла Блуждающая звезда — маленький диск с мутной оранжевой короной.

— Олег, бляды!.. — крикнул я и закашлялся. — Как это? Что это?

— Пиздец отменили, — хмуро сказал Олег. — Она пролетела мимо и уебывает, на хуй.

— Ну как это может быть? — крикнул я. — Этого не могло быть! Ученые ведь все проверили, доказали и вычислили!

— Не могло быть? — заорал Олег и подскочил ко мне. — Такие, как ты, уебы думают что много, блядь, знают! Они, блядь, вычислили! Они, суки, подсчитали! Они что, блядь, пили с этой звездой? Они, блядь, сбали ее? Так сб твою мать, откуда они знают про нее, а? Опи, суки, думали, что это будет как жопой в костер. Я же, блядь, все это читал — и как Солнечная система сойдет, на хуй, с орбиты, и как атмосферу слуэт к ебеням, и про плазму-хуязму и остальную хуйню. Я же, блядь, верил! Колька, мудило! — Он схватил меня за плечо и по-

тряс. — Мы же им верили, мудаки! А они нас наебали! Ты понял?

— Ничего не понял. Так все же хорошо? Все же кончилось?

— Что, блядь, кончилось? Для нас все кончилось. — Олег отошел в угол и устало сел на шкуру. — Я ждал, когда ты проснешься. У меня как раз осталось два патрона. Избавить.

— Избавить? — Я ошарашенно уставился на Олега. — От чего избавить?

— Ты так ни хуя и не понял? — Олег тоскливо посмотрел на меня. — Я так и думал.

— В смысле?

— Как ты будешь жить, блядь? После всего, что ты сделал?

— Да, Олег, ты что? — Я все еще ничего не понимал. — Вон небось сколько народа погибло! Никто про нас никогда не узнает! Свидетелей нет, власти нет, милиции нет... — Я на миг запнулся. — Ведь никто нас не видел, да? А если видел — сейчас встанем и уйдем. Уедем! Поехали ко мне в Екатеринбург!

— Мудак ты, — сказал Олег. — Мудаком был, мудаком и помреши.

Он достал пистолет.

— Олег, ты что? Олег, я прошу тебя! — Я рефлекторно вжался в стену.

— Да успокойся, салага, не трону я тебя. Подожнешь своей смертью, понял? Да ведь ни хуя ты не понял... — Олег поднял вверх дуло пистолета и задумчиво положил на него подбородок. — Я в госпитале валялся неделю, блядь, с башкой пробитой. А за это время Лухого, на хуй, разжаловали и перевели на Камчатку, понял? И замяли, к хуям, всю историю. И тут, хуяк, блядь, приказ, и я в дембеля... Ты, блядь, не знаешь, что такое дембель. Это чуять надо сердцем. Два года чуять. Дембель — это когда ты хуяк — и свободен! И или куда хочешь. Я хотел на сверхсрочную пойти. Но после такого, блядь, уже и не залупнешься. Пшел в менты. А тут эта хуйня началась... Да хули с тобой разговаривать? Служи, салага.

Долго тебе еще до дембеля. А я человек, блядь, — сказал он сквозь зубы, — а не скоти...

Раздался выстрел, и я зажмурил глаза.

* * *

Обойдя дом, я нашел черствую буханку хлеба и пару банок с консервами. Пора было уходить, неизвестно было, где хозяева и когда они вернутся. В воздухе заметно свежело. На всякий случай я взял из шкафа пиджак. На улице пахло дымом и весной. Оранжевые блики радостно плясали на выцветших стенах домов, дул теплый ветер, небо было затянуто то ли пеленой дыма, то ли облаками. Сквозь пелену просвечивали два диска — Солнце, большое и желтое, и Блуждающая — маленькая, оранжевая, в лохматой черной коронке. Я спросил дорогу у старухи, безумно танцующей на тротуаре, и пошел на вокзал. Ведь теперь когда-нибудь должны снова пойти поезда? Жалко было выброшенных денег, я даже не запомнил улицу, по которой мы шли. Еще я думал о родителях. Как мама? Как отец? Как братик? В воздухе пахло дымом и весной. Я чувствовал, что все страшное позади. Все, что было плохое, — закончилось. Теперь все будет хорошо. В конце концов все должно быть хорошо, верно?

К О Л Л Е К Ц И О Н Е Р Ы Ф А Н Т А З И Й

КОЛЛЕКЦИЯ МРАЧНЫХ ФАНТАЗИЙ

«Постапокалиптическая фантастика» (post-apocalyptic fiction), рисующая картины всемирной катастрофы и выживания на руинах цивилизации, — поджанр весьма почетный, вырастающий напрямую из иудейско-христианской эсхатологии. Достаточно вспомнить историю Ноя и его ковчега. Во второй половине XX века этот поджанр оказался необычайно востребованным, поскольку у человечества появилась возможность самостоятельно уничтожить мир, не дожидаясь «милостей» от природы, а это требовало глубокого осмысления. Сегодня «постапокалипсис» стал настолько традиционным поджанром, что среди активно пишущих трудно найти автора, который не отметил бы в нем хотя бы рассказом. Прибегают к плодотворной теме и те, кто только пробует свои силы на ниве литературы.

При этом современный русскоязычный молодой писатель-фантаст избавлен от многих проблем, которые затрудняли творчество советских начинающих писателей-фантастов. Например, он совершенно избавлен от необходимости камуфлировать свои мысли, играя по правилам внешней цензуры, которая определяет цензуру внутреннюю.

Не будем голословными. Ниже представлены рассказы, написанные молодыми авторами, пришедшими в фантастику буквально вчера. Рассказы были созданы в рамках сетевого конкурса «Коллекция фантазий-9» (его на протяжении многих лет ведет Екатерина Пушкарева). Издательство «Азбука» предложило тему для потенциальных участников, которая звучала так: «Приказано выжить. Стратегия и тактика выживания в постапокалиптическом

мире». По этой теме было получено тридцать рассказов, но отбор прошли только три из них.

Если сравнить эти произведения с аналогичными, написанными во времена Советского Союза, то легко заметить принципиальную разницу. В «советских» рассказах всемирная катастрофа происходит где-то «за бугром», в вымышленной стране или даже на другой планете. Персонажи столь же далеки от современников, сколь далеки от них гуманоиды на «летающей тарелке». Объясняется данная особенность довольно просто: в СССР, согласно идеологическим установкам, не могло быть крупных катастроф — даже факты падения гражданских авиалайнеров засекречивались, а уж если речь заходила об экологических бедствиях, то тут же начинал действовать закон о государственной тайне. Современной российской молодежи, проводящей время за игрой «S.T.A.L.K.E.R.», наверное, трудно себе представить, что даже чернобыльскую катастрофу пытались засекретить, изобразив взрыв реактора «незначительным пожаром на АЭС». Соответственно, советские фантасты, обращающиеся к «постапокалиптике», прекрасно понимали, что шутки тут плохи и, если описать глобальную катастрофу на территории СССР, в лучшем случае произведение не напечатают, а в худшем... Что будет в «худшем случае», каждый мог представить себе сам в опоре на собственное богатое воображение.

Молодой российский фантаст может писать прямо и о чем угодно. И у него гораздо больше выразительных средств в запасе. Ведь он имеет сегодня доступ не только к мировой культуре во всей ее полноте (включая и классику «постапокалиптики»), но и может оперировать опытом разрушения крупнейшей сверхдержавы — социальная катастрофа происходила прямо на наших глазах.

Возможно, представленные ниже рассказы молодых не столь совершенны с литературной точки зрения, как у предшественников, но зато они более искренни и повествуют о нас вами — о людях, живущих после Катастрофы.

Антон Первушин,
писатель,
арбитр конкурса «Коллекция фантазий-9»

Алесь Куламеса
ЧЕЛОВЕК ИЗ ЛЕСА

— Сеня, он вчера опять приходил, — сказала Любовь, ставя перед мужем чугунок с двумя вареными картофелинами. Каждая — размером с небольшую дыню.

Семен вздохнул и покосился на сына Митьку. Тот увлеченно стругал найденную недавно корявую ветку — делал очередного динозавра. Однако на словах матери ребенок замер, прислушиваясь.

— Пойдем на двор.

Женщина прихватила туесок с зерном и вышла за мужем.

Он остановился возле бывшего свинарника, в котором сейчас хранилось сено для козы, и грыз травинку. Любасыпнула горсть зерна трем пеструшкам и петуху и отдельно — наседке с цыплятами.

— Как узнала? — нетерпеливо спросил Семен.

— Возле ручья следы от ботинок. Я... Сень, я боюсь.

Мужчина дожевал травинку и выплюнул зеленый комок:

— Не стоит. К нам сюда он не попадет — колючки дядя Ваня не пожалел.

Любовь скользнула взглядом по забору, прикрытыму спиралью колючей проволоки. Та шла еще по краю крыши и даже по коньку.

— Под забором, — продолжил Семен, — не пролезет. Ну, то есть пролезет, но копаться придется долго. За ночь не справится. А вокруг зaimки я каждый день обхожу. Получается, тут нам ничего не грозит.

Жена хотела что-то возразить, но он остановил ее резким жестом:

— А вот в поле все не так. Хм... Как думаешь, Люба, он один?

— Не знаю. — Она пожала плечами. — Следы вроде одинаковые.

— Допустим, один... Почему он тогда не проходит дальше ручья?

Семен не ждал ответа, просто думал вслух, но Люба решила ответить:

— Выжидает.

— Может быть. Но, знаешь, я бы хотел поговорить с ним. Все-таки первый человек за два года, Люба!

— За два с половиной, — машинально поправила женщина и тут же добавила: — А я бы хотела, чтобы его не было. Я спать не могу, когда знаю, что кто-то рядом бродит.

Семен подошел, обнял жену. Она прижалась к нему, спрятала лицо на груди, в раскрытом вороте рубахи.

— Я понимаю, что тебе страшно. Но... а вдруг он знает, что произошло? Нельзя же его упустить!

— Сеня, если бы он хотел, то давно бы показался нам. А раз не показывается...

Мужчина промолчал. Люба тоже. Несколько минут они стояли молча, потом женщина оживилась:

— Сень, слушай...

— Ну ладно, ладно! Придумаю что-нибудь.

— Да я не об этом. — Люба улыбнулась. — Ты помнишь — завтра Новый год?

Семен хмыкнул, сорвал с растущей возле свинарника груши полуурелый плод, попробовал на зуб. Скрипнулся:

— Кислятина. А говорили, после ядерного взрыва зима будет.

— Сеня, — жена чуть отстранилась и заглянула ему в глаза, — что делать-то?

— Пойду срублю какую-нибудь елочку, украсим чем получится. Отметим, значит.

Люба опять спрятала у него лицо на груди и тихо засмеялась.

— Ты чего?

— Да я не про Новый год, — ответила женщина, улыбаясь. — Я про вообще...

Прежде чем ответить, Семен долго молчал.

— Я думаю, — наконец сказал он, — отсюда лучше не уходить. Дядя Ваня ушел — и все, как в воду. Значит, все плохо. Будем пока здесь сидеть.

— А потом?

— А потом видно будет. Идем в дом.

Любовь сыпнула курицам еще горсть зерна и, вздохнув, пошла за мужем.

* * *

После завтрака Семен привычно обошел вокруг заимки. Он все пытался встать на место незнакомца и смотреть его глазами. По всему выходило, что забор непреродолим. Крепкий, почти два метра, он окружал заимку полностью, включая даже небольшой участок, поделенный между картошкой и рожью.

Итак, незнакомец вряд ли попадет внутрь. Это неплохо, но еще лучше — помешать ему выйти на поляну. Но как это сделать? Вопрос...

Чтобы обдумать его, Семен направился на картофельную делянку, где была оборудована небольшая беседка. Там он скрывался от жары. Тень давала высокая, вровень с забором, ботва картошки. С каждым урожаем — а с прошлого Нового года их было четыре — она становилась все ярче, а клубни все круинее. Поначалу вся семья боялась есть такую необычную картошку, но голод, голод... Поэтому ели. До сих пор ничего страшного не случилось.

По пути Семен проверил рожь. В отличие от картошки она пошла не ввысь, а вширь. Каждый колос стал размером с литровую пластиковую бутылку. Чтобы он не падал, приходилось подвязывать к колышкам. И следить, чтобы не сорвалось.

В центре узкой полосы земли стояло пугало в ненужном за отсутствием зимы ватнике. Ниже Семен приметил Митьку. Тот сидел с рогаткой наизготове — в небе кружили две птицы. Иногда мальчишке удавалось под-

стрелить такого мародера. Люди их не ели, а вот коты — с удовольствием. Семен махнул сыну, тот кивнул в ответ, но с поста не ушел.

Мужчина уселся в беседке и задумался. Все варианты, приходившие в голову, были или откровенно фантастические, или предательски ненадежные. Семен не сдавался. Ругался вполголоса, думал, чертил прутиком на земле абстрактные рисунки. Наконец появилась идея.

На чердаке, нещадно чихая от едкой соломенной пыли, Семен разыскал мешок со старыми консервными банками. Они часто пригождались в хозяйстве, например как поилки для куриц. Возвращаясь в беседку, мужчина захватил моток соломенного шнуря. Семен научился плести его только недавно, и шнур выглядел донельзя кустарным. Однако это лучше, чем ничего.

Устроившись поудобнее, Семен принял за работу. После нескольких не очень удачных попыток он соорудил сигнализацию, связав банки в подвески по три штуки. Затем, дважды поцарапавшись, разместил три такие связки на заборе, внутри спирали колючей проволоки. Воздух сразу же наполнился аккуратным постукиванием.

Семен припоровился, чтобы не оцарапаться в третий раз, дернул проволоку, как будто кто-то пытается перелезть забор. Банки резко забренчали.

Кошка Дуська, дремавшая вместе с котятами в тени забора, перепуганно вскочила, выгибая спину.

На крыльце выбежала Люба:

— Ты чего?

— Тестовый запуск, — ухмыльнулся в ответ муж. — Выполняю обещание.

Люба улыбнулась, кивнула одобрительно и вернулась в дом. Семен, кликнув сына, до вечера развещивал с ним банки по периметру заимки.

Получилось очень даже ладно.

После ужина, при свете луничы и под довольно мурлыканье кота Василия, устроившегося у нее на коленях, Люба на память читала Митьке «Онегина». Ее профессиональная память учительницы русского языка

и литературы помогала скрашивать вечера. Заодно и сын приобщался. Математике и прочим точным наукам его учил отец.

Под голос жены Семен заснул.

Несколько раз он просыпался. Каждый раз он видел открытые глаза жены и, шепнув ей что-нибудь успокаивающее, выходил с ружьем на крыльцо. Прислушивался. Но кроме привычного уже ночного шумка из леса и почти мелодичного перезвона консервных банок, ничего не слышал. Возможно, потому, что незнакомец этой ночью не приходил.

* * *

Следующим утром, еще до завтрака, Семен с ружьем обошел поляну, на которой стояла заимка, но следов не заметил. Завершая круг, у самого ручья, протекавшего по краю поляны, мужчина приметил ель, поваленную ветром еще год назад. Она лежала поперек ручья, и крепкие ее ветки походили на частокол.

Семен хмыкнул и попробовал перелезть. Стоя по ту сторону бревна и стирая кровь с расцарапанной щеки, он понял, как защитить не только заимку, но и всю поляну. Семен вернулся за инструментом, позвал Митьку, чтобы тот следил за лесом, и принялся за дело.

Валить деревья оказалось тяжело — раньше Семен брал только уже упавшие, поэтому опыта не было никакого. Первое подрубленное дерево — молодая сосенка — едва не упало прямо на Семена. Спасли ветви росших рядом елей, задержавшие падение. Отскочив, мужчина долго приходил в себя, ругаясь сквозь зубы. Сын, к счастью, ничего не понял, посчитав, что все идет как надо.

Следующее дерево Семен валил уже умнее — привязав его к другому. Время от времени мужчина перевязывал веревку, увеличивая натяжение. В итоге освобожденное дерево упало куда нужно.

К вечеру Семен повалил еще три дерева. Вроде не много, но участок метров в десять стал совершенно непроходим. Засека получилась плотной — крупный зверь, даже медведь, не пролезет.

— Смотри, Люба, — показал Семен подошедшей жене. — Как?

Женщина придирчиво осмотрела засеку, хмыкнула:

— Просто линия Мажино какая-то.

Мужчина расплылся в улыбке:

— Недели за две по всему краю сделаю. Никакой немец боком не обойдет.

— Ты у меня просто чудо. — Люба чмокнула мужа в губы.

Вечером, украсив шишками несколько еловых веточек, они всей семьей отметили Новый год праздничным ужином — картошкой с последней банкой тушеники.

Ночью Люба спала куда спокойнее. Семен же дважды просыпался, ходил на крыльце, но ничего не слышал.

* * *

Утром Семен нашел следы. Два глубоких, будто специально выдавленных отпечатка ботинок. Возле засеки. Казалось, будто пришелец осматривал результат трудов Семена.

Сплюнув от досады, Семен аккуратно затер следы и не стал рассказывать о них жене. Весь день он упорно, почти не отдыхая, валил деревья. Благодаря уже набитой руке дело пошло быстрее, и к вечеру засека выросла больше чем вдвое. Люба заметила, что следовало бы сделать ее гуще, но Семен не согласился. Прежде стоило закончить «основной периметр». Жена возражать не стала.

Он трудился над завалом еще четыре дня. В итоге по всему краю леса вокруг поляны — и даже на заросшей лесной дороге, ведущей прочь, — возникла плотная стена, ощетинившаяся сучьями и ветками. Перебраться через нее — непростая задача.

Единственное место — это узкий лаз, вырубленный под стволами деревьев, поваленных на дорогу. Семен прикрыл его дверью от летней кухоньки, уложенной горизонтально. Чтобы незваные гости не проникли незаметно, он подпер дверь кольями и повесил связку банок. Если кто-то будет выбивать дверь — грохот предупредит.

За время работы Семен еще дважды видел следы. Что характерно, они никогда не появлялись возле самой замки. Только в отдалении. Эту странность он не понимал, но с женой не обсуждал. Не хотел понаграсну тревожить. Любовь только начала спокойно засыпать, и очень не хотелось ее пугать.

Соорудив засеку, Семен с трепетом ждал — появятся следы или нет. Несколько раз за день он обходил свои владения, но, к радости, ничего не замечал. Кажется, не-знакомец оставил их в покое.

Это успокаивало. Но Семен не стал расслабляться. Он решил сделать засеку максимально широкой и планомерно валил по два-три дерева в день. В некоторых местах завалы высились до шести-семи метров.

Люба была довольна.

* * *

— Надоела картошка, видеть ее не могу. — Семен с отвращением проглотил кусок и скривился. Митька прыснул и скорчил такую же рожицу.

Люба покачала головой, но промолчала — такие разговоры случались едва ли не ежедневно.

— Пойду-ка я на охоту, — решил Семен, поднимаясь из-за стола.

— Думаешь, стоит? — встрепенулась Люба. — Может, не надо?..

— Да ну, — махнул рукой муж, — без мяса нельзя.

— Но он... — начала женщина и осеклась, увидев, как Семен нахмурился и кинул взгляд на ребенка.

— А он ушел давно, — отодвинул тарелку Митька. — Следов уже почти неделю нету.

Люба поджалла губы и выразительно посмотрела на мужа. Тот смущенно кашлянул, а Митька вступился за отца:

— Ну а чего — вы же шепчетесь, а я слышу.

— Ладно, замяли! — Семен подошел к жене, поцеловал в пробор. — Не злись, он уже большой.

Люба промолчала, но, кажется, остыла.

— Пап, а можно я с тобой? — подскочил Митька.

Семен призадумался — незнакомец вроде ушел. Но Люба права, мало ли что...

— Лучше останься здесь — на всякий случай.

— Ну вот, — приуныл Митька, — опять.

— В качестве компенсации, — усмехнулся Семен, — разрешаю патрулировать заимку с ружьем.

Люба вздохнула, глядя на радостно прыгающего Митьку, но снова промолчала.

Собравшись, Семен на четвереньках пробрался через лаз и углубился в лес. Сначала шел по дороге, путаясь в высокой траве, потом свернул в чащу. Если идти напрямик, то через час пути лес редел, и зайцы там встречались чаще. Впрочем, удастых за последний год расплодилось так много, что временами Семен охотился, не уходя с заимки.

Впереди хрустнула ветка. Кабан? Семен рывком сдернул ружье и сжал покрепче. Снова хрустнула ветка, и раздался глухой надсадный кашель. За кустами лещины мелькнул силуэт. Кажется, у него в руках было оружие.

Не думая, Семен вскинул ружье и выстрелил дуплетом, с обоих стволов.

В ответ донесся мат и треск сучьев. Человек убегал.

Семен дрожащими руками перезарядил оружие и осторожно пошел вперед.

Беглеца он не видел из-за слишком густого леса, поэтому ориентировался на шум. Постепенно, правда, треск веток стихал — то ли беглец притормозил, то ли, наоборот, оторвался от Семена.

Наверное, стоило остановиться и повернуть назад, но отступать было поздно. Страх и азарт, побудившие выстрелить и преследовать, отступали. Теперь Семен чувствовал себя виноватым. А вдруг рана тяжелая? А если человек не желал зла? Может быть, это вообще не тот, кто наведывался на заимку? Даже если это и он, то, по совести, он ведь ничего плохого не делал. Надо было найти его и помочь.

Семен выскочил на поляну и замер, оглядываясь. Листва нигде не колыхалась, но впереди виднелся изрядно потоптанный малинник — кажется, беглец скрылся туда.

Семен двинулся вперед. Когда он был на середине поляны, за спиной отчетливо клацнул затвор. Мужчина замер.

— Стой, где стоишь, — раздалось сзади. — Повесь ружье на плечо, — приказал хриплый голос. — Наискосок. И не вздумай дурить — у меня «калаш».

Пришлось подчиниться. Семен осторожно, чтобы не спровоцировать незнакомца, выполнил приказ.

— Молодец, — похвалили сзади. — Теперь можешь поворачиваться.

Семен ничего не увидел — кусты, сосны, заросли. Где он прячется?

— Ты не туда смотришь, — заметил незнакомец. — Выше бери.

Семен послушно задрал голову. На высоте метров пяти, между тремя близко растущими соснами он увидел помост из веток. На нем, привалившись спиной к одному из деревьев, сидел бородатый мужчина с удивительно бледным лицом. Рядом лежал большой рюкзак.

— Вот теперь поговорим. — Мужчина положил автомат на колени. — Меня Антоном зовут.

— Семен. — Голос звучал сипло. От страха.

— Надо же — как отца моего...

Какое-то время они молчали. Потом Антон сказал:

— Ты, Семен, вот что — расслабься. Я тебе ничего плохого не сделаю.

— Уже сделал, — буркнул Семен, но сиделец его услышал.

— Ты про что?

— Жену перепугал, сына.

Антон почесал бороду:

— Это да, это ты прав. Но — как бы тебе это объяснить? — я не со зла.

— Как это?

— Ты присядь, я тебе расскажу.

Семен опустился на пенек, торчавший недалеко.

— Тут такое дело, — начал Антон, но закашлялся, прикрыв рот рукой. Кашлял он не долго, но трудно. Казалось, его выворачивает паизнанку. Когда он перестал

и убрал руку ото рта, Семен заметил на ней кровь. Губы Антона тоже покраснели.

— Так вот, — продолжил тот, — я майор, служил в разведбате. Когда все случилось, мы стояли в небольшой части, километров двести на север отсюда.

— А что случилось-то? — встрепенулся Семен.

— Ты не знаешь?

— Только догадываюсь.

— Понятно... Если без подробностей — сначала Китай по Тайваню долбанул, США по Китаю, те в ответ. А потом все сразу ударили, кто чем мог. Кто за союзника, кто сам за себя. Как с цепи сорвались.

— А с погодой что?

— Геооружие применили.

— Разве есть такое?

— Сам посмотри. — Антон повел рукой, указывая на лес. — По календарю декабрь...

— Январь уже, — поправил Семен.

— Серьезно? Смотри-ка, вот и я чего-то не знаю. Спасибо, просветил. Так вот — у нас тут январь и солнце, а Англия замерзла к чертям собачьим. Такие дела...

— Понятно, — протянул Семен. — Ты это... скажи — зачем пугал нас?

— Да не злись ты, — махнул рукой Антон. — Надо было.

— Почему?

— Не шуми, сейчас объясню. Короче, когда долбануло, мы так в части и остались. Через два дня связь пропала наглухо. Так и сидели. Отправили группу — как в воду. Вторая туда же. Решили, понимаешь, ждать. Если по календарю, то больше двух лет ждали. А потом добрался до нас один летёха — грязный, оборванный. Он вроде как приказ доставил. Хотя какой там приказ — на мятом листке, карандашом. Короче, написали, мол, все, нет больше ничего, все рухнуло, «по возможности сохраните личный состав, гражданских и материальную часть». А через неделю стало понятно, что лейтенант тот с собой какую-то заразу приволок. Два месяца — и, кроме меня, никого не осталось.

Семен, почти не двигаясь, слушал.

— Ну и решил я попытать счастья — выбраться к людям. А потом, уже в дороге, понял, что болен.

— Так, а мы тут при чем?

— При том. Выбираюсь я на полянку твою и понимаю: вот люди, но мне туда нельзя. Даже к забору не подойти. Представляешь, как это?

Семен не ответил. Представил.

— А живешь ты, ну то есть жил, совсем наивно — как будто кругом рай, а не тайга. Даже собаки нет.

— Она за дядей Ваней сбежала, — насупившись, пояснил Семен.

— Пусть так. Посмотрел я на это — ну и решил тебе помочь.

— Пугая нас?

— А чем плохо?

— А чем хорошо?!

— Ох, Сеня, Сеня, — покачал головой майор, — ты кем раньше работал?

— Учителем в школе, — после короткой паузы сказал Семен.

— Ну так подумай сам, на что я вас пугал.

Семен замолчал. Долго думал и наконец спросил:

— Учил, да?

— В точку. Подойти не мог — сам понимаешь, не с моей заразой. А у тебя баба, дите — и ни сигнализации, ни ловушек, ничего. Понимаешь, нельзя сейчас таким салагой жить. Неровен час, кто другой набредет на землю твою. Потому я и... Вот.

— Понимаю, — кивнул Семен, — понимаю.

Они замолчали. Прошло минут десять, прерываемые кашлем, прежде чем Семен решился:

— Тяжело тебе было?

Антон не ответил. Просто неопределенно мотнул головой и сказал:

— Зато не зря, кажется.

— Не зря, — кивнул Семен, вспомнив засеку. И тут же спохватился: — Слушай, я, наверное, попал в тебя?

— Есть немного, — скривился Антон.

- Давай я поднимусь к тебе.
- Нельзя. И когда домой пойдешь, обойди подальше.
- Ты уверен? Может, болезнь уже не заразная?
- Сдуруел, что ли? Хочешь семьей рискнуть?
- Ты же рисковал собой.

Антон хрюпло засмеялся. Очень быстро смех перешел в надсадный кашель.

- Мне, когда я на тебя вышел, жить оставалось месяца полтора. Какой там риск, брось...

Семен поднялся:

- Ты мог попробовать пойти дальше. Вдруг где-то встретились бы люди с лекарствами. А ты остался. Я должен тебе помочь.

И сделал шаг вперед. Антон встрепенулся и дал очередь. Недалеко перед Семеном упала подкошенная трава.

- Не подходи, — предупредил майор. — Я тебя, конечно, не застрелю, но раню обязательно.

— Но...

- Слупай, ты совсем дурак, нет? — вскинул Антон. — Сказано — нельзя, подцепиши заразу. Думаешь, мне не хочется к людям?! Думаешь, я хочу умирать? Но не-ль-зя, понимаешь ты?

Антон закашлялся. На этот раз он кашлял особенно долго. Кровь забрызгала бороду и оружие.

- Так что, — наконец смог продолжить майор, — не приближайся.

Семен удрученно кивнул.

- Вот и хорошо. А теперь слушай. Где-то южнее, километров сто отсюда, кто-то посыпает сигнал SOS. У них нет приемника, только передатчик. Передают уже примерно год. Может быть, это автоматическая станция. А может, люди. Что тебе теперь делать — решай сам. Я тебе больше помочь ничем не могу.

Семен поднялся и сказал, приложив руку в сердце:

- Ты и так помог. Спасибо тебе.
- Иди уже, не трави душу.
- Прощай тогда.
- Прощай.

ЧЕЛОВЕК ИЗ ЛЕСА

У самого края опушки Семен повернулся, хотел что-то сказать, но только махнул рукой на прощание и углуился в лес.

Антон выждал с полчаса и спустился на землю. Надо было уходить — учитель мужик совестливый. Еще вернется, хоронить станет, подцепит заразу.

Майор закинул автомат на спину и заковылял прочь. Рана была легкой — считай, только кожу содрало. Но болезнь... Болезнь брала свое.

Антон откашлялся, сплюнул кровью и пошел быстрее.

Ольга Силаева
ЗАЧЕМ МНЕ ЭТО?

from Мария Телепина <mtelepina@gmail.com>
to Психолог Заочной школы № 9
<elena_petreva@school9,new-msk.ru>
date May 24, 2128 10:56 PM
subject Ежегодный отчет
mailed-by gmail.com

Ну, здрасте.

У меня все в порядке, как обычно. Нет, ну чего писать-то? Про родителей? Так в досье все написано. Папа все еще в Транспортной компании, туннели копает — ну, не сам, конечно. Да, на юге. Новая Москва растет не только вниз, место всем нужно. Мама все еще на гидропонике, только она теперь начальник управления, и у нас повышенная квота на натуральные овощи. Хотя зачем это? Все равно никто не готовит, проще в Мак сходить.

Нет, я не знаю, что такое гидропоника. И в Вики не полезу. Зачем мне это? Распределят после школы, так мастер за пару месяцев всему научит. Делов-то — следить за автоматикой. Все равно работа — восемь потертых часов в день, мама так говорит. Мне правда все равно, кем быть, лишь бы вкалывать поменьше.

Да, восьмые «Мирры Магии». Ну как вы не понимаете, это же интересно! Виртуальные романы, например, — это не по коридорам за ручку бродить и не по кафешкам обжиматься! А оружие! Вон, папа все прошлые выходные в виртуалке просидел. А что? Заработал — имеет право.

Что значит — не настоящес? А какая разница? Для вас это шлем с вентиляторами, а для меня — свежий

ветер в волосах. Где я еще смогу запрыгнуть в седло и помчаться навстречу новым приключениям? Вы вообще слово такое, «приключения», знаете? Вот-вот. А еще школьный психолог называется. Хорошо еще, что отчеты каждый месяц сдавать не надо, а то я бы точно застrelась.

И хватит спрашивать меня, не смешиваю ли я виртуальную жизнь с реальной! Придумали тоже! Ну вот сериалы — что, постыдлерные серии чем-то отличаются от старых? Да ничем. А работа? Да ладно заливать! Вот я спрашивала прабабушку, много они там гуляли на открытом воздухе? Пять минут до остановки монорельса от силы. Только тогда еще были автобусы и машины и люди стояли в пробках, дышали бензином. Жуть! Сейчас бы их всех пересажали за отравление воздуха, и правиль но бы сделали.

Или вы предлагаете включить экран и слушать про ядерную зиму наверху? Вот, в доядерные времена — оoo! Да, в доядерные времена — ууу! А давайте снизим квоты на энергию и вбухаем освободившиеся ресурсы в космическую отрасль? И вбухают ведь.

Глупости это все. Найдем мы новую планету рано или поздно, никуда не денемся. А мне и под землей неплохо. С голода никто не умирает, развлечений выше крыши, места всем нарыли достаточно, вон, даже первые выборы через два года назначили. Жить можно, не хотят — их проблемы.

Да, хочется и солнца, и к морю, и не только в виртуальности. Но, во-первых, «Тропический рай» всего на два яруса ниже, а во-вторых, в бассейн я хожу по квоте, ни разу не пропускаю. Конечно, выживать можно и в респираторе, с автоматом в руках, как в старых книжках. Но зачем мне это? Уж лучше престижный район Новой Москвы, с водопроводом, электроэнергией и итальянской кухней. Спагетти, даже синтетические, они лучше консервов.

Жалко, что ни Джейка, ни Эрика, ни Маришку я так и не увижу в реале, если только папа не поторонится с туннелями. И страшно подумать, что будет, когда сло-

маются спутники и выйдут из строя океанские кабели. Впрочем, проложат новые — не только у меня есть друзья на другом конце света. Прорвемся, не привыкать. Вон Третьей мировой пугали-пугали, и что?

...Эээ... Ну, да, нехорошо получилось. Но вы посмотрите по сторонам — ведь никто по этому поводу особо не переживает. Поскорбят для вида в годовщину — и обратно, по отсекам, по кафешкам, заниматься делом. Жить.

А знаете, сотру-ка я этот отчет на всякий случай. Вам пришло что-нибудь бодренькое, про полеты к звездам, про то, как важно беречь родную планету. Вы ведь этого ждете, правда? Ну, вот и получите. С верхом.

Потом перепишу. Главное, save с send'ом не перепутать...

Сергей Токарев
МОЛЕНИЕ О КИТЕ

Старый опреснитель чихал всю ночь, а под утро тихо скончался. Из-за возни с ним Арсений проспал утренний прилив. И даже открыв глаза, он не сразу сообразил, что проснулся, — такой непривычной показалась ему тишина. Затем он услышал плеск волн.

— Дом, милый дом, — пробормотал Арсений и пошарил в изголовье. Увы, там было пусто. Все чинарики он скурил еще ночью.

Он опустил ноги на пол и, шаркая, побрел к выходу. Перед дверью он на секунду было прислушался, но затем махнул рукой и начал снимать засовы. Прошлой ночью его дом утратил последнюю ценность. И больше не было никакого смысла цепляться за это ржавое корыто.

Дверь заскрипела, Арсений шагнул за порог и ослеп. Прямо перед ним в небе сияло полуденное солнце. Он схватился за борт и прислушался. Нет, ничего. Только волны и скрип переборок.

— Ну, здравствуй! — процедил он. — Здравствуй, батюшка Сибирский океан.

Его ржавый дом, его старая баржа, покачивался на волнах. Корма плотно сидела на мели, но прилив поднял нос. Над баржей синело летнее небо. А вокруг, насколько хватало глаз, простирались воды, бескрайние воды нового океана. Ни земли, ни людей, ни птиц.

— Хоть бы кита какого бог послал! — пробормотал Арсений, глядываясь до боли в глазах в морскую гладь. У самого горизонта колыхалась черная точка. Но она была еще далеко.

— Кит бы не помешал, — сказал Арсений. — Слышишь, боже! Хотя бы самый маленький. Что же мне, подыхать теперь, а?

Закончив осмотр, он спустился в носовой трюм. Изготовленный еще во времена потопа, опреснитель имел суровую конструкцию и напоминал смесь самогонного аппарата с железнодорожным титаном. При свете дня было видно, что воды осталось еще меньше. Пять литров можно растянуть на неделю. Теоретически — на полторы. А там, глядишь, и дождь может пойти.

— Дожить до дождя, — сказал Арсений. — Да я бы дожил, боже, да ты ведь не дашь!

Он налил воды в железную кружку. Затем подумал и выплюнул половину обратно в бак. После чего залпом выпил остаток. Пришли плохие времена. Пора было открывать неприкосновенный запас.

Две канистры лежали там же, где он их и положил, — под деревянным настилом в кормовом трюме. Здесь Арсений хранил не воду. В жестянках плескалась гораздо более ценная жидкость — бензин.

Арсений потянул одну из канистр за ручку, но тут же отпустил. Закрыв тайник доской, он выбрался на палубу.

Черная точка на горизонте обратилась брезентовой лодочкой — такой крохотной, что казалось удивительным, как она держит своего хозяина. Ее нос поднимался над водой едва ли больше, чем на ладонь.

Человек в лодке яростно греб к барже. Завидев Арсения, он начал махать рукой. Арсений усмехнулся и помахал в ответ.

— Ты, дядя Петя, прямо как настоящий чукча! — заржал он, когда лодка приблизилась еще ближе.

— Сам ты чукча! — крикнул дядя Петя. — Ты меня с этими детьми природы не путай! Я цивилизованный эвенк!

— Цивилизация под водой раков кормит! — крикнул в ответ Арсений. — Все мы теперь дети моря.

Дядя Петя пристал к трапу. Арсений помог ему забраться на палубу и поднять каяк. Они пожали друг другу руки.

— Ты зачем на буксир не брал? — спросил эвенк. — Уж я махал, махал! Чуть не перевернулся.

Арсений кисло усмехнулся.

— У меня опреснитель сломался, — ответил он.

Дядя Петя почесал седой стриженый затылок.

— Жаль, — сказал он. — Значит, воды не продашь? Я консервы привез. Скумбрию в собственном соку.

— Продать не продам, поделиться могу.

— Ну и я тогда поделюсь. Давай, что ли, отобедаем?

Дядя Петя достал из заплечного мешка две желтые банки, а Арсений сходил в трюм и вернулся с двумя полными кружками. После этого они поднялись по лестнице на крышу дома и разложили припасы на куске брезента, служившем Арсению в лучшие дни ковром, а в худшие дни — и одеялом.

— Так как вышло с опреснителем? — спросил дядя Петя, цепляя кусок скумбрии пальцами.

— Все к тому шло, — ответил Арсений. — Сначала он давал три литра в час. Потом два. Я продавал все меньше и меньше. Ты давно ко мне не заглядывал. Почему не поставил парус? С ним по морю ловчее ходить.

— Парус перевернет лодку, — ответил эвенк. — И потом, откуда у меня парус? Мне материала едва на лодочонку хватило! Это ты у нас богач, водой торгуешь. А мне нырять приходится, топляк искать.

— Ловил бы рыбу! Это я белый человек, а ты, как никак, к природе ближе.

— А, рыба... — Дядя Петя махнул рукой. — Она вся больная, мясо червями исходит. Ты землю-то вообще помнишь? Сколько на ней дерьяма лежало, помнишь? Все это теперь здесь.

И он обвел рукой вокруг, показывая на море. Арсений кивнул. Он и сам знал вкус новой воды. Когда пришел океан, земля ушла на дно, как есть. С химическими заводами и нефтепроводами. С городами и канализационными отстойниками. А сколько вони было первое время! Казалось, что весь мир протух, а океан стал одной гигантской помойкой. Тяжелый дух носился над водой, и не было бога, чтобы отделить гнилые воды от чистых.

Так что пришлось обходиться своими силами, строить опреснители.

— Есть шанс, что вода когда-нибудь снова станет чистой? — спросил Арсений.

— Очкарик сказал, при нашей жизни уже вряд ли, — ответил эвенк. — Земля была слишком грязной.

Он замолчал. Арсений толкнул его локтем.

— Ну, давай, колись, — сказал он. — Что за Очкарик? Почему замолчал?

— Да живет тут один, — ответил дядя Петя. — У него дело есть. Я с ним в доле. Но нужна моторка. Ты свою не раскурочил еще?

— Нет, — ответил Арсений. — Но что за дело?

Дядя Петя покрутил головой, осматриваясь. Море было пустынным, и лишь у самой линии, где смыкается небо с водой, поднимался черный дымок. И дядя Петя решил.

— На кита пойдешь? — спросил он.

Арсений задумался.

— Кит — дело опасное, — сказал он. — Все киты уже при хозяевах. Но у вас какой-то секрет, верно?

— Верно, — кивнул дядя Петя. — Но это только Очкарик может сказать. Ну как, готов?

— Мне терять нечего. Так и так с баржи убираться надо, — ответил Арсений. — Но я очень надеюсь, что твой Очкарик действительно что-то придумал. Потому что я очень не хочу лезть под пули.

Они собрали нехитрые пожитки — бак с водой, два куска брезента, три железные кружки, багор и канистры с бензином — и перетащили их на моторку. Запасные штаны Арсений повязал на пояснице, как кушак, а ржавую стамеску воткнул в щель между досками на скамейке. Затем они разобрали каяк дяди Пети и сложили его в лодку.

— Поставим парус, если что! — сказал эвенк, и Арсений кивнул.

Дядя Петя сел на нос с багром, а Арсений отвязал лодку. Затем он пошлепал баржу по рыжему борту. Дом, плавучий дом. Баржа служила ему убежищем, баржа

кормила его и защищала. Но ее время вышло. Пора было плыть дальше.

— Может, ты еще вернешься, — сказал дядя Петя, и Арсений снова кивнул.

Лодка уже отошла от баржи, и он завел мотор.

— Бревно! — крикнул дядя Петя. — Право руля!

Арсений повернулся, уводя лодку от столкновения. Волны летели навстречу, и лодка подпрыгивала на них, как на кочках, поднимая тучи брызг. Дядя Петя распростерся на носу, взглядываясь вперед.

— Топляк слева! — крикнул он немного погодя. — Чуть подрули, я зацеплю!

Затем он взмахнул багром. Одним ловким движением он выхватил из волн что-то белое и перебросил это на дно лодки. Топляк оказался пластиковой канистрой. Немного погодя эвенк выловил почти целый пластиковый пакет, пустой огнетушитель и спинку от деревянного стула.

Так они и шли, на восток, куда указал путь старый эвенк. Там, за горизонтом, обитал загадочный Очкарик, который знал секрет, как взять кита. Там был дом солнца, откуда оно всходило каждое утро. И Арсению казалось, что там скрываются и другие чудеса. Он надеялся на них.

Когда ветер переменился, они заглушили мотор и поставили парус. Лежа на скамейке, Арсений смотрел в небо и считал первые звезды. Благо больше считать там было нечего.

— А я вот все думаю, — сказал он. — Ну с самолетами понятно. Для них инфраструктура нужна. Аэропорты, транспорт, заводы. Все это теперь водорослями покрылось. Но птицы-то... Почему исчезли птицы?

— Птица слабее самолета, — ответил дядя Петя. — Самолет можно приземлить на любом куске асфальта, а птицы возвращаются к гнездам. Очкарик говорит, вся экология полетела к чертям. А птицы вдобавок еще потеряли и гнезда.

— Мы тоже потеряли, — вздохнул Арсений. — Все наши гнезда.

— Выше нос! — ответил дядя Петя. — У Очкарика большое гнездо. Места хватит на всех.

Спустя двое суток Арсений убедился в этом и сам. Сначала на горизонте выросла ажурная металлическая вышка. Дядя Петя ткнул в ее сторону пальцем.

— Рули туда! — сказал он.

— Куда? — удивился Арсений. — Это же ЛЭП!

— Он на ЛЭП и живет! Приглядись, вон его дом!

Арсений пригляделся и действительно разглядел в переплетении балок темную будку с маленьkim окном.

— Эта вышка на сопке стояла, — пояснил дядя Петя. — Потому ее и не накрыло с головой. Очкарик говорит, когда пришел потоп, один из умельцев сумел на вертолете поднять туда рабочую бытовку со стройки внизу.

— Ясно. А сам умелец куда подевался?

— Вроде он полетел помочь искать, да так и сгинул.

Они привязали лодку к вертикальной лестнице в сердце вышки и поднялись наверх. Дядя Петя постучал в дверь, не дождался и открыл ее сам. Изнутри пахнуло ядренным ароматом кирзовых сапог.

— Опять не запер! — бросил эвенк в сердцах. — Сколько раз я говорил. У, интеллигенция! Доведут его эти привычки до белой ручки.

— А где Очкарик-то? — спросил Арсений, зажимая нос и отглядывая нехитрое убранство бытовки. Три скамейки вдоль стен, длинный стол посередине. Под столом лежала груда старых сапог, должно быть оставшихся еще с допотопных времен.

— На вышку полез, китов выглядывать! — сказал дядя Петя. — Ты проходи, усаживайся. Чувствуй себя как дома. А что кирзачами пахнет, так это ничего, привыкнешь.

На стене напротив входа висела карта России с новыми морями. Арсений подошел поближе и увидел, что границы морей нанесены вручную. Сибирский океан, Восточно-Европейское море, Якутская впадина... Все как полагается. Арсений вспомнил карты, которые показывали по телевизору до потопа, и поморщился.

— Зачем они врали нам? — спросил он, обращаясь скорее к никому, чем к дяде Пете. — Зачем они говорили, что вода поднимется немножко?

— Затем, что никто на самом деле не знал, как оно все повернется! — раздался голос от порога.

Арсений повернулся и увидел тощего чумазого человека в замусоленной телогрейке. На лице незнакомца сидели защитные металлические очки без стекол.

— Арсений, — сказал Арсений и протянул руку.

— Очкарик, — сказал человек в очках. — И можешь так не смотреть, а? Они просто помогают мне сосредоточиться.

— Хорошо, — сказал Арсений. — Дядя Петя сказал, что ты знаешь секрет кита?

Очкарик кивнул.

— Вы знаете, как раньше искали золотые жилы в Сибири? — спросил он, подняв палец. — Старатели мыли пробы вдоль рек и считали золотинки. Я открыл похожий способ для китов.

— Ты моешь пробы? — спросил Арсений.

— Нет! День и ночь я наблюдаю за дрейфом нефтяных пятен на поверхности океана. И я нашел метод, как определить ход кита в этих мрачных глубинах. А дальше, извините, я вам ничего не скажу. Но я прошу поверить и... ответить на один вопрос. Вы эту лодку украли с применением силы или без?

Они вышли из бытовки на металлический трап, нависающий над бездной, и посмотрели на лодку.

— Я не помню точно, как она у меня оказалась, но уверен, что прежний хозяин уже забыл о ней, — ответил Арсений.

— Хорошо, — кивнул Очкарик. — Теперь ты в команде. Можешь, кстати, выбрать себе кирзовую сапоги под столом.

— Это обязательно?

— Нет! — воскликнул Очкарик. — Но я подумал, что тебе будет приятно!

Небольшой катер, шедший по морю мимо вышки, вдруг повернулся к ней. С такой высоты Арсений не мог

разобрать, что это за посудина, но мог поклясться, что такой старой лоханки он не видел даже в допотопные времена. Похоже, ее изготовили еще в советскую эпоху.

Катер подрулил почти к основанию и заглушил мотор. Из капитанской рубки вышел рыжий парень.

— Эй, опарыш! — крикнул он. — Фафра есть?

— Нет никакой, — крикнул Очкарик. — Последнюю месяц назад братишки снилили.

— Какие братишки?!

— Кривого. К пим теперь плыви, у них теперь фафры много!

— А если найдем, ответишь за базар?! — крикнул рыжий. Затем он исчез в рубке.

Арсений напрягся. Но катер не стал причаливать. Вместо этого он развернулся и пошел дальше на запад.

— Фафру ему, — сплюнул Очкарик. — На ржавой «каэске» разъезжает, а гонору, как будто морской яхтой рулит.

— Что за фафра-то? — спросил Арсений.

— А, это они фарфор так кличут, — объяснил Очкарик. — Фафра да фафра, грамотеи. Из нее украшения точат, девкам на радость. Она ж как косточка слоновая, такая белая, такая гладкая. Только потяжельше. Те, кто в городах живет, говорят, что к девкам без фафры лучше и не подкатывать.

Они вернулись в бытовку.

— Расскажи про кита, — попросил Арсений.

— Кит тяжел и опасен, — ответил Очкарик. — И стада его поделены между новыми хозяевами. Каждый топит сало и косится на чужое. Через это идут войны и разборки. Опасно выходить в море на кита днем, опасно выходить без оружия.

— Эх, нам бы ствол или два, — сказал Арсений.

— Ну и что ствол? — спросил дядя Петя. — Если братишки Кривого на катерах раскатывают, да с пулеметами? Тут артиллерия, брат, нужна!

— А все равно ствол нужен! — уперся Арсений. — По крайней мере, перехват всякую уже пугнуть можно. Как того рыжего на «каэске». Фафру ему, блин!

— Я так скажу, будет кит — потихоньку будет и все,—
ответил дядя Петя.— И оружие, и фафра. А там, чем черт
не шутит, и катер!

— Катер — это да, катер — это хорошо, — вздохнул
Арсений.— С ним любая девка и без фафры даст.

Очкирик, доселе поглядывавший на них, вдруг хлоп-
нул по столу и крикнул:

— Комацды перебивать не было! Оба вы хороши, но
я тут главный! Ибо я знаю след кита, а вы нет! Слушай-
те, что я говорю!

— Говори, — кивнул Арсений.

— Опасно идти на кита втроем и без оружия, поэтому
мы выйдем на него на самом рассвете, когда море пус-
тынно. Но кит тяжел. Поэтому мы можем поймать его
лишь рядом с вышкой. А это значит, что я буду смотреть
на море, а вы... вы будете ждать. Только не сжирайте всю
еду в первый же день, хорошо?

Очкирик вытащил из-под скамейки мешок и высыпал
его содержимое на стол. Черные бруски, перемотанные
веревкой, с грохотом разлетелись в стороны.

— Что это? — спросил Арсений.

— Это магниты, — ответил Очкарик. — Когда пойдем
на кита, они помогут вам его повернуть. Магниты силь-
ные, но человека на весу не удержат. Меня, по крайней
мере, не удержали. Вас тем более. Но их хватит, чтобы
в воде вытащить морду кита вверх. А там мы его и охо-
мутаем. Все ясно?

Им было все ясно. Оставалось только ждать. Каждое
утро Очкарик вставал ни свет ни заря и поднимался
на самую макушку опоры. Там он сидел, как птица, и
вглядывался в океан. А дядя Петя и Арсений ловили
проплывающий мимо топляк. Большей частью им по-
падался мусор, но это было лучше, чем ничего. Арсений
называл ловлю топляка игрой в автоматы, а эвенк срав-
нивал это занятие с лотереей. У них была надежда, что
однажды им попадется нечто особенное, нечто очень
ценное.

Пару раз Арсений пытался нырять под вышкой, опус-
каясь в глубину по лестнице. Но Очкарик, разглядевший

эти упражнения с высоты, обругал его, назвав идиотом и другими учеными терминами.

— Мне утопленники в команде не нужны! — кричал он. — Напореши на арматуру, и номинай как звали! Жди кита! Кит — вот ваша цель, ваш главный топляк!

И Арсений ждал. Днем и ночью он смотрел на воды, затопившие мир, и ждал чуда. Ему снились киты и морские чудища. Снились консервы, оружие и катера. И мелкая фафра, белая и рассыпчатая, как рис.

Консервы подходили к концу. Они подъели скумбрию и перешли на зеленый горошек и морскую капусту. Наконец в одно прекрасное утро Очкарик, спустившийся к обеду с верхотуры, увидел Арсения и эвенка, сидевших за пустым столом.

— Видно, пришла пора открыть мой НЗ, — вздохнул Очкарик. Из тайника под будкой он извлек две банки говяжьей тушенки с лавровым листом, пластиковую коробочку с кубиками сахара и половину шоколадной плитки.

После вкусного обеда Очкарик снял свои защитные очки без стекол и положил их на стол.

— Завтра идем на кита! — сказал он. — Хотел подпустить его поближе. Но, видимо, лучше взять его сейчас, пока есть силы.

Ночью Арсению приснились стада черных китов, плывущих мимо их опоры. На каждом ките стояли дома — настоящие, как в допотопные времена. Це баржи, не лодки, не катера. Дома с крышами, подъездами и телевизионными антеннами. Жильцы курили в окнах, а на балконах играли в карты. Арсений хотел спрыгнуть на дом, проплывающий под вышкой, но его нога запуталась в высоковольтной линии, и он проснулся.

На его ноге лежал моток троса, а дядя Петя и Очкарик привязывали магниты к своим поясам.

— Пора, — сказал Очкарик. — Киты не ждут!

Они спустились к моторке и привязали один конец троса к крюку на корме. Арсений сел у мотора, дядя Петя устроился на мотке с тросом, а Очкарик залез на нос, чтобы показывать путь.

— Курс на юг! — провозгласил он. — И кто умеет молиться, пусть молится. На кита!

О кит, подумал Арсений. Мы извратили твою суть, но нас можно понять. В этом мертвом море, в этом новом океане над затонувшими городами только такие киты и могут плавать, верно? Киты и мы, люди. И если здесь только мы, почему бы нам не встретиться?

— Бревно! — крикнул Очкарик. — Налево, налево! Теперь обратно, вправо. Хорошо!

Зачем тебе плавать без нас, думал Арсений. В чем смысл твоего путешествия? В этих горьких водах нет смысла и нет спасения. Спасение есть только в нашей встрече. Хотя бы для нас. Приди, кит, приди!

Очкарик спрыгнул с носа и пригнулся.

— Гаси мотор, катер на горизонте! — закричал он. — И пригнулись, пригнулись, живо!

Арсений заглушил мотор и соскочил с кормовой скамьи, присев рядом с ней. Вокруг колыхались волны, покрытые радужной пленкой. Катера не было видно, но где-то вдали слышно было урчание двигателя. Наконец оно стихло.

— Кажется, обошлось, — заметил Очкарик, возвращаясь обратно на нос. И почти сразу, не делая паузы, закричал: — Кит! Кит!

Арсений и эвенк вскочили на ноги. Они напряженно всматривались в море, куда показывал их товарищ, но ничего не видели.

— Заводи мотор, подходи на малой! — распорядился Очкарик.

— Куда?! — спросил Арсений.

— Метров сорок на десять часов. Слева по борту, короче. Вы что, в самом деле не видите?!

Но их добычу действительно трудно было увидеть. Темная спина едва приподнималась над водой, и проходящие над ней волны закрывали ее полностью. Тяжелая туша повисла у самой поверхности и едва покачивалась.

Лодка подходила все ближе, но сколько они ни взглядывались, они не видели, за что можно было бы зацепиться. Мокрая шкура казалась абсолютно гладкой.

— Магниты! — крикнул Очкарик.

Дядя Петя кивнул, снял одежду, оставшись в коротких штанах, привязал магниты к рукам и нырнул за борт. Через секунду его голова показалась рядом с китом. Гулкий металлический звук засвидетельствовал, что магниты вступили в действие.

— Тяжелый, гад! — крикнул дядя Петя.

— Вижу! — ответил Очкарик. — Закрой рот, а то воды наглотаешься. Арсений, готовь петлю!

Затем он сам разделся, надел магниты и прыгнул в воду. Теперь дело пошло на лад. Темная спина дрогнула и начала вращаться. Затем все быстрее и быстрее. Наконец из воды показалась круглая и словно изумленная морда.

— Ага! — крикнул Арсений в азарте. Он бросил петлю и попал с первого раза. Потянув за трос, он убедился, что аркан сработал. Они взяли добычу!

— Эге-ге-гей! — закричал Арсений. — Кит наш, слышите?

Но его никто не слышал. Он посмотрел на темный лоснившийся бок, на бурлящую воду, а затем на ржавую стамеску, которая так и торчала из кормовой скамьи.

— Эх! — процедил он, стаскивая куртку.

Холодная вода ударила его, словно током. Открыв глаза, Арсений увидел тяжелый темный силуэт и только сейчас понял, какое чудовище они захомутали. В мутной и темной воде взгляд проникал недалеко. Но Арсений видел, как под чудовищем что-то движется и бьется, словно рыба, пойманная в ловушку.

За десять секунд ему удалось перерезать веревки на магнитах эненка и вытолкнуть дядю Петю на поверхность. Затем он освободил Очкарика.

После сеанса искусственного дыхания Очкарик пришел в себя.

— Я идиот, — сказал он слабым голосом. — Круглые тела в воде легко вращать только сбоку или сверху. А если сам снизу, то сразу возникает дезориентация.

— Молчи, — сказал Арсений. — Молчи, голова! Ты все правильно придумал. Кит наш! Да это даже не кит. Это целый калпазуот!!!

МОЛЕНИЕ О КИТЕ

Он завел мотор, и лодка пошла, разматывая трос. А за лодкой, подрагивая от ударов волн, пошла и их добыча. Тяжелая металлическая цистерна с чистым бензином на шестьдесят тонн. Может, она всплыла с разрушенного завода. Может, просто стояла в железнодорожном тупике и ждала, когда ржавчина съест пристяжные ремни, соединявшие ее с вагонной тележкой, чтобы обрести плавучесть. А может, она просто была чудом. Арсений был согласен на любые варианты.

— О кит, металлический кит! — воскликнул он. — Кит стальной, полный топлива! Мы звали тебя, и ты пришел! Мы молили тебя о чуде, и ты явил нам его! И я хочу сказать тебе, прости нас за наше неверие! И пусть твой путь будет осиян благодатью, потому что теперь это и наш путь! Вот что мы хотим сказать тебе и...

— Ты почему замолчал? — спросил дядя Петя.

Вместо ответа Арсений показал вперед.

Там, прямо по курсу лодки, словно указывая ей дорогу, вставал из пучины белый фонтан, вставал и падал на широкую серую спину.

СОДЕРЖАНИЕ

Приказано выжить. *Василий Владимирский* 5

ПОСЛЕ АПОКАЛИПСИСА

ВЯЧЕСЛАВ РЫБАКОВ

Носитель культуры 9

КИРИЛЛ БЕНЕДИКТОВ

Точка Лагранжа 30

ОЛЕГ ДИВОВ

Стояние на реке Москве 53

НИКА БАТХЕН

Жил да был брадобрей 62

АЛЕКСАНДР ЩЕГОЛЕВ

Катастрофа 81

ВЛАДИМИР АРЕНЕВ

Хижина дядюшки Сэма 97

АНТОН ПЕРВУШИН

Одноглазый Волк 146

ШИМУН ВРОЧЕК

Хомяки месяца 156

ЭДУАРД ГЕВОРКЯН

2032 год: Путешествие к Северному пределу
(Пролог романа «Времена самозванцев») 167

Содержание

МАРИЯ ГАЛИНА	
Барл	250
ЛЕОНИД КАГАНОВ	
До рассвета	354

КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ ФАНТАЗИЙ

Коллекция мрачных фантазий. <i>Антон Первушин</i>	381
АЛЕСЬ КУЛАМЕСА	
Человек из леса	383
ОЛЬГА СИЛАЕВА	
Зачем мне это?	396
СЕРГЕЙ ТОКАРЕВ	
Моление о ките	399

Литературно-художественное издание

ПОСЛЕ АПОКАЛИПСИСА

Руководитель проекта Денис Лобанов

Ответственный редактор Василий Владимирский

Редактор Анатолий Гусев

Художественный редактор Антонин Каллас

Технический редактор Ольга Иванова

Корректоры Елена Орлова, Елена Терскова

Верстка Алексея Соколова

Директор издательства Максим Крючченко

Подписано в печать 05.11.2008.

Формат издания 84 × 108 1/32. Печать офсетная.

Гарнитура «Петербург». Тираж 7000 экз.

Усл. печ. л. 21,8. Изд. № 340. Заказ № 12190

Издательский Дом «Азбука-классика».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192. www.azbooka.ru

Отпечатано по технологии СтР
в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

**ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ
КНИГ ИЗДАТЕЛЬСТВА «АЗБУКА»
ОБРАЩАЙТЕСЬ:**

Торговый Дом «Азбука»

Санкт-Петербург:
ул. Решетникова, 15

Почта: 196105, Россия, Санкт-Петербург, а/я 192
Тел.: (812) 327-04-56, факс: (812) 321-66-60
E-mail: office@azbooka.spb.ru

Москва:
Старопетровский проезд, д. 7а, стр. 19
Почта: 125130, Россия, Москва, а/я 91,
тел./факс (495) 627-57-28
info@azbooka-m.ru

*Информация о новинках и планах,
а также условия сотрудничества
на сайте*

www.azbooka.ru

ЖУРНАЛ

**КИНО • ИГРЫ
КНИГИ • АНИМЕ**

WWW.FFAN.RU

ПОДПИШИСЬ НА ЛУЧШИЙ В ЕВРОПЕ ЖУРНАЛ О ФАНТАСТИКЕ И

СЭКОНОМЬ ДО 30%
КАК ПОДПИСАТЬСЯ?

HTTP://MEGA-PRESS.RU/ITEM.3698.HTML

Варианты подписки	1 месяц	3 месяца	6 месяцев	12 месяцев
Курьерская доставка (Москва)	169 р.	507 р.	1 014 р.	2 027 р.
Почтовая доставка (Россия)	171 р.	512 р.	1 023 р.	2 046 р.
Почтовая доставка (зарубеж)	390 р.	1 168 р.	2 336 р.	4 672 р.

По всем вопросам, связанным с редакционной подпиской, звоните по телефону: 8(495) 967-9009

Как выжить после глобальной катастрофы? На земле, опаленной огнем ядерной войны, затонувшей, покрытой коркой льда? Как уцелеть самому, спасти своих родных и близких, поднять из пепла цивилизацию? Какие стратегии выживания применить? Об этом на страницах антологии «После Апокалипсиса» размышляют ведущие российские фантасты: Олег Дивов, Вячеслав Рыбаков, Кирилл Бенедиктов, Леонид Каганов и многие другие.

ISBN 978-5-395-00340-9

9 785395 003409

www.azbooka.ru